

арш 21-24 / 17 21
193

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПРИ СОДѢЙСТВІИ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ФИЛОСОФСКАГО ОБЩЕСТВА.

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ

и

ПСИХОЛОГІИ.

ЖУРНАЛЪ,

основанный проф. Н. Я. Гротомъ и А. А. Абрикосовымъ.

ГОДЪ XIV.

Подъ редакціей *кн. С. Н. Трубецкого и Л. М. Лопатина.*

Книга II (67).

МАРТЪ — АПРѢЛЬ 1903 г.

МОСКВА.

Типо-литографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и Ко.
Пименовская ул., соб. домъ.

1903.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Что даетъ современному сознанию философія Вл. Соловьева. С. Булгакова (Окончаніе)	125
Психологія и теорія познанія. Статья вторая. Г. Челпанова	167
Философія Ницше. VI—XI. Кн. Евгенія Трубецкого . .	190

Современное состояніе соціологіи. (Окончаніе). А. Гуревича	159
Идеальное познаніе. (Эмпириокритицизмъ и эмпириомонизмъ). А. Богданова	~~168~~ 171
Мечтательная ложь. Ив. Холчева	234
Болѣзнь Н. В. Гоголя. В. Ф. Чижевъ	262
Значеніе и судьбы новѣйшаго идеализма въ Россіи. (По поводу книги «Проблемы идеализма»). Н. Рожкова . .	314

Критика и библиографія.

I. Обзоръ книгъ.

„Проблемы идеализма“. Сборникъ статей. Подъ ред. П. И. Новгородцева. Изданіе Московскаго Психологическаго Общества. Москва, 1902. Ю. Айхенвальда	333
---	-----

Стр.

Religionsphilosophie. Von Dr. Harald Höffding. Aus dem dänischen Uebersetzt von F. Bendixen—Leipzig. 1901.	
И. Николинъ	356
II. Библиографическій листокъ.	
III. Обзоръ журналовъ.	
Revue Philosophique. 1902 г. №№ 9—12. Zeitschrift für Philosophie und Philosophische Kritik 1902 г. № 3.	
В. Волковичъ и З. Столица	363

Объявленія.

Что даетъ современному сознанию философія Вл. Соловьева ¹⁾).

Въ связи съ этимъ обсужденіемъ проблемы теодицеи намъ хочется подчеркнуть неотъемлемое свойство всякаго ученія, пытающагося найти смыслъ въ бессмысленности мірового зла и гармонію въ мировой дисгармоніи, это его эсхатологическій характеръ. Всякая теодицея переходитъ необходимо въ открытую или прикровенную эсхатологию, и въ этомъ сходятся всѣ философскія и религіозныя ученія, сколь бы различны по содержанію ни были ихъ эсхатологии. Для каждаго ясенъ, напримѣръ, эсхатологическій характеръ современнаго позитивнаго и атеистическаго ученія о прогрессѣ, мечтающаго о земномъ раѣ. Эсхатология не чужда даже философамъ пессимизма Гартману и Шопенгауэру, хотя идеаль ихъ не положительный, а отрицательный—покой небытія, Нирвана буддистовъ. Въ наше время господства разсудочнаго мышленія принято стыдиться откровенной эсхатологии, мысль о которой считается „ненаучной“; это не мѣшаетъ, однако, эсхатологии проникать въ самыя якобы научныя построенія, примѣръ чему мы имѣемъ въ упомянутой теоріи прогресса. Это служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что *эсхатологическая проблема неустранима изъ человѣческаго сознанія*, и поэтому лучше сознательно и откровенно сдѣлать ее предметомъ философскаго обсу-

---

1) № 66 «Вопр. Ф. и П.».

Вопросы философіи, кн. 67.

ждения, нежели трусливо замалчивать, чтобы затѣмъ ввести эсхатологическія ученія контрабандой и тайкомъ. Можно безъ всякихъ ограниченій выставить слѣдующее положеніе: подобно тому, какъ каждый сознательный человѣкъ имѣетъ свою философію (какова бы она ни была) и свою религію, такъ же точно *каждый человекъ имѣетъ и свою эсхатологию*, живетъ не настоящимъ только, а будущимъ и для будущаго, отъ котораго онъ ждетъ осуществленія своихъ лучшихъ надеждъ. Самое ужасное для человѣка потерять вѣру въ будущее.

Мы сказали уже, что въ эсхатологию гонить насъ проблема теодицеи, потребность найти въ этомъ лежащемъ во злѣ мірѣ, а слѣдовательно, — что для насъ здѣсь всего важнѣе, — въ нашей собственной жизни разумный смыслъ, оправдать добро, которому мы служимъ. Въ существующемъ мірѣ присутствіе зла является отрицаніемъ и оскорбленіемъ этого добра. Поэтому одно изъ двухъ: или добро есть субъективное порожденіе человѣческаго мозга и бессильно въ мірѣ, неспособно къ побѣдѣ надъ зломъ, къ изгнанію зла изъ міра, или же добро есть объективное и мощное начало, дающее начало и міру и человѣку и нѣкогда имѣющее уничтожить зло. Въ проблемѣ теодицеи противопоставляются всеблагой и всемогущій Богъ и дурной несовершенный міръ, и на выборъ каждаго отдѣльнаго человѣка предоставляется повѣрить въ Бога или добро, или же въ силу злого и немощнаго міра. Этой дилеммой не мучается, ея не чувствуетъ лишь тотъ, кто какъ нельзя болѣе доволенъ этимъ міромъ (хотя въ немъ есть одно для всѣхъ и особенно для довольныхъ людей неприятое обстоятельство, это смерть).

Эсхатологическое разрѣшеніе проблемы теодицеи заключается прежде всего ту мысль, что самъ въ себѣ міръ и зло въ немъ не можетъ быть оправдано, не можетъ найти себѣ права на существованіе предъ лицомъ всемогущаго Добра или Бога и даже предъ лицомъ человѣка, способнаго къ нравственному сужденію. Какой смыслъ можно приписать объективному злу и страданію, которое, какъ мы знаемъ,

по самому своему существу есть бессмыслица? или какое право на существованіе имѣть предъ лицомъ Добра нравственное зло, сверхъ-человѣчество Навухудноносора или предательство Іуды? Вѣдь поставить эти вопросы значитъ уже отвѣтить на нихъ отрицательно. Итакъ, мѣръ и зло въ немъ, если добро не есть лишь наше субъективное представленіе и потому иллюзія, не могутъ разсматриваться какъ самоцѣль, а лишь какъ средство, ведущее къ внѣ-міровой и сверх-міровой цѣли — осуществленію добра. Средство не имѣетъ самостоятельнаго значенія, а опредѣляется и оправдывается цѣлью. Мы знаемъ уже, что въ теодицеѣ Соловьева мѣръ есть скорбное средство къ цѣли сознательнаго и свободнаго соединенія съ Божествомъ; это сознательное и, такъ сказать, опосредствованное соединеніе возможно только для нравственно-свободныхъ существъ, имѣющихъ возможность выбора и реально испытавшихъ добро и зло; этимъ даются общія основанія мірового процесса, понятнаго для насъ въ своей идеѣ, но непонятнаго въ подробностяхъ своего осуществленія, изъ которыхъ и составляется наша индивидуальная жизнь.

Зло, въ которомъ лежитъ мѣръ, имѣетъ двоякій характеръ: зла субъективнаго, или нравственнаго (грѣха или порока), и зла объективнаго, или страданія (причиняемаго какъ враждебными стихіями міра, такъ и человѣческой глупостью и злобой). Нравственная эсхатологія необходимо включаетъ въ себя поэтому два вопроса: о побѣдѣ добра субъективнаго и объективнаго. Въ первомъ случаѣ дѣло идетъ, очевидно, о человѣческой совѣсти, какъ единственной аренѣ, гдѣ добро и зло встрѣчаются въ открытомъ и сознательномъ бою. Побѣда добра здѣсь можетъ выразиться въ субъективномъ его признаніи: положительнымъ образомъ—въ сознательномъ ему служеніи, или отрицательнымъ образомъ—въ мукахъ совѣсти въ случаѣ измѣны добру. Послѣдній путь есть путь нравственнаго возрожденія.

Реальной ареной для нравственнаго самоопредѣленія, гдѣ человѣкъ можетъ испытать себя въ добрѣ и злѣ, является

человѣческая жизнь. Естественная форма жизни, состоящей изъ чувствованій, есть удовольствіе и неудовольствіе, счастье и несчастье. Нравственная природа человѣка велить ему искать счастья только въ добрѣ, опредѣлять всю свою жизнь руководящею идеей добра. Между тѣмъ въ жизни людей на мѣсто добра и помимо его являются другіе источники счастья, въ этомъ и состоитъ реальная сила нравственнаго искушенія; человѣкъ можетъ находить удовольствіе и въ злѣ или оставаться равнодушнымъ къ добру, отдаваясь своей чувственности ¹⁾). Побѣда добра въ индивидуальномъ сознаніи значитъ такое состояніе сознанія, когда, свободное отъ оковъ чувственности, оно имѣетъ предъ собой только дилемму добра и зла въ ихъ чистомъ видѣ, при чемъ добро оказываетъ свое неотразимое дѣйствіе на душу чрезъ посредство совѣсти („слово Мое будетъ судить васъ въ послѣдній день“).

Итакъ, идея нравственнаго мздовоздаянія входитъ необходимою частью въ нравственную эсхатологію; добро было бы бессильно и призрачно, если бы оно не имѣло окончательнаго торжества въ человѣческой совѣсти ²⁾). Не даромъ Кантъ устанавливаетъ безсмертіе души въ качествѣ постулата нравственнаго сознанія или практическаго разума. Но здѣсь мы переходимъ къ эсхатологіи объективной.

Существованіе зла объективнаго въ формѣ незаслуженныхъ и бессмысленныхъ страданій требуетъ своего уничтоженія, если добро всесильно. Но какъ можетъ быть оно

¹⁾ Предыдущія разсужденія, конечно, не имѣютъ никакаго смысла для тѣхъ, кто, отрицая свободу человѣческой воли и нравственнаго самоопредѣленія, тѣмъ самымъ въ корнѣ подрываютъ нравственность и самому добру придаютъ значеніе иллюзіи, необходимаго звена въ причинной связи событій.

²⁾ Конечно, оцѣнка нравственнаго состоянія человѣка на основаніи его поступковъ есть крайне грубый и несовершенный масштабъ, потому что при этомъ остается закрытой главная и единственная арена борьбы добра и зла—человѣческая совѣсть. Вообще опредѣлить, что въ каждой индивидуальной жизни принадлежитъ внѣшнимъ, отъ воли не зависящимъ обстоятельствамъ, и что—свободной нравственно самоопредѣляющейся волѣ, подвести, другими словами, балансъ добра и зла въ каждой индивидуальной жизни—есть задача для эмпирическаго сознанія совершенно неразрѣшимая.

уничтожено? Если человѣкъ боленъ, то есть два способа уничтоженія болѣзни: первый—выздоровленіе, а второй—смерть; если болить зубъ, то его можно вылѣчить также двумя средствами: устранить причину боли или вырвать. Который изъ этихъ способовъ можетъ считаться побѣдой надъ болѣзною? Въ жизни міра, существующаго во времени и пространствѣ, практикуется обычно второй способъ разрѣшенія проблемы зла и страданія: уничтожаются не они, а ихъ объекты, люди, созданія природы и т. д., и постоянное обновленіе жизни—есть постоянное обновленіе зла. Это ли есть побѣда и всесиліе добра? Очевидно, логическій выводъ изъ признанія всесилія добра есть возстановленіе въ состояніи добра всего, что существуетъ въ мірѣ въ состояніи зла, а не всеобщее уничтоженіе, составляющее законъ натурального міропорядка.

Необходимость такого вывода можно пояснить анализомъ позитивной эсхатологіи или теоріи прогресса. Позитивисты не могутъ искоренить изъ себя вѣры въ сущее, объективное добро, которое отрицаетъ ихъ философія, они не могутъ признать міра, какъ онъ есть. Поэтому ими принимается основанная будто бы на наукѣ, на самомъ же дѣлѣ, конечно, коренящаяся въ вѣрѣ эсхатологія, согласно которой въ историческомъ развитіи человѣчества зло будетъ побѣждаться добромъ. Примемъ эту эсхатологію цѣликомъ, даже въ той самой крайней формулировкѣ, согласно которой зло будетъ со временемъ окончательно изгнано изъ міра, и, начиная съ нѣкотораго момента историческаго развитія, мы будемъ имѣть поколѣніе людей добрыхъ, счастливыхъ, мудрыхъ, человѣкобоговъ или сверхчеловѣковъ. (Въ позитивной эсхатологіи обыкновенно стыдливо умалчивается о томъ, имѣетъ ли человѣческая исторія конецъ или безконечна, какъ ни чуждо и ни противорѣчиво понятіе безконечности для позитивнаго философа.) Въ состояніи ли такая эсхатологія удовлетворитъ запросы нравственнаго сознанія, которое вѣритъ въ объективное и потому всепобѣждающее добро? Конечно, нѣтъ, ибо развѣ

выкупаются страданія и всѣ неправды раннихъ періодовъ исторіи правдой и счастьемъ позднѣйшихъ? Вѣдь даже одно представленіе о такой мѣнѣ или цѣнѣ прогресса не коробить ли нравственнаго чувства и не свидѣтельствуетъ ли не о всепобѣждающей силѣ добра, а объ его безсиліи? Намъ хотять увѣрить, что часть равна цѣлому, что смыслъ всего историческаго развитія опредѣляется жизнью нѣсколькихъ послѣднихъ поколѣній. *Все* можетъ имѣть цѣлью только *все*; торжество добра *во всемъ* требуетъ поэтому возстановленія его *во всемъ* и для этого *возстановленія всего*. Очевидно, позитивная эсхатологія еще менѣе способна разрѣшить проблему зла индивидуальнаго: тѣ люди, которые всю жизнь служили злу безнаказанно и пользовались внѣшнимъ благополучіемъ, никогда не сознаютъ всемогущей силы добра въ просвѣтленной человѣческой совѣсти,—они умерли не только физически, но и для добра. И рядомъ съ этимъ возрѣніемъ современный индивидуализмъ доказываетъ абсолютную цѣнность человѣческой личности, послѣдняя раздувается въ своемъ безграничномъ себялюбіи въ сверхъ-человѣка, микрокосмъ хочетъ наполнить собой макрокосмъ. Какая непослѣдовательность мысли! У представителей позитивнаго міровозрѣнія хватаетъ вѣры, чтобы создать представленіе о будущемъ человѣчествѣ (ибо, снова повторяемъ, оно держится *вѣрой*), и только наивное невѣдѣніе можетъ считать, что оно основывается на „наукѣ“), допустить частичную побѣду добра, но придать добру атрибутъ всемогущества, безъ котораго оно перестаетъ быть добромъ, это считается „ненаучнымъ“ суевѣріемъ.

Итакъ, эсхатологія есть необходимый выводъ изъ анализа самаго понятія добра: или добро есть иллюзія, субъективное наше порожденіе, тогда служеніе ему или вообще нравственная жизнь лишена всякаго смысла, или оно *есть* и потому всесильно, и въ такомъ случаѣ вступаетъ въ свои права эсхатологія. Обѣ основныя идеи философской эсхатологіи,—нравственнаго суда и возстановленія всего, составляютъ содержаніе и христіанской эсхатологіи, которую

теперь даже богословская наука (въ протестантизмѣ) считаетъ подлежащей устраненію, какъ инородный придатокъ къ чистому этическому ученію, не замѣчая, что это есть лишь необходимый выводъ изъ этого ученія ¹⁾. Что касается Соловьева, то онъ всегда стоялъ на почвѣ положительнаго эсхатологическаго ученія христіанства и съ этой стороны подвергался особенно упорному непониманію. Въ послѣдній разъ эти идеи были выражены имъ въ „Трехъ разговорахъ“, въ полемикѣ съ этическимъ рационализмомъ графа Л. Н. Толстого ²⁾. Но возвратимся къ прерванному изложенію метафизики Соловьева.

Божественное начало вызываетъ въ космическомъ хаосѣ единство, сначала въ самой внѣшней формѣ закона тяготѣнія, единство механическое, далѣе болѣе тѣсное единство динамическое и, наконецъ, единство органическое. Здѣсь Соловьевъ идетъ объ руку съ современнымъ естествознаніемъ, до теории Дарвина включительно. Извѣстно, что Соловьевъ былъ горячимъ приверженцемъ естественно-науч-

---

1) При склонности современной нѣмецкой мысли къ сублимированію, нерѣдко схоластическому, этическимъ и особенно религіознымъ понятіямъ, насколько не удивительно встрѣтить, напр., у Вундта такую мысль, будто идея личнаго безсмертія (котораго вообще Вундтъ не отрицаетъ) диктуется эгоистическимъ гедонизмомъ. См. его неясныя и сбивчивыя разсужденія по этому предмету въ „Системѣ философіи“, переводъ А. М. Водена. Спб. 1902, стр. 413—20.

2) Приводимъ въ примѣчаніи подлинное мѣсто: „Зло дѣйствительно существуетъ, и оно выражается не въ одномъ отсутствіи добра, а въ положительномъ соотношеніи и перевѣсѣ низшихъ качествъ надъ высшими во всѣхъ областяхъ бытія. Есть зло индивидуальное,—оно выражается въ томъ, что низшая сторона человѣка, скотскія и звѣрскія страсти, противится лучшимъ стремленіямъ души и осиливаютъ ихъ въ огромномъ большинствѣ людей. Есть зло общественное: оно въ томъ, что людская толпа, индивидуально уже поработанная злу, противится спасительнымъ усиліямъ немногихъ лучшихъ людей и одолеваетъ ихъ; есть, наконецъ, зло физическое въ человѣкѣ,—въ томъ, что низшіе матеріальные элементы его тѣла сопротивляются живой и свѣтлой силѣ, связывающей ихъ въ прекрасную форму организаціи, сопротивляются и расторгаютъ эту форму, уничтожая реальную подкладку всего высшаго. Это есть крайнее зло, называемое смертію. И если бы побѣду этого крайняго, физическаго зла нужно было признать какъ окончательную и безусловную, то никакія мнимыя побѣды добра въ области лич-

наго эволюціонизма¹⁾. Отличіе его какъ философа отъ естествоиспытателей состоитъ въ томъ, что естествознаніе давало для него отвѣтъ на проблемы не естественнонаучныя, а натурфилософскія. Не было болѣе скомпрометированнаго въ исторіи философіи ученія нежели натурфилософія (что однако не мѣшаетъ ей послѣднее время снова подымать свою голову), и тѣмъ не менѣе натурфилософская проблема необходимо входитъ въ метафизику и отвѣчаетъ одному изъ основныхъ стремленій нашего духа—опредѣлить свое отношеніе къ природѣ. Собственно здѣсь два вопроса: чѣмъ является по отношенію къ намъ природа по своему существованію и въ своемъ развитіи или процессѣ?

Отвѣтъ на первый вопросъ данъ былъ уже выше общимъ ученіемъ спиритуализма. Согласно этому воззрѣнію, между

но нравственной и общественной, нельзя было бы считать серьезными успѣхами. Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ, что человекъ добра, скажемъ Сократъ, восторжествовалъ не только надъ своими внутренними врагами—дурными страстями, но что ему еще удалось убѣдить и исправить общественныхъ своихъ враговъ, преобразовать эллинскую политію,—какая польза въ этой эфемерной и поверхностной побѣдѣ надъ зломъ, если оно торжествуетъ окончательно въ самомъ глубокомъ слоѣ бытія надъ самыми основами жизни? Вѣдь и исправителю, и исправленнымъ одинъ конецъ—смерть. По какой логикѣ можно было бы цѣнить нравственныя побѣды Сократова добра надъ нравственными микробами дурныхъ страстей въ его груди и надъ общественными микробами афинскихъ площадей, если бы настоящими—то побѣдителями оказались еще худшіе, низшіе, грубѣйшіе микробы физическаго раложенія... Наша опора одна: дѣйствительное воскресеніе. Мы знаемъ, что борьба добра со зломъ ведется не въ душѣ только и въ обществѣ, а глубже: въ мірѣ физическомъ. И здѣсь мы уже знаемъ въ прошедшемъ одну побѣду добраго начала жизни въ личномъ воскресеніи. Одного и ждемъ будущихъ побѣдъ въ собирательномъ воскресеніи всѣхъ. Тутъ и зло подучаетъ свой смыслъ, или окончательное объясненіе своего бытія, въ томъ, что оно служитъ все къ большому и большому торжеству, реализаціи и усиленію добра... Царство Божіе есть царство торжествующей чрезъ воскресеніе жизни, — въ ней же дѣйствительное, осуществляемое, окончательное добро. Въ этомъ вся сила и все дѣло Христа». Ср. глубокія и интересныя мысли у В. Несмѣлова. Наука о человекѣ. Томъ второй. Метафизика жизни и христіанское откровеніе. Казань. 1903.

¹⁾ Соловьевъ признавалъ поэтому за Гегелемъ «огромную заслугу рѣшительнаго установленія въ наукѣ и общемъ сознаніи истинныхъ и плодотворныхъ понятій *процесса, развитія*». (Гегель. Соч. проф. Кэрда. Приложение Соловьева, стр. 300).

нами и природой качественного различія нѣтъ, существуютъ только градаціи. Природа, не есть мертвый міръ вещества, а живой міръ духовныхъ субстанцій, дѣйствительно, „инобытіе духа“, какъ это и было принято нѣмецкимъ идеализмомъ. Если мы чувствуемъ себя чуждыми природѣ и ея языку, понятному однако поэтамъ и всѣмъ поэтически настроеннымъ душамъ, то это имѣетъ причиной не внутреннюю ея намъ чуждость, а общее состояніе нашего міра.

Съ точки зрѣнія натурфилософіи и эволюціонная доктрина современного естествознанія получаетъ особый смыслъ: человѣкъ является не только по происхожденію и по сложности организациі самымъ послѣднимъ продуктомъ природнаго міра, но и по существу онъ есть цѣль этого развитія, его послѣднее слово въ порядкѣ не только генетическомъ, но и метафизическомъ. Съ появленіемъ человѣка кончается такъ называемая естественная исторія и открывается исторія человѣческая: природа начинаетъ служить человѣку и человѣкъ—ее покорять. Идея натурфилософіи неразрывно связана съ именемъ Шеллинга, который прорвалъ въ ней, наконецъ, душную ограду фиктевскаго солипсизма и открылъ міръ природы. Но тотъ же Шеллингъ, особенно его ученики безнадежно скомпрометировали идею натурфилософіи тѣмъ, что стремились не естествознаніе претворить въ философію, а философіей замѣнить естествознаніе. Они сдѣлали попытку (какъ и Гегель) лишить естествознаніе того неопредѣленно широкаго эмпирическаго базиса, который оно должно имѣть, а замѣнить его апріорными схемами, не замедлившими придти въ столкновеніе съ фактами и тѣмъ надолго скомпрометировавшими натурфилософію. Философія должна идти дальше строгаго естествознанія, ставя вопросы ему чуждые и вводя его итоги органической частью въ болѣе широкій синтезъ. Но она никогда не можетъ претендовать на права опытной науки. Въ метафизикѣ Соловьева мы имѣемъ примѣръ такого нормальнаго союза философіи съ естествознаніемъ.

Съ появленіемъ человѣка начинается новый процессъ раз-

витія внутренняго всеединства, которое является теперь не какъ внѣшняя только граница, а въ формѣ *сознанія* и свободной дѣятельности. „Въ человѣкѣ міровая душа впервые внутренно соединяется съ божественнымъ Логосомъ въ сознаніи какъ чистой формѣ всеединства. Будучи реально только однимъ изъ множества существъ въ природѣ, человѣкъ въ сознаніи своемъ имѣя способность постигать разумъ или внутреннюю связь (*Логосъ*) всего существующаго, является въ идеѣ какъ *все* и въ этомъ смыслѣ есть второе всеединое, образъ и подобіе Божіе. Въ человѣкѣ природа перерастаетъ саму себя и переходитъ (въ сознаніи) въ область бытія абсолютнаго“ ¹⁾. Человѣкъ есть второе абсолютное или „становящееся абсолютное“. Лишь одинъ человѣкъ, не ограничивается однимъ матеріальнымъ началомъ, но „имѣя въ себѣ, во-первыхъ, стихіи матеріальнаго бытія, связывающія его съ міромъ природнымъ, имѣя, во-вторыхъ, идеальное сознаніе всеединства, связывающее его съ Богомъ, человѣкъ, въ-третьихъ, не ограничиваясь исключительно ни тѣмъ ни другимъ, является какъ свободное „я“, могущее такъ или иначе опредѣлять себя по отношенію къ двумъ сторонамъ своего существа, могущее склониться къ той или другой сторонѣ, утвердить себя въ той или другой сферѣ. Если въ своемъ идеальномъ сознаніи человѣкъ имѣетъ *образъ* Божій, то его безусловная свобода отъ идеи также какъ и отъ факта, эта формальная безпредѣльность человѣческаго „я“ представляетъ въ немъ *подобіе* Божіе. Человѣкъ не только имѣетъ ту же внутреннюю сущность жизни—всеединство, которое имѣетъ и Богъ, но онъ свободенъ восхотѣть имѣть ее какъ Богъ, т.-е. можетъ отъ себя восхотѣть быть какъ Богъ“ ²⁾. Утверждая себя внѣ Бога, человѣкъ отпадаетъ или отдѣляется отъ Него, какъ и міровая душа, и, подобно послѣдней, онъ утрачиваетъ свое центральное положеніе. Онъ находитъ себя въ отчужденіи отъ

1) Чт. о богочел., III, 138.

2) Ibid., 139.

природы и теряет внутреннее единство въ своемъ сознаниі. Сознание остается пустой формой, ищущей своего содержанія. Постепенное наполненіе этой абсолютной формы абсолютнымъ содержаніемъ или одухотвореніе человѣка чрезъ внутреннее усвоеніе имъ божественнаго начала и составляетъ собственно историческій процессъ. Онъ представляетъ переходъ отъ звѣрчеловѣчества къ богочеловѣчеству. Божественное начало открывается человѣку, то какъ подавляющее злую волю, то какъ просвѣщающее, то какъ, наконецъ, перерождающее. Послѣднее возможно лишь въ формѣ индивидуальной, какъ единственной формѣ, въ которой существуетъ природное человѣчество. Перерожденіе можетъ состоять только въ полномъ взаимномъ проникновеніи божескаго и человѣческаго начала. И, дѣйствительно, божественный Логосъ рождается какъ индивидуальный человѣкъ (Христосъ), удерживая въ себѣ какъ божескую, такъ и человѣческую природу. Но то, что случилось однажды въ абсолютномъ индивидуумѣ, это должно совершиться и въ человѣчествѣ, предъ которымъ открывается задача достиженія въ исторической жизни положительнаго всеединства въ сознаниі, взаимныхъ отношеніяхъ и въ жизни. Идеи философіи исторіи еле намѣчены у Соловьева, почему и мы ограничиваемся этой краткой схемой. Въ этомъ пунктѣ философія въ собственномъ смыслѣ кончается, и начинается уже безспорная область богословія, выходящая за предѣлы настоящаго очерка, (точно такъ же какъ и эстетика Соловьева и этика) ¹⁾:

1) Этика представляетъ—да и по существу дѣла не можетъ не представлять—наименѣе оригинальную часть ученія Соловьева: въ формальномъ ея развитіи онъ слѣдуетъ Канту, со стороны содержанія ученію религіи. Трактатъ «Оправданіе добра» является прекрасной книгой для чтенія, за нимъ переживаешь какъ бы личное общеніе съ высокой и оригинальной личностью философа. Въ ней есть главы и страницы блестящія и глубококомысленныя (рядомъ, впрочемъ, съ совершенно слабыми по специальнымъ вопросамъ, напр., экономическому). Но въ цѣломъ это произведеніе прибавляетъ очень мало къ чисто философскому творчеству Соловьева. Я держусь того же мнѣнія и о трехъ гносеологическихъ его статьяхъ («Первое начало теоретической философіи», «Достоверность разума» и «Форма разумности и разумъ

Намѣтивъ общія основанія философской системы Соловьева, поставимъ свой прежній вопросъ: что же даетъ она современному сознанию? Она даетъ стройный и гармоничный синтезъ современной мысли и знанія, цѣльное міросозерцаніе, въ которомъ приняты во вниманіе и согласованы и запросы критической философіи, и метафизическаго творчества, и естествознанія. Нѣтъ ни одной значительной философской и научной идеи XIX вѣка, которая не отразилась бы такъ или иначе въ этомъ построеніи, не была бы въ немъ усчитана. Въ этомъ смыслѣ система Соловьева является послѣднимъ словомъ мірового философскаго развитія.

Но есть еще одна черта, дѣлающая ея значеніе совершенно исключительнымъ для современнаго атеистическаго общества, это ея отношеніе къ христіанской религіи. Мы видимъ, что философія Соловьева органически сливается съ христіанскимъ вѣроученіемъ, является какъ бы критическимъ введеніемъ въ богословіе, осуществляя на дѣлѣ идеаль свободной теософіи. Эту неразрывную связь самъ Соловьевъ считалъ наиболѣе существенной особенностью своего міросозерцанія, такъ что однажды прямо заявилъ, что своего ученія не имѣеть и считаетъ себя вѣрнымъ сторонникомъ христіанскаго ученія. Можно вообще различно понимать отношеніе философіи и религіи: считать ихъ совершенно независимыми, безотносительными областями, слѣдовательно, совершенно отдѣлять философію отъ религіи или же видѣть въ философіи лишь свободное изслѣдованіе содержанія религіознаго сознанія, свободную теософію; съ этой точки зрѣнія всякая философія необходимо

истины»), гдѣ онъ отказывается отъ нѣкоторыхъ старыхъ гносеологическихъ мнѣній; возраженія его небудительны и нашли уже отчасти сильную, хотя и дружескую критику въ статьѣ проф. Лопатина «Вопросъ о реальномъ единствѣ сознанія» (Вопросы философіи и психологіи, 1899, V). Вообще періодъ наиболѣе напряженнаго и продуктивнаго философскаго творчества Соловьева приходится на возрастъ до 30 лѣтъ (въ этомъ онъ сближается съ Шеллингомъ и отчасти Шопенгауеромъ). Далѣе онъ бросаетъ кабинетъ философа и выходитъ на арену публицистическаго борца. Смерть застала его въ началѣ обратнаго возвращенія къ философіи.

обосновываетъ свое богословіе¹⁾. Это составляетъ, по нашему мнѣнію, ея главную задачу, ея жизненный нервъ, между тѣмъ какъ въ первомъ случаѣ философія или нервъ-шительно останавливается на полдорогѣ или же превращается въ *jeu d'esprit*, не имѣющую серьезнаго значенія. Тѣ или иные выводы религіознаго характера, вообще опредѣленное отношеніе къ религіи не является поэтому чѣмъ-то случайнымъ для философіи, дѣломъ для нея постороннимъ,—такое мнѣніе есть пустой и вредный предрассудокъ, имѣющій основаніе лишь въ индифферентизмѣ,—а дѣломъ необходимымъ, жизненнымъ и важнымъ. Связь эта очевидна даже въ тѣхъ случаяхъ, когда философія даетъ основанія для атеизма, представляющаго собою опредѣленное, хотя и отрицательное вѣроисповѣданіе; тѣмъ въ большей степени она должна существовать относительно положительныхъ религіозныхъ и философскихъ ученій. Перемѣна философскаго міросозерцанія необходимо сопровождается перемѣной и религіознаго²⁾.

Поэтому связь философіи съ религіей у Соловьева не есть недоразумѣніе или слабость философа, отдавшаго философію на службу богословію, а есть, напротивъ, признакъ ея законченности, внутренней зрѣлости, серьезности ея замысла. „Проклятъ всякъ творяй дѣло Господне съ небреженіемъ“, любилъ повторять Соловьевъ, и развѣ не

1) Это вѣрно и относительно философіи атеизма, позитивизма, потому что и здѣсь обосновывается своеобразное богословіе или религіозное ученіе,—о человечествѣ и его грядущихъ судьбахъ. Мнѣ приходилось уже указывать, что современная теорія прогресса есть богословіе атеизма.

2) На это, быть можетъ, стануть возражать, что религія есть дѣло сердца и что мы хотимъ ее рационализировать. Не отрицая того, что религіозная жизнь есть по преимуществу дѣло сердца, мы укажемъ, что неустранимымъ элементомъ въ нее входитъ и извѣстное ученіе, и сознательное отношеніе къ нему необходимо предполагаетъ извѣстный рационализмъ, т.-е. философію; и чѣмъ шире это чисто философское сознаніе, тѣмъ богаче и религіозное міропониманіе. Современный теологическій агностицизмъ, стремясь совсѣмъ устранить философію или всякое вообще ученіе изъ религіи, на самомъ дѣлѣ этимъ самымъ предлагаетъ извѣстное философское и богословское ученіе, хотя и очень плохое. Что касается тѣхъ, кто отрицаетъ права разума въ религіи просто изъ обскурантизма, о нихъ говорить здѣсь не приходится.

явилось бы чудовищнымъ небреженіемъ со стороны философа не опредѣлить своего отношенія къ религіи, не довести свою систему до опредѣленныхъ религіозныхъ выводовъ! Съ нашей точки зрѣнія въ этой связи заключается главное достоинство и общественное значеніе философіи Соловьева. Проповѣдь истиннаго христіанства должна совершаться не только въ формѣ мощнаго этического призыва и личнаго примѣра, но и во всеоружіи философіи и науки, и эту задачу блистательно выполнялъ своей философской дѣятельностью Соловьевъ ¹⁾.

Если истины христіанства составляютъ все содержаніе теоретической философіи Соловьева, то онѣ же являются движущимъ началомъ и его публицистической дѣятельности. Онъ старался освѣщать ими всѣ вопросы общественной жизни, и если при этомъ можно встрѣтить иногда отдѣльныя ошибки частнаго свойства, то никогда вы не встрѣтите не только измѣны этимъ принципамъ, но даже какой бы то ни было теоретической сдѣлки съ враждебной дѣятельностью или уступки ей. Не можетъ быть публициста болѣе кристальной чести и строгой принципиальности нежели Соловьевъ, и, если принять во вниманіе, что эти руководящія принципы являются у него послѣднимъ выводомъ теоретической философіи, то нужно еще къ сказанному прибавить, что міросозерцаніе Соловьева—независимо отъ своей правильности или неправильности—отличается замѣчательной цѣльностью, при чемъ эта цѣльность является результатомъ не насильственной простоты его, а внутренней полноты, основанной на побѣдоносной „критикѣ отвлеченныхъ началъ“ и ихъ сознательномъ синтезѣ.

¹⁾ «Оправдать вѣру нашихъ отцовъ, возведя ее на новую ступень разумнаго сознанія; показать, какъ эта древняя вѣра, освобожденная отъ оковъ мѣстнаго обособленія и народнаго самолюбія, совпадаетъ съ вѣчной и вселенской истиной,—вотъ общая задача моего труда», говоритъ Соловьевъ въ предисловіи къ «Исторіи и будущности теократіи». (Собр. соч., IV, 214). И такова, безъ сомнѣнія, была задача всей его жизни.

Соловьевъ вѣрно и высоко несъ свое знамя, хотя это требовало истиннаго героизма, и отважный крестносець не находилъ себѣ полнаго сочувствія и пониманія ни въ одномъ изъ двухъ становъ, на которые исторія расколола русскую жизнь. Трагическій ореоль вынужденнаго одиночества, неизбѣжный удѣлъ всякаго человѣка, опережающаго свое время, озаряетъ эту рано посѣдѣвшую голову.

Соловьеву всю жизнь пришлось вести борьбу на два фронта: обличать противухристіанство тѣхъ, которые имѣютъ имя Христа на устахъ и распинаютъ Его своей жизнью, и тѣхъ, которые Ему служатъ дѣломъ, но мыслью Его отрицаются ¹⁾. Это основное недоразумѣніе русской жизни можетъ быть вполнѣ устранено только великими историческими событіями, которыя радикально измѣнятъ условія не только религіозной, но и общественной жизни народа, но ранѣе оно должно быть сознано какъ таковое. Это-то пониманіе, являющееся вмѣстѣ съ тѣмъ идеальнымъ предвареніемъ будущаго, съ наибольшей ясностью мы находимъ у Соловьева.

Въ станъ нашихъ „охранителей“, гдѣ чаще всего приѣмлется всеу имя Христа, пошелъ Соловьевъ, чтобы сказать тамъ, къ чему дѣйствительно обязываетъ ихъ словесная вѣра въ Него. Первое и самое важное изъ сказаннаго имъ здѣсь сводится къ тому, что христіанство, если оно есть дѣйствительно вселенская истина, должно быть осуще-

---

1) «Недостаткомъ сознательности въ русскомъ обществѣ объясняются еще особыя странности въ нашей новѣйшей исторіи. Съ одной стороны, люди, требовавшіе нравственнаго перерожденія и самоотверженныхъ подвиговъ на благо народное, связывали эти требованія съ такими ученіями, которыми упраздняется самое понятіе о нравственности: «ничего не существуетъ, кромѣ вещества и силы, человѣкъ есть только разновидность обезьяны, а потому мы должны думать только о благѣ народа и полагать душу свою за меньшихъ братьевъ». Съ другой стороны, люди, исповѣдовавшіе и даже съ особымъ усердіемъ христіанскія начала, вмѣстѣ съ тѣмъ проповѣдовали самую дикую антихристіанскую политику насилія и истребленія. Первое противорѣчіе принадлежитъ прошедшему. Второе, болѣе глубокое и пагубное, еще тяготѣетъ надъ нами. Пора, наконецъ, освободиться отъ этого историческаго яда, поражающаго самыя источники нашей жизни». (Собр. соч. т. V, стр. 529).

ствляемо въ собирательной жизни человѣчества и давать высшій критерій при оцѣнкѣ всѣхъ явленій и запросовъ текущей жизни. Словомъ, обязательна *христіанская политика*. Главный грѣхъ Византіи, какъ это неоднократно указываетъ Соловьевъ ¹⁾, состоитъ въ томъ, что она знала только домашнее и храмовое христіанство, оставляя всю область общественной и государственной жизни низшимъ, темнымъ стихіямъ человѣческой природы. Современная жизнь представляетъ собою нѣчто подобное, и устраненіе такого ненормальнаго состоянія должно составить обязанность каждаго христіанина. „Если русскій національный идеалъ дѣйствительно христіанскій, то онъ тѣмъ самымъ долженъ быть идеаломъ общественной правды и прогресса, т.-е. практическаго осуществленія христіанства въ мірѣ. Идеалъ, не требующій такого осуществленія, не налагающій никакихъ общественныхъ обязанностей, сводится къ пустымъ и фальшивымъ словамъ. Нельзя поклоняться христіанской истинѣ и при этомъ мириться съ антихристіанскою дѣйствительностью, какъ съ чѣмъ-то навѣки неизмѣннымъ и неотвратимымъ. Истинный христіанскій идеалъ русскаго народа есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, широкая практическая задача, обнимающая всѣ общественныя отношенія, внутреннія и внѣшнія“ ²⁾. Попытки представить христіанство какъ ученіе только личнаго душеспасительства, оправдывающее общественный индифферентизмъ и отрицающее обязательность заботъ о судьбѣ великаго цѣлаго—народности и человѣчества, Соловьевъ справедливо называетъ *поддѣлками* христіанства и въ статьѣ „О поддѣлкахъ“, представляющей собою какъ бы общественное его сгедо, мы находимъ слѣдующія, глубоко справедливыя сужденія. „Царствіе Божіе, совершенное въ вѣчной божественной идеѣ („на небесахъ“), потенциально присущее нашей природѣ, необходимо есть вмѣстѣ съ тѣмъ *совершаемое* для насъ и чрезъ насъ. Съ этой стороны оно

1) См. *La Russie et l'Église universelle*, часть первая. Собр. соч., т. IV, стр. 40—41 и сл., т. V, стр. 514—15 и сл.

2) Собр. соч., т. V, стр. 386.

есть наше *дѣло*, *задача* нашей дѣятельности. Это дѣло и эта задача не могутъ ограничиваться разрозненнымъ индивидуальнымъ существованіемъ отдѣльныхъ лицъ. Человѣкъ—существо социальное, и высшее дѣло его жизни, окончательная цѣль его усилій лежитъ не въ его личной судьбѣ, а въ социальныхъ судьбахъ всего человѣчества. Какъ общая внутренняя потенція царствія Божія для своей реализаціи необходимо должна перейти въ индивидуальный нравственный подвигъ, такъ и этотъ послѣдній для полноты своей неизбѣжно входитъ въ социальное движеніе всего человѣчества, примыкаетъ такъ или иначе въ данный моментъ и при данныхъ условіяхъ къ общему богочеловѣческому процессу всемірной исторіи. Если царствіе Божіе есть сочетаніе благодати Божіей съ человѣкомъ, то, конечно, не съ человѣкомъ, обособляющемся въ своемъ эгоизмѣ, а съ человѣкомъ, какъ живымъ членомъ всемірнаго цѣлаго¹⁾. Для сторонниковъ индивидуалистическаго христіанства является предметомъ величайшаго соблазна ученіе о прогрессѣ, столь популярное, напротивъ, въ станѣ „погибающихъ за великое дѣло любви“, при чемъ эти послѣдніе изошряютъ свои силы въ разрѣшеніи неразрѣшимой задачи: дать прочное логическое обоснованіе этому, по существу дѣла, религиозному ученію, въ предѣлахъ „науки“ развить ученіе о царствіи Божіемъ безъ Бога. Противъ тѣхъ и другихъ, съ той широтой мысли, которая дается только пониманіемъ справедливости и вмѣстѣ односторонности обоихъ точекъ зрѣнія, обоихъ „отвлеченныхъ началъ“, Соловьевъ развиваетъ слѣдующее воззрѣніе. „Изъ того, что многіе эволюционисты придерживаются односторонне-механическаго понятія объ эволюціи, исключаящаго дѣйствіе Высшей силы и всякую телеологию, изъ того, что многіе проповѣдники историческаго прогресса понимаютъ подъ нимъ безпредѣльное самоусовершенствованіе человѣка безъ Бога и противъ Бога,—изъ этого по-

1) «Вопросы философіи и психологіи», 1891, кн. 8, стр. 154—5.

спѣшно выводятъ явно вздорное заключеніе, что самыя идеи развитія и прогресса имѣютъ какой-то атеистическій и антихристіанскій характеръ. Между тѣмъ не только это не такъ, но, напротивъ, эти идеи суть специфически-христіанскія (или точнѣе еврейско-христіанскія), онѣ внесены въ сознаніе людей только пророками Израиля и проповѣдниками Евангелія¹⁾. „Только христіанская (или что то же мессіанская) идея царствія Божія, послѣдовательно открывающагося въ жизни человѣчества, даетъ смыслъ исторіи и опредѣляетъ истинное понятіе прогресса. Христіанство даетъ человѣчеству не только идеаль абсолютнаго совершенства, но и путь къ достиженію этого идеала, слѣдовательно, оно по существу прогрессивно“... „По праву носящія имя христіанъ должны заботиться не о сохраненіи или укрѣпленіи *во что бы то ни стало* данныхъ соціальныхъ группъ и формъ въ мірскомъ человѣчествѣ, а напротивъ объ ихъ перерожденіи и преобразованіи въ христіанскомъ духѣ (насколько онѣ къ тому способны),—объ истинномъ введеніи ихъ въ сферу царствія Божія. Итакъ, идея царствія Божія необходимо приводитъ насъ (разумѣю всякаго сознательнаго и искренняго христіанина) къ обязанности дѣйствовать—въ предѣлахъ своего призванія—для реализаціи христіанскихъ началъ въ собирательной жизни человѣчества, для преобразованія въ духѣ высшей правды всѣхъ нашихъ общественныхъ формъ и отношеній, то-есть приводитъ насъ къ *христіанской политикѣ*“²⁾.

¹⁾ Ibid. 159.

²⁾ Ibid. 161. Этому воззрѣнію Соловьевъ оставался вѣренъ до конца жизни и ему не противорѣчатъ идеи „Повѣсти объ антихристѣ“, гдѣ поставлена проблема о концѣ всемірной исторіи, столь чуждая современному сознанію, хотя и представляющая необходимый элементъ философскаго и религіознаго міросозерцанія. Я не буду здѣсь останавливаться на этой проблемѣ; очевидно, однако, что ученіе о прогрессѣ и обязательности стремленій къ нему совершенно совмѣстимо съ мнѣніемъ о конечности, относительности и вообще ограниченности этого прогресса; то же самое представляетъ собой индивидуальная жизнь, которая хотя кончается смертью, но даетъ мѣсто индивидуальному развитію и опредѣляемымъ имъ требованіямъ, какъ по отно-

Ранѣе всѣхъ другихъ, конечно, должны быть осуществлены тѣ требованія христіанской политики, которыя касаются самой христіанской религіи, т.-е. требованія свободы совѣсти и вѣротерпимости. Эти вопросы занимаютъ первое мѣсто въ публицистикѣ Соловьева, который продолжаетъ этимъ дѣло славянофиловъ, начиная съ Хомякова и кончая Ив. С. Аксаковымъ. „Вѣротерпимость или религіозную свободу я считаю такую же важную и насущную потребностью для современной русской жизни, какою сорокъ лѣтъ тому назадъ была потребность въ освобожденіи крестьянъ“ ¹⁾. Съ обычнымъ остроуміемъ онъ сравнивалъ эту сторону своей публицистической дѣятельности съ добровольнымъ „послушаніемъ“, налагаемымъ въ монастыряхъ и состоящимъ въ томъ, чтобы „выметать тотъ печатный ооръ и мусоръ, которымъ наши лжеправославные лжепатріоты стараются завалить въ общественномъ сознаніи великій и насущный вопросъ религіозной свободы“ ²⁾. Казенщина, внѣдрившаяся въ церковную жизнь, вотъ то главное зло, съ которымъ боролся Соловьевъ. Вотъ какъ въ письмѣ къ Рачинскому онъ объяснялъ несомнѣнное духовное безсиліе церкви, вооруженной всѣми средствами могущества земного: „Духовной самодѣятельности за собственной нравственной отвѣтственностью не допускается. Религіозная и церковная истина вся сполна находится на сохраненіи въ крѣпкомъ казенномъ сундукѣ за казенными печатями и подъ стражей надежныхъ часовыхъ. Безопасность полная, но живого интереса никакого. Гдѣ-то далеко происходитъ религіозная борьба, но насъ это

шенію къ самому себѣ, такъ и къ окружающей обстановкѣ. Что касается общаго пессимизма Соловьева послѣдніе годы и его мрачныхъ предчувствій, то, вообще говоря, это можно считать его субъективными мнѣніями, которыя, имѣя опору только въ настроеніяхъ, представляютъ огромный біографическій интересъ, могутъ даже раздѣляться какъ субъективное настроеніе, но объективной убѣдительности не имѣютъ по самому существу дѣла и даже не могутъ претендовать на нее.

¹⁾ Собр. соч., т. V, 462.

²⁾ Собр. соч., т. V, 474. Ср. „Национальный вопросъ“, *passim*, наприм., т. V, стр. 74—75.

не касается. У нашихъ пастырей нѣтъ равноправныхъ противниковъ. Враги православія находятся внѣ сферы нашего дѣйствія, если же попадаютъ въ нее, то лишь со связанными руками и заткнутымъ ртомъ... Отъ настоящей серьезной борьбы за православіе мы избавлены государственной опекой. Но зато и само православіе вмѣсто всеобъемлющаго вселенскаго знамени народовъ становится у насъ простымъ атрибутомъ или придаткомъ русской государственности... Вотъ требованіе ясное, простое и легко исполнимое: избавить нашу церковь отъ уголовной и цензурной охраны, при которой не можетъ быть прямой и открытой борьбы за религіозную истину. Упразднить *принудительное* православіе,— вотъ первое элементарное средство для возрожденія истиннаго православія, для общаго обновленія нашихъ церковныхъ силъ въ пастыряхъ и паствѣ“ 1).

Какъ частный случай борьбы за вѣротерпимость является всѣмъ извѣстное отношеніе Соловьева къ еврейскому вопросу, который онъ считалъ по всей справедливости христіанскимъ вопросомъ, вопросомъ о христіанскомъ отношеніи къ евреямъ. Иногда антисемитизмъ этотъ разогрѣвается во имя религіозныхъ различій, и отъ такого антисемитизма не былъ свободенъ даже И. С. Аксаковъ, отождествлявшій отсутствіе его съ религіознымъ индифферентизмомъ. Здѣсь мы имѣемъ, такимъ образомъ, замаскированную или даже незамаскированную религіозную нетерпимость, недостатокъ

---

1) Собр. соч., т. IV, 179—180. Казенщину, какъ главное зло церковной жизни, прекрасно сформулировалъ еще Ю. Самаринъ: «требованіе отъ вѣры какой бы то ни было полицейской службы, есть ничто иное какъ своего рода проповѣдь невѣрія, можетъ быть, опаснѣйшая изъ всѣхъ» (Ю. Самаринъ. Предисл. къ богосл. соч. Хомякова). Замѣчательно, что славянофильская ограниченность политическаго горизонта и Самарина и Соловьева мѣшали имъ придать вопросу о свободѣ совѣсти внѣцерковную постановку, т.-е. привести его въ связь съ основными условіями русской жизни, превращающими вѣру въ «полицейскую службу», и направить главные удары противъ этихъ условій. Вопросъ объ общей церковной реформациі, необходимо связанный съ отношеніемъ церкви къ «власти предержавшей», къ сожалѣнію, не можетъ быть здѣсь подвергнутъ обсужденію.

которой такъ заставлялъ скорбѣть самого же Аксакова, насколько дѣло касалось христіанъ. Ко всѣмъ такого рода ревнителямъ обращены слова Христа: не знаете, какого вы духа ¹⁾).

Область христіанской политики должна, по Соловьеву, охватывать всѣ стороны общественной жизни, отъ международныхъ отношеній, гдѣ царятъ принципы „людоѣдства“, до экономическихъ и правовыхъ. Божественное начало проникаетъ и преобразовываетъ всѣ сферы человѣческой жизни и это усвоеніе собирательнымъ человѣчествомъ божественнаго начала есть осуществленіе *свободной теократіи*, положительнаго религіознаго идеала общественнаго развитія. Идеаль свободной теократіи или, что то же, идеаль христіанской политики представляетъ отличительную и, на нашъ взглядъ, необыкновенно цѣнную и плодотворную особенность философіи Соловьева. Она освобождаетъ пониманіе христіанскаго ученія отъ той монашеской односторонности, съ которымъ оно истолковывалось исключительно какъ ученіе о личномъ душеспасительствѣ, холодно оставляющее „міръ“ его грѣховнымъ силамъ, и она же не механически, а органически объединяетъ практическія стремленія современныхъ прогрессистовъ, христіанъ безъ Христа, съ Христовымъ ученіемъ. Этимъ стремленіямъ, тщетно ищущимъ себѣ обоснованія въ науко-образныхъ построеніяхъ, дается абсолютная санкція, современная социальная наука увѣнчивается недостающимъ ей абсолютнымъ идеаломъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ обличаются тѣ лжехристіане, представители злбнаго обскурантизма и дикой реакціи, которые являются у насъ лучшими проповѣдниками невѣрія. Въ ученіи Соловьева о христіанской политикѣ дается ясное и „достаточное“ основаніе для теоретическаго и практическаго пре-

---

¹⁾ Очевидно, имѣя въ виду официальныхъ христіанъ, Соловьевъ писалъ въ „Трехъ разговорахъ“: «мнѣ трудно вамъ передать, съ какимъ особымъ удовольствіемъ я гляжу на явнаго открытаго врага христіанства. Чуть не во всякомъ изъ нихъ я готовъ видѣть будущаго апостола Павла, тогда какъ въ иныхъ ревнителяхъ христіанства поневолѣ мерещится Іуда предатель».

одолѣнія той розни и того недоразумѣнія, которое залегло въ нашемъ обществѣ между религіей и жизнью и которое подлежитъ, наконецъ, уничтоженію. Оно исчезнетъ, когда поймутъ, что правильно понятая религія не только не освобождаетъ и не велитъ отказываться отъ тѣхъ общественныхъ обязанностей, которыя возлагаетъ на насъ совѣсть, но она еще болѣе ихъ закрѣпляетъ.

Евангеліе съ его ученіемъ о Царствіи Божіемъ, о пришествіи котораго училъ молиться Христосъ, съ его ученіемъ объ абсолютной цѣнности человѣческой личности и съ заповѣдью любви, какъ высшей нормой человѣческихъ отношеній, ставитъ человѣческой волѣ въ качествѣ абсолютнаго требованія тѣ самые идеалы, которые воодушевляють современное человѣчество ¹⁾. Правда, этимъ человѣчествомъ не сознается и даже отрицается эта связь, идеалы его лишены всякой религіозной основы. Но это не дѣлаетъ невѣрными или безнравственными самые идеалы. Какимъ образомъ идея любви и абсолютной цѣнности человѣческой души можетъ санкціонировать политическое порабощеніе личности, безправіе, произволь или экономическое порабощеніе, эксплуатацію дѣтскаго и женскаго труда? Вѣдь достаточно только ясно поставить этотъ вопросъ, чтобы окончательно устранить эту кощунственную идею. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что тѣ гарантіи личной свободы, которыя представляются политической демократіей, и тѣ стремленія къ осуществленію справедливости въ экономическихъ отношеніяхъ, которыя объединяются въ понятіи социализма, объемлются и положительными заповѣдями христіанской религіи, и отрицать это можно или по неспособности къ логиче-

---

1) Справедливо говорить проф. Гарнакъ: „Der Gedanke des unschätzbaren Werthes, den jede einzelne Menschenseele besitzt, tritt in der Verkündigung Jesu deutlich hervor und bildet das Complement zur Botschaft von dem in der Liebe sich verwirklichenden Reiche Gottes. In diesem Sinne ist das Evangelium im tiefsten individualistisch und socialistisch zugleich“ (Prof. Ad. Harnack. Lehrbuch der Dogmengeschichte. Erster Band. Freiburg i. B., 1886, стр. 53).

скому мышленію или по недобросовѣстности, *tertium non datur*. Справедливость этого положенія не уничтожается отъ того, что тѣ формы и основанія, которыя придаются этимъ требованіямъ въ современной жизни, христіанству чужды и даже враждебны; это зависитъ отъ ихъ превращенія въ „отвлеченныя начала“, ищущія основанія въ самихъ себѣ, а не въ высшемъ идеалѣ. Всего яснѣе это на судьбахъ социализма. Социализмъ, въ наиболѣе распространенной формѣ теоріи экономическаго матеріализма или марксизма, представляетъ собой типичный примѣръ отвлеченнаго начала. Очевидно, основное его содержаніе—требованіе внесенія справедливости въ экономическихъ отношеніяхъ — предполагаетъ идею справедливости, извѣстныя этическія понятія, уже данными. Съ этой точки зрѣнія ученіе социализма должно бы, казалось, войти какъ часть въ составъ болѣе обширнаго цѣлаго, цѣльнаго философскаго міросозерцанія. Но социализмъ, по крайней мѣрѣ въ марксизмѣ, этого сдѣлать не хочетъ, онъ хочетъ самъ быть всѣмъ и тѣмъ самымъ превращается въ отвлеченное начало, являющееся въ то же время началомъ ряда противорѣчій. Справедливости, какъ абсолютнаго объективнаго начала, нѣтъ, слѣдовательно, суррогата ему надо искать въ эмпирической дѣйствительности, а здѣсь мы имѣемъ только борьбу классовъ и ихъ интересовъ. Высшимъ принципомъ является классовая борьба и классовый эгоизмъ; но если стать на эту, чуждую вопроса о справедливости почву, то интересы класса рабочихъ чѣмъ отличаются отъ интересовъ класса капиталистовъ? И тотъ и другой классъ въ полномъ своемъ правѣ, и, если за отсутствіемъ идеальныхъ масштабовъ рѣшаетъ ихъ реальное соотношеніе, т.-е. сила, то сила до сихъ поръ остается еще въ рукахъ буржуазіи, слѣдовательно, съ этой точки зрѣнія справедливо ученіе не социалистовъ, а апологетовъ буржуазіи. Послѣдовательно развитое ученіе о классовой борьбѣ должно бы привести къ апологіи сильнаго, т.-е. существующаго строя, и отъ этого марксистовъ спасаетъ только ихъ непослѣдователь-

ность, да сохраняемая ими контрабандой идея справедливости, вслух отвергаемая какъ предразсудокъ.

Справедливость приносится въ жертву идеѣ теоретической истины, ибо устанавливается теорія, по которой идея справедливости и вся вообще „идеологія“ есть „рефлексъ“ экономическихъ отношеній. Но этимъ упраздняется и понятіе истины, ибо, если всякое положеніе есть рефлексъ, необходимый въ свое время, но лишенный всякаго объективнаго значенія, то такимъ же рефлексомъ является и самый экономическій матеріализмъ, ученіе о рефлексахъ есть тоже рефлексъ, но въ такомъ случаѣ на чемъ же основаны его претензіи? Повторяется исторія того критянина, который, говоря, что всѣ критяне лгуны, самъ себя опровергалъ, ибо и самъ оказывался лгуномъ и потому не могъ дѣлать истиннаго утвержденія.

Всѣ эти трудности исчезаютъ, если только мы признаемъ, что экономическій матеріализмъ является вреднымъ придаткомъ къ идеямъ социализма, поэтому и устраненіе его ничуть не влечетъ за собой уничтоженія искажаемаго имъ идеала. Такъ, или приблизительно такъ, смотрѣлъ на этотъ вопросъ Соловьевъ. Онъ не разъ говоритъ о *правдѣ социализма*, которую онъ всецѣло признаетъ. И однако, по его мнѣнію, „общій существенный грѣхъ социализма состоитъ въ томъ предположеніи, что извѣстный экономическій порядокъ (какъ-то сліяніе капитала съ трудомъ, союзная организація промышленности и т. д.) самъ по себѣ есть нѣчто должное, безусловно нормальное и нравственное, т.-е. что этотъ экономическій порядокъ, какъ такой уже заключаетъ въ себѣ нравственное начало и вполне обуславливаетъ общественную нравственность, которая внѣ его не можетъ и существовать, такъ что здѣсь нравственное начало, начало должнаго или нормальнаго, опредѣляется исключительно однимъ изъ элементовъ общечеловѣческой жизни—элементомъ экономическимъ, ставится въ полную зависимость отъ тѣхъ или другихъ экономическихъ порядковъ, тогда какъ по истинѣ, наоборотъ, экономическія от-

ношенія, будучи сами по себѣ лишь фактами матеріальнаго порядка, для того, чтобы имѣть нормальное или объективно нравственное значеніе, должна опредѣляться формально нравственнымъ началомъ и слѣдовательно съ этой стороны отъ него зависѣть... Главный грѣхъ социалистическаго ученія не столько въ томъ, что оно требуетъ для рабочихъ классовъ слишкомъ многого, сколько въ томъ, что въ области высшихъ интересовъ оно требуетъ для неимущихъ классовъ слишкомъ малаго и, стремясь возвеличить рабочаго, ограничиваетъ и унижаетъ человѣка“ 1). „На той матеріальной почвѣ, на которой стоитъ экономическій социализмъ, невозможно найти въ человѣкѣ ничего неприкосновеннаго, ничего такого, что дѣлало бы его *res sacra* или лицомъ въ собственномъ смыслѣ этого слова; нѣтъ здѣсь того существеннаго ядра, о которое должна разбиться всякая внѣшняя сила, всякій внѣшній гнетъ. За неимѣніемъ же такого существеннаго начала, дѣлающаго человѣка неприкосновенной личностью, всякій протестъ противъ эксплуатаціи одного класса другимъ является лишь выраженіемъ субъективнаго стремленія, ни для кого не обязательнаго. Такимъ образомъ и съ этой стороны социализмъ впадаетъ во внутреннее противорѣчіе, возставая противъ экономической эксплуатаціи и вмѣстѣ съ тѣмъ не признавая за человѣкомъ того безусловнаго значенія, единственно въ силу котораго такая эксплуатація можетъ быть въ принципѣ осуждаема“ 2). Та же принципиальная точка зрѣнія выражена и въ „Оправданіи добра“ (въ главѣ „Экономическій вопросъ съ нравственной точки зрѣнія“). Однако нужно оговориться, что какъ ни глубоки руководящія идеи Соловьева въ вопросѣ о социализмѣ и сколь ни существенно ихъ значеніе для цѣльнаго міросозерцанія, политическая

1) Критика отвлеченныхъ началъ, собр. соч., т. II, 129—30.

2) Ibid., 137. Замѣчательно, что справедливость этихъ замѣчаній, высказанныхъ четверть вѣка назадъ, начинаетъ сознаваться только теперь, какъ у насъ, такъ и на западѣ. На этомъ примѣрѣ ясно, насколько Соловьевъ опередилъ свое время.

экономія вообще представляетъ Ахиллесову пятю философа, и въ области чисто экономическихъ вопросовъ читатель, прошедшій надлежащую экономическую школу, найдетъ много невѣрнаго, соблазнительнаго, вообще несоотвѣтствующаго по своему достоинству общему учению философа ¹⁾. Не считая Соловьева экономистомъ (на что онъ и не претендовалъ), мы пройдемъ молчаніемъ эти чисто экономическія его сужденія, какъ не представляющія существеннаго интереса при разсмотрѣніи общихъ основъ его міросозерцанія. Во всякомъ случаѣ въ области экономической ученіе Соловьева подлежитъ восполненію во всемъ, что касается вопросовъ реальной политики.

Идеаль свободной теократіи являлся руководящимъ для Соловьева и въ теоріи права, на которой мы не будемъ здѣсь подробно останавливаться. Замѣтимъ кратко, что та совершенно законная и неустранимая изъ человѣческаго духа потребность критики права съ точки зрѣнія идеальныхъ нормъ, идеальнаго долженствованія, словомъ, идея естественнаго права, при всей своей безспорности, находятъ въ настоящее время у юристовъ недостаточное обоснованіе. Дѣло въ томъ, что они берутъ естественное право только какъ фактъ сознанія, между тѣмъ какъ на ихъ обязанности лежитъ выясненіе метафизической природы и содержанія этого факта, приведеніе ученія объ естественномъ правѣ въ связь съ общимъ метафизическимъ міросозерцаніемъ, подчиненіемъ перваго послѣднему. А такъ какъ всякая серьезная метафизическая система необходимо приводитъ къ опредѣленному религіозному ученію, то проблема естественнаго права состоитъ не въ голомъ признаніи блѣднаго и безкровнаго долженствованія, какъ факта сознанія, а въ установленіи живой связи между абсолютными велѣніями религіи и ихъ осуществленіемъ, поскольку оно

---

¹⁾ Экономическія статьи Соловьева, собранныя теперь въ пятомъ томѣ полнаго собранія сочиненій, равно какъ глава объ экономическомъ вопросѣ въ „Оправданіи добра“ представляютъ собой, по нашему мнѣнію, самое слабое и безцвѣтное изъ всего, что писалъ Соловьевъ.

возможно въ правѣ. Истинную норму права, настоящее естественное право, даетъ религія; въ частности съ точки зрѣнія христіанской религіи такой нормой является божественная заповѣдь любви, „необходимая форма которой есть справедливость“ ¹⁾. Независимо отъ того, правъ или не правъ былъ Соловьевъ въ отдѣльныхъ своихъ юридическихъ построеніяхъ, проблема естественнаго права или свободной теократіи въ примѣненіи къ праву была формулирована имъ во всю ея философскую ширь, и въ этомъ отношеніи опять-таки, какъ и въ политической экономіи, его ученіе имѣетъ огромное принципиальное значеніе и напоминаетъ намъ лучшія времена философіи права, когда проблема естественнаго права (напримѣръ, у Фихте) бралась какъ часть общаго философскаго міровоззрѣнія, а не въ томъ только гносеологическомъ образѣ, какъ теперь.

Одной изъ важнѣйшихъ сторонъ публицистики Соловьева является христіанская постановка и разрѣшеніе національнаго вопроса; борьба Соловьева съ эпигонами славянофильства общеизвѣстна и, кажется, считается никѣмъ не оспариваемой его заслугой. Тѣмъ важнѣе и интереснѣе установить дѣйствительныя воззрѣнія Соловьева во всемъ ихъ объемѣ. Въ своей полемикѣ ему приходилось бороться съ крайностями націонализма и становиться такимъ образомъ спиной къ самой идеѣ національности. Благодаря этому у многихъ можетъ явиться представленіе, что Соловьевъ былъ космополитомъ или, что есть практически одно и то же, западникомъ. Между тѣмъ это совсѣмъ невѣрно. Соловьевъ былъ сторонникомъ универсализма, но не отрицательнаго, космополитическаго, безнароднаго, а положительнаго или сверхнароднаго ²⁾. Онъ часто повторяетъ, что

¹⁾ Соловьевъ, собр. соч., II, 173.

²⁾ Примѣръ настоящаго патриотизма Соловьевъ видѣлъ въ еврейскихъ пророкахъ: „примѣръ еврейскихъ пророковъ, величайшихъ патриотовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ величайшихъ представителей универсализма, въ высшей степени поучителенъ для насъ, указывая на то, что если истинный патриотизмъ необходимо свободенъ отъ народной исключительности и эгоизма, то вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣмъ самымъ истинное общечеловѣческое воззрѣніе, истин-

христіанство не отрицаетъ народностей, хотя само является и сверхнароднымъ. По его мнѣнію, „народность или національность есть положительная сила, и каждый народъ по особому характеру своему назначенъ для особаго служенія. Различныя народности суть различные органы въ цѣломъ тѣлѣ человѣчества,—для христіанина это очевидная истина“ ¹⁾. Раздѣляя вѣру славянофиловъ въ „идеально-религіозное призваніе русскаго народа“ ²⁾, Соловьевъ однако училъ, что „идея культурнаго призванія можетъ быть состоятельной и плодотворной только тогда, когда это призваніе берется не какъ мнимая *привилегія*, а какъ дѣйствительная *обязанность*, не какъ господство, а какъ служеніе“ ³⁾. Идея національности, понимаемой въ смыслѣ культурной миссіи, сдѣлалась въ рукахъ Соловьева орудіемъ борьбы противъ націонализма, и вся сокрушительная сила его нападеній объясняется именно этимъ: онъ боролся съ націонализмомъ не съ пустыми руками, не во имя бесплоднаго и абстрактнаго космополитизма, но стоя на общей съ нимъ почвѣ—признанія національности положительной силой; послѣднимъ словомъ Соловьева были не завѣты космополитизма, что національность есть химера или естественный фактъ, не имѣющій никакого принципиальнаго значенія, а христіанская заповѣдь: „люби всѣ другіе народы, какъ свой собственный“ ⁴⁾. До такой высоты въ національномъ вопросѣ еще ни разу не поднималась европейская мысль за всѣ вѣка своего существованія, въ частности въ XIX вѣкѣ: стоитъ лишь вспомнить ограниченный патріотизмъ Фихте и Гегеля. Национальный вопросъ рѣшался или въ духѣ космополитизма

ный универсализмъ для того, чтобы быть чѣмъ-нибудь, чтобы имѣть дѣйствительную силу и положительное содержаніе, необходимо долженъ быть расширеніемъ или универсализаціей положительной народной идеи, а не пустымъ и безразличнымъ космополитизмомъ“. (Чтенія о богочеловѣчествѣ. Собр. соч., т. III, 73—4).

1) Национальный вопросъ, собр. соч., т. V, 10.

2) Ibid., 328.

3) Ibid, 8.

4) Оправданіе добра, 2-е изд., 374.

или зоологическаго патріотизма, Соловьевъ показалъ возможность высшей точки зрѣнія, устраняющей ограниченность предыдущихъ, поставивъ и разрѣшивъ вопросъ въ духъ положительнаго христіанскаго универсализма.

Чтобы понять воззрѣнія Соловьева по національному вопросу, опредѣлившіяся въ полемикѣ съ славянофильствомъ, нужно дать хотя бы краткую характеристику послѣдняго. Славянофильство и западничество въ русской литературѣ и жизни представляютъ собой два умственныхъ теченія, различающіяся между собою не однимъ только отношеніемъ къ національному вопросу, но основами всего міросозерцанія. Если умерли старыя формы славянофильства и, быть можетъ, западничества, то споръ двухъ міросозерцаній далеко не законченъ, онъ ждетъ еще своего разрѣшенія, которое должно состоять въ высшемъ синтезѣ положительныхъ элементовъ того и другого.

Первоначальное славянофильство въ такой же мѣрѣ является идейнымъ общественнымъ теченіемъ, какъ и западничество. Оба направленія исходили изъ отрицанія существующаго, оба одинаково страдали отъ цензуры и были равно подозрительны для Николаевскаго правительства и, въ то же время, оба отрицали другъ друга въ такой степени, что вели постоянную ожесточенную войну. Для этого первоначальнаго славянофильства кружка Хомякова характерны слѣдующія черты.

Во-первыхъ, славянофилы отрицательно относились къ западническому космополитизму своихъ противниковъ и видѣли въ національности положительную силу; ими ясно была признана и формулирована идея національнаго призванія. Конечно, независимо отъ теоретическихъ различій, и славянофиловъ и западниковъ воодушевляло одинаково страстное чувство любви къ угнетаемой родинѣ и пламенная ненависть къ ея угнетателямъ. Но это практическое согласіе вовсе не уничтожаетъ философскихъ разногласій. Держась того мнѣнія, что идея національности есть необходимый элементъ міросозерцанія и космополитизмъ

есть чепуха, какъ выразился Тургеневъ, мы думаемъ, что въ этомъ пунктѣ были правы славянофилы, а не западники, и будущее принадлежитъ славянофильскому воззрѣнью.

Во-вторыхъ, славянофилы съ самаго начала стали на философскую и религіозную почву. Свое міросозерцаніе они во всѣ времена своего существованія сознательно и неизмѣнно строили на метафизикѣ и религіи (мы оставляемъ въ сторонѣ частности ихъ философскихъ и религіозныхъ мнѣній). Напротивъ, въ западной литературѣ, начиная съ Бѣлинскаго и кончая публицистами нашихъ дней, прочно укоренилась философія атеизма, выступающая подъ различными формами: позитивизма, матеріализма, агностицизма. Если гдѣ-либо существуетъ между славянофильствомъ и западничествомъ не недоразумѣніе или случайное разногласіе, но пунктъ коренного различія, цѣлая философская пропасть, то именно здѣсь; тутъ невозможенъ никакой компромиссъ, никакое соглашеніе. Какой же традиціи послѣдуетъ молодая Россія, будущіе сыны свободнаго отечества? удовлетворятся ли они атеизмомъ и позитивизмомъ или будутъ искать отвѣтовъ на высшіе запросы духа въ метафизикѣ и религіи? Несомнѣнно одно, что для этого должна быть устранена одна важная причина, являющаяся теперь серьезнымъ препятствіемъ къ свободной религіозной мысли въ Россіи, именно тотъ предрасудокъ, будто извѣстныя философскія и религіозныя воззрѣнія неразрывно связаны съ опредѣленными политическими мнѣніями, будто религіозный человѣкъ можетъ быть только реакціонеромъ, а прогрессистъ непременно атеистомъ. Этотъ предрасудокъ имѣетъ за себя,—увы!—слишкомъ много историческихъ основаній, и онъ можетъ быть устраненъ лишь логикой событій. Во всякомъ случаѣ, указанная связь есть лишь фактическая, а не внутренняя и логическая. По основамъ своего философскаго міровоззрѣнія, славянофилы стоятъ выше западниковъ и, вѣрю, восторжествуетъ, наконецъ, эта славянофильская традиція, и русская интеллигенція оставитъ такъ мало къ ней идущую философію позитивизма.

Третьей особенностью славянофильства является его коренной демократизмъ, въ области экономической переходящей въ социализмъ, что выразилось въ ученіи о социалистическомъ характерѣ земельной общины и вообще хоровомъ и артельномъ началѣ, составляющемъ особенность именно славянофильства¹⁾. Въ связи съ этимъ стоятъ славянофильскія требованія развитія земщины и самоуправления, и горячая ненависть къ бюрократическому началу. Славянофилы стоятъ на той же почвѣ свободолюбія и народолюбія, что и западники. Эта третья основная особенность славянофильства, общая у него съ западничествомъ, представляетъ собой основную и неустранимую черту русской интеллигенціи, отъ которой она, конечно, не можетъ отказаться, не переставши быть сама собой.

Теперь мы переходимъ къ отрицательнымъ чертамъ славянофильскаго ученія. И прежде всего, слѣдуетъ отмѣтить политическій романтизмъ славянофиловъ, приводившій ихъ къ фальшивой идеализаціи дѣйствительности и превращавшій ихъ во многихъ отношеніяхъ въ реакціонеровъ. Славянофилы дѣлали положительную ошибку считая, что Россія можетъ изобрѣсти какую-то новую форму гарантіи человѣческихъ правъ сравнительно съ западомъ, они не хотѣли признать справедливости требованія: *weg A sagt, muss auch B sagen*, и этой своей несчастной ошибкой они больше всего скомпрометировали себя въ глазахъ того нашего передового общества, которому были одинаково, какъ и имъ, дороги человѣческія права, но которое справедливо искало ихъ гарантій, опираясь не на романтическія измышленія, а историческіе примѣры Запада.

Къ сожалѣнію, отъ славянофильской ограниченности и романтизма никогда не освободился вполнѣ Влад. Соловьевъ,

---

¹⁾ Конечно, о социализмѣ славянофиловъ можно говорить лишь въ смыслѣ общаго признанія ими идеаловъ экономической солидарности и демократіи, а не опредѣленной экономической программы. Напротивъ, конкретныя формы социалистическаго движенія нерѣдко встрѣчали у славянофиловъ рѣзкую и не всегда справедливую критику (напр., у Достоевскаго).

политическія воззрѣнія котораго оставляютъ желать очень многого относительно ясности и правильности. Въ общемъ онъ повторяетъ славянофильское ученіе со всѣми его достоинствами и недостатками ¹⁾ (приправляя его еще собственной дурной и неосновательной схематизаціей, знаменитой тріадой: царь, первосвященникъ, пророкъ). Объясняя слабость философа въ этомъ пунктѣ незаконченностью его воззрѣній и нѣкоторой абстрактностью его натуры, вообще рѣдко спускавшейся на землю съ высотъ философской спекуляціи, мы не видимъ никакой органической связи между общимъ ученіемъ и политическими воззрѣніями философа, которыя такъ любятъ истолковывать въ свою пользу реакціонеры, прикрывая его авторитетомъ собственныя темныя вождельнія.

Итакъ, славянофильство какъ политическое міросозерцаніе умерло и никогда не воскреснетъ, оно должно быть въ этомъ пунктѣ восполнено ученіемъ западничества.

Наряду съ политическимъ романтизмомъ слѣдуетъ поставить вторую отрицательную черту стараго славянофильства, его національную исключительность, склонность къ національному самопревознесенію насчетъ „гнющаго“ Запада. Этотъ націонализмъ внесъ въ славянофильство инородную прибавку, весьма любезную обскурантамъ и реакціонерамъ, но компрометировавшую его въ глазахъ благомыслящихъ людей. Оправданіе славянофильству можно найти въ крайностяхъ западничества, но послѣ того, какъ Соловьевъ вскрылъ всю ложь такого націонализма и обнаружилъ дѣйствительное содержаніе національной идеи, враждебной всякой исключительности, тратитъ много словъ для борьбы съ ней значить ломиться въ открытую дверь.

Исконное славянофильское ученіе содержало въ себѣ противорѣчивые элементы, и эти элементы, выдѣлившись и обособляясь въ дальнѣйшемъ развитіи, опредѣлили

¹⁾ Наилучшее и наиболее рѣзкое выраженіе политическаго славянофильства Соловьева см. въ его статьѣ „Государственная философія по программѣ министерства народнаго просвѣщенія“. Собр. соч., т. V.

да основныхъ теченія славянофильской мысли, его правое и лѣвое крыло. Правое получилось чрезъ одностороннее развитіе и усиленіе отрицательныхъ элементовъ славянофильскаго міросозерцанія. Національная исключительность нашла себѣ теоретика въ лицѣ Данилевскаго, въ его чрезвычайно интересномъ сочиненіи „Россія и Европа“. Охранительныя тенденціи съ наибольшей рѣшительностью выражены К. Леонтьевымъ съ его ученіемъ о „подмораживаніи“ ради охраненія. Наконецъ, первоначальный политическій романтизмъ, освобожденный отъ всякихъ теоретическихкихъ украшеній и иллюзій и сведенный къ культу грубой силы, сказалъ свое послѣднее слово въ Катковѣ, этой „Немезидѣ славянофильства“, и его эпигонахъ, утерявшихъ окончательно право считаться представителями идейнаго теченія и опустившихся до уровня добровольныхъ литературныхъ доносовъ и сыска. Соловьевъ былъ нарочито призванъ обличить ложь этого вырожденія славянофильства, ибо онъ стоялъ на общей съ нимъ теоретической почвѣ; нападеніе оказалось потому именно такъ дѣйствительно, что было произведено въ собственномъ лагерѣ. Критика западниковъ здѣсь не могла имѣть убѣдительной силы, ибо она исходила изъ чуждой точки зрѣнія. Нужно было, не отрицая идеи національности, показать, что извѣстнаго рода патріотизмъ зоологиченъ и безнравствененъ, что христіанская религія не мирится ни съ проповѣдью международной ненависти, ни обожествленія государственной силы какъ таковой.

Излагать здѣсь славную и побѣдоносную борьбу Соловьева съ правой славянофильства значило бы передавать содержаніе „Національнаго вопроса“; мы ограничимся только общимъ выводомъ Соловьева относительно охранительнаго славянофильства: „около половины историческаго человечества издавна живетъ вѣрой въ Бога, какъ въ абсолютную силу, предъ которой уничтожается человѣкъ. Эта вѣра нашла себѣ полное выраженіе въ мусульманской религіи, которая сама себя называетъ *исламомъ*, что значитъ покор-

ность или *резинація* предъ высшей силой. У насъ въ Россіи, среди псевдохристіанскаго общества явился такой „исламъ“, но только не по отношенію къ Богу, а по отношенію къ государству. Пророкомъ этой новой или, лучше сказать, возобновленной религіи былъ Катковъ въ послѣднее 25-лѣтіе своей дѣятельности. Съ подлинно-мусульманскимъ фанатизмомъ Катковъ увѣровалъ въ русское государство, какъ въ абсолютное воплощеніе нашей народной *силы*. Какъ для правовѣрнаго послѣдователя корана всякое разсужденіе о сущности и атрибутахъ божества кажется празднословіемъ или преступной хулой, такъ Катковъ во всякомъ идеальномъ запросѣ, обращенномъ къ его кумиру, усматривалъ или бессмысленныя фразы или замаскированную измѣну. Невидимая народная сила воплотилась въ видимой силѣ государства. Этой силѣ вовсе ненужно выражать какую-нибудь идею, соотвѣтствовать какому-нибудь идеалу, она не нуждается ни въ какомъ оправданіи, она есть фактъ, она просто *есть*, и этого довольно. Отъ человѣка требуется признать ее безусловно и безповоротно, покориться и отдаться ей всецѣло, совершить однимъ словомъ актъ „ислама“.

„Въ послѣднее время повсюду совершилась важная перемѣна: главнымъ препятствіемъ истинному прогрессу является не то или другое учрежденіе, а одичаніе мысли и пониженіе общественной нравственности. Нелѣпо было бы вѣрить въ окончательную побѣду темныхъ силъ въ человѣчествѣ, но ближайшее будущее готовить намъ такія испытанія, какихъ еще не знала исторія. Утѣшительно при этомъ, что положеніе дѣла уясняется и какъ бы въ предвареніе страшнаго суда начинается уже нѣкоторое отдѣленіе пшеницы отъ плевель. Въ области идей, по крайней мѣрѣ, это уже очень ясно. Представители темной силы, бывшіе доселѣ, частью по недоразумѣнію, частью по лицемѣрью, защитниками „всего святаго и высокаго“, договорились, наконецъ, до принципіальнаго отрицанія добра, правды и всякихъ общечеловѣческихъ идеаловъ, и вмѣсто имени Христа, которымъ столько злоупотребляли, откровенно клянутся

именемъ Ивана Грознаго. Тутъ утѣшительна не только ясность, но и законченность мысли: очевидно, это направленіе высказалось вполнѣ, далѣе его представителямъ говорить уже нечего и не о чемъ“ ¹⁾. Эти знаменательныя строки были написаны болѣе 10 лѣтъ тому назадъ, и какъ подтвердила исторія этого десятилѣтія справедливость приговора Соловьева!

Несмотря на вырожденіе правой славянофильства послѣднее нашло въ себѣ элементы и положительнаго развитія, и они выразились въ его лѣвой, представителями которой являются Ив. Аксаковъ и группировавшіеся около него публицисты, Достоевскій и самъ Вл. Соловьевъ. Это теченіе было болѣе сродно демократизму и социализму, на національно-религіозной основѣ. Однако, неся въ себѣ противорѣчивыя элементы, славянофильство должно было въ своемъ развитіи осилить эти противорѣчія и отъ нихъ освободиться. И прежде всего противорѣчіе существовало между положительнымъ универсализмомъ христіанскаго ученія, которое исповѣдывалось славянофильствомъ и націонализмомъ, понимаемомъ въ смыслѣ національной исключительности. Примиряющую формулу впервые далъ въ своей Пушкинской рѣчи Достоевскій, который въ своемъ ученіи о всечеловѣкѣ и всечеловѣчности, какъ основной стихіи русской души, прорвалъ, наконецъ, плотину, отдѣлявшую „отвлеченное“ (въ Соловьевскомъ смыслѣ) славянофильство отъ „отвлеченнаго“ западничества и вдохновеніемъ пророческаго экстаза ихъ помирилъ. Однако это примиреніе было только пророчествомъ, содержаніе котораго надо было, во-первыхъ, надлежащимъ образомъ понять и даже теоретически обосновать, а во-вторыхъ, надо было его исполнить, практически проведя въ жизнь, т.-е. сдѣлать его руководящимъ началомъ публицистики и политики. Самъ Достоевскій лишь въ концѣ своего скорбнаго жизненнаго пути поднялся до этого пророческаго созерцанія; даже въ собственной пуб-

1) Национальный вопросъ, собр. соч., т. V, 196, 221.

лицистической дѣятельности онъ иногда грубо противорѣчилъ этимъ принципамъ, впадая въ націонализмъ, шовинизмъ, антисемитизмъ ¹⁾.

Завѣтъ Достоевскаго исполнилъ Соловьевъ, который разрѣшилъ вопросъ не на основаніи факта (вѣренъ онъ или невѣренъ) всечеловѣчности русскаго народа, а на почвѣ принципиальной. Онъ провозгласилъ принципъ признанія правъ всякой національности, поставивъ высшей нормой международныхъ отношеній начало любви, а не ненависти народовъ другъ къ другу. Внутреннее противорѣчіе славянофильства тѣмъ самымъ было осилено и устранено. Такимъ образомъ, желательный синтезъ славянофильства и западничества, національный универсализмъ, въ основныхъ чертахъ совершенъ Соловьевымъ.

Однако здѣсь слѣдуетъ маленькое или даже немаленькое „но“. Мы видѣли уже, что славянофильство содержало въ себѣ такіе элементы, которые могли породить Каткова и его присныхъ. Этотъ же политическій романтизмъ, который является вмѣстѣ съ тѣмъ и политическимъ націонализмомъ, самобытничаньемъ, отдѣляя славянофильство отъ демократическихъ элементовъ нашей интеллигенціи, между тѣмъ какъ западничество, смотрѣвшее дѣйствительности прямо въ глаза, именно въ своей свободѣ отъ политическихъ предразсудковъ славянофильства имѣло главную притягательную силу. Отъ этой своей несчастной особенности должно непременно освободиться міросозерцаніе славянофильства, и отъ нея его не освободили ни Достоев-

---

¹⁾ Соловьевъ справедливо писалъ о Достоевскомъ, указывая эту противорѣчивость въ его публицистикѣ: „если мы согласны съ Д., что истинная сущность русскаго національнаго духа, его великое достоинство и преимущество состоятъ въ томъ, что онъ можетъ внутренне понимать всѣ чужіе элементы, любить ихъ, перевоплощаться въ нихъ, если мы признаемъ русскій народъ вмѣстѣ съ Достоевскимъ способнымъ и призваннымъ осуществить въ братскомъ союзѣ съ прочими народами идеалъ всечеловѣчества, то мы уже никакъ не можемъ сочувствовать выходкамъ того же Д. противъ „жидовъ“, поляковъ, французовъ, нѣмцевъ, противъ всей Европы, противъ всѣхъ чужихъ вѣроисповѣданій“. (Собр. соч., т. V, 382—3).

скій, ни Соловьевъ. Достоевскій вмѣстѣ съ Аксаковымъ раздѣлялъ всѣ предрасудки славянофильства, согласно которымъ наибольшая народная свобода достижима при отсутствіи всякихъ юридическихъ ея гарантій, существующихъ на Западѣ. Но считая западную свободу для насъ недостаточной, Достоевскій практически оказывался политическимъ реакціонеромъ. Соловьевъ умѣлъ цѣнить юридическія гарантіи и высмѣивалъ предрасудки славянофиловъ, будто духу русскаго народа всякія юридическія гарантіи противны, справедливо считая это проповѣдью принципіальнаго безправія. Однако, какъ мы уже знаемъ, самъ Соловьевъ не сдѣлалъ всѣхъ выводовъ, проистекающихъ изъ признанія значенія и необходимости юридическихъ гарантій, ибо послѣдовательный отсюда выводъ—политическое credo русскаго западничества. Этотъ послѣдній шагъ и остается теперь сдѣлать въ дѣлѣ очищенія славянофильскаго ученія и восполненія его положительными элементами западничества. Такой шагъ не можетъ встрѣтить рѣшительно никакихъ принципіальныхъ возраженій, ибо національность не состоитъ въ тѣхъ или другихъ историческихъ пережиткахъ, но представляетъ собою положительную духовную силу, которая требуетъ ихъ устраненія для своего полного и свободнаго проявленія. Вопросъ этотъ даже не есть вопросъ принципа, а только исторической цѣлесообразности.

Довершивъ свое окончательное преобразование, реформированное славянофильство или, лучше сказать, національный универсализмъ окажется способнымъ сдѣлаться знаменемъ и вѣроисповѣданіемъ прогрессивныхъ элементовъ нашего общества, а вмѣстѣ утолить ихъ философскую и религіозную жажду; шаткія основы позитивнаго міросозерцанія западничества, привлекательнаго теперь въ силу связанныхъ съ нимъ прогрессивныхъ общественныхъ стремленій, быстро утратятъ свою обаятельность, разъ только станетъ ясно, что переходъ къ новому міросозерцанію не обя-

зываетъ отказываться отъ прогрессивныхъ стремлений, и основное историческое недоразумѣніе русской жизни будетъ исчерпано и исчезнетъ. И сіе буди, буди!

Идею христіанской политики Соловьеву приходилось защищать не только противъ тѣхъ, кто полагалъ ее въ принципиальномъ насиліи, но и противъ тѣхъ, кто основнымъ ея требованіемъ считаетъ проповѣдь принципиальнаго безсилія. Мы имѣемъ въ виду проповѣдь непротивленія злу силою, связанную съ именемъ Л. Н. Толстого. „Великій писатель земли русской“ имѣетъ безсмертныя заслуги въ религіозной жизни русскаго общества, ибо онъ первый своей мощной проповѣдью приковалъ вниманіе русской интеллигенціи къ вопросамъ религіи въ то время, когда религія считалась пережитымъ и отжитымъ предрасудкомъ. Но онъ усвоилъ такое пониманіе христіанскаго ученія, которое, являясь по меньшей мѣрѣ спорнымъ, принимается многими какъ единственно возможное, и ученіе о непротивленіи злу, принципиальное отрицаніе государства и его учреждений, науки, культуры и лежащаго въ ея основѣ раздѣленія труда не осторожно принимается за подлинную сущность христіанскаго ученія. Многие, въ особенности индифферентно или враждебно относящіеся къ религіи, вполне искренно считаютъ, что послѣдовательный христіанинъ долженъ отрицать культуру и активную борьбу со зломъ. И однако то и другое въ дѣйствительности является лишь принадлежностью религіознаго идеала буддизма. Но это совсѣмъ не есть идеаль христіанской религіи, учащей, что міръ и исторія есть богочеловѣчскій процессъ, благой по своему замыслу, необходимый по своимъ результатамъ и требующій дѣятельнаго участія и индивидуальнаго человѣка и собирательнаго человѣчества. Идеа царствія Божія осуществляется не только внутри насъ, гдѣ это осуществленіе можетъ явиться дѣломъ личной совѣсти и личныхъ усилій, но и внѣ насъ, какъ идеаль нормально устроеннаго человѣческаго общества и вмѣстѣ съ тѣмъ результатъ куль-

турнаго развитія человѣчества. Отрицательная мораль, воздержаніе отъ зла, а вмѣстѣ съ нимъ и отъ дѣятельнаго участія въ жизни, гдѣ добро мѣшается со зломъ, достаточна для буддизма, который требуетъ монашескаго отшельничества, связаннаго съ отреченіемъ отъ міра, христіанство же требуетъ дѣятельнаго подвига и отрицаетъ всякій квиэтизмъ. Ничто такъ не способно обосновать идею абсолютныхъ обязанностей, лежащихъ на каждой отдѣльной личности, какъ христіанское ученіе о божественномъ достоинствѣ и сущности человѣческой души. То, идея чего есть отъ вѣка у Бога, чего не презираетъ Богъ, и само не должно себя презирать, и человѣкъ, сознавая себя носителемъ абсолютнаго достоинства, тѣмъ самымъ принимаетъ на себя и абсолютныя обязанности. Индивидуальныя силы и способности различны, но каждая личность, какъ бы она ни казалась мала и ничтожна, равно необходима уже потому, что она индивидуальна, т.-е. имѣетъ абсолютную оригинальность и неповторяемость, слѣдовательно, незамѣнима. Мы можемъ не понимать своей роли въ мірѣ, она представляется намъ какъ задача, которую нужно отыскать, но она *есть*. Всякій человѣкъ необходимъ для цѣлаго исторіи. Вѣдь если удалить изъ міра даже песчинку, то разрушится все мірозданіе, представляющее собою механически связанное цѣлое. Существуетъ извѣстный афоризмъ, что будь носъ Клеопатры немного короче, міровая исторія была бы иною, но это же можно сказать и о носѣ Квазимодо, хотя значеніе его во всемірной исторіи намъ не такъ ясно, какъ носа Клеопатры.

Итакъ, христіанство учитъ насъ, что дѣло исторіи есть дѣло важное, благостное, необходимое, и обязательность нашего участія въ немъ опредѣляется не отрицательною заповѣлью воздержанія, а положительнымъ требованіемъ активнаго участія. Но исторія и развитіе культуры есть одно и то же, культуру отрицаетъ только тотъ, кто отрицаетъ и исторію и единственную область царствія Божія видитъ только въ

насъ, но не внѣ насъ. А если это такъ, то упрощенное руководство для дѣятельности, состоящее въ однихъ отрицательныхъ заповѣдяхъ, недостаточно, нужна и положительная цѣль дѣятельности. Эта цѣль, конечно, должна опредѣляться заповѣдями религіи, но относительно возможныхъ средствъ достиженія ея насъ можетъ просвѣтить только разумъ, избирающій и оцѣнивающій возможные средства. При этомъ вполнѣ возможно, что единственнымъ при данныхъ обстоятельствахъ средствомъ окажется такое, которое, само по себѣ, внѣ отношенія къ цѣли, представляется предосудительнымъ и даже запрещаемымъ тою же религіей. Конечно, отъ такихъ средствъ откажется сторонникъ отрицательной морали, но онъ зато и будетъ обреченъ на роль зрителя, къ добру и злу постыдно равнодушнаго; въ результатѣ выйдетъ то, что въ Евангеліи названо оцѣживаніемъ комара и поглощеніемъ верблюда.

Въ замѣчательной статьѣ, озаглавленной „Идолы и идеалы“, Соловьевъ выступилъ въ защиту культуры противъ проповѣди опрощенія, какъ простѣйшаго разрѣшенія проблемы общественныхъ обязанностей. Въмѣсто „стремленія слить всю націю въ безформенную массу“, онъ утверждаетъ здѣсь „нравственно-органическую солидарность между простымъ народомъ и образованнымъ классомъ, обязанность для этого послѣдняго культурно служить народу, проводя въ его жизнь не собственные измышленія и своекорыстныя затѣи, а единственно твердыя и единственно плодотворныя начала общечеловѣческаго просвѣщенія и вселенской правды“. Въмѣстѣ со всѣми представителями нашей интеллигенціи Соловьевъ скорбѣлъ о некультурности нашего народа и поднятіе этой культуры считалъ дѣломъ христіанскимъ, а не языческимъ.

Открытое нападеніе на ученіе о непротивленіи злу съ богословско-метафизической и общеэтической точки зрѣнія Соловьевъ совершилъ только въ послѣднемъ своемъ діалогическомъ произведеніи „Три разговора“, и аргументы, при-

веденные имъ здѣсь противъ этого ученія, кажутся мнѣ неопровержимыми и остаются до сихъ поръ ни въ какой мѣрѣ непоколебленными.

Такимъ образомъ, въ общемъ и цѣломъ, вся практическая философія Соловьева была только приложеніемъ основъ его теоретической философіи, а основное начало этой философіи есть жизненное начало христіанства. Цѣлостное и послѣдовательно развитое христіанское міросозерцаніе, — вотъ что даетъ современному сознанию философія Соловьева. И въ этомъ міросозерцаніи однѣ потребности духа не подавляются во имя другихъ, здѣсь царитъ полная духовная свобода, здѣсь находятъ свое мѣсто и современная философія, и наука, и запросы практической жизни, и все это освѣщается однимъ общимъ свѣтомъ. Философія Соловьева, слѣдовательно, отвѣчаетъ самымъ глубокимъ и высокимъ запросамъ человѣческаго духа — стремленію къ цѣльному міросозерцанію, которое было бы не только теоретическимъ, но и практическимъ.

Соловьева многіе называли и въ насмѣшку и серьезно пророкомъ, и за его внѣшность, и за его ученіе. Его служеніе было, дѣйствительно, пророческимъ и, непонимаемый и осмѣиваемый современниками, онъ начинаетъ все болѣе оцѣниваться на нашихъ глазахъ. Человѣчество пережило многовѣковое господство отвлеченнаго клерикализма, враждебное свободной мысли и научному изслѣдованію; мы переживаемъ теперь вѣкъ отвлеченнаго раціонализма, отвергнувшаго сначала религію, а затѣмъ и философію во имя точнаго знанія и свободнаго изслѣдованія. Но есть основанія думать, что и этотъ періодъ приходитъ къ концу и уже исчерпываетъ свои положительныя потенціи. На очереди новый высшій синтезъ, въ которомъ испытующій духъ возвращается къ себѣ, къ исконнымъ своимъ запросамъ и, обогащенный всѣми пріобрѣтеніями вѣкового развитія знанія и мысли, освобождается отъ господства того или иного отвлеченнаго начала, но всѣ ихъ гармонически соединяетъ

Исканіе этого синтеза было дѣломъ жизни Соловьева. Въ сумеркахъ бытія мы принимаемъ за источникъ елебрезжущаго свѣта то тѣ, то другіе предметы, только сильнѣе другихъ его отражающіе. Съ ясновидѣніемъ пророка Соловьевъ прозрѣвалъ истинный его источникъ, свѣтъ немеркнушій, невечерній. Онъ самъ всю жизнь шелъ навстрѣчу этому свѣту и звалъ къ нему. Пойдемъ за нимъ!

С. Булгаковъ.

Психологія и теорія познанія.

(Статья 2-я.)

Хотя Кантовская теорія познанія изслѣдуетъ только одинъ специальный гносеологическій вопросъ, именно вопросъ объ условіяхъ научнаго познанія, или представляетъ собою то, что принято называть „теоріей опыта“, однако для выясненія вопроса объ отношеніи между теоріей познанія вообще и психологіей мы можемъ взять въ примѣръ именно Кантовскую теорію познанія.

Обратимъ прежде всего вниманіе на то, въ чемъ собственно заключается задача психологіи въ общепринятомъ значеніи этого слова, и какія цѣли поставлялъ Кантъ въ своей критикѣ познанія.

Психологія поставяетъ своей ближайшей цѣлью прослѣдить *исторію* и *развитіе* того или другого умственнаго построенія. Для этой цѣли она должна анализировать его, чтобы показать, изъ какихъ элементовъ оно складывается. Задача психологіи—генетическая — изслѣдованіе происхожденія тѣхъ или иныхъ умственныхъ построений.

Совсѣмъ не то имѣетъ въ виду теорія познанія Канта; она имѣетъ дѣло съ одной строго ограниченной областью умственной дѣятельности; именно она оперируетъ съ тѣми умственными построеніями, которыя приводятъ къ научному познанію, но при этомъ интересуется не тѣмъ процессомъ, какимъ мы приходимъ къ нему, а главнымъ образомъ вопросомъ объ условіяхъ научнаго познанія, или о тѣхъ ло-

гическихъ предпосылкахъ, которыя необходимы для того, чтобы могло создаться научное познаніе, или „опытъ“, какъ его называетъ еще иначе Кантъ.

Кантъ хочеть опредѣлить, почему то или другое субъективное построеніе, или понятіе (пространства, времени, причинности и т. п.) мыслится нами объективнымъ, вещественнымъ. Онъ показалъ объективность этихъ понятій, разъяснивши, что то, что мы называемъ объективнымъ, вещественнымъ міромъ, есть продуктъ нашего сознанія, что онъ создается при помощи субъективныхъ формъ сознанія (пространства, времени, причинности), и именно благодаря тому, что мы имъ придаемъ объективное значеніе.

Извѣстно, что проблема Канта возникла въ тѣсной зависимости отъ проблемы причинности Юма. По мнѣнію Юма, все наше познаніе должно быть объяснено только изъ того, что составляетъ предметъ чувственного впечатлѣнія. „Опытъ“ тоже долженъ быть объясняемъ изъ чувственныхъ впечатлѣній, но на самомъ дѣлѣ онъ не можетъ быть объясненъ только изъ этихъ данныхъ, потому что въ нашемъ познаніи есть элементы, какъ напр. понятіе причинности, которое выходитъ за предѣлы того, что дается въ нашемъ непосредственномъ чувственномъ воспріятіи. Спрашивается, имѣемъ ли мы право это дѣлать, т.-е. выходить за предѣлы чувственного воспріятія. Имѣемъ ли мы право, воспринимая А (какое-либо дѣйствіе), умозаключать къ какой-либо причинѣ В. По мнѣнію Юма, никакихъ логическихъ оснований для такого умозаключенія привести нельзя. Нѣтъ никакой возможности доказать логически, что если намъ дано какое нибудь событіе, то изъ этого слѣдуетъ, что должна быть дана также и ея причина.

Мы въ нашемъ познаніи исходимъ изъ того предположенія, что „будущее похоже на настоящее“, что „въ природѣ царить однообразіе“. Но если бы мы захотѣли доказать это предположеніе, то для этого мы должны были бы опираться опять-таки на опытъ. Такимъ образомъ получился бы кругъ въ доказательствѣ. Юмъ въ концѣ концовъ при-

зналь, что причинность имѣть *субъективное* происхождение и что „необходимость“, которая присуща этому понятію, имѣть тоже субъективный характеръ. Но признавая субъективный характеръ этого понятія, Юмъ не былъ въ состояніи объяснить опытъ. Онъ не былъ въ состояніи объяснить, почему въ познаніи объективнаго міра это понятіе считается нами дѣйствительнымъ.

Это именно сдѣлалъ Кантъ своимъ понятіемъ „опыта“: онъ объяснилъ, почему тѣ или другія субъективныя построенія, та или другая связь представлений пріобрѣтаютъ объективный характеръ. По его мнѣнію, это происходитъ благодаря тому, что эта связь представлений или сужденія подчиняются извѣстному *правилу* или *нормѣ*.

Если у меня есть какая-нибудь связь представлений, напр. А и В, которыя существуютъ, или которыя слѣдуютъ другъ за другомъ, то эта связь можетъ имѣть исключительно субъективный характеръ; она будетъ имѣть истинность только для меня и то для настоящаго момента. Но эта же самая связь представлений можетъ пріобрѣсти объективный характеръ, т.-е. общеобязательный для всѣхъ, если я подчиню ее понятію причинности, т.-е. если я буду мыслить не только то, что В слѣдуетъ за А, но также и то, что А *созидаетъ*, производитъ В. Тогда я буду мыслить, что А *необходимо* предшествуетъ В; вслѣдствіе этого связь между этими представленіями дѣлается общеобязательной, потому что всѣ люди мыслятъ причинную связь одинаково, какъ необходимую связь между представленіями: въ причинной связи дѣйствіе необходимо слѣдуетъ за причиной.

Такимъ образомъ подчиненіе извѣстной „нормѣ“ дѣлаетъ ту или другую связь представлений общеобязательной, т. е. дѣлаетъ обязательной не только для меня, но и для всякаго другого, не только для настоящаго момента, но и навсегда. Во всякое время и всякій другой будетъ находить ту же связь; каждый въ извѣстномъ мѣстѣ и въ извѣстное время будетъ мыслить одну и ту же связь представлений. Это и значитъ, что та или другая связь представлений пріобрѣ-

таетъ „объективный“ характеръ. Извѣстная связь представленій дѣлается предметомъ „общаго сознанія“; вслѣдствіе этого изъ ощущеній просто получается то, что мы называемъ *вещи* или *міръ объективный* ¹⁾.

Такъ какъ въ этомъ случаѣ понятіе причинности, которое изъ опыта получено быть не можетъ, которое, слѣдовательно, имѣетъ *субъективный* характеръ, въ то же время служить для того, чтобы созидать общеобязательное, объективное познаніе, т. е. опытъ, то ясно, что Кантъ объяснилъ опытъ, показавши, что для осуществленія его та или иная связь представленій должна подчиняться тѣмъ или другимъ правиламъ или нормамъ. Эти правила суть условія, или предпосылки, которыя дѣлаютъ возможнымъ опытъ. Объяснить опытъ, такимъ образомъ, значитъ показать, благодаря какимъ условіямъ онъ осуществляется. Кантъ показываетъ, почему понятія, имѣющія чисто-субъективное происхожденіе, приобрѣтаютъ объективный характеръ, именно потому, что они обуславливаютъ опытъ, что они суть условія возможности опыта.

Ясно, что существуетъ различіе между теоріей познанія Канта, который хотѣлъ показать логическія предпосылки опыта, и психологіей, которая поставляетъ цѣлью изслѣдовать происхожденіе тѣхъ или другихъ понятій.

Что самъ Кантъ сознавалъ различіе между этими двумя задачами и что онъ избѣгалъ постановки психологической задачи, показываетъ то обстоятельство, что онъ при изложеніи „трансцендентальной дедукціи“ указываетъ на невозможность разрѣшенія поставленной имъ задачи при помощи психологическаго метода, именно изслѣдованія происхожденія тѣхъ или иныхъ понятій. Изслѣдованіе происхожденія тѣхъ или иныхъ понятій онъ называетъ „субъективной дедукціей“ въ стличіе отъ „трансцендентальной“, которая доказываетъ объективность понятій. По его словамъ, у насъ имѣются нѣкоторыя понятія, относительно объективнаго

¹⁾ Прологомены § 14 и слѣд.

характера которых возникают сомнѣнія. Нужно показать справедливость притязаній этихъ понятій на объективность. Это, по его мнѣнію, можно сдѣлать при помощи дедукціи, и при томъ только при помощи „трансцендентальной“, а не „субъективной“, которой придерживался Локкъ. Локкъ думалъ, что справедливость притязаній понятій на объективность можно доказать при помощи изслѣдованія происхожденія ихъ или опредѣленія ихъ генеалогіи. Такое прослѣживаніе происхожденія понятій приводитъ, по мнѣнію Канта, къ объясненію психологическаго факта „возможности мышленія“, оно можетъ показать фактъ *обладанія* тѣми или другими познаніями, но не можетъ доказать *правомѣрности* или объективнаго значенія этихъ познаній. При помощи такой дедукціи можно доказать только генезисъ понятія, но нѣтъ возможности доказать его объективное значеніе¹⁾.

Въ другомъ мѣстѣ Кантъ говоритъ: „прежде всего необходимо напомнить читателю, что здѣсь идетъ рѣчь не о *возникновеніи* (Entstehen) опыта, но о томъ, чтб въ немъ содержится. Первый вопросъ составляетъ предметъ эмпирической психологіи и ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть должнымъ образомъ разрѣшенъ безъ второго, который составляетъ предметъ критики познанія“²⁾.

Изъ этого ясно, что самъ Кантъ отличалъ свой методъ изслѣдованія, который можно было бы назвать трансцендентальнымъ методомъ изслѣдованія, отъ психологическаго изслѣдованія генезиса понятій.

Въ психологіи мы спрашиваемъ, каково происхожденіе того или другого понятія, какъ оно образовалось? Въ генеалогіи вопросъ о происхожденіи того или другого понятія является вещью второстепенной; мы не спрашиваемъ, какъ образовалось то или другое понятіе, мы беремъ его готовымъ, такимъ, какъ оно существуетъ въ наукѣ, и только спрашиваемъ, имѣетъ ли оно объективное значеніе и почему

1) Кт. д. г. V. § 13 и предисловіе къ 1-му изд.

2) Прологомены § 21, а.

оно имѣть таковое. Такъ какъ задача гносеологіи заключается въ изслѣдованіи условій возможности научнаго познанія, то она и должна оперировать съ научными понятіями. Если, напр., я изслѣдую понятіе причинности съ психологической точки зрѣнія, то я долженъ опредѣлить, какимъ образомъ возникаетъ это понятіе. Для этой цѣли я прослѣживаю зачатки этого понятія у животныхъ, у дѣтей на ранней стадіи ихъ развитія и т. п. Если же я изслѣдую это понятіе съ гносеологической точки зрѣнія, то беру это понятіе въ томъ видѣ, въ какомъ оно существуетъ въ научномъ познаніи, и спрашиваю, по какому праву это понятіе мы считаемъ объективнымъ, почему мы считаемъ, что событія слѣдуютъ другъ за другомъ всегда по опредѣленному закону.

Такимъ образомъ между психологіей и теоріей познанія существуетъ то общее различіе, что въ то время, какъ теорія познанія изслѣдуетъ объективное значеніе познанія, задача психологіи заключается въ описаніи факта познанія, въ изслѣдованіи того, какъ совершается познаніе ¹⁾.

Теперь для насъ сдѣлается понятнымъ, отчего слѣдуетъ считать неправильнымъ обычное отождествленіе кантовской проблемы апріорности пространства съ психологической проблемой воспріятія пространства. Многие выводятъ современныя психологическія теоріи изъ теоріи Канта, и именно современный нативизмъ, по признанію очень многихъ писателей, находится въ прямомъ родствѣ съ ученіемъ Канта ²⁾. На самомъ дѣлѣ между ними есть глубокое различіе.

Попробуемъ формулировать сущность психологической проблемы.

При воспріятіи внѣшняго міра мы воспринимаемъ такія

¹⁾ *Cohen*. Kant's Theorie d. Erfahrung. *Riehl*. Der philosophische Criticismus. B. I, стр. 274 n. d. *Paulsen*. Entwicklungsgeschichte d. Kantschen Erkenntnistheorie. 192.

²⁾ Объ этомъ см. мою: „Проблема воспріятія пространства“. 1896. Предисловіе и стр. 5.

качества вещей, какъ цвѣтъ, твердость, шероховатость и т. п., но кромѣ того, мы воспринимаемъ также и пространство или протяженность. Спрашивается, можно ли пространственное качество считать такимъ же простымъ и неразложимымъ, какъ цвѣтъ, звукъ и т. п. Нативисты утверждаютъ, что пространственное качество такъ же просто и не разложимо, какъ звукъ, цвѣтъ и т. п. Нельзя же цвѣтъ или ощущение свѣта разложить и сказать, что оно складывается изъ другихъ ощущений, которыя не суть ощущенія цвѣта. Возбужденіе сѣтчатки даетъ „ощущеніе“ протяженности. Генетисты находятъ, что представленіе пространства есть нѣчто сложное, разложимое на другіе составные элементы. По ихъ мнѣнію, однихъ возбужденій сѣтчатки недостаточно для возникновенія представленія пространства; для этого послѣдняго необходимо, чтобы къ возбужденіямъ сѣтчатки присоединились еще мускульныя ощущенія, связанныя съ дѣятельностью глазныхъ мускуловъ, и только изъ сліянія разнородныхъ ощущений (цвѣтовыхъ и мускульныхъ) получается представленіе пространства. По мнѣнію однихъ, слѣдовательно, представленіе пространства *производно*, по мнѣнію другихъ, не *производно*.

Еще иначе психологическая проблема пространства выражается слѣдующимъ образомъ.

Составляетъ ли „способность“ воспріятія пространства что-нибудь первоначальное, или оно является результатомъ опыта. Нѣкоторые философы думали, что когда живое существо впервые раскрываетъ глаза, то оно уже воспринимаетъ пространство со всѣми его свойствами. Другіе, напр., Беркли, и вообще генетическая школа, утверждали, что воспріятію пространства живыя существа научаются при помощи продолжительнаго опыта и что одного зрительнаго опыта недостаточно для воспріятія пространства—для этого нуженъ еще мускульно-осязательный опытъ. Нативисты считаютъ способность воспріятія пространства или что тоже представленіе пространства первоначальнымъ или *врожденнымъ*, генетисты считаютъ пространство продуктомъ *опыта*.

Многіе думаютъ, что Кантъ въ своемъ ученіи о пространствѣ былъ нативистомъ, но это не вѣрно. Кантъ не интересовался вопросомъ о томъ, приобрѣтается ли представленіе пространства постепенно, или оно составляетъ врожденное достояніе. Онъ нигдѣ не говоритъ о приобрѣтеніи „способности“ воспріятія пространства, а говоритъ собственно о томъ, что мы называемъ „понятіемъ пространства“, и именно о томъ, можно ли признать, что это понятіе имѣетъ объективную природу. Кантъ былъ знакомъ съ постановкой вопроса Беркли ¹⁾, однако въ „Критикѣ чистаго разума“ онъ нигдѣ не упоминаетъ объ этой проблемѣ. Ясное доказательство того, что проблема Беркли не имѣетъ ничего общаго съ проблемой Канта. ²⁾

Сопоставляя ученіе Канта о пространствѣ съ современными психологическими ученіями о воспріятіи пространства, нѣкоторые считаютъ Канта нативистомъ потому, что онъ признавалъ, что нашему уму присущи изначала различныя формы: пространства, времени, причинности, которыя въ качествѣ условій предшествуютъ опыту и т. д. Это утвержденіе о первоначальности формъ познанія и предшествованіи ихъ опыту обыкновенно понималось такимъ образомъ, какъ если бы рѣчь шла о ихъ врожденности. На самомъ дѣлѣ, какъ мы видѣли выше ³⁾, о Кантѣ нельзя сказать, что онъ считалъ эти „чистыя интуиціи“ врожденными, т. е. находящимися въ сознаніи въ готовомъ видѣ. Чистыя интуиціи приобрѣтаются при помощи дѣятельности сознанія.

Сущность нативистической теоріи, какъ мы только что видѣли, заключается въ признаніи невыводимости пространства изъ какихъ-либо ощущеній. Легко видѣть, что между точкой зрѣнія, признающей непроеизводность протяженности, и точкой зрѣнія, признающей наличность априорныхъ формъ познанія, есть очень существенное различіе.

¹⁾ *Cohen*. Kant's Theorie der Erfahrung, стр. 82.

²⁾ См. мою статью „Философія Канта“, „Міръ Божій“. 1901 г., № 4, стр. 182—3.

³⁾ См. первую статью.

Поэтому учение Канта о пространствѣ, какъ гносеологическое, совсѣмъ не слѣдовало бы приводить въ какую бы то ни было связь съ психологическими теоріями.

Но все-таки если бы мы были поставлены въ необходимость опредѣлить, къ кому Кантъ стоитъ ближе: къ нативистамъ или генетистамъ, то мнѣ кажется, его можно было бы отождествить скорѣе съ генетистами, чѣмъ съ современными нативистами. Во всякомъ случаѣ о Кантѣ нельзя сказать, что онъ могъ бы признать непосредственность воспріятія пространства или „ощущеніе“ пространства, какъ въ этомъ случаѣ выражаются сами нативисты, и что они считаютъ именно характернымъ для своей теоріи ¹⁾.

Поэтому нужно считать противорѣчіемъ у *Рилля* ²⁾, когда онъ говоритъ, что между эмпиризмомъ и нативизмомъ Кантъ занимаетъ среднюю точку зрѣнія. Разъ Кантовская проблема ничего общаго не имѣла съ психологической проблемой, разъ, по собственному признанію *Рилля*, нативизмъ и генетизмъ суть понятія психологическія, то не можетъ быть и сравненія этихъ послѣднихъ съ Кантовской точкой зрѣнія.

Штумфъ въ своей книгѣ *Ursprung d. Raumvorstellung* совершенно правильно, какъ мнѣ кажется, отнесъ его въ одну категорію съ генетистами ³⁾. Но въ слѣдующей своей книгѣ *Psychologie und Erkenntnisstheorie* онъ считаетъ неправильнымъ отождествленіе Кантовскаго ученія съ современными эмпирическими ученіями потому, что „пріобрѣтеніе представленій, о которомъ говоритъ Кантъ, не есть пріобрѣтеніе, о которомъ говорятъ эмпиристы, но это есть „первоначальное пріобрѣтеніе“, т. е. по этому понятію формы, для которыхъ была дана только возможность (врожденная), становятся дѣйствительными подъ вліяніемъ воздѣйствія чувственныхъ впечатлѣній“. Нельзя согласиться съ этимъ замѣчаніемъ *Штумфа*, потому что то первоначальное пріо-

¹⁾ Проблема воспріятія пространства, стр. 95.

²⁾ *Riehl*. Der philos. Kriticismus.

³⁾ Ср. *Vaihinger Commentar* В. II, стр. 69—78.

брѣненіе“, о которомъ говоритъ Кантъ, не имѣеть ничего общаго съ тѣмъ, что признають нативисты. Это „первоначальное пріобрѣтеніе“ есть способность пріобрѣтенія познанія независимо отъ чувственнаго опыта; это нѣчто такое, что совершенно не похоже на нативизмъ ¹⁾.

Такимъ образомъ между психологіей, которая поставляетъ своей задачей описаніе процесса познанія, и гносеологіей Канта, которая поставляетъ своей задачей изслѣдованіе объективности познанія, есть несомнѣнно очень существенное различіе.

Но если мы скажемъ, что психологія имѣеть въ виду описаніе *процесса* или *факта* познанія, то мы не можемъ не видѣть, что Кантовская теорія познанія содержитъ нѣчто, что тоже имѣеть характеръ факта.

Кантъ въ „трансцендентальной дедукціи“ спрашиваетъ объ условіяхъ, при которыхъ тѣ или другія понятія пріобрѣтають объективное значеніе, и отвѣчаетъ на этотъ вопросъ такимъ образомъ, что эти понятія пріобрѣтають объективное значеніе потому, что они сами суть условія возможности предметовъ опыта. Слѣдовательно, Кантъ объясняетъ при помощи констатированія извѣстнаго *факта*. Онъ констатируетъ, что познаніе осуществляется благодаря наличности извѣстныхъ условій. Вопросъ объ „условіяхъ“ того или другого явленія есть, конечно, вопросъ о фактѣ. Но если, такимъ образомъ, гносеологія имѣеть своимъ предметомъ изслѣдованіе фактовъ, то она на самомъ дѣлѣ не отличается отъ психологіи ²⁾.

Съ этимъ замѣчаніемъ можно было бы согласиться, если бы мы при обсужденіи вопроса объ отношеніи психологіи къ теоріи познанія употребляли понятіе психологіи въ широкомъ смыслѣ слова, и если бы мы сообщили психологіи такія задачи, которыя ей до сихъ поръ не придавались. Такого рода изслѣдованіе можно было бы назвать психо-

¹⁾ Ср. первую статью.

²⁾ Такъ приблизительно аргументируетъ *Heumanns*. Die Gesetze u. Elemente des wissenschaftlichen Denkens. 1894, стр. 10 и д.

логическимъ, или, для отличія отъ обыкновенной психологіи, мы могли бы назвать такое изслѣдованіе „трансцендентально-психологическимъ“.

Если же я выше сказала, что задачи психологіи и теоріи познанія отличны другъ отъ друга, то я имѣлъ въ виду психологію, какъ она обыкновенно понимается. Такое различіе важно проводить потому, что многіе, не замѣчая указаннаго различія, пытаются опровергать Кантовскую теорію познанія при помощи общепринятыхъ психологическихъ теорій, но это не правильно, потому что его задача не была психологической.

Изъ этого, разумѣется, отнюдь не слѣдуетъ, чтобы понятіе психологіи нельзя было настолько расширить, чтобы называть „психологическими“ такія изслѣдованія, которыя въ методологическомъ отношеніи правильнѣе было бы слѣдять предметомъ отдѣльной дисциплины, въ данномъ случаѣ теоріи познанія. При такомъ расширеніи, конечно, теорія познанія оказалась бы частію психологіи.

Различіе между гносеологіей и психологіей заключается въ методѣ изслѣдованія. Гносеологія просто анализируетъ научное познаніе, и старается опредѣлить, какіе изъ элементовъ этого познанія получаются изъ чувственныхъ впечатлѣній и какіе имѣютъ субъективный характеръ, чтобы затѣмъ указать, почему имъ присуще объективное значеніе.

Если бы мы захотѣли объяснить наличность того или другого элемента въ нашемъ познаніи при помощи изслѣдованія его генезиса, то мы неизбѣжно пришли бы къ эмпиризму.

Методъ психологической, т. е. изслѣдованіе происхожденія понятій по самому существу неизбѣжно долженъ приводить къ эмпиризму. Если мы напр., желаемъ изслѣдовать элементъ „необходимости“, который находится въ нашемъ познаніи, то мы, становясь на точку зрѣнія психологическую, будемъ пытаться объяснить „происхожденіе“ этого элемента“. При этихъ условіяхъ мы получимъ необходимость субъективную, между тѣмъ какъ та необходимость, которая употребляется въ наукѣ и о которой говорить

Кантъ, имѣть объективный характеръ и эмпирически никакъ объяснена быть не можетъ.

Различіе между этими двумя видами необходимости сводится къ слѣдующему.

Если я много разъ имѣлъ случай воспринимать совмѣстно два представленія А и В, то вслѣдствіе этого въ моемъ сознаніи устанавливается тѣсная связь между ними, именно, мнѣ начинаетъ казаться невозможнымъ мыслить одно представленіе безъ другого. Я „чувствую“, что одно представленіе немислимо безъ другого. Это я выражаю утвержденіемъ, что связь между этими представленіями необходима. Но эта необходимость основывается на „чувствѣ“, а потому она и называется *субъективной*, психологической необходимостью. Такая необходимость является результатомъ постоянной ассоціаціи между данными представленіями.

Необходимость, о которой говоритъ Кантъ, имѣть характеръ объективный. Связь между представленіями мыслится нами необходимой не потому, что она часто встрѣчалась въ опытѣ, а потому, что сама наша мысль вноситъ эту необходимость въ вещи. Это внесеніе необходимой связи, на примѣръ въ причинность, является условіемъ познанія.

По мнѣнію эмпириковъ, причинная связь кажется необходимой потому, что во внѣшнемъ мірѣ тѣ или другія вещи, дающія начало представленіямъ, встрѣчаются въ опредѣленной связи настолько часто, что соотвѣтствующая имъ связь представленій дѣлается неразрывной. Намъ кажется, мы чувствуемъ, что эта связь не можетъ быть разорвана. Связь эта кажется неразрывной, необходимой по причинамъ субъективного характера. Та необходимость, о которой говоритъ Кантъ, не имѣетъ характера субъективного принужденія, а представляетъ собою именно нѣчто объективное. По мнѣнію эмпириковъ та необходимость, которую мы приписываемъ объектамъ, есть только лишь результатъ извѣстнаго „чувства“, извѣстнаго *предрасположенія* мыслить такъ или иначе.

Если бы это было на самомъ дѣлѣ такъ, то понятіе при-

чинности, согласно которому дѣйствіе необходимо возникаетъ, въ случаѣ возникновенія причины, было бы просто-на-просто ложнымъ. Мы не были въ состояніи доказать, что нашему „предрасположенію“ мыслить такъ или иначе въ объективномъ мірѣ что-либо соотвѣтствуетъ. По мнѣнію Канта, если допустить, что „необходимость“ есть только извѣстное чувство, то я не имѣлъ бы права сказать, что „дѣйствіе связано съ причиной необходимо“, я могъ бы только сказать, что „я такъ устроенъ, что я это представленіе не могу мыслить иначе, какъ только связаннымъ такимъ образомъ“. Я не могъ бы сказать, что въ вещахъ дѣйствительно существуетъ объективная связь, а могъ бы только сказать, что мнѣ кажется, что въ вещахъ существуетъ опредѣленная связь.

Если бы, поэтому, эмпирикъ доказалъ психологически, что у насъ вслѣдствіе продолжительной привычки возникаетъ предрасположеніе мыслить связь между дѣйствіемъ и причиной необходимой, то это все-таки не избавляло бы его отъ постановки вопроса, отвѣчаетъ ли это „предрасположеніе“ дѣйствительности или нѣтъ, объективна ли та связь, которую я мыслю необходимой. Другими словами, психологическое рѣшеніе вопроса о происхожденіи чувства необходимости не избавляетъ насъ отъ задачи изслѣдовать объективность этого понятія ¹⁾).

Такимъ образомъ ясно, что нельзя отождествлять психологию съ теоріей познанія.

Одной изъ очень важныхъ причинъ отождествленія психологии съ теоріей познанія является то обстоятельство, что обыкновенно неправильно понимаютъ, что означаетъ у Канта „форма“ познанія ²⁾. Именно подъ формой понимали нѣчто вродѣ *орiana*, которому принадлежитъ организующая функція.

Поэтому рассмотримъ, что понималъ Кантъ подъ „фор-

¹⁾ О субъективной необходимости см. мою статью „Эволюціонный и критическій методъ въ теоріи познанія“. „Міръ Божій“. 1902, № 8.

²⁾ Kr. d. r. стр. 137. *Vaibinger*. Commentar zu Kant's Kr. d. r. V. B. I. 359—60.

мой“. Есть ли „форма“ что-либо реально отдѣлимое отъ содержанія, какъ это обыкновенно понимается, или же форма и матерія суть только лишь продуктъ логическаго расчлененія. Представляетъ ли форма что-либо такое, что присоединяется, привходитъ къ содержанію и своимъ при-вхожденіемъ дѣлаетъ его предметомъ познанія, или же, можетъ быть, „форма“ есть только лишь извѣстное понятіе, которое неизмѣнно сопровождаетъ тѣ или другія воспріятія, а потому и называется формой.

Нѣкоторые подъ кантовской „формой“ склонны были понимать нѣчто такое, что существуетъ реально, что реально предшествуетъ матеріи. По этому пониманію, формѣ принадлежитъ такое же организующее значеніе, какъ напр. психо-физическимъ или органическимъ условіямъ; она можетъ организовать или придавать опредѣленный порядокъ ощущеніямъ. Форма есть какъ бы „органъ“, въ который входятъ ощущенія и въ которомъ они подвергаются дальнѣйшей переработкѣ. Такъ понимали Канта между прочимъ Тренделенбургъ и Гербартъ. По мнѣнію Гербарта, Кантъ предполагаетъ пару безконечныхъ сосудовъ, въ которые чувства высыпаютъ свои ощущенія. У насъ въ сознаніи существуютъ какъ бы готовыя формы; эти формы ждуть, пока онѣ не столкнутся съ матеріей, т. е. съ ощущеніями извнѣ данными.

Но это пониманіе одно изъ наиболѣе неудачныхъ. Въ дѣйствительности, „форма“ у Канта есть извѣстное понятіе, которое находится въ опредѣленномъ логическомъ отношеніи къ содержанію воспріятія, или еще иначе подъ этимъ можно понимать тотъ способъ, которымъ располагаются ощущенія, „законъ“ координаціи ощущеній, законъ, по которому сознание синтезируетъ ощущенія¹⁾.

Но будемъ ли мы понимать подъ формой понятія или законъ, все равно мы не будемъ понимать подъ нимъ ничего такого, что вродѣ сосудовъ служило бы для воспри-

1) *Soben.* I. с., стр. 146 и д. 159 и д.

ятія ощущеній. Между формой и матеріей можетъ быть только лишь *логическое* отношеніе.

Въ реальномъ воспріятіи форма и содержаніе неразрывно связаны другъ съ другомъ, если же онѣ мыслятся отдѣльно другъ отъ друга, то только благодаря абстракціи, примѣняемой въ процессѣ рефлексіи. Если Кантъ говоритъ, поэтому, объ отдѣлимости формы отъ содержанія, то это нужно понимать, конечно, только логически. Правда, иногда самъ Кантъ подаетъ поводъ понимать форму реально. Онъ иногда выражается такимъ образомъ, что форма предшествуетъ содержанію, что она находится какъ бы готовой, что она заранѣе находится въ нашемъ сознаніи ¹⁾.

Но, разумѣется, его нельзя понимать буквально.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, намъ слѣдуетъ рассмотретьъ, отчего въ процессѣ воспріятія „форма“ намъ кажется отдѣльной отъ матеріи или содержанія.

Если мы возьмемъ въ примѣръ какое-либо пространственное воспріятіе, то мы въ немъ отличимъ то, что мы называемъ пространственнымъ *порядкомъ*, отъ того, что мы называемъ *ощущеніемъ*; пространственнымъ порядкомъ мы называемъ то обстоятельство, что какое-либо ощущаемое качество А находится рядомъ, сверху, снизу, впереди или позади какого-либо другого качества; которое мы назовемъ В. Это ощущаемое качество (цвѣта, напр.) мы можемъ разсматривать назависимо отъ какого бы то ни было пространства; мы можемъ разсматривать какой-либо цвѣтъ просто, какъ таковой, независимо отъ пространственного порядка.

Возможность отдѣленія пространства отъ ощущенія объясняется слѣдующимъ образомъ.

Въ первоначальномъ воспріятіи мы не отдѣляемъ пространственного порядка отъ ощущеній; если же мы процессы воспріятія сдѣлаемъ предметомъ нашей рефлексіи, то увидимъ, что въ воспріятіи мы можемъ отличить форму отъ матеріи, т. е. пространство отъ ощущенія; мы

1) Мѣста, эти собраны у *Vaihinger*'а В. II.

увидимъ, что то, что мы называемъ порядкомъ, можетъ „мыслиться“ нами безъ какого бы то ни было содержанія ¹⁾. Мысля какое-либо тѣло, мы можемъ мыслить исключительно его пространственныя свойства, совершенно не обращая никакого вниманія на цвѣтотыя свойства. Такая возможность отдѣльнаго, независимаго разсматриванія пространственнаго порядка отъ ощущеній и производить то, что мы считаемъ этотъ порядокъ ощущеній чѣмъ-то независимымъ и отдѣльнымъ и называемъ его формой.

Это же самое можно пояснить и на понятіи времени, которое возникаетъ изъ воспріятія ряда событій, слѣдующихъ другъ за другомъ. Этотъ рядъ въ нашемъ сознаніи представляется въ видѣ большаго или меньшаго „промежутка времени“ въ зависимости отъ того, какимъ количествомъ представленій или ощущеній мы наполняемъ его. Дѣлая воспринимаемое время предметомъ рефлексіи, мы замѣчаемъ, что то, что мы называемъ порядкомъ *последовательности*, совершенно отличается отъ ощущеній, которыя составляютъ рядъ. Этотъ порядокъ мы можемъ мыслить независимо отъ тѣхъ или другихъ ощущеній, которыя могутъ слѣдовать другъ за другомъ. Этотъ порядокъ мы называемъ формой времени.

Отсюда получается то, что Кантъ называетъ *чистой интуиціей*, т. е. интуиціей, въ которой нѣтъ никакого содержанія, и въ которой есть только опредѣленный порядокъ или форма.

Слѣдовательно, по Канту, мы можемъ отдѣлять форму воспріятія отъ того содержанія, или отъ тѣхъ ощущеній, которыя входятъ въ составъ даннаго воспріятія. Это отдѣленіе есть только лишь абстракція, это есть логическій процессъ.

Отсюда ясно, почему неправы тѣ, которые утверждаютъ, что форма имѣетъ организующее значеніе, что она можетъ

---

¹⁾ Я обращаю вниманіе на то, что рѣчь идетъ о «мыслимости», а не о «представимости». Цвѣта можно «мыслить» отдѣльно отъ протяженности, но представить цвѣтъ отдѣльно отъ протяженности, конечно, невозможно.

предсуществовать въ нашемъ сознаніи реально и своимъ присоединеніемъ къ ощущенію можетъ дѣлать послѣднее предметомъ познанія. Это неправильно потому, что форма не можетъ существовать отдѣльно отъ ощущеній, она только *логически* отдѣлима отъ ощущеній, или отъ содержанія воспріятія, а потому къ этимъ послѣднимъ можетъ становиться только въ определенное *логическое* отношеніе ¹⁾).

Вслѣдствіе того, что формѣ придается значеніе „органа“ и апіорныя понятія обыкновенно понимались такимъ же образомъ. Подъ апіорными понятіями обыкновенно понимались готовые понятія, находящіяся въ умѣ до всякаго опыта, другими словами, отождествляли ихъ просто съ врожденными понятіями, въ общепринятомъ значеніи. Такое отождествленіе происходило вслѣдствіе того, что казалось, что апіорныя понятія, обуславливающія опытъ, должны находиться въ душѣ въ видѣ чего-либо готоваго.

Хотя апіорныя понятія и являются условіемъ опыта, однако нельзя думать, что они по *времени* предшествуютъ всякому воспріятію, или, вѣрнѣе сказать, это предшествованіе во времени не имѣетъ никакого значенія. Въ обуславливаніи апіорнаго понятія самымъ существеннымъ является логическое отношеніе между обуславливающимъ понятіемъ и предметомъ воспріятія. Если мы скажемъ, что пространство есть необходимое условіе внѣшняго воспріятія, то въ этомъ обуславливаніи временное отношеніе между тѣмъ, что обуславливаетъ, и тѣмъ, что обуславливается, не имѣетъ никакого рѣшающаго значенія.

Отождествленіе понятія апіорности съ понятіемъ врожденности не основательно потому, что терминъ „врожденности“ въ обычномъ пониманіи совсѣмъ не выражаетъ того, что имѣетъ цѣлью выразить терминъ апіорность.

Эти два понятія можно было бы считать до нѣкоторой степени тождественными, если бы мы, употребляя терминъ врожденности, имѣли въ виду указать на то, что въ на-

1) Отличное отъ этого толкованіе см. Vaihinger I. с.

шемъ сознаниі имѣются понятія, которыя приобрѣтаютъ достовѣрность независимо отъ чувственнаго опыта. Въ этомъ смыслѣ понималъ врожденность, какъ мы видѣли, Лейбницъ.

Но и этого сходства недостаточно для того, чтобы отождествлять апріорность и врожденность, потому что если мы даже и признаемъ, что у насъ есть познанія, которыя независимы отъ чувственнаго опыта, то все-таки этимъ не рѣшается главный вопросъ критики познанія, именно вопросъ о томъ, почему эти понятія являются условіемъ опыта. Мы знаемъ, что у Канта апріорныя понятія это тѣ, которыя, будучи независимы отъ чувственнаго воспріятія, являются однако условіемъ опыта. Поэтому, если бы мы захотѣли отождествить апріорныя понятія съ врожденными, то было бы утрачено то существенное, что содержится въ понятіи апріорности.

Если же мы подъ врожденностью будемъ понимать просто „предрасположеніе“ къ приобрѣтенію тѣхъ или иныхъ понятій, то различіе между апріорностью и врожденностью сдѣлается особенно яснымъ.

По эволюціонной теоріи, какъ извѣстно, если мы предположимъ, что „предрасположеніе“ къ какому-либо представленію передается изъ поколѣнія въ поколѣніе, то вслѣдствіе возрастанія степени предрасположенія, у послѣдняго представителя разсматриваемаго ряда поколѣній интенсивность этого предрасположенія сдѣлается настолько сильной, что будетъ казаться, что у него въ сознаниі соотвѣтствующее представленіе существуетъ какъ бы готовымъ: оно будетъ для даннаго индивидуума какъ бы врожденнымъ. Но изъ этого совсѣмъ не слѣдовало бы, что указанное представленіе будетъ для него въ то же время и апріорнымъ, потому что апріорность совсѣмъ не предполагаетъ, что соотвѣтствующее понятіе должно быть врожденнымъ или являться въ сознаниі индивидуума какъ нѣчто готовое.

Апріорное познаніе каждымъ индивидуумомъ должно получаться сизнова. Такія понятія, какъ напр., понятіе при-

чинности, времени, пространства должны приобретаться каждымъ отдѣльнымъ индивидуумомъ снова, а не могутъ быть получаемы откуда-то и какъ-то готовыми. Логическія условія познания, какъ и всякое познаніе, есть результатъ пріобрѣтенія.

Такимъ образомъ врожденность и апріорность — это два совершенно отличныхъ другъ отъ друга понятія, и отождествлять ихъ нѣтъ никакой возможности, потому что понятіе врожденности имѣетъ цѣлью выразить, что извѣстное представленіе пріобрѣтаетъ „предрасположеніе“ возникать самопроизвольно, между тѣмъ какъ подъ апріорными понятіями мы разумѣемъ такія понятія, которыя обосновываютъ познаніе. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что къ апріорнымъ понятіямъ никакъ нельзя примѣнять термина „врожденность“. Собственно для этого никакихъ препятствій не имѣется, но избѣгая этого отождествленія, я хочу сказать, что функція апріорныхъ понятій никакъ не можетъ быть объяснена изъ врожденности или передачи тѣхъ или иныхъ предрасположеній.

Апріорныя понятія получаютъ изъ самаго духа. 1) Если бы этого источника не было, то нечего было бы передавать по наслѣдству, нельзя было бы передать никакихъ предрасположеній, и поэтому не было бы никакихъ основаній къ тому, чтобы они могли слѣлаться врожденными. Кромѣ того, если бы даже допустить, что апріорныя понятія получаютъ изъ повторной наслѣдственной передачи предрасположеній, то для этого мы должны были бы предположить, что эти предрасположенія въ извѣстной генерачіи пріобрѣтаютъ наибольшую напряженность и въ моментъ наибольшей напряженности они именно и дѣлаются основой для возникновенія апріорныхъ понятій. Но объ апріорныхъ понятіяхъ никакъ нельзя сказать, что они имѣютъ различную степень. Апріорныя понятія въ собственномъ смыслѣ возникаютъ въ

---

1) Объ этомъ см. мою статью: „Объ апріорныхъ элементахъ познания“. „Вопросы философіи и психологіи“, №№ 59 и 60.

тотъ моментъ, когда возникаетъ то, что мы называемъ опытомъ въ кантовскомъ смыслѣ слова.

Такимъ образомъ между понятіями апріорности и врожденности есть настолько существенное различіе, что для отождествленія ихъ нѣтъ никакихъ основаній, такъ какъ одно изъ нихъ является понятіемъ психологическимъ: оно обозначаетъ извѣстнаго рода „предрасположеніе“ къ приобрѣтенію тѣхъ или иныхъ понятій; апріорность есть понятіе гносеологическое: оно имѣетъ въ виду логическія условія или предпосылки опыта.

Несмотря на это, есть писатели, которые, хотя и признаютъ, что между психологіей и теоріей познанія есть существенное различіе, но въ то же время утверждаютъ, что понятія апріорности и врожденности имѣютъ общія точки соприкосновенія.

Они рассуждаютъ слѣдующимъ образомъ. Для того, чтобы наше познаніе могло осуществиться, необходимы условія, которыя не могутъ быть получены изъ опыта. Такими условіями являются съ одной стороны извѣстныя *понятія*, съ другой стороны извѣстныя *функции* или способности.

Для того, чтобы у насъ могло осуществиться мышленіе, мы должны подчинить его извѣстнымъ нормамъ; только при такомъ подчиненіи нормамъ мышленіе можетъ совершаться законосообразно. Эта законосообразность должна имѣть свои основанія въ „функцияхъ“ мышленія, или въ нашей „способности“ мышленія: мы должны имѣть опредѣленныя способности для такого рода мышленія. Способности должны быть врожденными, какъ вообще всѣ способности. У насъ должно быть извѣстное „предрасположеніе“ для такого рода мышленія. Но если сказать, что у насъ есть предрасположеніе къ извѣстнаго рода мышленію—это значитъ сказать, другими словами, что у насъ есть извѣстныя функции или способности, а понятіе функции или способности есть понятіе психологическое. Слѣдовательно, будемъ ли мы говорить о логическихъ основахъ мысли, или объ извѣстныхъ функцияхъ, мы въ дѣйствительности гово-

римъ объ одномъ и томъ же. Априорность извѣстныхъ функций и априорность извѣстныхъ нормъ—это одно и то же ¹⁾.

Можно даже пойти дальше и сказать, что такъ какъ всякое физиологическое предрасположеніе является необходимымъ условіемъ для психологическаго предрасположенія, то априорность можетъ получить также и физиологическое истолкованіе. Такъ какъ эти „предрасположенія“ могутъ передаваться по наслѣдству, то ясно, что къ нимъ можетъ быть приложено понятіе врожденности ²⁾.

Но и съ такимъ отождествленіемъ априорности съ врожденностью никакъ нельзя согласиться. Между ними остается весьма существенное различіе, которое состоитъ въ томъ, что между наличностью извѣстнаго *понятія*, какъ условія познанія и между наличностью извѣстной *функции* есть огромное различіе. Когда я говорю объ априорности извѣстнаго понятія, то я имѣю въ виду главнымъ образомъ то обстоятельство, что извѣстное понятіе съ извѣстнымъ содержаніемъ является необходимымъ *логическимъ* условіемъ познанія. Мы сознаемъ, что въ процессѣ познанія мы подчиняемся извѣстнымъ нормамъ. Постолько мы говоримъ объ *априорности*. Когда же мы говоримъ, что у насъ имѣются налицо извѣстныя психическія функции или предрасположеніе къ мышленію извѣстныхъ представленій, то мы можемъ говорить и объ ихъ *врожденности*. Несомнѣнно, что эти двѣ точки зрѣнія совершенно различны.

Можно согласиться съ тѣмъ, что априорныя формы или нормы, которымъ должна подчиняться мысль, представляютъ извѣстное предрасположеніе, которое, разумѣется, связано съ тѣми или иными физиологическими условіями, но вопросъ въ томъ, нужно ли априорныя формы мыслить такимъ образомъ. Мнѣ кажется, что если бы мы извѣстную „форму“ стали мыслить, какъ извѣстное предрасположеніе, то различіе между понятіями априорности и

1) Напр. *Фолькельтъ*. Erfahrung und Denken. 1886, стр. 494—95.

2) Напр. *Liebmann*. Zur Analysis der Wirklichkeit. (ср. Methamorphosen des a priori).

врожденности не было бы устранено; они все-таки не сдѣлались бы тождественными. Хотя въ процессѣ нашего познанія и то, что мы называемъ апріорность, и то, что мы называемъ врожденность, совпадали бы, однако точка зрѣнія на нихъ была бы все-таки отлична.

Употребляя терминъ „врожденность“, мы имѣемъ въ виду какія-нибудь способности психическія или психофизиологическія. Въ этомъ смыслѣ понятіе врожденности есть понятіе психогенетическое. Предпосылки научнаго познанія разсматриваются независимо отъ какихъ бы то ни было способностей. Поэтому въ теоріи познанія не можетъ быть и рѣчи о врожденности, такъ какъ это понятіе предполагаетъ именно понятіе способности. Понятіе „врожденности“ единственно возможное по отношенію къ психофизической организаци—есть дѣло психологіи, а не теоріи познанія.

Поэтому было бы гораздо цѣлесообразнѣе для тѣхъ функцій, которыя предшествуютъ какому бы то ни было опыту, пользоваться терминомъ психологическая апріорность, потому что между этой апріорностью и той гносеологической есть весьма существенное различіе. Если рѣчь идетъ о тѣхъ или иныхъ функціяхъ, о тѣхъ или иныхъ „предрасположеніяхъ“, то это будетъ точка зрѣнія психологическая. Если мы говоримъ о понятіяхъ, какъ условіяхъ опыта, то это будетъ точка зрѣнія гносеологическая.

Многіе думаютъ, что у Канта форма имѣетъ организующее значеніе, потому что онъ, говоря о формѣ, считаетъ ее условіемъ *возможности* опыта. Если опытъ понимать въ широкомъ смыслѣ какъ познаніе, даже просто какъ воспріятіе, то возникаетъ попытка подъ апріорностью понимать вообще все, что такъ или иначе обуславливаетъ возможность познанія. По мнѣнію *А. Ланге*, все, что въ нашемъ существѣ является условіемъ воспріятія, нужно считать апріорнымъ. Въ этомъ смыслѣ Ланге говорилъ о „психофизической“ организаци, какъ объ апріорномъ условіи познанія. По его мнѣнію, „то въ насъ, все равно, будемъ ли мы его понимать физиологически или психологически, благодаря чему коле-

баніе струны становится звукомъ, является апріорнымъ въ этомъ процессѣ опыта¹⁾. Другими словами, по его мнѣнію, тѣ психофизическія условія, благодаря которымъ внѣшнія возбужденія могутъ сдѣлаться для насъ ощущеніями звука, и тѣ апріорныя понятія, которыя, какъ мы видѣли выше, являются условіями опыта, должны быть отождествляемы.

Но такое толкованіе Кантовской мысли нужно считать неправильнымъ. Во-1-хъ, Кантъ говоритъ объ условіяхъ не познанія вообще или воспріятія, а объ условіяхъ опыта. Во-2-хъ, между этими двумя родами обусловливанія есть очень существенное различіе. Физическая или психофизическая организація обусловливаетъ такъ, какъ вообще можетъ обусловливать нѣчто матеріальное; апріорныя понятія обусловливаютъ какъ логическія основы, какъ вообще одно понятіе, извѣстное логическое построеніе, можетъ обусловливать другое. Психофизическія условія воспріятія находятся въ нашемъ существѣ, какъ органъ, апріорныя понятія существуютъ въ нашемъ сознаніи, какъ извѣстныя психическія построенія.

Такое отождествленіе условій *опыта* съ психофизическими условіями чувственнаго *воспріятія* легко привело къ тому, что точку зрѣнія теоріи познанія смѣшали съ психологической точкой зрѣнія, что было сдѣлать тѣмъ легче, что между психофизиологіей и психологіей многіе не проводятъ никакого различія. Но отождествленіе физическихъ условій воспріятія съ кантовскимъ понятіемъ апріорности нужно считать совершенно неосновательнымъ, какъ это мы увидимъ въ слѣдующей статьѣ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Г. Челпановъ.

---

1) *Lange*. Geschichte des Materialismus 1875. В. II, 29.

Вопросы философія, кн. 67.

Философія Ницше ¹⁾).

VI.

Ученіе Ницше въ послѣдней стадіи его развитія: его взглядъ на сущность мірового процесса.

Философія Ницше есть прежде всего совершенный атеизмъ; но своеобразная особенность ея заключается не въ этомъ, а въ томъ, что онъ рѣшился до конца продумать свой атеизмъ, вывести изъ него всѣ его логическія послѣдствія. Онъ не принадлежитъ къ тому ходячему типу философовъ нашего времени, для которыхъ вопросы, связанные съ религіей, отпадаютъ, какъ разъ навсегда поконченные. Напротивъ того, вопросы эти составляютъ тотъ центръ, вокругъ котораго вращается его мысль. Самая интересная сторона его философіи заключается въ томъ, *что онъ понялъ атеизмъ какъ основную проблему* всей своей жизни и мысли. Подвергнувъ критическому анализу современную культуру, умственную и нравственную жизнь современнаго человѣчества, онъ убѣдился прежде всего въ поверхностности современнаго безвѣрія: съ одной стороны современная мысль представляется по существу иррелигіозной; съ другой стороны современное человѣчество не въ состояніи отрѣшиться отъ старой традиціонной оцѣнки жизни, отъ цѣлаго ряда этическихъ формулъ, неразрывно связанныхъ съ вѣрой. Въ своемъ отрицаніи религіи нашъ вѣкъ остался на полдорогѣ: вся

---

¹⁾ № 66. Вопр. Ф. и П.

наша жизнь покоится попережнему на религиозныхъ предположеніяхъ, на безсознательныхъ вѣрованіяхъ. И вотъ Ницше рѣшился прослѣдить и отвергнуть эти предположенія, выкинуть за бортъ все то, что такъ или иначе связано съ ними.

Задача ставится для него такимъ образомъ: „Богъ умеръ“, но люди продолжаютъ жить такъ, какъ будто извѣстіе о Его смерти еще не дошло до ихъ сознанія: «послѣ смерти Будды его послѣдователи въ теченіе ряда столѣтій показывали въ пещерѣ его тѣнь, огромную, страшную тѣнь. Богъ умеръ, но родъ людской таковъ, что еще, можетъ быть, въ теченіи цѣлыхъ тысячелѣтій просуществуютъ пещеры, гдѣ будетъ показываться Его тѣнь. А намъ—намъ предстоитъ еще побѣдить эту тѣнь» ¹⁾).

Съ этой точки зрѣнія весь міръ долженъ представиться въ новомъ освѣщеніи. Послѣдовательный атеизмъ долженъ прежде всего отказаться отъ телеологіи: всякое ученіе, пытающееся объяснить развитіе природы и человѣчества съ точки зрѣнія какихъ-либо конечныхъ цѣлей, должно быть отвергнуто какъ остатокъ пережитыхъ вѣрованій ²⁾). Понятіе цѣли есть первое, въ чемъ Ницше видитъ *тѣнь Бога*; оно не имѣетъ ничего общаго съ дѣйствительностью, а представляетъ собою всецѣло наше изобрѣтеніе.

Кто станетъ на эту точку зрѣнія, тотъ долженъ будетъ признать, что „міръ есть хаосъ“. Философія нашихъ дней любитъ изображать міръ какъ „организмъ“, какъ „живое цѣлое“; но такое пониманіе вселенной заключаетъ въ себѣ остатокъ представленія о ея цѣлесообразности. Гдѣ есть организмъ, тамъ есть и цѣлесообразность. Но что можетъ быть общаго между вселенной и организмомъ! Отличительная черта всего органическаго есть питаніе, ростъ и размноженіе. Но какъ можетъ вселенная расти, какъ можетъ она размножаться! По отношенію къ міровому цѣлому орга-

¹⁾ Die fröhliche Wissenschaft, § 109, B. V, 147—149.

²⁾ Götzen-Dämmerung, Die Verbesserer der Menschheit, § 1, B. VIII, 104.

низмъ—нѣчто производное и позднее, случайное и рѣдкое; это—плѣснь земли, наростъ на земной корѣ; и мы хотимъ видѣть въ этомъ наростѣ сущность вселенной, нѣчто всеобщее и вѣчное?

Весь органическій міръ—не болѣе, какъ счастливая случайность, преходящее явленіе нашей земной планеты; а по отношенію къ міровому цѣлому сама наша планета и вся наша астральная система—не болѣе какъ случайность. Правильное періодическое круговращеніе свѣтилъ вовсе не есть всеобщій законъ движенія вещества: при одномъ взглядѣ на млечный путь возникаетъ вопросъ, не есть ли движеніе беспорядочное, безформенное общее правило?

Та астральная система, въ которой мы живемъ—не болѣе какъ исключеніе; между тѣмъ, она-то именно и дѣлаетъ возможнымъ нашъ органическій міръ—исключеніе изъ исключеній. Въ міровомъ процессѣ какъ цѣломъ отсутствуютъ красота, порядокъ и форма: это—процессъ бессмысленный и безумный. Говорить, что въ природѣ жизнь—существенна—значитъ неправильно уподоблять природу человѣку: природа не имѣетъ никакихъ стремленій, никакихъ идеаловъ; для нея жизнь не отличается отъ смерти; въ ней живое—не болѣе, какъ разновидность мертваго и притомъ очень рѣдкая разновидность. Не будемъ говорить о совершенствѣ природы, о ея мудрости и благодати или, наоборотъ, о ея злобѣ и неразуміи. Природѣ вообще чужды наши противоположности добра и зла, разумнаго и бессмысленнаго: ей чуждо все человѣческое, и она вовсе не хочетъ подражать человѣку.

Раньше Ницше видѣлъ въ человѣкѣ конечную цѣль природы, ея надежду и спасеніе. Теперь онъ отвергаетъ эту мысль, какъ ложную попытку очеловѣчить природу, помрачить ее „тѣнью Бога“. Среди всеобщаго неурейства вселенной что такое человѣкъ съ его разумомъ? Небольшая, эксцентрическая разновидность животнаго, обреченная, какъ и все живущее, на непродолжительный срокъ существованія; жизнь этой разновидности—краткій мигъ,

приключеніе земной планеты, не оставляющее въ ней сколько-нибудь замѣтнаго слѣда; сама земная планета—промежутокъ между двумя состояніями ничтожества,—событіе безъ плана, безъ разума, самосознанія и воли, проявленіе худшаго рода необходимости,—*млтой необходимости*. Напрасно было бы думать, что человѣкъ—вънецъ творенья: если мы скажемъ, что всѣ прочія твари стоятъ на одинаковой съ нимъ ступени совершенства, то даже и этимъ мы, пожалуй, припишемъ ему слишкомъ много; по сравненію съ другими созданіями человѣкъ—неудачнѣйшее изъ животныхъ,—самое болѣзненное, наиболѣе отклонившееся отъ своихъ инстинктовъ, хотя, быть можетъ, и самое интересное.

Человѣчество не есть усовершенствованіе природы, не есть шагъ впередъ въ ея развитіи, потому что въ мірѣ, какъ цѣломъ, нѣтъ вообще движенія впередъ, нѣтъ ни прогресса, ни регресса въ смыслѣ измѣненія къ лучшему или худшему ¹⁾. Иллюзія мірового прогресса покоится на иллюзіи міровой цѣли. Наша привычка предполагать цѣль въ основѣ существующаго вѣчно заставляетъ насъ думать, что міръ близится къ какому-то состоянію совершенства, что настоящее существуетъ только для будущаго. Но если бы міръ имѣлъ какую-нибудь цѣль, она уже была бы достигнута; если бы онъ былъ способенъ къ „конечному состоянію“ совершенства, оно уже давно бы наступило, ибо міровое движеніе совершалось уже въ теченіе безконечнаго времени. Самый фактъ непрерывнаго теченія явленій доказываетъ, что міръ не имѣетъ цѣли, а слѣдовательно, не имѣетъ и конца: онъ безпрестанно умираетъ и непрерывно нарождается, питаясь своими экскрементами; онъ вѣчно течетъ и неспособенъ застыть въ какомъ-либо состояніи; въ немъ нѣтъ ничего непреходящаго, ничего вѣчнаго, кромѣ самаго

¹⁾ См. для всего предыдущаго: Die fröhliche Wissenschaft, §§ 109, 322, 1, B. VII, 147—149, 244—235, 33—37, Der Wille zur Macht, § 14, B. VIII, 229; Der Wille zur Macht, B. XV. §§ 384, 461, 173, стр. 408, 471, 174—175. Der Wille zur Macht, §§ 316, 323, B. XV, 332, 344—345.

процесса безконечнаго теченія. Ошибочно было бы думать, что въ своемъ развитіи міръ не повторяется: отсутствіе повтореній предполагало бы въ міровой жизни цѣль, намѣреніе. Если бы міровой процессъ былъ процессомъ сознательнымъ, осмысленнымъ, то каждая стадія его выражала бы собою извѣстную ступень по пути къ совершенству, достигнутый результатъ, не подлежащій повторенію.

Но такъ какъ міровой процессъ вообще не есть стремленіе къ цѣли, то онъ представляетъ собою движеніе круговращательное, а не поступательное. Достигнувъ извѣстнаго предѣла въ своемъ развитіи, міръ снова возвращается къ своей исходной точкѣ. Онъ представляетъ собою картину непрерывнаго и безконечнаго повторенія.

Здѣсь Ницше проповѣдуетъ то самое, что въ извѣстномъ романѣ Достоевскаго говоритъ чортъ, приснившійся больному Ивану Карамазову.

„Да вѣдь ты думаешь все про нашу теперешнюю землю. Да вѣдь теперешняя земля, можетъ, сама-то билліонъ разъ повторялась; ну, отживала, леденѣла, трескалась, рассыпалась, разлагалась на составныя начала; опять вода, яже бѣ надъ твердію, потомъ опять комета, опять солнце, опять изъ солнца земля,—вѣдь это развитіе, можетъ, уже безконечно разъ повторяется, и все въ одномъ и томъ же видѣ, до черточки. Скучища неприличнѣйшая“...

Что Достоевскій изображаетъ какъ кошмарическій бредъ больного Ивана Фѣдоровича, то для Ницше носитъ на себѣ печать самой подлинной дѣйствительности. И онъ, подобно чорту Достоевскаго, учитъ, что все въ мірѣ повторяется, до черточки, и Сиріусъ, и паукъ и каждое событіе нашей жизни въ каждую данную минуту. Но въ отличіе отъ чорта Ницше не считаетъ возможнымъ называть этотъ круговоротъ жизни „скучнымъ“ или „глупымъ“, такъ какъ наши человѣческія понятія о разумномъ или глупомъ вообще не могутъ послужить характеристиками для міроваго цѣлаго. Статья Ницше „О вѣчномъ возвращеніи вещей“ была написана въ 1881 году, т.-е. тотчасъ послѣ окончанія Достоев-

скимъ „Братьевъ Карамазовыхъ“. Совпаденіе въ мысляхъ и даже въ выраженіяхъ здѣсь, впрочемъ, случайное, такъ какъ въ то время Ницше не могъ ознакомиться съ романомъ Достоевскаго, еще не переведеннымъ на какой-либо иностраннѣй языкъ.

Ницше пытается доказать ученіе о всеобщемъ возвращеніи. Онъ видитъ въ немъ необходимое послѣдствіе закона сохраненія энергіи. Законъ этотъ заключается въ томъ, что энергія или сила вообще не возникаетъ и не уничтожается. Міровая энергія не убываетъ и не увеличивается; слѣдовательно, она — навѣки опредѣленная, неизмѣнная и, значитъ, ограниченная величина. Но разъ міровая энергія— величина количественно опредѣленная, то самое количество ея проявленій, тѣхъ комбинацій, въ которыхъ она является, не можетъ быть безпредѣльнымъ. Если этотъ міръ представляетъ собою вообще опредѣленное количество силъ и опредѣленное количество центровъ силы, то въ процессѣ своего движенія онъ долженъ повторять опредѣленное и, стало быть, исчислимое количество комбинацій. Количество это можетъ быть огромнымъ и съ нашей, человѣческой, точки зрѣнія — необозримымъ; но въ безконечномъ времени всѣ возможныя комбинаціи должны быть исчерпаны; слѣдовательно, въ теченіе безконечнаго времени всякая изъ возможныхъ комбинацій должна повторяться; мало того, она должна повторяться безконечное число разъ; а такъ какъ въ каждый данный моментъ существованія мірозданія безконечное время уже протекло, то, стало быть, всѣ возможныя комбинаціи міровыхъ силъ уже безконечное число разъ повторялись и столь же безконечно будутъ повторяться. Но такъ какъ между каждой данной комбинаціей и ближайшимъ ея возвращеніемъ въ будущемъ должны пройти всѣ вообще возможныя комбинаціи міровыхъ силъ, и такъ какъ каждая данная комбинація необходимо обусловливаетъ весь рядъ послѣдующихъ комбинацій, то міровой процессъ представляется въ видѣ круговорота, въ которомъ вѣчно возвращаются абсолютно тождественные ряды

явленій и событій. Это—вѣчно вращающееся колесо, игра силъ, продолжающаяся въ безконечность. Допустимъ, что въ извѣстный моментъ времени внезапно появляется въ мірѣ абсолютно новая, доселѣ небывшая комбинація, или что какая-нибудь изъ бывшихъ уже комбинацій больше не возвратится. Это значило бы, что въ общемъ количествѣ міровой энергіи произошелъ приростъ или убыль; но какъ то, такъ и другое противорѣчило бы закону сохранения или постоянства міровой энергіи; слѣдовательно, ни то, ни другое—невозможно.

Ницше сравниваетъ жизнь мірозданія и нашу человѣческую жизнь съ процессомъ, который происходитъ въ песочныхъ часахъ; когда весь песокъ перешелъ изъ одной чашечки въ другую, часы переворачиваются, и весь процессъ начинается сызнова и такъ далѣе до безконечности. Когда въ этомъ круговращеніи возстановится наша жизнь, мы найдемъ въ ней ту же печаль и ту же радость, встрѣтимъ на томъ же мѣстѣ того же друга и недруга, тотъ же солнечный лучъ и ту же былинку въ полѣ. Каждая наша мысль была уже билліоны разъ продумана и каждое наше чувство—билліоны разъ прочувствовано. Между нашей настоящей жизнью и возвращеніемъ ея въ будущемъ пройдутъ билліоны и билліоны лѣтъ, но, по сравненію съ безконечнымъ временемъ, эти билліоны—то же, что секунда, а мы даже не замѣтимъ перерыва, такъ какъ въ антрактѣ между двумя нашими существованіями погаснетъ наше сознаніе.

„Вы думаете, что вамъ придется надолго успокоиться до вашего возрожденія—говорить Ницше. „Не обманывайтесь, между послѣднимъ мгновеніемъ вашего сознанія и первымъ проблескомъ новой жизни не протечетъ никакого времени; смѣна происходитъ съ быстротою молніи, хотя живыя существа измѣряютъ ее билліонами лѣтъ, или даже вовсе не могутъ ее измѣрить. Какъ только нѣтъ интеллекта, чередованіе во времени и отсутствіе времени—одно и тоже“ ¹⁾.

¹⁾ Для всего предшествующаго о всеобщемъ круговращеніи см. Die ewige Wiederkunft, В. XII, 51—69; Der Wille zur Macht, В. XV, §§ 375—381, 323,

Ницше подчеркивает ту мысль, что его пониманіе мірового процесса составляет необходимое послѣдствіе атеистической точки зрѣнія: если надъ міромъ нѣтъ иной, — высшей силы, направляющей его къ цѣли, если надъ нимъ нѣтъ божественнаго произвола, то міровое движеніе не можетъ быть чѣмъ-либо инымъ, кромѣ процесса круговращенія... 1).

VII.

Строй вселенной въ его отношеніи къ человѣку.

О чемъ бы ни говорилъ Ницше, человѣкъ, его задача и цѣль всегда стоятъ для него на первомъ планѣ.

Главный интересъ ученія о всеобщемъ возвращеніи съ самаго начала заключается для него въ вопросѣ, что новаго вносить это ученіе въ человѣческую жизнь? Какъ должно оно отразиться на нашемъ настроеніи и дѣятельности, въ чемъ заключаются его практическія послѣдствія?

Послѣдствія эти представляются необозримыми: съ того момента, говоритъ Ницше, когда впервые мелькнула эта мысль, мѣняются всѣ краски, все освѣщеніе нашей жизни, и начинается новая эпоха исторіи 2).

Прежде всего для человѣка всеобщее возвращеніе означаетъ своего рода безсмертіе, вѣчную жизнь. Но это—вѣчная жизнь не въ иномъ и лучшемъ мірѣ, а именно,—въ *этомъ мірѣ*, въ которомъ мы теперь томимся и страдаемъ. Можетъ ли такое безсмертіе послужить для человѣка источникомъ утѣшенія и радости? Ницше справедливо видитъ въ немъ новое испытаніе и новую муку: „высшее, что для насъ возможно,—говоритъ онъ,—это—быть въ состояніи перенести наше безсмертіе“ 3). Въ самомъ дѣлѣ, безсмертіе, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, означаетъ прежде всего вѣчность страданія, бесплодность всякихъ попытокъ улуч-

стр. 403—412, 338, 344—345, Nachträge zum Zarathustra, § 719—731, B. XII, 369—371; Die fröhliche Wissenschaft, § 341, B. V, 265—266.

1) Die ewige Wiederkunft, § 104, B. XII, 57.

2) Die ewige Wiederkunft, § 120, B. XII, 65.

3) Nachträge zum Zarathustra, § 721, B. XII, 369.

шить окружающее и усовершенствовать самих себя. Вся человеческая жизнь есть стремление подняться надъ настоящей минутой, исканіе иныхъ и лучшихъ цѣнностей, чѣмъ тѣ, которыми мы обладаемъ; при этихъ условіяхъ, что можетъ быть для насъ ужаснѣе сознанія, что настоящей минутѣ суждено безконечное число разъ повторяться, что все время, имѣющее пройти между настоящею минутой и возвращеніемъ ея въ будущемъ, пролетитъ какъ молнія! Можемъ ли мы радоваться тому, что вся наша жизнь есть непрерывное и вѣчное переливаніе изъ пустого въ порожнее? Не должно ли новое ученіе въ концѣ концовъ убить въ насъ всякую энергію?

Достоевскій въ своихъ „Запискахъ изъ мертваго дома“ говорить между прочимъ, что для человѣка нѣтъ ничего мучительнѣе безцѣльной работы: если бы мы были вынуждены въ теченіе долгаго времени повторять одинъ и тотъ же рядъ бессмысленныхъ дѣйствій, напримѣръ, переносить кучу песку съ мѣста на мѣсто, это было бы для насъ своего рода адской мукой. Ницше, сравнивая наше существованіе съ процессомъ въ песочныхъ часахъ, утверждаетъ въ сущности, что вся наша жизнь такова. Если прибавить къ этому, что самая наша смерть должна несчетное число разъ повториться, то возвращеніе всего существующаго окажется для насъ тѣмъ вѣчнымъ адомъ, отъ котораго не спасаетъ даже самоубійство.

Самъ Ницше опасается возможныхъ послѣдствій своего ученія: быть можетъ, — говоритъ онъ, — оно окажется убійственнымъ именно для лучшихъ людей, для тѣхъ, которые предъявляютъ къ жизни наивысшія требованія! Не будетъ ли оно служить утѣшеніемъ для худшихъ? Вѣдь въ концѣ концовъ оно можетъ льстить плоскимъ инстинктамъ массы, которая мирится съ обыденнымъ, животнымъ существованіемъ. Высшіе, лучшие люди всѣхъ позже примирятся съ вновь открытою истиною: въ этомъ, говоритъ Ницше, заключается страданіе тѣхъ, кто любитъ истину ¹⁾.

1) Nachträge zum Zarathustra, §§ 729, 730, B. XII, 370—371.

Человѣкъ хочетъ жить осмысленно, разумно; въ этомъ заключается то специфически-человѣческое, что отличаетъ насъ отъ прочихъ тварей. „Человѣкъ,—говоритъ Ницше,— „мало-по-малу сталъ фантастическимъ животнымъ, для котораго сверхъ того, въ чемъ нуждаются прочія животныя, необходимо еще одно условіе существованія: человѣкъ долженъ отъ времени до времени знать, почему онъ существуетъ; его родъ не можетъ процвѣтать безъ періодически возникающаго довѣрія къ жизни. И родъ человѣческой будетъ всегда отъ времени до времени постановлять: „есть нѣчто такое, чего уже безусловно нельзя высмѣять“¹⁾. Этимъ Ницше объясняетъ безпрестанное возрожденіе ученія *о цѣли существованія* въ религіяхъ и философскихъ системахъ; въ ученіи этомъ онъ видитъ „*зablужденіе*, необходимое для сохраненія человѣческаго рода“²⁾.

Убейте въ человѣкѣ вѣру въ его цѣль, и вы убьете въ немъ человѣка. Примиритесь съ существованіемъ, въ которомъ не видишь цѣли и смысла, значить въ концѣ концовъ отречься отъ разума, ибо всякое движеніе нашего разума предполагаетъ цѣль, къ которой оно направлено: безцѣльнѣе — то же, что неразумное. На томъ же предположеніи покоится вся наша воля: хотѣть сознательно—значить предполагать, что есть нѣчто безусловно цѣнное, безусловно достойное желанія. Вѣра въ цѣль жизни,— это то солнце, которое озаряетъ наше существованіе; но вѣрить въ цѣль — значить вѣрить въ разумъ какъ начало и конецъ существующаго, т. е., въ концѣ концовъ, вѣрить въ Бога. Ницше чувствуетъ, что религіозная потребность лежитъ въ корнѣ нашего существа, и въ этомъ — тайная мука его атеизма. Въ своемъ отрицаніи цѣли онъ отдастъ себѣ отчетъ въ томъ, что значить для человѣка утрата Бога.

„Слышали ли вы,—говоритъ онъ,—о томъ сумасшедшемъ,

¹⁾ Die fröhliche Wissenschaft, § 1, B. V. 37.

²⁾ Ibid, 33—37.

который въ ясное утро зажегъ фонарь и побѣжалъ на площадь, безъ умолка крича: „я ищу Бога, я ищу Бога!“ Такъ какъ тамъ толпилось множество невѣрующихъ, то онъ звалъ громкій смѣхъ. Не пропалъ ли онъ? сказалъ одинъ. Или онъ сбѣжалъ какъ ребенокъ? сказалъ другой. Можетъ быть, онъ спрятался? Боится насъ? Скрылся на корабль, выселился?—такъ кричали и смѣялись они всѣ вмѣстѣ. Безумный бросился въ середину толпы, пронзая ихъ взоромъ. Куда дѣвался Богъ, воскликнулъ онъ, это я вамъ сейчасъ скажу! Мы его убили, я и вы, мы всѣ его убійцы. Но какъ мы это сдѣлали? Кто далъ намъ губку, чтобы стереть весь горизонтъ? Какъ мы могли испить океанъ? Что мы сдѣлали, когда отдѣлили эту землю отъ ея солнца? Куда стремится она, куда стремимся мы теперь? Не падаемъ ли мы непрерывно назадъ, впередъ, въ сторону, во всѣ стороны? Существуетъ ли еще верхъ и низъ? Не блуждаемъ ли мы въ безконечной пустотѣ? Не объаты ли мы дыханіемъ пустого пространства? Не стало ли оно холоднѣе? Не сгущается ли постепенно мракъ ночи надъ нами? Не должны ли мы зажигать фонарей утромъ? Развѣ вы не слышите, какъ шумятъ могильщики, роющіе могилу Богу? Или вы не ощущаете запаха божественнаго тлѣнья? И боги тлѣютъ! Богъ умеръ, Богъ пребываетъ мертвымъ!“

Всего поразительнѣе въ этихъ строкахъ то, что атеистъ Ницше видимо сочувствуетъ безумному. Безумный, для котораго утрата Бога есть утрата солнца, а жизнь безъ Бога—блужданіе во мракѣ вѣчной ночи, посрамляетъ толпу равнодушныхъ и легкомысленныхъ, которые не сознаютъ значенія и послѣдствій своего отрицанія.

Среди молчанія изумленной толпы сумасшедшій въ концѣ концовъ бросилъ на землю свой фонарь, разбилъ его на куски и сказалъ: „я явился слишкомъ рано, мое время еще не настало. Это великое событіе еще въ пути; оно еще не достигло до человѣческаго слуха. Молнія и громъ требуютъ времени, свѣтъ небесныхъ свѣтилъ требуетъ времени, дѣянія требуютъ времени уже послѣ того, какъ они

совершенны, чтобы стать доступными зрѣнію и слуху людей. Это дѣяніе—отъ нихъ дальше самыхъ отдаленныхъ созвѣздій, и, однако,—они его совершили“ 1).

VIII.

Если религіозная по самой природѣ своей вѣра въ „цѣль жизни“ составляетъ необходимое условіе существованія человѣческаго рода, то для Ницше это значитъ, что въ этихъ условіяхъ скрывается ошибка и что надо создать для человѣка новыя условія существованія. То солнце, которое наполняетъ жизнь людей тепломъ и свѣтомъ, для него померкло; но какъ ему жить безъ солнца! Гдѣ ему найти покой и какъ оправдать свое существованіе. „Я уже ничего не ищу,—говоритъ онъ,—я самъ хочу создать для себя солнце“ 2).

Въ ранній періодъ своей философской дѣятельности Ницше искалъ метафизическаго утѣшенія и находилъ его въ созерцаніи единой вѣчной сущности, того безусловнаго, подлиннаго бытія, которое уже „не можетъ быть отрицаемо“. Теперь онъ приходитъ къ тому заключенію, что надъ міромъ явленій нѣтъ ничего безусловнаго, „ничего такого, чего бы нельзя было высмѣять“. Для него нѣтъ болѣе утѣшенія метафизическаго. И онъ ищетъ утѣшенія уже *не по ту сторону, а по сю сторону мірозданія* 3), въ области движущагося, измѣнчиваго.

Онъ хочетъ найти утѣшеніе въ той самой мысли о всеобщемъ возвращеніи, которую онъ считаетъ роковой для человѣка и человѣчества. Но, чтобы принять эту мысль какъ утѣшеніе, нужно измѣнить всѣ наши воззрѣнія на жизнь и ея задачи: для этого необходима „переоцѣнка всѣхъ цѣнностей“ и прежде всего—отреченіе отъ всякой морали.

Та пессимистическая или, какъ говоритъ Ницше, та „ни-

1) Die fröhliche Wissenschaft, § 125, B. V, 163—164.

2) Ibid., § 320, стр. 244.

3) Versuch einer Selbstkritik, B. I, 13—14.

гилистическая“ точка зрѣнія, которая осуждаетъ міръ и считаетъ жизнь невыносимою, есть результатъ неправильнаго примѣненія требованій разума и въ особенности — нашихъ нравственныхъ требованій къ міровому цѣлому. Нашъ разумъ всюду ищетъ цѣли и смысла, и вотъ мы осуждаемъ міръ, потому что въ немъ нѣтъ смысла, потому что наша категория *цѣли* къ нему неприменима. Мы ищемъ въ міровомъ цѣломъ *единства* и опять-таки осуждаемъ его, потому что не находимъ въ немъ ничего, кромѣ беспорядочной множественности явленій, ничего соотвѣтствующаго нашей идеѣ единства. Мы предъявляемъ къ жизни наши требованія правды, добра и въ результатѣ—обезцѣниваемъ жизнь, потому что окружающая дѣйствительность полна неправды и зла, потому что она оказывается въ полномъ несоотвѣтствіи съ *нашими* нравственными требованіями. Словомъ, пессимизмъ осуждаетъ вселенную, потому что она не выдерживаетъ критики *нашихъ* идеаловъ, противорѣчитъ *нашимъ* цѣнностямъ ¹⁾).

Отсюда вытекаетъ такой выводъ: чтобы преодолѣть пессимизмъ, мы должны отрѣшиться отъ нашихъ лживыхъ категорій разума; чтобы полюбить жизнь, мы должны сами подобно внѣшней природѣ, стать „по ту сторону добра и зла“, разбить скрижали нашихъ цѣнностей.

Съ христіанской точки зрѣнія, весь міръ во злѣ лежитъ: онъ осужденъ, потому что онъ находится во власти грѣха. Первый результатъ отрицанія цѣлей въ мірѣ есть отрицаніе грѣха, оправданіе міра. Разъ надъ вселенной нѣтъ высшей воли, и, слѣдовательно, высшаго идеала и критерія, то въ ней *нѣтъ грѣха*: все существующее безгрѣшно и невинно. Разъ въ нашей оцѣнкѣ природы мы возвысились надъ противоположною добра и зла, всякое негодованіе противъ неустройства мірозданія, всякое осужденіе жизни само собою падаетъ. Всѣ вещи „крещены въ источникѣ

¹⁾ Menschliches, Allzumenschliches, § 28, В. II, 46; Der Wille zur Macht, §§ 59—, В. XV, 14—19.

вѣчности“, всѣ онѣ пребываютъ „по ту сторону добра и зла“. Наши понятія о добрѣ и злѣ — какъ бы облака, помрачающія наше зрѣніе; поднимемъ надъ этими облаками! Тогда ничто не помѣшаетъ намъ созерцать ясное, чистое небо и наслаждаться имъ. Проклятiе, тяготящее надъ жизнью, для насъ превратится въ благословеніе ¹⁾, зло перестанетъ вызывать въ насъ отвращеніе, — оно уже не будетъ нуждаться въ оправданіи. Жестокость природы, дикія проявленія животной страсти въ ней и въ челоуѣкѣ уже не будутъ для насъ предметомъ ужаса ²⁾.

Такое отношеніе ко внѣшней природѣ съ точки зрѣнія Ницше не есть актъ выраженія покорности или смиренія. Смиреніе есть актъ самоотрицанія челоуѣческой воли: оно предполагаетъ высшую волю надъ нами, которой мы подчиняемся. Если такой высшей воли не существуетъ, то намъ некому покоряться, не передъ кѣмъ смиряться. Становясь по ту сторону добра и зла, мы тѣмъ самымъ признаемъ себя частью всемогущей природы. Это уже не самоотрицаніе, а, напротивъ того, высшій актъ самоутвержденія воли, жаждущей жизни.

Признавая, что нѣтъ ничего высшаго надъ міромъ, мы тѣмъ самымъ обожествляемъ природу и самихъ себя. Отрицаая какую бы то ни было жизнь по ту сторону мірозданія, мы тѣмъ самымъ утверждаемъ, что именно *этотъ* міръ, именно *эта* жизнь божественна. Мы благословляемъ существующее; изрекаемъ ему наше „аминь“, „да будетъ“ ³⁾.

Такое отношеніе къ вселенной носить на себѣ печать своего рода религіозности, но религіозности уже не христіанской, а языческой. Ницше прямо заявляетъ себя язычникомъ и противопоставляетъ Христу греческаго бога Діонисія — Вакха. Христось, распятый на крестѣ, — символъ

1) Der Wille zur Macht, § 280, B. XV, 288; Götzen-Dämmerung, B. VIII, 90; Also sprach Zarathustra, B. VI, 240—244.

2) Der Wille zur Macht, § 461, B. XV, 471—472.

3) Also sprach Zarathustra, B. VI, 242; Der Wille zur Macht, B. XV, §§ 362, 365, 366, 374, стр. 387, 399, 390—392.

самоотрицанія жизни. Напротивъ, Діонисій являєть въ себѣ опьяненіе жизнью, восхищеніе ею. Это—та же мысль, которая была выражена Ницше еще въ юношескомъ его произведеніи—„Происхожденіе трагедіи“. Теперь, какъ и тогда, образъ Діонисія олицетворяетъ собою для нашего философа его надежду и утѣшеніе. Діонисій для него — символъ вѣчнаго круговращенія міровой жизни, вѣчнаго возвращенія всего существующаго, радостное явленіе всемогущей силы жизни, безпрестанно умирающей и воскресающей ¹⁾).

Находитъ утѣшеніе въ культѣ Діонисія для Ницше значитъ радоваться самому неустройству мірового цѣлаго, его хаосу и бессмыслицѣ. Именно въ этомъ и заключается для нашего философа признакъ „высшаго человѣка“ и высшаго настроенія. Ницше не только мирится съ жизнью въ томъ видѣ, какъ она была и есть: онъ хочетъ ее таковою навѣки вѣчные, требуетъ безконечнаго повторенія не только самого себя, не только отдѣльныхъ сценъ міровой комедіи, но всей этой комедіи отъ начала до конца ²⁾).

Частичное утвержденіе или отрицаніе міровой жизни представляется въ высшей степени нелогичнымъ. Всякое явленіе, всякое событіе необходимо обусловлено всѣмъ предшествующимъ рядомъ міровыхъ явленій и въ свою очередь опредѣляетъ какъ одно изъ условій весь послѣдующій рядъ. Поэтому, если мы хотимъ чего-либо въ жизни, мы тѣмъ самымъ хотимъ міровой жизни въ ея цѣломъ; напротивъ, если мы что-либо отрицаемъ, мы тѣмъ самымъ отрицаемъ все ³⁾).

Желать жизни—значить, стало быть, желать и страданія, и неправды, которыя роковымъ образомъ съ нею связаны. Какимъ же образомъ все это можетъ стать для насъ желательнымъ? Это возможно только для тѣхъ избранныхъ, которые способны возвыситься до „трагическаго настроенія“. Сущность этого настроенія заключается въ томъ,

1) Der Wille zur Macht, §§ 385, 480, B. XV, 411, 485—486.

2) Ibid., § 461, 471—472; Jenseits von Gut und Böse, § 56, B. VII, 80.

3) Der Wille zur Macht, § 478, B. XV, 484.

что мы смотримъ на міръ какъ на прекрасное и занимательное зрѣлище: въ драмѣ необходимы опасности, страданія и даже самая смерть; все это сообщаетъ ей интересъ и служить источникомъ наслажденія.

Та красота мірового цѣлаго, которая насъ окрыляетъ и радуетъ, по Ницше не есть что-либо присущее природѣ вещей: сами по себѣ вещи не прекрасны и не безобразны; красота привносится въ нихъ *нашимъ* эстетическимъ созерцаніемъ, *нашимъ* художественнымъ творчествомъ. Но *безъ этой лжи искусства жизнь была бы невыносимой*: наше существованіе можетъ быть оправдано для насъ только какъ эстетическій феноменъ. Въ наукѣ дѣйствительность является передъ нами безо всякихъ прикрасъ, во всей своей наготѣ; научный анализъ убѣждаетъ насъ, что вся жизнь наша покоится на иллюзіи, что въ основѣ всѣхъ нашихъ чувствъ и нашего самосознанія лежитъ сплошное самообольщеніе; жить съ *этою* истиною для насъ было бы невозможно. Научное пониманіе міра повлекло бы за собою отвращеніе къ жизни и самоубійство, если бы оно не находило себѣ противовѣса въ искусствѣ. Искусство даетъ намъ силу отвлекаться отъ самихъ себя, смотрѣть на жизнь и на наше собственное существованіе какъ бы въ извѣстной перспективѣ, въ художественномъ отдаленіи; а издали оно кажется прекраснымъ; вся скорбь нашего бытія обращается въ эстетическій феноменъ; мы можемъ смѣяться, плакать и радоваться ¹⁾.

Съ этой точки зрѣнія сама жизнь превращается въ своего рода искусство. Наше существованіе лишено объективной цѣли, но творчество — въ нашей власти: мы сами можемъ создать для себя цѣль и цѣнности, устроить нашу жизнь такъ, чтобы она производила впечатлѣніе прекраснаго, т. е. была эстетическимъ явленіемъ. Намъ предстоитъ *жить вѣчно*, т. е. вѣчно возвращаться въ періодическомъ возобновленіи всего существующаго. Будемъ же вести себя такъ, чтобы

1) Die fröhliche Wissenschaft, §§ 107, 299, B. V, 142—143, 228—229.

Вопросы философіи, кн. 67.

наша жизнь дѣйствительно носила на себѣ печать вѣчности, будемъ мыслить и чувствовать такъ, чтобы мы могли желать вѣчнаго повторенія каждой нашей мысли и каждого нашего чувства: въ этомъ именно и состоитъ *искусство жить*.

Разъ человѣкъ становится творцомъ своей жизни, вѣсть о всеобщемъ возвращеніи вещей звучитъ для него какъ великое утѣшеніе и радость: онъ сознаетъ, что онъ творитъ нѣчто *непреходящее, вѣчное*; онъ чувствуетъ себя такимъ образомъ *спасеннымъ отъ закона всеобщаго теченія вещей и всеобщаго умиранія* ¹⁾. Безсмертна та минута, говоритъ Ницше, когда я создалъ ученіе о всеобщемъ возвращеніи: ради этой минуты я могу вынести всеобщее возвращеніе ²⁾.

Чтобы вынести эту мысль, требуется вообще сверхчеловѣческая сила. Поэтому Ницше думаетъ, что ей суждено произвести переворотъ въ исторіи человѣчества: тѣ расы, для которыхъ ученіе о всеобщемъ возвращеніи окажется невыносимымъ, заранѣе обречены на гибель; напротивъ, тѣ, которыя примутъ его какъ благую вѣсть, предназначены къ господству ³⁾. Крушеніе религіи будетъ имѣть роковое значеніе для всѣхъ слабыхъ, вырождающихся человѣческихъ типовъ: утративъ вѣру въ цѣль существованія, большинство людей мало-по-малу погрузятся въ апатію, перестанутъ стремиться къ чему бы то ни было и начнутъ вымирать. Въ концѣ концовъ останутся на сценѣ только тѣ люди крѣпкаго закала, которые способны радоваться вѣчному повторенію своего существованія; среди этихъ людей возможно такое общественное состояніе, о которомъ доселѣ не смѣлъ мечтать ни одинъ утопистъ ⁴⁾.

Такимъ образомъ, ученіе о всеобщемъ возвращеніи подготавливаетъ переходъ человѣчества къ новому типу *сверхчеловѣка*, коему суждено восторжествовать въ будущемъ; въ

¹⁾ Ibid., § 373, стр. 330—331: Die ewige Wiederkunft, §§ 116, 117, 121, 124-125, стр. 64—67; Nachträge zum Zarathustra, § 723, стр. 369—370.

²⁾ Ibid., § 431, стр. 371.

³⁾ Der Wille zur Macht, § 375, B. XV, 403.

⁴⁾ Die ewige Wiederkunft, §§ 115, 121, B. XII, 63, 65—66.

этомъ заключается для Ницше источникъ новой радости. Съ этой точки зрѣнія онъ привѣтствуетъ появленіе тѣхъ пессимистическихъ ученій, которыя отнимаютъ у людей слабыхъ охоту жить. Пессимизмъ, говоритъ онъ, — полезное и мощное орудіе въ рукахъ философа; это — тотъ молотъ, который раздробляетъ все неспособное къ жизни, устраняетъ съ дороги выродившіяся и вымирающія расы, прокладывая путь для новаго порядка жизни ¹⁾.

IX.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію дальнѣйшихъ отдѣловъ ученій Ницше, необходимо оглянуться на пройденный путь и подвергнуть критическому разбору то, что уже было здѣсь изложено. Мы видѣли, что исходная точка философіи Ницше есть атеизмъ; ея конечный результатъ есть *отрицаніе чловѣка*, которое выражается въ двоякой формѣ — теоретическаго сужденія и практическаго предписанія.

Теоретическое отрицаніе сводится къ констатированію факта. Если этотъ чувственно воспринимаемый міръ представляетъ собою единственную реальность, если надъ нимъ нѣтъ иной, высшей дѣйствительности, то нѣтъ вообще ничего такого, что возвышало бы чловѣка надъ окружающей его средой: онъ — не болѣе, какъ *явленіе природы*, равноцѣнное другимъ ея явленіямъ, или, точнѣе говоря, одинаково съ ними безцѣнное. Изъ того, что надъ міромъ нѣтъ Бога, Ницше заключаетъ, что въ немъ нѣтъ ни верха, ни низа; съ этой точки зрѣнія, разумѣется, нелѣпо видѣть въ чловѣкѣ нѣчто „высшее“ по сравненію съ прочими тварями: одинаково съ ними онъ — проявленіе всеобщей безсмыслицы.

Смысль этихъ теоретическихъ сужденій, такимъ образомъ, сводится къ отрицанію чловѣка, какъ чего-то *особеннаго* среди внѣшней природы и противоположнаго ей. Но отрицаніе чловѣка является у Ницше еще и въ формѣ

¹⁾ Der Wille zur Macht, § 376, B. XV, 403.

практическаго требованія, *императива*. Человѣкъ *долженъ* отрѣшиться отъ религіозныхъ предположеній своего сознанія, отъ иллюзіи цѣли, отъ всего вообще специфически человѣческаго и стать *подобно внѣшней природѣ* „по ту сторону добра и зла“.

Очевидно, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ кореннымъ противорѣчіемъ въ точкѣ зрѣнія Ницше. Противоположность между человѣкомъ и внѣшней природой представляется ему одновременно и какъ *нѣчто несуществующее* и какъ *нѣчто существующее, но недолжное*, подлежащее устраненію.

Если человѣкъ есть явленіе природы столь же необходимое, какъ и всѣ прочія явленія міровой энергіи, то обращаться къ нему съ какими бы то ни было требованіями столь же нелѣпо, какъ проповѣдовать камнямъ. Въ особенности нелѣпо требовать отъ него уподобленія природѣ, возвращенія къ ней, если онъ по существу является частью этой природы.

Ницше многократно высказывается въ этомъ смыслѣ: онъ смѣется надъ тѣми моралистами, которые хотятъ улучшить человѣчество. Невѣроятно комическимъ, говоритъ онъ, представляется ихъ требованіе, чтобы человѣкъ сталъ инымъ, чѣмъ онъ есть; вѣдь человѣкъ—частичное проявленіе „всеобщаго фатума“. Сказать ему—„ты долженъ измѣниться“—значитъ требовать измѣненія мірового цѣлаго и не въ настоящемъ только, а въ прошедшемъ, ибо „настоящее“ человѣка есть результатъ всего прошлаго вселенной. Если надъ мірозданіемъ и надъ человѣкомъ нѣтъ никакой цѣли, то нѣтъ никакого масштаба, съ точки зрѣнія котораго можно было бы что-либо осуждать, и направлять жизнь человѣка къ чему-то лучшему ¹⁾.

Такова точка зрѣнія послѣдовательнаго имморализма; но все дѣло въ томъ, что въ своемъ имморализмѣ Ницше не остается, да и не можетъ оставаться послѣдовательнымъ. Одна изъ наиболѣе опредѣленныхъ тенденцій его философіи

¹⁾ Götzen-Dämmerung, B. VIII, 88—90, 100—101.

выражается именно въ осужденіи человѣка и въ рядѣ требованій, къ нему обращенныхъ. Человѣкъ для него — „существо съ извращенными инстинктами“, „неудачное созданіе“, на которомъ нельзя успокоиться. Все назначеніе философа заключается въ томъ, чтобы „пересоздать“ человѣческой типъ. „Переоцѣнка всѣхъ цѣнностей—не болѣе и не менѣе, какъ требованіе, чтобы человѣкъ *сталъ другимъ*, чтобы онъ отвергъ тѣ именно цѣнности, которыя доселѣ опредѣляли все направленіе его жизни. Болѣе того, философъ будущаго призванъ пересоздать не только отдѣльныхъ людей, но измѣнить цѣлое направленіе исторіи ¹⁾. И это измѣненіе должно совершиться именно въ смыслѣ *возвращенія человека къ природѣ*. Критикуя Руссо, Ницше говоритъ между прочимъ: „я также говорю о возвращеніи къ природѣ, хотя это, собственно говоря, не движеніе назадъ, а восхожденіе къ свободной, даже страшной природѣ и естественности, къ той естественности, которая играетъ великими задачами, дерзаетъ играть ими“ ²⁾. Природа съ ея равнодушіемъ къ добру и злу представляется здѣсь уже не какъ нѣчто тожественное съ человѣкомъ, а какъ нѣчто стоящее *надъ нимъ*, какъ *идеаль*, который можетъ быть достигнутъ лишь немногими (классическимъ образцомъ возвращенія человѣка къ природѣ въ желательномъ смыслѣ является для Ницше Наполеонъ).

Послѣдовательный имморализмъ есть прежде всего отрицаніе всякаго долженствованія и всякаго вообще идеала. И дѣйствительно, Ницше многократно высказывается въ этомъ смыслѣ. О долгѣ, учить онъ, можно говорить только въ предположеніи общей всему человѣчеству и общепризнанной цѣли; но такой цѣли не существуетъ: правда, можно рекомендовать человѣчеству цѣль, но въ такомъ случаѣ цѣль не обязательна: каждый можетъ по своему усмотрѣнію ея руководствоваться или не руководствоваться ³⁾. И, однако,

1) *Jenseits von Gut und Böse*, § 203 B. VII, 137—139.

2) *Götzen-Dämmerung*, B. VIII, 161.

3) *Morgenröthe*, § 108, B. IV, 103; *Menschliches, Allzumenschliches*, § 34, B. II, 51—52.

отъ того же Ницше мы узнаемъ, что имморалисты суть также „люди долга“, что и у нихъ есть священныя обязанности, отъ которыхъ они не могутъ уклониться, напримѣръ, обязанность правдолюбія и непримиримой вражды противъ пережитыхъ воззрѣній ¹⁾. Все вообще ученіе Ницше о цѣнностяхъ есть непрерывное колебаніе между признаніемъ и отрицаніемъ объективныхъ нормъ долженствованія, независящихъ отъ человѣческаго произвола.

Въ этомъ ученіи сталкиваются два противоположные тезиса. Первый изъ нихъ сводится къ тому, что въ природѣ нѣтъ вообще никакихъ цѣнностей. Всякая цѣнность предполагаетъ какую-нибудь цѣль, а такъ какъ въ природѣ нѣтъ никакихъ цѣлей, и, слѣдовательно, никакого масштаба для оцѣнки существующаго, то въ ней нѣтъ и никакихъ цѣнностей: въ нашемъ понятіи „цѣнности“ выражается помраченіе нашей мысли: оно есть чисто человѣческое измышленіе и иллюзія, нѣчто такое, что человѣкъ привноситъ въ жизнь ²⁾. Противоположный тезисъ, однако, гласитъ, что въ жизни *есть* объективныя цѣнности, что человѣкъ долженъ отрѣшиться отъ своихъ субъективныхъ иллюзій, чтобы принять тѣ цѣнности, которыя даны самой природой.

Въ этомъ противорѣчій обнаруживается основной грѣхъ всей попытки Ницше оправдать жизнь. Если бы наши сужденія о цѣнности или безцѣнности жизни были дѣломъ личнаго вкуса, субъективнаго произвола, то самая попытка оправдать жизнь была бы излишнею и нелѣпою. Ибо оправдать жизнь,—значитъ защитить ее доводами, убѣдительными не для меня только, но и для другихъ: это значитъ — открыть въ ней такія цѣнности, которыя не зависятъ отъ прихоти, а имѣютъ значеніе объективное, представляются желательными для всѣхъ вообще, а не для меня только. И Ницше дѣйствительно находитъ въ мірѣ нѣчто такое, что

¹⁾ Morgenröthe, Vorrede, § 4. В. IV, 8; Jenseits von Gut und Böse, § 226, В. VII, 181—182.

²⁾ Menschliches, Allzumenschliches, § 33, В. II, 50—51; Der Wille zur Macht § 383, В. XV, 408.

представляется ему объективно цѣннымъ: *силу жизни*, безпрестанно обновляющейся и торжествующей надъ смертю, величіе и красоту внѣшней природы.

Но философскій анализъ тотчасъ изобличаетъ мнимый характеръ этихъ цѣнностей. Если въ природѣ нѣтъ цѣлей, то цѣнность, точно такъ же какъ и красота природы есть оптическій обманъ, нѣчто такое, что существуетъ только для несовершеннаго глаза зрителя. И опять мы слышимъ отъ Ницше, что жизнь сама по себѣ невыносима, что сдѣлать ее сносною можетъ только „ложь искусства“, что надо быть поэтомъ, чтобы изобрѣсти для себя утѣшеніе ¹⁾.

Стало бытъ, тѣ „новыя скрижали цѣнностей“, которыми Ницше хочетъ оправдать жизнь, суть не болѣе, какъ обольстительная ложь?! Но если такъ, то почему же ихъ слѣдуетъ предпочесть тѣмъ старымъ скрижалямъ, которыя Ницше хочетъ разбить? Вѣдь и они—обольстительны; вѣдь традиціонныя вѣрованія также украшаютъ жизнь! „Мы окрасили вещи новыми красками,—говоритъ Ницше,—и мы непрестанно продолжаемъ нашу живопись; но что значить наше искусство въ сравненіи съ вѣликолѣпіемъ красокъ стараго мастера,—я разумѣю старое человѣчество“ ²⁾. Ницше возстаетъ противъ христіанскаго оправданія жизни потому, что онъ видитъ въ немъ ложь и потому, что его правдолюбіе не хочетъ мириться съ тѣмъ, что онъ считаетъ обольстительнымъ обманомъ. Но что же даетъ намъ Ницше взамѣнъ отвергнутаго? Такое оправданіе жизни, которое покоится на „лжи искусства“!

Но, спрашивается, можемъ ли мы успокоиться на сознательной лжи? Можетъ ли красота вселенной насъ радовать, если мы сознаемъ, что вся это красота—сплошной обманъ нашего зрѣнія? Намъ предлагаютъ успокоиться въ мірѣ прекрасныхъ грезъ; но такое успокоеніе представляется невозможнымъ: красота можетъ насъ радовать до тѣхъ поръ, пока мы вѣримъ въ ея объективную дѣйствительность; какъ

¹⁾ Menschliches, Allzumenschliches, § 33, II, 51.

²⁾ Die fröhliche Wissenschaft, § 152, B V, 180.

только мы начинаемъ сознавать, что она только — *нашъ сонъ*, мы освобождаемся отъ очарованія. И разочарованіе окончательнаго пробужденія будетъ для насъ тѣмъ ужаснѣе, чѣмъ прекраснѣе было сновидѣніе: чѣмъ обольстительнѣе исчезающій миражъ, тѣмъ ощутительнѣе для путника страданія пустыни.

Къ чести Ницше надо сказать, что онъ всегда былъ выше своего ученія и никогда не находилъ въ немъ полного удовлетворенія. Послѣ всего сказаннаго имъ о цѣнности и радостности жизни не странно ли слышать отъ него такое признаніе: „мысль о самоубійствѣ—великое утѣшеніе; благодаря ей для насъ благополучно кончаются многія мучительныя ночи“¹⁾. Тутъ мы имѣемъ такое „утѣшеніе“, которое разомъ ниспровергаетъ всѣ прочія утѣшенія философіи Ницше. Къ тому же изо всѣхъ этихъ утѣшеній не найдется, быть можетъ, ни одного, которое бы не было разоблачено и осмѣяно самимъ авторомъ „Заратустры“. Послушаемъ, напримѣръ, что онъ говоритъ о красотѣ вселенной: „человѣкъ думаетъ, что сама вселенная преисполнена красоты, но онъ забываетъ *себя*, какъ причину этой красоты! Онъ одинъ надѣлилъ ее красотой, увы! — человѣческой, черезчуръ человѣческой красотой; въ сущности, здѣсь человѣкъ любитъ собственнымъ своимъ отраженіемъ въ вещахъ: онъ находитъ прекраснымъ все то, что отражаетъ его образъ: въ сужденіяхъ о красотѣ выражается *тщеславіе человеческого рода*“²⁾ (курсивъ мой). Трудно въ большей степени развѣнчать ту красоту, въ которой Ницше видитъ оправданіе человѣческаго существованія!

Мы видѣли, что для нашего философа—высшее, чего можетъ достигнуть человѣкъ, есть „трагическое настроеніе“, которое выражается въ „любви къ фатуму“³⁾. Любовь эта обнаруживается въ томъ, что человѣкъ хочетъ вселенной, изрекаетъ свое „аминь“ роковому сцѣпленію ея событій.

¹⁾ Jenseits von Gut und Böse, § 157, B. VII, 107.

²⁾ Götzen-Dämmerung, B. VIII, 131.

³⁾ Die fröhliche Wissenschaft, § 276, B. V, 209.

Интереснѣе всего то, что и это „трагическое настроеніе“ было опять-таки разоблачено и осмѣяно самимъ Ницше. „Мы смѣемся, — говоритъ онъ, — надъ тѣмъ, кто, выходя изъ своей комнаты во время солнечнаго восхода, говоритъ: „я хочу, чтобы солнце взошло“. Мы смѣемся также и надъ тѣмъ, кто, не будучи въ состояніи остановить вращающагося колеса, говоритъ: „я хочу, чтобы оно вращалось“. Смѣшонъ для насъ и тотъ, кто, будучи поверженъ на землю въ борьбѣ, говоритъ: „здѣсь я лежу, ибо я хочу здѣсь лежать“. Но, шутки въ сторону! Поступаемъ ли мы когда-нибудь иначе, чѣмъ эти трое, когда мы произносимъ наше „я хочу“? ¹⁾. Этотъ краткій афоризмъ заключаетъ въ себѣ злую насмѣшку надъ философіей Ницше: тутъ все его „оправданіе жизни“ разоблачается какъ выраженіе комическаго безсилія.

Философія для Ницше есть прежде всего экспериментъ надъ собственной жизнью. Онъ чувствуетъ, что его мысль подкашиваетъ основныя предположенія его существованія и спрашиваетъ себя: *возможно ли жить съ истинною*? ²⁾. Мы знаемъ, что этотъ экспериментъ окончился для Ницше умпомѣшательствомъ. Да иначе оно и быть не могло. Онъ вложилъ всю свою душу въ ученіе, которое отрицаетъ цѣль жизни. Но вѣдь это значитъ отрицать именно то, что обусловливаетъ всю нашу жизнь и все наше сознаніе: всякое наше желаніе, всякое движеніе нашей мысли направлено къ цѣли, и всякая наша цѣль предполагаетъ *цѣль безусловную*, на которой покоится весь нашъ рядъ цѣлей, — предѣль и оправданіе всякаго хотѣнія. Ницше отвергаетъ безусловное, отвергаетъ конечную цѣль, признавая въ ней „тѣнь Бога“. И, однако, что такое его философія, какъ не исканіе цѣли! Онъ остается религіознымъ въ самомъ своемъ атеизмѣ: „тѣнь Бога“ гонится за нимъ по пятамъ и не даетъ ему покоя.

¹⁾ Morgenröthe, § 124, B. IV, 125.

²⁾ Die fröhliche Wissenschaft, § 11, B. V, 152.

X.

Оцѣнка человѣческаго разума.

Переоцѣнка всѣхъ цѣнностей въ философіи Ницше выражается прежде всего въ новой оцѣнкѣ человѣческаго разума. Переходя къ этому отдѣлу его философіи, мы чувствуемъ, что у насъ колеблется почва подъ ногами. Передъ нами открывается цѣлый лабиринтъ противорѣчій. Здѣсь самоувѣренность разума, крайнее его самоутвержденіе вдругъ переходятъ въ скептицизмъ и отчаяніе. Съ одной стороны, Ницше проникнуть радостнымъ сознаніемъ могущества человѣческой мысли; съ другой стороны, для него недостоверность составляетъ какъ бы общую печать всей нашей умственной дѣятельности. Въ жизни человѣка разумъ—самое цѣнное и вмѣстѣ съ тѣмъ—самое безцѣнное, достойное презрѣнія: онъ—источникъ высихъ нашихъ радостей и вмѣстѣ съ тѣмъ—наша казнь, какъ бы проклятіе нашего существованія; онъ—цѣль нашей жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ—злѣйшій ея врагъ.

Ницше видитъ логическое послѣдствіе атеистической точки зрѣнія въ томъ, что надъ нашею человѣческою мудростью нѣтъ иной, высшей мудрости. 1) Нашъ человѣческій разумъ—высшій критерій истиннаго, добраго и прекраснаго: достовернымъ должно быть признаваемо только то, что можетъ быть логически оправдано; всякое человѣческое вѣрованіе безотчетное, не повѣренное разумомъ, достойно презрѣнія, какъ результатъ умственной недобросовѣстности 2) и обречено на гибель: ибо нѣтъ той вѣры, которая могла бы противостоять всеокрушающей силѣ логическаго анализа.

Въ глазахъ Ницше нашъ разумъ, умертвившій Бога, тѣмъ самымъ заявляетъ себя какъ высшую силу, никому не подчиненную и абсолютно свободную. Сознаніе этой силы со-

1) Die fröhliche Wissenschaft, § 285, B V, 216.

2) Ibid. § 2, стр. 38.

общаетъ философу бодрость и счастье: „для насъ философовъ и свободныхъ мыслителей“,—говоритъ онъ,—„извѣстіе о смерти Бога—какъ бы проблескъ новой утренней зари; наше сердце преисполняется при этомъ благодарности, удивленія, ожиданія и надежды. Наконецъ-то передъ нами опять свободный, хотя, быть можетъ, и не совсѣмъ ясный горизонтъ; наконецъ-то наши корабли могутъ снова выйти на просторъ, навстрѣчу всякой опасности; всякая дерзость познающаго вновь становится дозволенною! Опять передъ нами открытое море, наше море; такого открытаго моря, быть можетъ, раньше никогда не существовало“¹⁾.

Для отмѣченной здѣсь черты настроенія Ницше типичны заглавія двухъ его сочиненій—„Утренняя заря“ и „Веселая наука“. Въ его глазахъ радости свободной мысли сообщаютъ новую цѣнность жизни. „Нѣтъ,—говоритъ онъ,—жизнь меня не разочаровала. Съ каждымъ годомъ она представляется мнѣ болѣе богатою, желательною и таинственною съ того дня, когда ко мнѣ явился великій освободитель—та мысль, что жизнь можетъ быть экспериментомъ познающаго, а не обязанностью, роковою случайностью или обманомъ. *Жизнь есть средство познанія* (курсивъ мой); съ этой вѣрой въ сердца можно жить не только бодро, но и весело, и весело смѣяться“²⁾.

Свободная мысль не влечетъ за собою, впрочемъ, счастья какъ неизбѣжнаго послѣдствія, ибо она пробуждаетъ чело-вѣка отъ сна, лишаетъ его того спокойствія, которое составляетъ необходимое условіе счастья. Но она представляетъ собою то высшее сокровище, по сравненію съ которымъ блекнетъ самое счастье. Почему мы такъ опасаемся возможнаго возвращенія чело-вѣчества къ варварству? Потому ли, что варварство влечетъ за собою несчастье? Нѣтъ, варвары всѣхъ временъ были счастливѣе насъ. „Но стремленіе къ познанію въ насъ слишкомъ сильно, чтобы мы могли

1) Ibid., § 343, стр. 272.

2) Ibid., § 324, стр. 245.

цѣнить счастье безъ познанія или примириться со счастьемъ непрерывнаго самообмана“. Стремленіе къ познанію, стало въ насъ преобладающею страстью отъ которой ничто не можетъ заставить насъ отказаться даже въ томъ случаѣ, если мы сознаемъ себя несчастными въ нашей любви ¹⁾).

На этомъ пути самоутвержденія разума Ницше ждутъ новыя разочарованія. Какъ только онъ пытается осуществить права своей свободной мысли, философскій анализъ тотчасъ обнаруживаетъ, что *для человѣческаго разума нѣтъ мѣста въ стройъ вселенной*. Самоувѣренность и самодовольство улетучиваются какъ дымъ, уступая мѣсто сознанію безсилія и ничтожества.

И въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ можетъ быть нашъ человѣческій разумъ среди бессмысленной вселенной? Частью всеобщей бессмыслицы, всеобщаго неразумія? Но можно ли говорить вообще о неразумномъ разумѣ? Не будетъ ли противорѣчіемъ сказать, что разумъ нашъ бессмысленъ въ основномъ своемъ стремленіи и источникъ? Не значить ли это просто на-просто признать, что онъ есть нѣчто мнимое, кажущееся только! Или, быть можетъ, по отношенію къ міровому цѣлому разумъ представляетъ собою нѣкоторое *исключеніе*, нѣчто чуждое этому цѣлому? Но это противорѣчило бы основной точкѣ зрѣнія Ницше: она именно въ томъ и заключается, что разумъ не есть нѣчто особое и исключительное въ мірѣ, а только частное проявленіе общаго порядка, точнѣе говоря, общаго безпорядка мірозданія.

Самой постановкой занимающаго насъ вопроса мысль Ницше обрекается на нескончаемыя блужданія: онъ непрерывно колеблется между двумя діаметрально противоположными оцѣнками человѣческаго разума. Его Заратустра видитъ въ человѣческой мудрости своего рода *дурачество* міровой стихіи. „Во всемъ существующемъ“, говоритъ онъ, „одно представляется невозможнымъ, — разумность. Правда, по планетамъ разсѣяно немного разума, нѣкоторое сѣ-

¹⁾ Morgenröthe, § 429, B. IV, 296—297.

мя мудрости,—эта закваска примѣшана ко всѣмъ вещамъ: дурачества ради ко всѣмъ вещамъ примѣшана мудрость“ 1).

Сознаніе, разумъ—не болѣе, какъ привилегія ничтожной разновидности органическаго міра—человѣчества. По отношенію къ міровому процессу въ его цѣломъ вся коллективная работа человѣчества не имѣетъ значенія; даже и по отношенію къ жизни человѣчества область сознательнаго, разумнаго, составляетъ весьма незначительный отдѣлъ: сознаніе — одна изъ функцій нашего организма, одно изъ средствъ для его развитія, для увеличенія общей суммы его могущества; поэтому разсматривать сознаніе или какую-либо область сознательнаго какъ высшую цѣнность—въ высокой степени наивно: это значить возводить средство въ цѣль, боготворить одно изъ орудій нашего ничтожнаго существованія 2).

Жизнь человѣчества, какъ и все существующее, нелогична въ своемъ корнѣ, неразумна въ самой своей сущности: если наше сознаніе—не болѣе какъ орудіе этой жизни, то это значить, что и оно нелогично въ своемъ первоначальномъ источникѣ. Вся область логическаго первоначально произошла изъ нелогическаго; нашъ разумъ—плодъ и завершеніе инстинктовъ, направленныхъ къ сохраненію нашего организма и къ увеличенію его могущества. Можемъ ли мы быть увѣрены, что наше развитое сознаніе утратило печать своего первоначальнаго происхожденія, что оно съ теченіемъ времени стало логичнымъ? У Ницше этотъ вопросъ разрѣшается въ отрицательномъ смыслѣ: нашъ разумъ теперь какъ и прежде является работомъ нашихъ слѣпыхъ инстинктовъ. „Ходъ логическихъ мыслей и заключеній въ нашемъ теперешнемъ мозгу соотвѣтствуетъ процессу развитія и борьбы влеченій, изъ коихъ каждое весьма нелогично и неправдиво; обыкновенно мы узнаемъ только результатъ этой борьбы: такъ быстро и скрытно работаетъ въ насъ

1) Also sprach Zarathustra, B., VI, 243.

2) Der Wille zur Macht, § 315, B. XV, 336—338.

этотъ древнѣйшій механизмъ“¹⁾). Нелогичное въ человѣкѣ—необходимо; въ этомъ заключается одно изъ тѣхъ открытій, которыя способны привести въ отчаяніе мыслителя²⁾).

Если—такъ, то спрашивается, приспособленъ ли нашъ разумъ къ познанію истины, заслуживаетъ ли онъ вообще довѣрія? Очевидно, нѣтъ. Разъ назначеніе разума сводится къ тому, чтобы служить орудіемъ сохраненія человѣческаго рода, то все наше мышленіе представляется абсолютно недостовѣрнымъ: иныя истины для насъ губельны; многія заблужденія необходимы въ интересахъ нашего процвѣтанія и могущества. Поэтому, чтобы исполнять свое назначеніе, разумъ долженъ оставаться сферою заблужденій, спасительныхъ для человѣческаго рода. „Въ концѣ-концовъ, спрашиваетъ Ницше,—что такое истины человѣка? Это—его неопровержимыя заблужденія“³⁾).

Путемъ критическаго анализа Ницше пытается обнаружить ложь основныхъ предположеній нашего сознанія. Однимъ изъ этихъ предположеній является наша вѣра въ истину. Истинное—то же, что необходимое, постоянное въ вещахъ: истинно—то, что не можетъ быть иначе; тѣ впечатлѣнія, на основаніи которыхъ мы составляемъ сужденія о внѣшнемъ мірѣ и о самихъ себѣ, смѣняють другъ друга; и вотъ мы предполагаемъ, что за этой непрерывной смѣной нашихъ впечатлѣній скрывается нѣчто постоянное, нѣчто такое, что составляетъ подлинное бытіе вещей, непреходящую ихъ истину. Въ этомъ предположеніи заключается первая и основная ложь нашего сознанія, ибо все въ мірѣ течетъ и ничто не остается неизмѣннымъ. Предполагать, что въ ми-

1) Die fröhliche Wissenschaft, § 111, B. V, 152—153.

2) Menschliches, Allzumenschliches, § 31, 32, B. II, 48—49.

3) Die fröhliche Wissenschaft, § 265, B. V, 204. Обращаю вниманіе читателя на то, что отмѣченные здѣсь противоположныя оцѣнки человѣческаго разума не могутъ быть относимы къ различнымъ періодамъ творчества Ницше, такъ какъ онѣ встрѣчаются *рядомъ* въ однихъ и тѣхъ же сочиненіяхъ. Знаменитый текстъ о жизни какъ *средствѣ познанія* находится въ томъ же сочиненіи Die fröhliche Wissenschaft (§ 324, стр. 245), гдѣ разумъ изображается какъ *орудіе* нелогическихъ, слѣпыхъ инстинктовъ (§ 111, стр. 152—153).

рѣ есть нѣчто пребывающее, неизмѣнное, значить предполагать въ немъ перерывъ, остановку; между тѣмъ существенное свойство мірового процесса заключается именно въ его непрерывности, слѣдовательно, въ отсутствіи чего-либо пребывающаго, постояннаго.

Все наше познаніе сводится къ отыскиванію постоянныхъ свойствъ вещей, т.-е. именно того, чего нѣтъ въ вещахъ. Эта ложная вѣра въ постоянство сущаго коренится, какъ и всѣ прочіе предразсудки нашего разума, въ физиологическихъ потребностяхъ, въ присущемъ нашему организму стремленіи къ самосохраненію и росту: если-бы мы не вѣрили, напримѣръ, что огонь обладаетъ постояннымъ свойствомъ—жечь, что одни типы животныхъ для насъ постоянно полезны, другіе же—постоянно вредны, то нашъ родъ былъ бы осужденъ на скорую гибель. Наше постоянство въ вѣрѣ для насъ спасительно; и вотъ мы принимаемъ это постоянство за свойство самихъ вещей. Весь процессъ нашего познанія таковъ: *мы возводимъ условія сохраненія нашего существованія въ объективныя свойства вселенной* ¹⁾.

„Что такое вообще категоріи нашего разума и наши логическіе законы? Это—такія представленія, которыя въ процессъ развитія человѣчества оказались *полезными* для сохраненія человѣческаго рода. Вслѣдствіе своей полезности, они стали предметомъ постоянной вѣры, приобрѣли для насъ значеніе непреложныхъ и апріорныхъ истинъ. Иначе говоря, познавательный процессъ покоится на томъ предположеніи, что полезное для насъ есть истинное“ ²⁾.

Можемъ ли мы, по крайней мѣрѣ, вѣрить въ постоянство нашихъ логическихъ законовъ, въ ихъ неизмѣнность какъ формъ *нашего* сознанія? Съ точки зрѣнія Ницше это представляется недопустимымъ. Самыя формы нашего сознанія представляютъ собою нѣчто возникшее во времени: онѣ свойственны тому человѣку, котораго мы знаемъ, т.-е. че-

1) Der Wille zur Macht, §§ 269, 270, 283—285, B. XV, 274—275, 291—294; Die fröhliche Wissenschaft, § 111, B. V, 152—153.

2) Der Wille zur Macht, §§ 269, 270, B. XV, 274—275.

ловѣку, какъ онъ существовалъ за послѣднія четыре тыся-
челѣтія: это не даетъ намъ права говорить о ихъ вѣчности;
въ области человѣческаго сознанія, какъ и во всемъ суще-
ствующемъ, нѣтъ вѣчныхъ фактовъ, нѣтъ абсолютныхъ исти-
тинъ ¹⁾. Во всѣхъ человѣческихъ сужденіяхъ критеріемъ
служить самъ человѣкъ, его польза, его стремленіе къ го-
сподству надъ вещами; но, такъ какъ человѣкъ непрерывно
измѣняется, у него не можетъ быть постоянного критері-
я для сужденія о вещахъ; поэтому наши сужденія выра-
жаютъ собою не истину, а только наше преходящее на-
строеніе. Съ этой точки зрѣнія, говоритъ Ницше, слѣдо-
вало бы, собственно говоря, отказаться отъ всякихъ сужде-
ній; но на это мы не способны: человѣкъ такъ устроенъ,
что онъ непременно долженъ чувствовать къ однимъ пред-
метамъ влеченіе, къ другимъ—отвращеніе; онъ не можетъ
обойтись безъ оцѣнки вещей, а потому—и безъ сужденія о
нихъ ²⁾.

Вѣра въ разумъ связана съ критическимъ отношеніемъ
къ свидѣтельствамъ нашихъ чувствъ: метафизика всѣхъ вѣ-
ковъ противопоставляла разумъ, какъ сферу достовѣрнаго и
истиннаго, обманчивымъ чувствамъ; какъ бы ни были раз-
личны метафизическія системы, онѣ всегда сходились въ
томъ, что истинное бытіе есть сверхчувственное; все то,
что доступно чувствамъ, есть, напротивъ, область бытія
призрачнаго, кажущагося.

У Ницше—какъ разъ наоборотъ: отрицаніе разума связы-
вается съ реабилитаціей чувствъ и съ глумленіемъ надъ вся-
кой вообще метафизикой. Для него истиннымъ и достовѣр-
нымъ представляется только чувственно воспринимаемый
міръ со всѣмъ его безконечнымъ разнообразіемъ и непо-
стоянствомъ. Изъ древнихъ философовъ элеаты сомнѣва-
лись въ достовѣрности нашихъ чувствъ, потому что чув-
ства свидѣтельствуютъ о разнообразіи и измѣненіи вещей,

¹⁾ Menschliches, Allzumenschliches, § 2, В. II, 18—19.

²⁾ Ibid., § 32, стр. 49.

между тѣмъ какъ истинно-сущее едино и неизмѣнно. Напротивъ, Гераклитъ полагалъ, что наши чувства лгутъ, потому что они свидѣтельствуютъ намъ о постоянствѣ и единствѣ вещей, котораго на самомъ дѣлѣ въ нихъ нѣтъ. Относясь съ величайшимъ уваженіемъ къ Гераклиту, понимавшему сущее какъ непрерывный процессъ, Ницше думаетъ однако, что и Гераклитъ былъ неправъ въ своемъ скептическомъ отношеніи къ чувствамъ. *Чувства наши вообще не лгутъ*, ни въ смыслѣ элеатовъ, ни въ смыслѣ Гераклита. Нашъ разумъ впервые фальсифицируетъ свидѣтельства чувствъ, привнося въ нихъ свои ложныя понятія единства, постоянства, вѣчности и т. п. Поскольку наши чувства свидѣтельствуютъ о непрерывномъ теченіи, измѣненіи и уничтоженіи явленій, они не лгутъ. Лжетъ только нашъ разумъ, поскольку онъ утверждаетъ, что за предѣлами нашихъ чувствъ есть какой-то иной истинный міръ, сверхчувственный и вѣчный ¹⁾.

Сущность мысли Ницше сводится къ тому, что міръ, доступный нашимъ чувствамъ, есть единственная реальность; сверхчувственное въ его глазахъ представляется остаткомъ божественнаго, „тѣнью Бога“; метафизика, проповѣдующая существованіе истиннаго міра за предѣлами явленій, представляетъ собою пережитокъ богословія, слабую попытку замѣнить религію. Чтобы окончательно освободиться отъ религіи, нужно преодолѣть еще и метафизику. Для этого мало обнаружить недостатки отдѣльныхъ системъ: надо искоренить ту религіозную потребность, которая лежитъ въ основѣ всѣхъ религіозныхъ и метафизическихъ ученій ²⁾.

Въ своей борьбѣ противъ метафизики Ницше ясно сознаетъ, что метафизическія предположенія или, говоря иначе,

---

1) *Götzen-Dämmerung*, VIII, 77. Этотъ текстъ, написанный въ 1888 году, т. е. почти въ самомъ концѣ литературной дѣятельности Ницше, наглядно показываетъ, какъ неосновательно противопоставлять послѣдній періодъ его творчества срединному, „позитивному“, періоду. ср. *ibid.*, 83, *Der Wille zur Macht*, § 279, B. XV, 286.

2) *Menschliches, Allzumenschliches*, §§ 20, 27, B. II, 37—38, 45.

представленія о сверхчувственномъ, лежать въ основѣ всѣхъ нашихъ сужденій. Въ основѣ всякой метафизики лежитъ противоположность истинно-сущаго и кажущагося, міра, какъ онъ есть самъ въ себѣ и какъ онъ намъ представляется,—вещи въ себѣ и явленія. Отвергая сверхчувственное, Ницше и слышать ничего не хочетъ о какихъ бы то ни было метафизическихъ „сущностяхъ“. Наши понятія „субстанціи“ и „вещи въ себѣ“, по его мнѣнію, достойны гомерическаго хохота ¹⁾).

Но, спрашивается, можно ли съ этой точки зрѣнія говорить о явленіяхъ? Разсматривать міръ, доступный нашимъ чувствамъ, какъ область явленій значитъ признавать, что въ основѣ этого міра лежитъ нѣкоторая сущность, которая намъ является. Всякое явленіе есть явленіе *чего-нибудь* реального, стало быть, проявленіе какой-нибудь сущности. Кто отвергаетъ сущность, или, что то же, „вещь въ себѣ“, тотъ, стало быть, долженъ отвергнуть и явленіе. Такъ именно и поступаетъ Ницше: если нѣтъ вещи въ себѣ, говоритъ онъ, то нѣтъ и ея противоположности, „нѣтъ явленія“ ²⁾. Если нѣтъ міра „истинно существующаго“, то нѣтъ и „кажущагося“ ³⁾. Нѣтъ вообще никакихъ „вещей“; ибо самое понятіе „вещи“ покоится на ложномъ предположеніи чего-то пребывающаго, чего-то неподвижнаго, чего нѣтъ въ нашихъ чувствахъ; ложно, наконецъ, и самое понятіе „бытія“, которое покоится на той же фикціи. Истинно есть только вѣчное становленіе, непрерывный процессъ ⁴⁾.

Тутъ возникаетъ вопросъ, возможно ли становленіе безъ становящагося? Всякій процессъ, всякое движеніе предполагаетъ *нѣчто движущееся*, то, что становится: повидимому, понятіе процесса предполагаетъ понятіе сущности, понятіе *субъекта*, который переживаетъ процесъ, по отношенію къ

¹⁾ Ibid., § 17, стр. 33.

²⁾ Der Wille zur Macht, § 279, XV, 286.

³⁾ Götzen-Dämmerung, B. VIII, 83.

⁴⁾ Der Wille zur Macht, §§ 283—285, B. XV, 291—294; Götzen-Dämmerung, VIII, 77.

которому процессъ является *предикатомъ*. Съ точки зрѣнія Ницше, однако, это—не болѣе какъ предразсудокъ. Изъ того, что мы не можемъ представить себѣ сказуемаго безъ подлежащаго, по его мнѣнію вовсе не слѣдуетъ, чтобы въ основѣ мірового процесса лежало реальное подлежащее, реальный субъектъ. Законы нашей грамматики не суть законы вселенной. Самое понятіе субъекта—*наше* изобрѣтеніе, наша фикція, посредствомъ которой мы мыслимъ существующее.

Идя шагъ за шагомъ въ этомъ направленіи, Ницше приходитъ къ тому заключенію, что самое наше „я“ есть фикція. Декартъ училъ: „я мыслю, слѣдовательно я есмь“; въ этихъ словахъ, по Ницше, выражается заключеніе отъ факта мысли къ существованію реального субъекта или сущности, которая мыслить; въ этомъ умозаключеніи сказалась просто-напросто наша грамматическая привычка—приписывать всякое дѣйствіе какому-нибудь дѣятелю. На самомъ дѣлѣ изъ факта мысли мы не въ правѣ заключать къ реальности нашего „я“, ни даже какого-либо „нѣчто“, которое мыслить ¹⁾.

На тѣхъ же основаніяхъ Ницше отрицаетъ понятіе причинности. Понятіе это, по его мнѣнію, коренится въ томъ же грамматическомъ предразсудкѣ: отъ всякаго происшествія мы тотчасъ заключаемъ къ дѣятелю, который его производитъ. Этотъ предполагаемый дѣятель, которому мы приписываемъ то или другое изъ совершившагося, и есть то, что мы называемъ причиной. На самомъ дѣлѣ, „причинность“—не болѣе, какъ наша субъективная фикція: въ мірѣ нѣтъ сущностей, нѣтъ „дѣятелей“. а, слѣдовательно, нѣтъ ни причинъ, ни дѣйствій: міровой процессъ не можетъ быть расчлененъ на причины и дѣйствія, потому что онъ вообще не расчленяется на отдѣльные, обособленные пункты, а течетъ безпрерывно ²⁾. Причинное объясненіе вселенной

¹⁾ Der Wille zur Macht, § 260, B. XV, 265; ср. Jenseits von Gut und Böse, § 17, 27.

²⁾ Der Wille zur Macht, § 280, B. XV, 286; Die fröhliche Wissenschaft, § 112, B. V, 153—154.

есть въ сущности попытка истолковать ее по аналогіи съ тѣмъ, что мы находимъ въ нашемъ внутреннемъ мірѣ; наблюдая движеніе нашихъ мускуловъ вслѣдъ за тѣмъ или другимъ актомъ нашей воли, мы воображаемъ себя причиною: мы думаемъ, что наша воля, какъ субъектъ, есть тотъ дѣятель, та причина, которая вызываетъ движеніе нашихъ мускуловъ: объясняя внѣшній міръ по аналогіи съ внутреннимъ, мы заключаемъ, что за каждымъ внѣшнимъ событіемъ стоитъ причина, дѣятель, который обусловливаетъ данное событіе совершенно такъ, какъ наша воля—движеніе нашихъ рукъ и ногъ. На самомъ дѣлѣ въ этомъ рядѣ умозаключеній все неправильно. Въ нашемъ внутреннемъ мірѣ мы не наблюдаемъ воли какъ субъекта, какъ дѣятеля: вмѣсто того мы находимъ здѣсь только послѣдовательность, смѣну отдѣльныхъ состояній. Мы видимъ, что за нашимъ хотѣніемъ слѣдуетъ движеніе, и совершенно ошибочно заключаемъ отсюда, что есть нѣкоторый метафизическій субъектъ, наша воля, который производитъ и то и другое. Дальнѣйшая неправильность заключается въ истолкованіи внѣшняго міра по аналогіи съ внутреннимъ. Это—совершенно произвольная попытка—очеловѣчить природу ¹⁾.

Наше сознаніе вообще представляетъ собою сплошной міръ фикцій. Наши логическія аксіомы такъ же призрачны, какъ и категоріи нашего разсудка. Такъ, напримѣръ, знаменитый „законъ противорѣчія“ представляетъ собою чисто субъективное правило нашей мысли, которому мы не имѣемъ права придавать объективнаго значенія. Изъ того, что мы не можемъ одновременно утверждать и отрицать одного и того же, не слѣдуетъ, чтобы сущее не могло обладать противорѣчивыми свойствами. Законъ противорѣчія не есть свойство сущаго, а выраженіе нашей человѣческой неспособности. Мы вообще не знаемъ сущаго, а потому—не въ состояніи рѣшить вопроса о томъ, приложимы или непри-

¹⁾ Götzen-Dämmerung, VIII, 93—94; Der Wille zur Macht, §§ 296, 298, 280, B. XV, 333—316, 318—320, 286—287; Die fröhliche Wissenschaft, § 127, B. V, 165.

ложимы къ нему наши логическія аксіомы; послѣднія поэтому не суть критеріи истины, а только предписанія относительно того, что должно *считаться истиннымъ* ¹⁾.

Спрашивается, можно ли говорить при такихъ условіяхъ о какомъ бы то ни было познаніи? Ницше прямо заявляетъ, что мы вообще можемъ не познавать, а только устанавливать наши отношенія къ вещамъ: самыя точныя приемы научнаго изслѣдованія не могутъ дать намъ большаго ²⁾. Но большаго намъ и не нужно: что изъ того, что истина намъ недоступна! Думать, что истина для насъ цѣниѣ лжи—одинъ изъ величайшихъ предразсудковъ; заблужденія нерѣдко въ высшей степени способствуютъ сохраненію чело-вѣческаго рода; напротивъ, многія „истины“ могутъ оказаться въ высшей степени для насъ гибельными; поэтому ложность того или другаго сужденія еще не можетъ служить противъ него возраженіемъ: весь вопросъ въ томъ, насколько оно можетъ способствовать сохраненію и возрастанію нашей жизни ³⁾. Сообразно съ этимъ, предметомъ исканія философіи во всѣ вѣка была вовсе не истина, а *здоровье*, т.-е. увеличеніе степени нашего могущества ⁴⁾.

XI.

Для того, кто знаетъ исторію философіи, весь изложенный только что рядъ отрицательныхъ тезисовъ не представляетъ чего-либо новаго. Изъ ученія Гераклита еще въ древности былъ сдѣланъ выводъ, что, разъ въ мірѣ нѣтъ ничего пребывающаго, постояннаго, въ немъ нѣтъ ничего истиннаго: на этомъ основаніи еще ученикъ Гераклита—Кратиль—пришелъ къ убѣжденію, что всякое чело-вѣческое сужденіе есть ложь. Наконецъ, у софистовъ мы находимъ въ связи съ элементами ученія Гераклита тѣ же положенія:

1) Der Wille zur Macht, § 271, B. XV, 276.

2) Die fröhliche Wissenschaft, § 246, B. V, 200.

3) Jenseits von Gut und Böse, § 3, B. VII, 11—12.

4) Die fröhliche Wissenschaft, Vorrede § 2, B. V, 7.

отрицаніе истины, отрицаніе „бытія“, отрицаніе возможности познанія, а также—передачи нашихъ понятій посредствомъ рѣчи и, наконецъ,—тоже подчиненіе теоріи практическимъ потребностямъ; съ этимъ связывается утвержденіе, что цѣль нашихъ сужденій—не истина, а увеличеніе нашего могущества.

Какъ сказано, Ницше вполне сознаетъ свое сродство какъ съ Гераклитомъ, такъ и съ софистами: „нашъ нынѣшній образъ мысли,—говоритъ онъ,—является въ высокой степени Гераклитовскимъ, Демокритовскимъ и Протагоровскимъ; достаточно назвать его Протагоровскимъ, такъ какъ Протагоръ объединилъ въ себѣ Гераклита и Демокрита“ ¹⁾. Сочувствіе къ софистамъ усиливается здѣсь еще и тѣмъ, что Ницше видитъ въ нихъ не только провозвѣстниковъ истинной теоріи познанія, но и первыхъ имморалистовъ древности ²⁾, предшественниковъ его собственнаго ученія о нравственности. Ученіе софистовъ вообще представляетъ для него высшую точку развитія греческой философіи: послѣ нихъ начинается эпоха упадка ³⁾.

Понятно, что скептицизмъ, доведенный до такой крайности, не можетъ быть послѣдовательнымъ. Всякое логическое отрицаніе есть активное проявленіе нашего разума и постольку—самоутвержденіе разума. Когда предметомъ нашего отрицанія становится самый нашъ разумъ, самая наша логика, т. е. *то самое, что отрицаетъ*, мы впадаемъ въ явное противорѣчіе. Наше сомнѣніе въ мысли изобличается самымъ движеніемъ нашей мысли, которая сомнѣвается. Если вообще всякое наше сужденіе есть ложь, то ложно и сужденіе скептика, который отрицаетъ возможность познанія. Абсолютное сомнѣніе должно въ концѣ концовъ перейти въ отрицаніе самаго сомнѣнія, или, что то же,—въ утвержденіе.

Въ разбираемомъ ученіи мы уже отмѣтили это сочетаніе противоположныхъ крайностей—отрицанія разума и вѣры

1) Der Wille zur Macht, § 233, В. XV, 234.

2) Ibid.

3) Ibid, §§ 237, 240, стр. 239, 242.

въ него. Съ этимъ связывается у Ницше противорѣчивое отношеніе къ философіи. Онъ возстаеъ противъ всякаго догматизма, признавая во всякихъ догматахъ, религіозныхъ и философскихъ, проявленіе дѣтства мысли ¹⁾. И, однако, въ его философіи мы находимъ рядъ догматовъ. Онъ признаеъ непознаваемость сущаго; самое понятіе объ „истинно сущемъ“ съ его точки зрѣнія естъ иллюзія; и тѣмъ не менѣе мы находимъ у него рядъ положительныхъ утверженій о сущемъ. Онъ заявляеъ себя врагомъ всякой метафизики; и, однако, не трудно доказать, что у него естъ множество метафизическихъ построеній, притомъ—построеній довольно плохого качества.

Во-первыхъ, сущее, какъ мы уже видѣли, опредѣляется у Ницше рядомъ отрицательныхъ положеній: оно безсмысленно, безцѣльно, *въ немъ нѣтъ разума*. Кромѣ того Ницше даеъ ему рядъ положительныхъ опредѣленій: оно естъ *безпрерывный процессъ*. Въ устахъ мыслителя, который отрицаеъ возможность познавать какія бы то ни было *вѣчныя истины*, въ особенности странно звучитъ признаніе *вѣчности мірового движенія*, вѣчности круговорота жизни. Вникая глубже въ его мысль, мы увидимъ, что для него вѣченъ не одинъ только процессъ: естъ нѣчто пребывающее, что лежитъ въ основѣ самаго процесса и сохраняется во всѣхъ превращеніяхъ вселенной: это—міровая энергія, которая, по ученію Ницше, не возрастаетъ, не уменьшается, *а пребываетъ вѣчно въ одномъ и томъ же количествѣ*. Самое ученіе о вѣчномъ круговоротѣ жизни, о періодическомъ возвращеніи всего существующаго,—одинъ изъ основныхъ тезисовъ философіи Ницше,—выводится имъ, какъ мы видѣли, *изъ закона постоянства или вѣчности міровой энергіи*. Отрицая причинность, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ пытаеъ свести міровой процессъ къ его первоначальной, вѣчной причинѣ. Первоначальная причина всего мірового развитія, учитъ онъ, сама не подлежитъ развитію и не возникаетъ во времени ²⁾.

1) Jenseits von Gut und Böse; Vorrede, B. VII, 3.

2) Der Wille zur Macht, § 317, B. XV, 339.

Въ этомъ различіи между областью преходящаго, измѣнчиваго, съ одной стороны, и вѣчной основой вселенной, съ другой стороны, мы узнаемъ то самое противоположеніе явленія и вещи въ себѣ, которое самъ Ницше призналъ „достойнымъ гомерическаго хохота“. Отвергнувши эту противоположность, онъ, однако, продолжаетъ, какъ ни въ чемъ не бывало, разсуждать о кажущейся, „феноменальной“ сторонѣ мірозданія; при этомъ „феноменальное“ онъ противопоставляетъ тому, что „не феноменально“. По его опредѣленію сущее есть „воля могущества“. Всякому атому вещества присуще стремленіе утверждать себя въ пространствѣ, занимать въ немъ мѣсто, вытѣсняя оттуда всѣ прочія частицы вещества; всякому человѣку и всякому живому существу присуще стремленіе не только сохранить, но и умножить свое бытіе, приобрести возможно большій плюсъ энергіи. Все существующее *стремится къ могуществу*. Воля могущества и есть „сокровенная сущность существующаго“ (das innerste Wesen des Seins). Все прочее—феноменально: феноменальны наши представленія о „субъектахъ“, „вещахъ“ и т. п. „Не феноменальны“ только первоначальный источникъ всѣхъ мировыхъ явленій ¹⁾. Мы видѣли, что Ницше считаетъ чувства областью „единственно достовѣрнаго“, признавая вѣру въ сверхчувственное признакомъ упадка. И, однако, его метафизика вводитъ насъ всецѣло въ область сверхчувственнаго. Недоступна чувствамъ та мировая энергія, которая производитъ изъ себя все существующее; недоступна чувствамъ и вѣчность существующаго, то безконечное время, въ теченіе котораго совершается мировой процессъ, ибо чувства вообще могутъ воспринимать только ограниченное, преходящее, конечное. Казалось бы, что ученіе Ницше есть

¹⁾ См. вообще Der Wille zur Macht, §§ 296—324, В. XV; 313—347, въ особенности же 316, 317, 339; ср. Jenseits von Gut und Böse, § 186, В. VII, 115. Опять таки мы имѣемъ здѣсь дѣло съ метафизикою *безсознательною*; цитированныя мѣста взяты изъ того же посмертнаго сочиненія Ницше, гдѣ онъ отрицаетъ противоположность между вещью въ себѣ и явленіемъ (Der Wille zur Macht, § 279, В. XV, 286); въ этомъ же сочиненіи пространно доказывается невозможность познанія.

совершенный сенсуализмъ, и, однако, у него есть мѣсто, гдѣ онъ высказывается противъ сенсуализма, какъ міро-созерцанія вульгарнаго, предостерегая при этомъ противъ безграничнаго довѣрія къ чувствамъ; здѣсь онъ заявляетъ, что наши чувства насъ обманываютъ, что истинно сущее не совпадаетъ со сферою видимаго и осязаемаго; онъ даже съ нѣкоторой симпатіей говоритъ о философіи Платона, которая была во всѣхъ отношеніяхъ аристократической реакціей противъ вульгарнаго культа осязаемаго ¹⁾).

Однимъ словомъ, вся философія Ницше обусловлена примѣненіемъ къ сущему тѣхъ самыхъ категорій разума, которыя онъ отрицаетъ; все его ученіе о познаніи есть непрерывная борьба между двумя исключаящими другъ друга тенденціями. Чтобы вполне понять это ученіе, недостаточно открыть въ немъ противорѣчія: нужно объяснить еще, какъ и почему возникли эти противорѣчія.

Прежде всего, какъ уже было сказано, отрицаніе чело-вѣческаго разума составляетъ необходимое логическое послѣдствіе основныхъ началъ философіи Ницше. Понятно, что философія, которая отрицаетъ существованіе какихъ-либо универсальныхъ цѣлей въ основѣ вселенной, должна отрицать приспособленность чело-вѣческаго разума къ универсальной цѣли познанія истины. Вѣра въ чело-вѣчскій разумъ уже предполагаетъ *объективную телеологию*, т.-е. то самое, что отрицаетъ Ницше.

Далѣе, познаніе вообще возможно только при томъ условіи, *если сущее можетъ быть выражено въ понятіяхъ разума*. Если сущее представляетъ собою нѣчто безусловно противоположное и чуждое мысли, то оно не можетъ быть выражено въ терминахъ мысли, не можетъ быть познано и понято нами. Всякій актъ познанія предполагаетъ, что тѣ понятія, въ которыхъ оно выражается, не суть только наша субъективная иллюзія, а обладаютъ значеніемъ объективнымъ и всеобщимъ, суть формы самой дѣйствительности, т.-е. формы подлинныхъ явленій сущаго. Иначе го-

¹⁾ Jenseits von Gut und Böse, § 14, B. VII, 24; ср. § 204, стр. 143—146.

воря, познание предполагает, что *мысль лежитъ въ основѣ существующаго*, выражаетъ собою его природу: иначе существующее не укладывалось бы въ формы мысли и было бы абсолютно недоступно познанию.

Наше человѣческое познание вообще возможно только въ предположеніи мысли универсальной, все въ себѣ объемлющей. Предположеніе это лежитъ въ основѣ всѣхъ нашихъ сужденій, при чемъ безразлично, хотять или не хотять эти сужденія быть метафизическими, относятся ли они къ сущему или къ явленіямъ сущаго. Когда Кантъ сказалъ, что формы сознанія лежатъ въ основѣ міра явленій, какъ условія его возможности, онъ остановился на полдорогѣ. Нѣтъ явленія безъ сущности, которая является; поэтому, если мы скажемъ, что мысль есть всеобщая и необходимая форма явленій, мы неизбежно должны будемъ придти къ выводу, что мысль есть всеобщій предикатъ, всеобщее опредѣленіе сущаго.

Дилемма ставится такимъ образомъ: или существуетъ универсальная мысль, которая объемлетъ въ себѣ все существующее, или же познание—вообще невозможно. Ницше избралъ второй терминъ этой дилеммы: разъ онъ отвергъ существованіе универсальной мысли въ основѣ существующаго, онъ долженъ былъ признать и выводъ, необходимо вытекающій отсюда,—что всякое человѣческое сужденіе есть ложь.

Ницше понялъ, что вѣра въ человѣчскій разумъ покоится на метафизическомъ предположеніи универсальнаго разума *надъ человекомъ*. Желая быть послѣдовательнымъ, онъ отрекся какъ отъ того, такъ и отъ другого. Примѣръ Ницше поучителенъ для насъ и въ другомъ отношеніи: онъ доказываетъ, что въ насъ есть неистребимая, хотя и безотчетная метафизическая вѣра, которая смѣется надъ нашимъ отрицаніемъ. Отрицаніе разума, отрицаніе самой возможности сужденій есть все-таки *сужденіе*; какъ всякое сужденіе, какъ и всякій другой актъ разума, оно предполагаетъ *вѣру въ разумъ*, т.-е. въ то самое, что отрицается.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Кн. Евгений Трубецкой.

Современное состояніе соціологіи ¹⁾.

Элементы соціальной жизни и ихъ взаимоотношенія.

Научное изслѣдованіе какого-нибудь отдѣла дѣйствительности, это—разложеніе его на элементарныя единицы различныхъ ступеней сложности и зависимости и изученіе законовъ комбинаціи послѣднихъ, ихъ качественныхъ особенностей, ихъ отношеній къ другимъ элементамъ и комплексамъ, различныхъ стадій ихъ развитія, если таковое имѣется. Научное изслѣдованіе соціальной жизни должно поставить себѣ вопросъ: каковы суть элементы соціальной жизни?

Близко лежащіе отвѣты получаютъ, если возьмемъ критеріемъ элементарности фактъ не общественный, но являющійся непосредственнымъ носителемъ соціальной жизни, или же фактъ уже общественный, словно элементарную соціальную клѣтку, изъ которой какъ изъ данной уже соціальной матеріи, посредствомъ дифференціаціи возникаютъ сложныя соціальныя образованія. Въ первомъ случаѣ приходится считать элементомъ соціальной жизни индивидуумъ, во второмъ—семью, или первобытную орду, имѣющую основнымъ принципомъ своего единства, главнымъ образомъ, кровное родство. Но эта альтернатива уже показываетъ, что ни индивидуумъ, ни семья не являются, какъ таковыя, во всѣхъ своихъ опредѣленіяхъ, элементами соціальной жизни—въ томъ, что послѣдняя имѣетъ специфическаго.

Человѣческій индивидуумъ, какъ таковой, очевидно не можетъ быть признанъ основнымъ и постояннымъ соціальнымъ элементомъ, потому что въ первобытномъ и даже древнемъ историческомъ

¹⁾ См. № 66 «Вопр. Ф. и П.».

Вопросы философіи, кн. 67.

обществѣ человѣческая личность не имѣла никакого сознательнаго существованія независимо отъ экономическихъ, семейныхъ, религиозныхъ и правовыхъ функцій, которыя она исполняла; въ остальномъ она была чисто-біологическимъ и антропологическимъ индивидуумомъ, который не имѣлъ никакого собственно-соціологическаго значенія. Сознательная умственная и нравственная индивидуальность была до сихъ поръ позднимъ и рѣдкимъ продуктомъ историческаго развитія. Изъ семейныхъ же отношеній не могутъ быть отвлечены, какъ продукты ихъ дифференціаціи, отношенія экономическихъ классовъ, права индивидуальной собственности, военныя дѣятельности—вообще всѣ элементы соціальной жизни, имѣющіе своей основой не одностороннюю іерархію и солидарность, какъ въ семьѣ, а кооперацію и противоположеніе равныхъ людей. Определеніе индивидуума и семьи, какъ содержаній соціальной жизни, само должно быть дано при помощи определенныхъ элементовъ, или определенной комбинаціи элементовъ соціальной жизни. Послѣдніе должны быть уже установлены для того, чтобы понятія индивидуума и семьи получили свое точное соціологическое значеніе.

Общество—это совокупность отношеній между людьми, основанныхъ на взаимномъ переживаніи ими жизненныхъ процессовъ. Жизненный процессъ человѣческихъ личностей характеризуется высшимъ развитіемъ животнаго сознанія—ощущеній, стремленій и чувствованій, представленій, желаній и дѣятельностей, мыслей, воли и творчества. Совмѣстное переживаніе людей является переживаніемъ сперва стремленій и чувствованій, затѣмъ при посредствѣ языка—общихъ воспріятій и сужденій, желаній и поступковъ. Соціальная жизнь является организаціей на почвѣ взаимнаго удовлетворенія потребностей совокупными силами, взаимнымъ содѣйствіемъ и подкрѣпленіемъ; она является цѣлесообразнымъ распредѣленіемъ этихъ силъ по заранѣе обдуманному плану, принимающему во вниманіе множественность, сознательность и взаимное дополненіе и замѣну индивидуумовъ. Потребности пищи, крова, защиты, воспроизведенія и внутренней солидарности являются первыми и основными содержаніями всякой коллективной дѣятельности. На ряду съ экономическими, семейственными, политическими и правовыми учрежденіями въ соціальной жизни неразрывно съ ними существуютъ общіе знаки для вещей и чувствованій—слова; на ряду съ послѣдними—общіе

элементы міросозерцанія, общія религіозныя и нравственныя представленія. На высшихъ ступеняхъ развитія появляются литература, наука, философія и искусство, представляющія въ различныхъ степеняхъ и содержаніяхъ достояніе цѣлыхъ слоевъ общественной жизни. Въ этихъ-то, въ общественной жизни возникающихъ, съ нею, а не съ отдѣльными личностями, связанныхъ системахъ цѣлей, средствъ и возрѣній и заключаются элементы социальной жизни ¹⁾. Индивидуальность же не есть такой элементъ потому, что самый элементарный социальный фактъ предполагаетъ болѣе, чѣмъ одну,—по меньшей мѣрѣ двѣ индивидуальности. Социальное въ индивидуальности, это—то, что ей обще съ болѣе или менѣе широкой группой другихъ людей,—будь то со своей націей, или со своимъ классомъ, или съ историческимъ человѣкомъ, или со своими единомышленниками, или съ будущимъ человѣчествомъ. Индивидуальность, какъ таковая, опредѣляется не исключительно социологическими признаками—націей, языкомъ, социальной функцией, социальнымъ уровнемъ и классомъ, но и подсоциальными біологическими, антропологическими и психологическими признаками, съ одаой стороны, и надсоциальными признаками—этическими убѣжденіями и характеромъ, научными и философскими возрѣніями, эстетическими вкусами, съ другой. Точно также семья, какъ социологическое содержаніе, опредѣляется ея правовыми, этическими и педагогическими признаками, какъ комбинація опредѣленныхъ элементарныхъ социальныхъ цѣлей, а не является сама яснымъ и опредѣленнымъ социальнымъ элементомъ, подобно тому какъ современная физика ²⁾ опредѣляетъ массу количествомъ исходящихъ изъ тѣла ускореній, а мѣсто массы—направленіемъ этихъ ускореній,—взамѣнъ неопредѣленныхъ признаковъ матеріальности и положенія, бросающихся въ глаза ненаучному уму.

Это конечно не уничтожаетъ того факта, что исторія происходитъ въ личностяхъ и при посредствѣ личностей. Чѣмъ ниже развито общество, какъ цѣлое, чѣмъ ниже развита дѣйствующая въ немъ личность, чѣмъ меньше цѣли и средства

¹⁾ См. о социальномъ возникновеніи и характерѣ высшихъ содержаній духовной жизни, кромѣ выше цитированныхъ авторовъ, особенно: E. De-Roberty: *Le bien et le mal*, *Le psychisme social* и *Le fondements de l'éthique*, J. Jsoulet: *La cité moderne*.

²⁾ Э. Махъ и др.

личности являются цѣлями и средствами общества, чѣмъ несо-
временнѣе, бесплоднѣе, недоступнѣе пониманію и сочувствію
общества ея мысли, желанія — тѣмъ ничтожнѣе будетъ влі-
яніе личности на ходъ исторической жизни. Наоборотъ, чѣмъ
общество выше развито и чѣмъ выше развита дѣйствующая въ
немъ личность, чѣмъ болѣе цѣли и средства личности являются
цѣлями и средствами общества, чѣмъ современнѣе, полезнѣе и
понятнѣе обществу ея открытія, изобрѣтенія и дѣятельность,
чѣмъ вліятельнѣе и могущественнѣе ея положеніе въ обществѣ, —
тѣмъ могучѣе опредѣляетъ она ходъ историческаго развитія, тѣмъ
сильнѣе запечатлѣваетъ она свой индивидуальный геній въ судь-
бахъ человѣчества.

Экономическія, политическія, правовыя, религіозныя, педагогиче-
скія, научныя, философскія, эстетическія идеи и цѣли представля-
ютъ собой каждая не строго отграниченную и однородную систему:
онѣ стоятъ въ тѣсныхъ связяхъ и взаимодействіяхъ одна съ
другою, являются отчасти средствами одна для другой, и ихъ
отношенія измѣняются и расчленяются въ ходѣ историческаго
развитія. Въ цѣломъ, однако, идеи, цѣли и дѣятельности, направ-
ленные на достиженіе необходимыхъ и желательныхъ матери-
альныхъ благъ посредствомъ добыванія и обработки естествен-
ныхъ матеріаловъ, обмѣна и распредѣленія продуктовъ между
членами общества могутъ быть отграничены отъ системы правилъ,
регулирующихъ отношенія между членами общества въ экономи-
ческихъ, семейственныхъ и другихъ общественныхъ сношеніяхъ;
послѣдняя система можетъ быть отграничена отъ системы социаль-
ныхъ воззрѣній на міръ и должное и т. д. Для социологіи, изу-
чающей социальную жизнь, именно какъ цѣлое, и видящей свою
существенную и отличительную задачу въ уясненіи всѣхъ элемен-
товъ социальной жизни, какъ зависящихъ одинъ отъ другого, какъ
взаимно обусловливающихъ и обусловленныхъ въ ихъ содержа-
ніяхъ и развитіи, — текучесть и сложность элементовъ социальной
жизни является только постулатомъ цѣлесообразности, которую
она и старается установить, поскольку это позволяетъ ея пред-
метъ и поскольку ея обобщающія задачи господствуютъ, надъ
анилизирующими и специализирующими задачами чисто-логиче-
скаго изслѣдованія.

Но эта текучесть и сложность социальныхъ элементовъ яв-
ляется препятствіемъ для тѣхъ одностороннихъ социологическихъ

теорій, которыя думаютъ понять социальную жизнь, принимая одинъ какой-нибудь факторъ социальной жизни — политической, или идеологической, или экономической—за ея единственную основу, или верховную цѣль, отъ которой зависятъ или которой подчиняются всѣ ея остальные содержанія ¹⁾). Защита общественного цѣлаго извнѣ и правовая организація общественной жизни изнутри очевидно не представляютъ собой независимыхъ и строго ограниченныхъ цѣлей и дѣятельностей. Существуетъ ли въ обществѣ постоянная армія, или всѣ взрослые члены его обязаны принимать участіе въ войнѣ; имѣютъ ли войны народа оборонительный, или наступательный характеръ; управляется ли страна монархомъ, или олигархами, или парламентомъ; существуетъ ли въ странѣ частная, или коллективная собственность на землю или продукты производства; дѣйствуетъ ли въ ней то или другое уголовное право, имѣетъ ли она право коммерческое и полицейское—все это зависитъ, кромѣ причинъ естественныхъ, не отъ какаго-нибудь абсолютнаго законодательствующаго разума, подчиняющаго всѣ области социальной жизни своимъ самобытнымъ юридическимъ нормамъ, а отъ очень реальныхъ, не въ правѣ обоснованныхъ, экономическихъ, религиозныхъ, научныхъ, техническихъ и этическихъ причинъ, и нельзя понять право и политическую структуру народа въ ихъ различныхъ развѣтвленіяхъ, не анализируя этихъ причинъ, какъ нельзя понять хозяйства, науки и т. д. безъ пониманія политической и юридической жизни.

То же самое приходится сказать и относительно попытки понять историческую жизнь лишь изъ движенія идей.

Съ самаго начала общественной жизни на ряду съ религиозными и миеологическими представленіями существуетъ группа идей, такъ сказать, техническихъ и конкретныхъ, о наиболѣе обыденныхъ и важныхъ вещахъ и элементарныхъ приѣмахъ защиты отъ врага, добыванія пищи и крава. Сознательная жизнь состоитъ не только изъ объективныхъ представленій, но и изъ чувствованій и стремленій. Познаніе, мышленіе не только опредѣляютъ волю и чувствованія, но и въ сильнѣйшей степени опредѣляются послѣдними. Потребности и хотѣнія направляютъ, регулируютъ, модифицируютъ теченіе представленій, содержаніе и направленіе воспріятій и мыслей. Возвышающія или подавляющія, поощряющія или

1) См. P. Barth: Philosophie der Geschichte, als Sociologie.

успокаивающія, раздражающія или причиняющія боль, или наслаждение,—представленія этимъ самымъ пріобрѣтаютъ въ душевной жизни соотвѣтственное мѣсто и значеніе, а не только въ силу своего чисто-объективнаго содержанія. Съ расчлененіемъ душевной жизни теченіе представленій и мыслей становится необычайно сложнымъ, и тысячами нитей перекрещиваются разнообразныя отношенія между ихъ объективными содержаніями и ихъ волевыми и эмоціональными цѣнностями. Изъ многообразнаго сцѣпленія каждаго изъ моментовъ ежедневной жизни съ другимъ выдѣляются различныя струи человѣческаго творчества, въ которыхъ преобладаютъ мысль, или воля, или чувствованіе. На ряду съ научной и философской дѣятельностью, направляемой исканіемъ истины, каково бы ни было отношеніе послѣдней къ чувствованіямъ и волѣ, и расчленяющейся въ разнообразные потоки детальнаго изслѣдованія дѣйствительности, возникаетъ практическая мысль, какъ техническая, юридическая, политическая, педагогическая и этическая переработка объективныхъ данныхъ, и эстетическая мысль, направленная на воссозданіе элементовъ мірового процесса въ комбинаціяхъ, требуемыхъ человѣческими стремленіями къ свободѣ, счастью, возвышенію, спокойствію. И теоретическое, и практическое, и эстетическое теченія душевной жизни не перестаютъ находиться въ тѣснѣйшихъ взаимодѣйствіяхъ, какія бы разнообразныя комбинаціи это взаимодѣйствіе ни создавало. Религіозныя и метафизическія идеи представляютъ такое же переплетеніе теоретическихъ, этическихъ и эстетическихъ стремленій, какъ и художественная отдѣлка предметовъ обыденной жизни или устройство больницъ. Технологія и архитектура, поэзія и драматическое искусство, нравы и обычаи въ разныхъ степеняхъ стремятся руководиться данными также и положительныхъ наукъ, соображеніями цѣлесообразности и красоты.

Но содержаніе соціальной жизни не исчерпывается и взаимодѣйствіемъ и переплетеніемъ мыслей, воли и чувствованій. Послѣднихъ недостаточно для пониманія того, какъ соціальная жизнь получаетъ характеръ громаднаго муравейника, въ которомъ копошатся безчисленныя множества существъ, хлопчутъ, судятъ, наказываютъ, убиваютъ, умираютъ, любятъ, страдаютъ, борются, наслаждаются, приказываютъ, повинуются, — являютъ однимъ словомъ ту пеструю сутолоку, которую намъ рисуетъ исторія.

Люди стремятся осуществлять свои цѣли, удовлетворять свои потребности и сталкиваются при этомъ съ реальнымъ міромъ и другими людьми, преодолеваютъ оказываемыя послѣдними противодѣйствія, измѣняютъ ихъ и измѣняются ими въ свою очередь.

Изъ элементовъ сознательной жизни вытекаетъ жизнь общественная, но послѣдняя представляетъ собою рядъ процессовъ объективныхъ, непсихическихъ, и эти процессы вліяютъ въ свою очередь на сознательную жизнь. Общественный процессъ представляетъ собой круговоротъ между воздѣйствіемъ на реальность сознания и реакціей на сознательную жизнь измѣненныхъ подъ ея вліяніемъ объективныхъ условій соціальной жизни. Круговоротъ этотъ совершается одновременно въ безчисленныхъ множествахъ сферъ, пробѣгающихъ одновременно различные фазисы его. Какая-нибудь научная идея бросается въ дѣйствительность соціальной жизни; она вызываетъ попытки ея практическаго примѣненія; техническое изобрѣтеніе приноситъ съ собою то или другое измѣненіе въ экономическихъ процессахъ; послѣднее измѣняетъ въ свою очередь семейныя отношенія, что можетъ вести за собой различныя измѣненія въ области воспитанія, нравственности, права и повліять на строй другихъ соціальныхъ и теоретическихъ идей. Переплетеніе элементовъ круговорота можетъ разнообразиться до безконечности. Идеи могутъ вліять прямо на идеи, затѣмъ на нравственность, затѣмъ на право, затѣмъ на обычаи и технику, или же прямо—на обычаи и технику, и нравственность, и право, и другія идеи, и такъ далѣе—относительно каждаго изъ элементовъ соціальной жизни. Изреченіе Конта: «соціальный міръ управляется мнѣніями» только отчасти вѣрно, если понимать подъ «мнѣніями» совокупность сознательной жизни, потому что реализація сознательной жизни въ матеріальномъ, человѣческомъ и нечеловѣческомъ, мірѣ не тождественна съ послѣднимъ, хотя и существенна для него и является его необходимымъ двигателемъ. Оно совершенно ложно, если понимать подъ мнѣніями, какъ Контъ преимущественно понималъ, лишь элементы теоретическаго міросозерцанія.

Но не болѣе удовлетворительна теорія взаимоотношеній элементовъ соціальной жизни въ матеріалистическомъ пониманіи исторіи. Для послѣдняго круговоротъ соціальной жизни существуетъ лишь между экономіей — фундаментомъ и первичнымъ элементомъ соціальной жизни, и надстройкой надъ этимъ фундамен-

томъ—правомъ, политическими учрежденіями, нравственностью, идеями. Надстройка можетъ гармонировать съ фундаментомъ или же противорѣчить ему. Ростомъ производительныхъ силъ измѣняется въ концѣ концовъ экономическая структура общества, и къ ней приспособляются новыя надстройки. Соотвѣтствующія производительнымъ силамъ правовыя отношенія, социальныя формы и идеи представляютъ благопріятную обстановку для дальнѣйшаго роста производительныхъ силъ, опять противопологающихся прежнимъ надстройкамъ и измѣняющихся послѣднія и т. д.

Не можетъ быть серьезнаго сомнѣнія, въ особенности послѣ изслѣдованія Штаммлера, что эта теорія не продумана до конца, не готова ¹⁾. Экономія ни въ какомъ смыслѣ не можетъ считаться единственнымъ, первичнымъ и лежащимъ въ основѣ всего социальнымъ фактомъ. Во всемъ животномъ мірѣ существуетъ потребность питанія и воспроизведенія; но эти потребности нигдѣ не привели къ похожей на человѣческую социальной жизни и къ развитой естественнонаучной техникѣ. Совершенно равноцѣнной функціи питанія во всемъ органическомъ мірѣ и у человѣка является функція движенія. Нервная система служитъ въ одинаковой степени какъ воспріятію и переработкѣ внѣшнихъ раздраженій въ движенія, такъ и ассимиляціи послѣднихъ; «потребность» сохраненія, подъ вліяніемъ которой развилась нервная система, разлагается на потребность движенія, и на потребность пищи. Утверждать, что экономія лежитъ въ основѣ социальной жизни, уже значить утверждать господство въ послѣдней сознательной и коллективной дѣятельности, потому что самая экономія возникла изъ мыслительныхъ актовъ, изъ конструктивной переработки внѣшнихъ воспріятій и изъ кооперации. Какая же идея будетъ внутреннимъ элементомъ экономіи, какая—надстройкой надъ ней? Для кооперации необходимо подчиненіе нѣкоторымъ правиламъ, извѣстная доля взаимнаго пониманія посредствомъ словъ и жестовъ, извѣстная нравственная отвѣтственность за свой постъ и трудъ. Современное хозяйство имѣетъ своимъ внѣшнимъ условіемъ не правовыя отношенія свободы контракта и передвиженія, а эти права являются интегральными

---

¹⁾ Въ книгѣ L. Woltmann'a: Der Historische Materialismus 1899 сдѣлана попытка углубить и систематизировать историческій материализмъ.

элементами самага процесса производства и обмѣна. Между экономіей, правомъ, нравственностью, наукой существуютъ всюду лишь текуція границы. Всѣ онѣ являются элементами сознательной соціальной жизни на почвѣ взаимнаго переживанія.

Но этого мало: экономическое пониманіе исторіи тогда имѣло бы опредѣленный научный смыслъ, если бы вся дѣятельность человѣчества была направлена прямо или косвенно лишь на удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей, если бы религія и наука, право и нравственность служили единственной цѣли—содержать человѣчество въ сытости и добромъ здравіи. Но съ самага начала историческаго существованія человѣкъ имѣлъ еще и другія потребности: потребность пониманія и предвидѣнія, потребность общенія съ себѣ подобными, потребность движенія и упражненія своихъ органовъ. Если бы не существовало этихъ потребностей, то человѣчество перемерло бы съ голода, но не создало бы ни науки, ни искусства, ни нравственности. Нѣтъ сомнѣнія: наука, искусство, нравственность служатъ экономическимъ цѣлямъ общества, и чѣмъ ниже послѣднее въ лицѣ своихъ членовъ, чѣмъ труднѣе достиженіе этихъ цѣлей,—въ тѣмъ большей степени служатъ онѣ имъ. Но и экономическія цѣли являются лишь средствами для другихъ, высшихъ цѣлей,—и это тѣмъ больше, чѣмъ легче онѣ, экономическія цѣли, достигаются, чѣмъ выше развиты общество и личность. Религіозныя и нравственныя цѣли, научныя и эстетическія потребности могутъ получить даже такой противовѣсъ надъ экономическими цѣлями, что дѣйствуютъ имъ въ ущербъ, подавляютъ ихъ и даже на время увлекаютъ за собой широкія массы. Взаимодѣйствіе между экономикой и духовной «надстройкой», признаваемое экономическимъ матеріализмомъ, уже противорѣчитъ этой теоріи, потому что ей приходится признать самостоятельность права, нравственности, науки, какъ необходимаго условія ихъ взаимодѣйствія съ экономикой, ихъ противоположенія и противодѣйствія послѣдней, ихъ роли орудій въ активной и цѣлесообразной организаціи общественныхъ силъ.

Попытка Штаммлера рачіонально формулировать матеріалистическую теорію круговорота соціальной жизни оказалась неудовлетворительной вслѣдствіе односторонности этой теоріи и несостоятельности кантіанскаго апріоризма, съ точки зрѣнія котораго онъ берется ее исправить. Эта попытка имѣетъ слѣдующія черты.

Въ обществѣ даны система регулирующихъ отношенія между людьми нормъ обычнаго и принудительнаго права и другая система дѣятельностей, реализующихъ эти нормы въ различныхъ областяхъ социальной жизни. Право является формой, названныя дѣятельности—матеріей социальной жизни. Содержаніе науки, религіи, нравственности, искусства представляетъ социологическій интересъ лишь постольку, поскольку въ нихъ реализуются внѣшнія нормы социальной жизни,—напр. въ организациі университетовъ, въ правѣ собственности на духовныя произведенія и т. д. Хозяйство является объектомъ социальной науки лишь постольку, поскольку оно реализуетъ рядъ нормъ социальной жизни, напр. употребленіе частной собственности и права свободнаго договора, права самоопредѣленія и свободной конкуренціи и т. п. Остальные элементы экономики принадлежатъ технологическимъ, естественнымъ и біологическимъ наукамъ. Круговоротъ социальной жизни происходитъ, по Штаммлеру, такъ, что функционированіе опредѣленной системы правъ ведетъ за собой измѣненіе социальныхъ отношеній, а это измѣненіе ведетъ за собой измѣненіе этой системы правъ. Соціальныи процессъ является для него не процессомъ, происходящимъ по непреложнымъ естественнымъ законамъ, а (въ этомъ и заключается его поправка матеріалистическаго пониманія исторіи) процессомъ телеологическимъ, реализаціей социального идеала свободно желающихъ существъ, идеала, лежащаго въ самой основѣ общества, понятаго, какъ цѣлое, руководящееся идеей права. Идеалистическая переработка общественныхъ формъ совершается на основаніи имманентнаго дѣйствія социального идеала въ обществѣ, который не исключаетъ строго-закономѣрнаго отношенія между эволюціей права и хозяйства. Наука, нравственность и т. д. остаются внѣ системы Штаммлера; имъ нѣтъ въ ней мѣста. Все устраивается социальнымъ идеаломъ и естественной закономѣрностью.

Ясно, какъ мы относимся къ этой теоріи. Общество, это совокупность переплетающихся экономическихъ, семейственныхъ, политическихъ, научныхъ, этическихъ, эстетическихъ цѣлей на почвѣ взаимнаго переживанія. Между совокупностью этихъ цѣлей—сознательнымъ содержаніемъ общества—и ихъ реализаціей въ дѣйствительности существуютъ непрерывное взаимодѣйствіе и измѣняющее круговращательное движеніе. Ни идеи, ни право,

ни экономія, ни нравственность не являются исключительно верховными и господствующими элементами социальной жизни; каждый элемент влияет на всѣ остальные, служитъ всѣмъ другимъ, подчиняетъ себѣ всѣ остальные, выходитъ въ своихъ требованіяхъ и слѣдствіяхъ за требованія и слѣдствія другихъ элементовъ. Взаимодѣйствіе социальныхъ элементовъ есть альфа и омега социологии. О законмѣрности въ социальной жизни и о характерѣ социальныхъ законовъ—ниже.

На ряду съ догматическими утвержденіями представители материалистическаго пониманія исторіи (напр. К. Шмидтъ) указываютъ на изслѣдованіе экономическихъ формъ социальной жизни, какъ на *методъ* для пониманія сосуществующихъ элементовъ послѣдней. И дѣйствительно, углубленіе въ формы экономической жизни историческихъ народовъ, предпринятое сначала экономистами и проникающее теперь въ круги специалистовъ-историковъ, является крупнымъ прогрессомъ исторической науки. Заслуги Родбертуса, Ницша, Липперта, Шмоллера, Лампрехта и др. въ этомъ отношеніи несомнѣнны. Но не должно исказить это методологическое требованіе, не должно возводить экономическій методъ въ *единственный* методъ проникновенія въ социальные явленія, какъ это дѣлаютъ теоретики материалистическаго пониманія исторіи и отъ чего воздержались дѣйствительно употреблявшіе этотъ методъ и обогатившіе имъ науку. Такъ какъ всякій элементъ социальной жизни влияетъ на всѣ остальные, то каждый изъ нихъ можетъ быть положенъ въ основу разсматриванія всѣхъ. Роль религіи въ исторіи еще значительнѣе роли экономіи. Право и нравственность представляютъ также интересный уголъ зрѣнія для изученія общественной жизни. Исторія науки и философіи представляютъ такой богатый источникъ пониманія исторіи, что одна изъ системъ социологии положила ихъ въ основу всѣхъ другихъ элементовъ общественной жизни. Чѣмъ болѣе растетъ сознаніе важности разумнаго воспитанія подростяющаго поколѣнія и духовно-нравственнаго возвышенія массъ путемъ искусства тѣмъ интереснѣе становится бросить взглядъ на всемірную исторію съ точки зрѣнія роли, которую въ ней играли сознательное воспитаніе и искусство. Однимъ словомъ, сколько элементовъ социальной жизни, столько методовъ социологии. И важность опредѣленнаго социологическаго метода опредѣляется не только ролью даннаго элемента въ прошедшемъ человечества, но и въ обрат-

номъ отношеніи къ ней стоящей сложностью и высотой этого элемента.

Соціальная жизнь являетъ три основныхъ признака, примѣнимыхъ ко всѣмъ ея элементамъ и ихъ взаимоотношеніямъ. Она или *неподвижна*, т. е. существуетъ въ установленныхъ формахъ безъ крупнаго измѣненія ихъ цѣлыя столѣтія или тысячелѣтія; или *регрессируетъ*, т. е. формы соціальной жизни разлагаются, взаимное переживаніе слабѣетъ, общество вымираетъ, распадается, растворяется въ другихъ обществахъ; или *прогрессируетъ*, т. е. формы соціальной жизни развиваются, взаимное переживаніе усиливается, расширяется, простирается на новыя содержанія. Современная соціологія еще очень мало сдѣлала для пониманія устойчивости и регресса обществъ. Біологическія аналогіи, которыми пытаются оперировать, не достигаютъ цѣли. Больше сдѣлано для пониманія соціальной эволюціи, къ которой мы теперь должны обратиться.

Резюмируемъ сперва сказанное объ элементахъ соціальной жизни и ихъ взаимоотношеніяхъ.

1. *Элементы соціальной жизни, это—экономическія, семейственныя, политическія, научныя, этическія, эстетическія цѣли на почвѣ взаимнаго переживанія.*

2. *Между всѣми элементами соціальной жизни происходитъ непрерывное взаимодействіе; никакой элементъ не играетъ исключительно опредѣляющей, никакой элементъ не играетъ исключительно зависящей роли. Кромѣ взаимодействія между сознательными элементами соціальной жизни, происходитъ взаимодействіе совокупности послѣднихъ съ ихъ реальными основами и осуществленіями. Соціальная жизнь представляетъ сложно переплетенный круговоротъ между измѣненіемъ бытія сознаниемъ и измѣненіемъ сознанія бытіемъ.*

3. *Въ методологическомъ отношеніи, всякій элементъ соціальной жизни можетъ быть положенъ въ основу изслѣдованія. Кромѣ экономической жизни, существенны въ методологическомъ отношеніи религіозно-этическія воззрѣнія и научныя познанія.*

Условія соціальной эволюціи.

Со времени Юма подъ причиннымъ объясненіемъ не понимаютъ болѣе указанія на то, какъ одно содержаніе дѣйствительности производитъ другое; въ отвѣтъ на вопросъ о причинѣ естественнаго явленія не ждуть указанія на мотивъ, похожій на

человѣческой, котрымъ существованіе этого явленія могло бы быть оправдано. Такого рода «объясненіе» міра оказывается невозможнымъ, какъ ни настойчиво это «почему» навязывается разуму. Научное объясненіе состоитъ въ указаніи законмѣрнаго сцѣпленія между условіемъ и обусловленнымъ, въ указаніи повторенія извѣстной послѣдовательности между фактами. Болѣе сложныя законмѣрности могутъ быть сведены на законмѣрности элементарныя; психологическіе и соціологическіе процессы могутъ быть объяснены изъ дѣйствій элементарныхъ волевыхъ, эмоціональныхъ и интеллектуальныхъ элементовъ; но и въ области психологической, какъ въ области естественной, мы въ концѣ концовъ останавливаемся передъ фактическими отношеніями, которыя намъ кажутся сами собою понятными вслѣдствіе ихъ постоянной и всеобщей данности, но которыя такъ же мало рациональны, какъ и объясненныя или сложныя законмѣрности. Почему всякое живое существо стремится сохраниться, почему оно ищетъ удовольствія и избѣгаетъ страданія, почему тѣла влекутся по закону тяготѣнія, почему вообще происходитъ движеніе—это вопросы безсмысленные, потому что неумѣстные, но возникающіе у человѣчества, которое не можетъ успокоиться на необходимости зла, на противорѣчіяхъ дѣйствительнаго съ должнымъ, на безсмысленномъ давленіи естественныхъ силъ, на неизбѣжности смерти. Въ отношеніи условія и обусловленнаго оба члена постоянно даны; мы не выводимъ изъ содержанія, которое называемъ условіемъ, другого содержанія, называемаго нами обусловленнымъ, а устанавливаемъ, что разъ оба содержанія въ своемъ качественномъ различіи и въ ихъ несводимости одно на другое даны, то одно изъ нихъ является условіемъ другого. Такъ, социальная эволюція должна быть дана, какъ подлежащій фактъ, для того чтобы мы могли искать и установить содержанія, стоящія въ связи съ различными моментами и элементами социальной эволюціи, какъ условія послѣднихъ. Качественное сродство и, главное, испытанная постоянная связь между однимъ содержаніемъ и послѣдующимъ являются руководителями въ этомъ процессѣ исканія условій,—процессѣ, который протекаетъ больше въ силу инстинктивныхъ необходимостей мышленія, чѣмъ путемъ мышленія, на каждомъ шагѣ сознательнаго и методическаго.

Условія социальной эволюціи распадаются на внѣсоціальныя и внутрисоціальныя. Первыя, это—условія, лежащія въ географиче-

скихъ, климатическихъ, геологическихъ, органическихъ признакахъ среды и въ антропологическихъ, расовыхъ признакахъ членовъ общества. Вторыя условія мы можемъ опредѣлить безъ труда послѣ сказаннаго въ предыдущей главѣ. Прогрессъ познанія, принятый Кондорсе и Контомъ, — единственное внутрисоціальное условіе общественнаго развитія, не можетъ быть признанъ единственнымъ условіемъ послѣдняго, потому что онъ самъ является очень сложнымъ и разнообразно обусловленнымъ фактомъ и не можетъ быть принятъ вообще, какъ элементарное условіе другихъ процессовъ. Кромѣ того, мы видѣли невозможность отождествленія условій всей соціальной эволюціи съ условіемъ одного лишь прогресса идей. Прогрессъ воли и чувствованій и постепенное измѣненіе послѣдними внѣшнихъ основъ сознанія, ведущее въ свою очередь за собой измѣненіе чувствованій и воли, являются по меньшей мѣрѣ такими же важными содержаніями соціальной жизни, какъ и прогрессъ познанія. Условія же ихъ не совпадаютъ съ условіями прогресса знанія и должны быть приняты особенно во вниманіе.

Здѣсь приходятъ на умъ ходячія объясненія соціальнаго развитія стремленіемъ удовлетворять потребности, или стремленіемъ людей къ наибольшему счастью. Но эти объясненія на самомъ дѣлѣ ровно ничего не объясняютъ, потому что они лишь повторяютъ вопросъ: почему люди имѣютъ такія-то и такія-то потребности и почему они удовлетворяютъ ихъ такъ, а не иначе, почему люди ищутъ счастья въ томъ, а не въ другомъ, или поочередно въ томъ и въ другомъ. Эти объясненія оставляютъ необъясненнымъ конкретное теченіе соціальной жизни, которое именно и требуется объяснить. Они не невѣрны, потому что, если люди стремятся къ чему-нибудь, то они дѣйствительно стремятся, хотя, имѣютъ потребности; но эти объясненія такъ же не говорятъ о томъ, къ чему люди стремятся, какъ положеніе: «все есть то, что оно есть» не говоритъ о томъ, что именно есть это «все». Формальные признаки человѣческой воли не могутъ объяснить ея матеріальныя содержанія. Указать условія соціальной эволюціи значитъ на самомъ дѣлѣ не «свести» ее на какой-нибудь фактъ, этой эволюціи въ себѣ не содержащій, а отвлечь самыя общіе признаки ея какъ разъ въ томъ видѣ, въ какомъ она въ исторіи происходитъ.

Матеріалистическое пониманіе исторіи предлагаетъ не менѣ

трехъ рядовъ условій соціального развитія безъ попытки установить однозначныя отношенія между этими рядами. Это, во-первыхъ, потребности сохраненія и воспроизведенія жизни; во-вторыхъ, ростъ производительныхъ силъ и несогласія между послѣдними и отношеніями производства; въ-третьихъ, какъ основной признакъ исторической жизни объявляется классовая борьба. Но экономическія потребности имѣютъ, какъ мы уже указали, подчиненное и второстепенное значеніе именно въ *соціальной* жизни. Ростъ же производительныхъ силъ очевидно обусловленъ прогрессомъ естествознанія и технической мысли, а эти прогрессы имѣли, какъ извѣстно, своимъ источникомъ не потребности ѣсть, спать и воспроизводиться, а умственную работу тысячелѣтій—религіозныя, метафизическія и научныя концепціи Платоновъ, Аристотелей, Коперниковъ, Галилеевъ, Ньютоновъ. Кромѣ же несогласій между возросшими производительными силами и правовыми и т. д. условіями производства, немаловажное значеніе имѣютъ въ исторіи несогласія національныя и религіозныя, несоотвѣтствія между количествомъ населенія и средствами существованія, между культурностью одной части населенія и дикостью и рабствомъ другой и т. д. И кромѣ производительныхъ силъ въ исторіи растутъ кое-что. Растутъ знанія, практическія способности, общительность; возникаетъ политическая свобода, исчезаютъ внѣшнія границы между доселѣ изолированными народами, растутъ раздѣленіе труда, взаимное пониманіе, взаимная кооперація человечества. Гдѣ остается экономика, что въ ней объясняющее, что объяснено? Экономическія потребности всего не объясняютъ; производительныя силы, обмѣнъ, соціальная организація производства и его правовыя основы должны быть объяснены. Остается отъ экономической теоріи, по нашему мнѣнію, не она, а, во-первыхъ: требованіе соціологическаго пониманія всѣхъ элементовъ исторіи, какъ взаимно обусловливающихъ и стоящихъ въ реальной закономѣрной связи и во взаимодействіи съ матеріальными—біо-соціологическими, біологическими и космическими процессами, отъ которыхъ они зависятъ; во-вторыхъ, утвержденіе, что въ настоящее время стремленія къ богатству, обезпеченности и наслажденіямъ являются сильнѣйшими мотивами соціальной дѣятельности и жизни, прикрывающимися часто разными патріотическими, этическими, научными, эстетическими масками.

Что же касается борьбы классовъ, то материалистическому пониманію исторіи не удастся указать, какъ дѣйствительная исторія объясняется изъ борьбы классовъ и изъ борьбы какихъ именно классовъ въ частности. Понятія господствующихъ и подавляемыхъ классовъ служатъ для нея главнымъ образомъ нитью для удовлетворительныхъ, по ея мнѣнію, объясненій научныхъ, этическихъ и эстетическихъ теченій, программъ политическихъ партій и законодательныхъ содержаній. Но эти объясненія вѣрны лишь постольку, поскольку экономическія и политическія теченія вліяли и вліяютъ дѣйствительно опредѣляющимъ образомъ на остальные стороны социальной жизни; они бессмысленны и наивно-претенціозны, когда пытаются вывести цѣликомъ структуру указанныхъ сторонъ изъ экономическихъ и политическихъ интересовъ. Единственнымъ условіемъ социальной эволюціи борьба политическихъ классовъ за экономическое преобладаніе считается не можетъ, потому что на ряду съ ней исторія еще полна борьбой расъ и націй, религіозныхъ сектъ и научныхъ и философскихъ, литературныхъ и эстетическихъ теченій, борьбой между личностью и группой, между эгоистическими и альтруистическими побужденіями, между семьей и обществомъ, между новымъ и старымъ поколѣніемъ, между здоровыми, сильными, приспособленными и больными, слабыми, вырождающимися, преступными. И не только борьбой движется и наполняется историческая жизнь. Мирная, солидарная, упорная работа во всѣхъ областяхъ общественной жизни остается главнымъ и основнымъ источникомъ общественнаго прогресса. Борьба, противодѣйствія могли быть необходимыми и спасительными *стимулами* для творческой дѣятельности народовъ и личностей; но положительные плоды цивилизаціи получались лишь въ дѣйствіи этихъ стимуловъ, въ энергическомъ стремленіи къ достиженію поставленныхъ цѣлей.

Условія общественной жизни текутъ не изъ одного, а изъ множества источниковъ; они стоятъ въ тѣсныхъ взаимныхъ связяхъ, но не представляютъ полнаго единства,—они широкими потоками впадаютъ одно въ другое, но не сливаются въ совершенно единое и однозначно направленное теченіе. Намъ остается послѣ сказаннаго формулировать наше воззрѣніе на условія социальной эволюціи:

Условія социальной эволюціи заключаются въ стремленіяхъ къ

достиженію экономическихъ, семейственныхъ, политическихъ, религиозныхъ, этическихъ, научныхъ, эстетическихъ цѣлей и во взаимодѣйствіяхъ и борьбѣ между всѣми этими цѣлями въ личностяхъ и группахъ.

Законы социальной эволюціи.

Идеологическое, экономическое, юридическое и этическое направленія въ социологіи попытались каждое установить общіе законы развитія общественной жизни. Самой замѣчательной попыткой научной обработки исторіи остается до сихъ поръ социологія Огюста Конта. Кромѣ материалистическаго пониманія исторіи, вся послѣдующая социологія не произвела рѣшительно ничего систематически новаго по сравненію съ Контовой социологіей. Она только интерпретировала, критиковала, дополняла, дальше развивала ученія послѣдней. Въ центрѣ Контовой социологіи стоитъ знаменитый законъ трехъ стадій развитія человѣческаго ума, связанный съ классификаціей наукъ. По этому закону человѣческій умъ пробѣгаетъ въ своемъ пониманіи всѣхъ областей явленій, отъ наиболѣе общихъ до наиболѣе специальныхъ (съ тѣмъ раннимъ достиженіемъ высшихъ стадій, чѣмъ элементарнѣе область явленій и изъ этого вытекающая возможность существованія въ человѣческомъ умѣ, какъ и въ человѣчествѣ, одновременно всѣхъ трехъ стадій въ отношеніи къ различнымъ областямъ явленій) сперва ступень *теологическую*, когда явленія объясняются, какъ руководимыя духовными существами, подобными людямъ; затѣмъ—переходную ступень *метафизическую*, когда явленія объясняются изъ реализованныхъ абстракцій идей (*entités*), и достигаетъ наконецъ ступени *позитивной*, изучающей явленія, какъ подчиненныя непреложнымъ законамъ, и не ищущей за вещами скрытыхъ первоначальныхъ причинъ и дѣятелей. Каждая изъ этихъ стадій развитія человѣчества опредѣляетъ всѣ остальныя стороны жизни послѣдняго. Теологическая ступень распадается на три отдѣла: фетишизмъ, политеизмъ и монотеизмъ. Съ фетишизмомъ возникаютъ скотоводство и земледѣліе, потому что онъ вызываетъ уваженіе къ животнымъ, задерживаетъ импульсы ихъ убіенія и привязываетъ населеніе къ почвѣ. Семья является тогда единственной организаціей социальной жизни. Техника и искусство мало развиты, потому что на этой ступени фантазія отсутствуетъ. Фетишизмъ является низшей ступенью

общественнаго развитія. За нимъ слѣдуетъ политеизмъ. Земледѣліе заставляетъ обращать вниманіе на небесныя тѣла и вызываетъ ихъ обоготвореніе. Съ многобожіемъ возникаютъ и болѣе широкіе общественные союзы—націи, государства, а съ послѣдними—патріотическія чувствованія. Начинаются войны; побѣжденные обращаются въ рабовъ, ихъ трудъ эксплуатируется; дѣлается возможной роскошь, возникаетъ эгоизмъ и растетъ экономическое неравенство. Искусство находитъ въ политеизмѣ благопріятныя условія и достигаетъ высокихъ ступеней развитія. При политеизмѣ выдѣляется изъ общества особая каста жрецовъ, въ отличіе отъ кудесниковъ и юродивыхъ фетишизма; и эти жрецы являются носителями также и свѣтской власти. Нерасчлененность духовной и свѣтской власти, нахожденіе ихъ въ однѣхъ рукахъ, является, по Конту, характеристической чертой социальной организаціи на ступени политеизма, и всѣ содержанія общественной жизни классическихъ народовъ древности—война, частная собственность, искусство, рабство и совпаденіе свѣтской и духовной властей—сводятся имъ на политеистическія вѣрованія, какъ на основную причину.

Въ монотеизмѣ мышленіе поднимается уже надъ антропоморфическимъ міросозерцаніемъ къ объединяющему и объемлющему міровоззрѣнію. Представительница духовной жизни—церковь—исполняетъ великую историческую миссію нравственнаго и умственнаго воспитанія человѣчества, и это заставляетъ Конта относиться съ глубокимъ почтеніемъ къ среднимъ вѣкамъ и ихъ теократической организаціи. Монотеизмъ производитъ измѣненіе во взглядахъ на войну, смягчаетъ различія сословій и измѣняетъ содержанія и характеръ искусства. Братство всѣхъ людей и ихъ единство въ общемъ Богѣ заставляетъ относиться отрицательно къ войнѣ, какъ самоцѣли, и она считается дозволенной лишь для самозащиты и по отношенію къ невѣрующимъ. Феодализмъ является организаціей самозащиты. Рабство, подъ вліяніемъ привязанности населенія къ почвѣ, смягчается сперва въ крѣпостную собственность; затѣмъ, подъ вліяніемъ религіозныхъ войнъ—въ особенности, крестовыхъ походовъ и расцвѣта городовъ—жители послѣднихъ выкупаются изъ крѣпостничества; за ихъ свободой слѣдуетъ и освобожденіе земледѣльческихъ рабочихъ. Средневѣковое искусство отличается отъ древняго своимъ нравственно-религіознымъ содержаніемъ и величіемъ формъ. Оно не дости-

гаеть особенно высокаго развитія, потому что среднимъ вѣкамъ не достаеть того постоянства формъ общественной жизни, которое необходимо для расцвѣта искусства, ставящаго своей задачей идеализацію установившихся формъ соціальной жизни.

Въ новое время жизнь становится сложнѣе, и Контъ не пытается извлечь все содержаніе ея изъ развитія міросозерцанія. Онъ констатируетъ четыре ряда содержаній соціальной жизни: индустриальный, эстетическій, научный и философскій. Первый играетъ въ новомъ времени первенствующую и опредѣляющую роль; господство элементовъ соціальной жизни движется уже не въ направленіи сверху внизъ—отъ высшихъ идей къ потребностямъ, а снизу вверхъ—отъ потребностей къ идеямъ. Господство науки и философіи надъ всѣми областями соціальной жизни и совпаденіе ихъ въ одномъ цѣломъ является результатомъ развитія, который долженъ осуществиться съ переходомъ общественной жизни въ позитивную стадію. Въ новое же время которое Контъ считаетъ отъ 1300 года (отъ полного уничтоженія крѣпостного права—до французской революціи) индустриализмъ, стремленіе къ созданію матеріальныхъ благъ, игралъ главную и опредѣляющую роль, хотя и здѣсь открытія и научный прогрессъ также имѣли немаловажное значеніе. Индустриализмъ окончательно вытѣснилъ среднѣековій милитаризмъ и приготовилъ наступленіе третьей стадіи—господства духовнаго авторитета въ соціальной жизни. Эта стадія пріуготовляется непосредственно эволюціей государственной власти и ея отношеній къ четыремъ рядамъ. Сперва индустриализмъ и эстетическое творчество развиваются самостоятельно, —энергіей частной предпримчивости, безъ вмѣшательства государства. Затѣмъ государство беретъ ихъ подъ свою защиту и энергично заботится о процвѣтаніи народнаго благосостоянія и искусствъ. Позже наука и философія тоже берутся государствомъ подъ свое покровительство въ защиту отъ тираннической опеки церкви. Это дѣлаеть для науки и философіи возможнымъ съ большимъ успѣхомъ и энергіей вести начатую уже въ средневѣковой схоластикѣ борьбу противъ теологіи и противопоставить теократическимъ и монархическимъ ученіямъ церкви метафизическое ученіе естественнаго права — равенства и свободы всѣхъ людей. Плодомъ дѣятельности метафизиковъ и юристовъ оказывается французская революція съ ея чисто формальными и абсолютными требованіями равенства и свободы.

Метафизическая ступень и ей соответствующіе современные Конту либерализмъ и интеллектуальная и социальная анархія являются переходомъ къ ступени позитивной, къ организациі общества съ точки зрѣнія блага человѣчества и съ верховенствомъ духовной власти—философовъ—въ управленіи общества. Духовная власть должна стоять на ряду съ властью исполнительной, свѣтской, такъ какъ способности отвлеченія и обобщенія неразрывно связаны съ способностями комбинаціи и организациі. Въ «Позитивной политикѣ» Контъ вырабатываетъ цѣлый планъ будущей организациі общества, простирающійся на хозяйство, семью и культъ аффективныхъ сторонъ человѣчества.

Болѣе схематическую теорію социальной эволюці даютъ Марксъ и Энгельсъ. Для нихъ исторія имѣетъ діалектическій характеръ и управляется абсолютными, неизмѣнными законами. Примитивный коммунизмъ превращается въ его противоположность—частную собственность на предметы и орудія производства. Частная собственность ведетъ къ товарному хозяйству, чистой формой котораго является хозяйство капиталистическое. Капиталистическая эксплуатація силъ природы и силъ человѣческихъ имѣетъ своимъ слѣдствіемъ накопленіе богатствъ, подчиненіе природы человѣческимъ цѣлямъ, централизацию, рационализацию и обобществленіе производственного процесса; вызываетъ перенаселеніе, безработицу, кризисы; объединяетъ человѣчество и его дѣятельность; опредѣляетъ этическія, умственные и эстетическія теченія и создаетъ всѣ условія своего собственного преодоленія въ высшей формѣ коопераціи—соціалистической эксплуатаціи силъ природы и внутренней экономической, политической, этической и т. д. солидарности: въ коммунизмѣ высшаго порядка.

Современная социологія установила еще слѣдующіе историческіе законы: 1) Ростъ раздѣленія труда — дифференціация общества въ экономическомъ, умственномъ, нравственномъ и эстетическомъ смыслахъ, выдѣленіе все болѣе опредѣленныхъ, рѣзко отграниченныхъ *индивидуальностей*, взаимно дополняющихся, уважающихъ взаимную свободу и солидарныхъ во взаимномъ содѣйствіи своему развитію (Спенсеръ, Дюркгеймъ, Зиммель). 2) Ростъ политической свободы — замѣна стѣсняющихъ, ограничивающихъ и подавляющихъ личность политическихъ учреждений учрежденіями, въ которыхъ разумному самоопредѣленію личности не ставится границъ и въ которыхъ мѣсто принужденія и инстинк-

та, занимает *договоръ* между свободными личностями (Фуллье, Дюркгеймъ, Гиддингсъ). 3) Ростъ социальной солидарности—прогрессирующая гармонизация воли, уравнивание идеаловъ, воззрѣній, вкусовъ, потребностей, способностей (Фуллье, Вундтъ, Тардъ).

Приступимъ къ критикѣ указанныхъ законовъ социальной эволюціи. Контовъ законъ трехъ стадій былъ предметомъ продолжительной, отчасти враждебной критики. Метафизики и гносеологи имѣли всѣ основанія отвергнуть этотъ законъ: имъ достаточно было указать на якобы некритическій характеръ позитивизма и въ огульномъ отрицаніи всей системы выбросить за бортъ и этотъ законъ. Въ противоположномъ лагерѣ материалистовъ онъ былъ не понятъ и свергнутъ англійскимъ естествоиспытателемъ Гексли. Вундтъ находитъ, что это не историческій, а психологическій законъ воспріятія и познанія: мы начинаемъ съ болѣе или менѣе антропатическаго пониманія внѣшняго міра и кончаемъ объективнымъ пониманіемъ его¹⁾. Наконецъ Фуллье устанавливаетъ, что этотъ законъ понимался Контомъ не какъ законъ развитія всѣхъ вещей и содержаній опыта, а лишь какъ законъ развитія міросозерцаній, и ограничиваетъ его въ томъ смыслѣ, что позитивная стадія, слѣдуя за догматическими метафизиками схоластиковъ и платониковъ, не исключаетъ критической метафизики, представляющей синтезъ позитивной и идеалистической стадіи и удовлетворяющей, въ моральномъ пантеизмѣ, религіозныя потребности. Подобнаго же мнѣнія придерживается и историкъ французской философіи XIX вѣка Равэссонъ. Соціологическая критика закона трехъ стадій должна обратиться, во-первыхъ, противъ утвержденія однозначной и закономерной связи между господствующимъ міросозерцаніемъ общества и всѣми сосуществующими элементами его жизни, во-вторыхъ—противъ недостаточнаго установленія Контомъ психологическихъ основъ и границъ этого закона.

Недостаточность Контова объясненія связи между фетишизмомъ и скотоводствомъ и земледѣліемъ, между политеизмомъ и войнами, рабствомъ, частной собственностью, развитіемъ искусства и господствомъ жрецовъ, съ точки зрѣнія строго-причиннаго объясненія, бросается въ глаза. Другіе — нравственные и политическіе, эстетическіе и экономическіе—сложные и разно-

1) W. Wundt: Logik II, die historischen Gesetze.

образные мотивы содѣйствовали возникновенію и сосуществованію перечисленныхъ фактовъ. Нѣтъ никакой внутренней зависимости между политеизмомъ и частной собственностью или греческимъ культомъ красоты. Политеизмъ былъ религіей Рима, мало выдававшаяся въ эстетическомъ отношеніи. Вообще, какъ уже было выше указано, не существуетъ неизбѣжной и однозначной опредѣляемости всѣхъ сторонъ общественной жизни однимъ какимъ-либо факторомъ—будь то идеями, или правомъ и т. п. *Законы, конституируемые въ исторіи, суть не законы сосуществованія и конкретной послѣдовательности историческихъ процессовъ, а законы послѣдовательности различныхъ областей жизни, различныхъ внутренне связанныхъ системъ и идей—по законамъ, непосредственно вытекающимъ изъ внутреннихъ содержаній этихъ цѣлей и идей.* Споры о существованіи или невозможности историческихъ законовъ основаны на недостаточномъ различеніи исторической жизни какъ цѣлаго отъ различныхъ элементовъ исторической жизни. Историческая жизнь является равнодѣйствующей безчисленнаго множества измѣнчивыхъ силъ; установить въ ней необходимыя отношенія оказывается иллюзорнымъ предпріятіемъ, если мы пытаемся обобщить какое-нибудь индивидуальное совпаденіе разнообразныхъ процессовъ. Иначе будетъ, если мы обратимся къ общимъ классамъ повторяющихся и медленно измѣняющихся историческихъ явленій. Мы приблизимся тогда къ психологическимъ фактамъ, которые подчинены опредѣленнымъ и однозначнымъ законамъ. Различныя формы взаимнаго переживанія, различныя системы социальныхъ сношеній представляются осуществленіемъ, во взаимодействіяхъ между личностями, различныхъ теченій психической жизни. Между цѣлью и средствомъ, предпосылкой и заключеніемъ, пріятнымъ и желательнымъ и т. п. существуетъ прямая и закономѣрная связь: изъ опредѣленнаго характера чловѣка, изъ структуры его стремленій и оцѣнокъ вытекають дѣятельности, которымъ онъ предается, средства, которыя онъ выбираетъ, и оттого могутъ быть установлены объективныя слѣдствія этой его дѣятельности и выбора; изъ данной системы общихъ взглядовъ слѣдуетъ съ необходимостью опредѣленное объясненіе, толкованіе и воспріятіе новыхъ данныхъ; можно съ большой вѣроятностью предсказать направленіе, которое приметъ подъ ихъ вліяніемъ дальнѣйшее мышленіе,—даже результаты, къ которымъ оно придетъ; наконецъ, изъ вкусовъ индивидуума, изъ его впе-

чатливости, наклонности къ тѣмъ или другимъ родамъ чувствованій можно предсказать его отношеніе къ тѣмъ или другимъ формамъ искусства, къ тѣмъ или другимъ содержаніямъ дѣйствительности. Но въ исторіи закономѣрность воли, мышленія и чувствованій перестаетъ становиться очевидной и руководящей. Воля, мышленіе и чувствованія имѣютъ постоянно объективное содержаніе; ихъ собственная закономѣрность сводится на самыя общіе психологическіе законы, ничего объ ихъ конкретномъ содержаніи не говорящіе. Исторія же изслѣдуетъ именно конкретныя содержанія воли и чувствованій, конкретныя теченія идей. Стремленіе людей къ счастью, спокойствію, возвышенію, дѣятельности къ устраненію страданій, возбужденій, подавленности, къ удовлетворенію элементарныхъ и высшихъ потребностей еще ничего не говоритъ о томъ, какъ именно люди удовлетворяютъ всѣмъ этимъ стремленіямъ и потребностямъ, въ какой послѣдовательности и степени. Въ этомъ исторія оказывается вполне зависящей отъ развитія сознательной жизни человѣчества, отъ накопленія, расчлененія и примѣненія теоретическихъ, практическихъ и эстетическихъ идей. Въ своемъ вліяніи на дѣйствительность сознательная жизнь человѣчества наталкивается на противодѣйствія естественныхъ и социальнихъ средъ; она сама, такъ же, какъ и реальныя учрежденія и дѣятельности, является продуктомъ взаимодействія однозначныхъ законовъ сознанія со всѣми остальными многозначными законами окружающихъ средъ. Отсюда—пестрота, нелогичность, зигзагообразный характеръ всѣхъ областей социальной жизни, но отсюда же и проглядывающія сквозь эту пестроту внутреннія связь и логическое единство элементовъ. Такова была въ сущности и мысль Конта. Онъ хотѣлъ установить внутреннюю закономѣрность развитія сознанія какъ основы всѣхъ другихъ закономѣрностей исторической жизни, но онъ сузилъ свою задачу, установивъ, какъ единственную основную закономѣрность сознанія, развитіе міросозерцаній подъ вліяніемъ условій воспріятія и пониманія — въ то время, какъ условія чувствованія и желанія даютъ основы для установленія одинаково важныхъ закономѣрностей. Простая кооперация, спеціализация при помощи упражненія въ одной опредѣленной области труда; мануфактурное разложеніе процесса производства продуктовъ на рядъ отдѣльныхъ процессовъ; замѣна ручного труда машиннымъ и перенесеніе центра внимательности съ исполненія труда

на направленіе орудія—все это является такимъ же строго-необходимымъ закономъ развитія, какъ и законъ трехъ стадій. Другой законъ, не менѣе безупречный, заключается въ переходѣ отъ примитивной гармонической дѣятельности всѣхъ членовъ общества при одинаковомъ сознаніи цѣли къ дѣятельности, направляемой волей одного или нѣкоторыхъ, исполняемой по приказанію, безъ сознанія связи между средствами и цѣлью и безъ интереса къ цѣли (какъ напр., на войнѣ или при господствѣ рабства или крѣпостного права), — къ дѣятельности, въ которой сознание цѣли со стороны исполняющаго является необходимымъ условіемъ успѣшнаго исполненія; наконецъ, къ дѣятельности, не могущей происходить безъ личнаго интереса исполнителя къ своей цѣли, такъ что самая цѣль является высшимъ повелителемъ дѣятельности (напр., эстетическое или философское творчество). Такимъ образомъ, можно, путемъ психологическаго анализа, отвлечь законы научнаго, философскаго, политическаго, правового, экономическаго, религіознаго, эстетическаго развитія; можно подняться до законовъ высшаго порядка — законовъ соотношеній между различными стадіями развитія различныхъ элементовъ, — но не должно забывать ни того, что эти законы являются абстракціями изъ подлежащаго историческаго развитія на основаніи дедуктивныхъ приемовъ психологическаго мышленія, ни что эти законы являются законами дѣйствія психическихъ факторовъ — мыслей, желаній и чувствованій, ни, наконецъ, что ими объемлются лишь прошедшее и настоящее, но не будущее.

Въ послѣднемъ отношеніи должно еще исправить законъ Конта въ томъ смыслѣ, что установленная имъ, какъ конечная стадія развитія человѣческаго ума, позитивная философія уже въ настоящее время не можетъ быть признана конечной. Контъ ложно формулировалъ общія тенденціи науки и преувеличилъ ея значеніе въ общественной жизни. По его мнѣнію, всѣ науки стремятся къ полному «логическому и научному единству». Развитіе науки должно привести къ господству въ ней единаго метода и къ сведенію въ отдаленномъ будущемъ всѣхъ отдѣловъ дѣйствительности на единый принципъ. Онъ самъ видѣлъ свою главную заслугу въ приложеніи позитивнаго метода къ самой сложной наукѣ въ іерархіи знаній — къ социологіи и въ указаніи солидарности и взаимодѣйствія всѣхъ наукъ въ ихъ развитіи. Этимъ онъ думалъ устранить какъ этику, такъ и логику. Во-вторыхъ, онъ считалъ воз-

можнымъ полное господство соціальной науки во всѣхъ жизненныхъ процессахъ общества, полную подчиняемость послѣдняго познаннымъ законамъ соціальной жизни и, главное, достаточность этого познанія для регулированія послѣдней. Дальнѣйшую заслугу позитивной философіи онъ видѣлъ въ субъективномъ синтезѣ—въ реорганизаціи всѣхъ наукъ съ точки зрѣнія блага человѣчества. Онъ и самъ отчасти попытался сдѣлать это.

Все это является геніальнымъ преувеличеніемъ вѣрныхъ фактовъ. Прогрессъ науки ведетъ столько же къ специализаціи знанія, сколько къ его объединенію. Единство основныхъ принциповъ растетъ со множествомъ новыхъ возможностей научныхъ открытій и неисчерпанныхъ реальныхъ возможностей. Наука никогда не можетъ стать философіей, философія—совершенной наукой. И наука имѣетъ право на существованіе, если на ряду съ ней искусство возвращаетъ насъ отъ сухихъ фактовъ и болѣе или менѣе бесодержательныхъ общностей къ полнотѣ реальной дѣйствительности, если техника и практическія науки научаютъ насъ утилизировать научные результаты, если нравственность указываетъ намъ поле дѣятельности. Окончательное уничтоженіе метафизическихъ и теологическихъ теченій мышленія, если оно вообще мыслимо и желательно, приведетъ въ XX ст. не къ абстрактному детерминизму позитивизма, а къ философіи непрерывнаго совершенствованія познанія, воли и дѣятельности.

Ученіе историческаго матеріализма о соціальной закономерности стало въ послѣднее время предметомъ оживленныхъ дебатовъ въ Германіи и у насъ. Мы считаемъ поэтому излишнимъ критически останавливаться въ рамкахъ настоящей статьи на этомъ ученіи, тѣмъ болѣе, что общее отношеніе наше къ нему мы уже имѣли случай установить выше. Ограничимся лишь однимъ замѣчаніемъ.

Указанные Контомъ, Марксомъ, индивидуалистами, моралистами законы соціальнаго развитія являются *по отношенію къ будущему* не только болѣе или менѣе удачными анализами закономерныхъ послѣдовательностей различныхъ системъ цѣлей на почвѣ взаимнаго переживанія людей, но и *идеалами*,—отвлеченіемъ изъ дѣйствительности ряда данныхъ теченій, изолированіемъ ихъ въ мысли отъ данныхъ противоположныхъ и ограничивающихъ теченій и установленіемъ ихъ въ этой формѣ, какъ реально господствующихъ въ будущей общественной жизни. Осуществить эти идеалы въ дѣйствительности, устранить всѣ

мѣшающіе полному развитію желательнаго теченія элементы—напр., устранить конкуренцію и частную собственность или стѣсняющія личность семейныя и государственныя узы—вотъ что ставится тогда задачей индивидуальной и коллективной дѣятельности.

Познаніе характера общественныхъ законовъ, какъ имѣющихъ по отношенію къ будущему значеніе идеаловъ и могущихъ осуществиться лишь при помощи человѣческой дѣятельности, а не какимъ-нибудь отъ послѣдней независимымъ закономѣрнымъ процессомъ, на подобіе естественныхъ,—очень существенно. Мы видѣли, что социальная жизнь является круговоротомъ взаимодействія сознательной жизни человѣчества, совокупности ставимыхъ имъ цѣлей и тѣхъ матеріальныхъ средъ (къ которымъ принадлежатъ и мозговые организаціи дѣйствующихъ людей), въ которыхъ эти цѣли реализуются. Никогда результатъ дѣйствія не опредѣляется лишь содержаніемъ цѣли — онъ опредѣляется и послѣднимъ, и свойствами матеріи, реальныхъ условій, въ которыхъ цѣль достигается, ихъ противодѣйствіемъ, ограниченіемъ, приспособленностью. Всякая дѣятельность въ окружающей средѣ тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ болѣе она принимаетъ во вниманіе реальныя качества послѣдней; чѣмъ болѣе она въ состояніи утилизировать собственные законы природы, — тѣмъ полнѣе достигаетъ она желаемыхъ результатовъ. Но главное по отношенію къ природѣ становится второстепеннымъ по отношенію къ социальной жизни. Послѣдняя является тканью подчиненныхъ очень сложной закономѣрности психологическихъ фактовъ—идей и цѣлей на почвѣ взаимнаго переживанія. Цѣли могутъ быть подвергнуты критикѣ, идеи развиваются; сознательное взаимодействіе между людьми и является однимъ изъ орудій переоцѣнки цѣлей и возвышенія идей. Будущее социальной жизни не можетъ быть создано лишь въ согласіи съ познанными законами теченія социальныхъ фактовъ: чѣмъ болѣе наша социальная дѣятельность получаетъ характеръ простого подчиненія существующимъ массовымъ цѣлямъ, тѣмъ ниже идеальная цѣнность нашего дѣйствія, тѣмъ меньшую роль играетъ въ ней критическій элементъ сознательнаго установленія цѣлей и средствъ дѣятельности. Наоборотъ, чѣмъ выше роль сознания въ опредѣленіи этихъ цѣлей, чѣмъ болѣе широко то пониманіе существующихъ реальныхъ взаимодействій, на которомъ сознательная дѣятельность основана, тѣмъ далѣе отстоитъ она

отъ повторяющихся реальныхъ процессовъ, тѣмъ большее разстояніе должна она признать между стремленіемъ къ достиженію идеала и реальными результатами этого стремленія,—но тѣмъ болѣе конкретно также въ состояніи она опредѣлить свои цѣли относительно различныхъ областей соціальной жизни.

Резюмируемъ общіе результаты разбора соціальныхъ законовъ:

1. *Законы соціальной эволюціи не суть законы историческаго теченія общественной жизни. Историческихъ законовъ не существуетъ. Законы соціальной эволюціи суть отвлеченія необходимыхъ послѣдовательныхъ ступеней и связей въ образованіи психологическихъ содержаній исторіи—различныхъ системъ человѣческихъ идей и цѣлей на почвѣ взаимнаго переживанія, и ихъ взаимоотношеній.*

2. *Законы соціальной жизни суть законы человѣческой дѣятельности въ обществѣ и реализуются сознательною, на опредѣленные цѣли направляемою дѣятельностью.*

3. *Будущее соціальной жизни не можетъ быть предвидѣно какъ естественный процессъ, а можетъ быть желаемо и зависитъ отъ содержанія человѣческихъ воле; послѣднія же подчинены не только неизмѣнной біологической и психологической необходимости, но могутъ руководиться также и критически установленными теоретическими, практическими и эстетическими цѣлями.*

А. Гуревичъ.

Идеаль познанія.

(Эмпіріокритицизмъ и эмпириомонизмъ.)

Нашъ вѣкъ есть вѣкъ критики по преимуществу. Начиная съ эпохи возрожденія, великое освободительное движеніе человѣческаго духа шагъ за шагомъ расчищаетъ путь для непрерывнаго, безпрепятственнаго прогресса человѣческихъ силъ индивидуальныхъ и общественныхъ; въ сферѣ мышленія эта освободительная работа выступаетъ въ формѣ критики, разбивающей безчисленные фетиши, стоящіе на пути познанія, разрывающей безчисленные пути, сковывающія его развитія. Но рѣшительное господство критики начинается съ конца XVIII вѣка. Французская революція сдѣлала критику всепроникающимъ принципомъ общественнаго бытія людей; Кантъ сдѣлалъ ее всепроникающимъ принципомъ мышленія: всякія границы для критики были принципиально устранены, она должна была отнынѣ сама устанавливать свои границы.

Съ тѣхъ поръ критика была лозунгомъ всего прогрессивнаго въ жизни и мышленіи. Подъ ея знаменемъ шли прежде утописты въ своихъ нападеніяхъ на общественный строй, а теперь подъ ея знаменемъ ведется великая классовая борьба. Въ наукѣ сила критики привела къ выработкѣ точныхъ методовъ, въ философіи—къ неуклонному позитивизму.

Конечно, не разъ наступали моменты авторитарной реакціи въ жизни, догматической реакціи въ мышленіи. Но и здѣсь ярко сказывалась сила критики, сказывалась не только въ томъ, что она рано или поздно побѣждала, но также и въ томъ, что реакція большей частью старалась нарядиться въ ея костюмъ, старалась выдать себя за критику. Это стремленіе реакціонныхъ

силъ провозить свою историческую контрабанду подъ флагомъ критики всего лучше доказываетъ то могущество и то уваженіе, которыми пользуется этотъ благородный флагъ во всѣхъ моряхъ и заливахъ бурнаго океана современности.

Чѣмъ же объяснить себѣ такое громадное и, повидимому, все возрастающее жизненное значеніе критики? Оно означаетъ борьбу различныхъ формъ жизни, отживающихъ и нарождающихся, накопленіе силъ, для которыхъ тѣсны сложившіяся рамки, жажду простора и свободы. Какъ мы знаемъ, бывають въ развитіи народовъ эпохи органическія и критическія, эпохи, когда жизнь спокоино течетъ по привычному руслу, медленно расширяясь и углубляясь, не нуждаясь въ новыхъ путяхъ, потому что старыя пока еще ее не стѣсняютъ, и эпохи, когда она бурно стремится черезъ пороги и скалы, прокладывая новыя русла взамѣнъ старыхъ, слишкомъ узкихъ и тѣсныхъ. Тяжелые, поросшіе мхомъ камни катятся и уносятся въ море, рушатся подмытыя вѣковыми горы—это критическая работа жизни, и такова та эпоха, въ которую мы живемъ.

Но рѣка течетъ не для того, чтобы сворачивать камни и горы; критика никогда не можетъ быть конечной цѣлью, результатомъ, на которомъ жизнь могла бы остановиться. Удовлетвориться одной критикой не можетъ ни чувство, ни воля людей, ни даже познаніе. Растущая жизнь, накаплиющіяся силы необходимо должны складываться въ новыя формы, должны организоваться въ новыя единства. Дѣло критики дать просторъ для этихъ формъ, помѣшать имъ развиваться уродливо и дисгармонично; но создать ихъ она не можетъ. Критика—это садовникъ, который тщательно расчищаетъ почву для дерева, подстригаетъ лишнія и неправильно растущія вѣтки; но не онъ—причина того, что дерево растетъ и приноситъ роскошные плоды. Жизнь развивается изъ жизни, и сама опредѣляетъ свою цѣль; эта цѣль—творчество, а не критика.

То содержаніе, которое въ наше время ищетъ для себя новыхъ формъ, поистинѣ громадно. Коллективныя силы человѣчества въ его борьбѣ съ внѣшней природой возросли въ сотни разъ за послѣдніе вѣка, и примѣняются въ безконечно разнообразныхъ направленіяхъ; еще значительнѣе расширилась область научнаго опыта, по отношенію къ которой сфера производства является теперъ только небольшою частью; неизмѣримо увели-

чилось богатство идей и міровоззрѣній, переплетающихся и сталкивающихся въ современномъ мірѣ. Нужны формы безконечно широкия и прочныя, но и безконечно пластичныя, чтобы охватить и свободно совмѣстить такое содержаніе въ его непрерывномъ развитіи; нужны формы безконечно сложныя и въ то же время безконечно гармоничныя, чтобы въ нихъ безъ противорѣчій уложилось все разнообразіе этой безпредѣльно прогрессирующей жизни. Наше воображеніе не въ силахъ представить себѣ, какъ несравненно величественны должны быть эти новыя формы въ своей грандіозности, несравненно изящны въ своей стройности.

Въ неясныхъ, общихъ контурахъ онѣ уже обрисовываются вдаль. Развивающееся сознаніе смутно ихъ различаетъ, и страстно къ нимъ стремится. Какъ предметъ такого стремленія, онѣ называются идеалами. Идеаль практической жизни въ наше время выступаетъ яснѣе: онъ выражаетъ стремленіе гармонически объединить все человѣчество для борьбы со стихійнымъ міромъ, для непрерывнаго развитія силъ. Не такъ ясенъ идеаль познанія; онъ не для всѣхъ формулированъ въ живомъ, понятномъ, словѣ, его имя чуждо громадному большинству даже тѣхъ, кому близокъ идеаль практической жизни. А между тѣмъ живое, нераздѣльное единство практики и познанія говоритъ намъ, что оба идеала должны быть неразрывно связаны между собою, должны находиться въ строгой гармоніи. Поэтому законна всякая попытка, хотя бы въ такой же общей схемѣ, въ какой представляется намъ идеаль жизни, обрисовать также идеаль познанія.

Ставя себѣ такую задачу, мы уже заранѣе знаемъ, что путь къ ея рѣшенію идетъ черезъ область критики:—не той страстной критики, которая преобразуетъ формы практической жизни, но холодной и строгой критики опыта и отвлеченнаго мышленія.

I.

Если мы стремимся опираться въ своемъ изслѣдованіи на всѣ пріобрѣтенія великой эпохи критики, то исходной точкой его для насъ всего цѣлесообразнѣе взять наиболѣе законченное и строгое выраженіе духа критики въ познавательномъ отношеніи къ дѣйствительности. Такимъ выраженіемъ критической тенденціи для нашего времени представляется намъ *эмпирикритицизмъ*—

критика всего познанія съ точки зрѣнія опыта и критика самаго опыта съ точки зрѣнія его связи и закономерности.

Эмпириокритицизмъ есть современная форма позитивизма, развившаяся на почвѣ новѣйшихъ методовъ естествознанія съ одной стороны, новѣйшихъ формъ философской критики— съ другой. Это философское теченіе нашло себѣ самыхъ видныхъ выразителей въ Эрнстѣ Махѣ и Рихардѣ Авенариусѣ, изъ которыхъ первый формулировалъ его съ особенной ясностью и прозрачностью, второй— съ особенной полнотой и точностью ¹⁾. Оно привлекаетъ къ себѣ все больше сторонниковъ среди молодыхъ представителей науки и философіи какъ на кафедрѣ, такъ и внѣ ея; оно оказываетъ все больше вліянія на научное и философское развитіе нашего времени. Эту возрастающую силу и это возрастающее вліяніе признаютъ даже противники эмпириокритицизма.

Излагать сколько-нибудь полно философскія основы эмпириокритицизма намъ не приходится; съ точки зрѣнія нашей задачи достаточно характеризовать самое общее познавательное отношеніе этой школы къ дѣйствительности, къ міру опыта.

Задача познанія, по воззрѣніямъ Маха и Авенариуса, заключается въ томъ, чтобы систематизировать содержаніе опыта, такъ что опытъ является и естественной основой, и естественной границей познанія. По своему объективному значенію, систематизація эта является могучимъ жизненнымъ приспособленіемъ, орудіемъ сохраненія жизни и ея развитія. Взглядъ на познаніе, какъ на приспособленіе, возникшій въ эволюціонномъ мышленіи, конечно, гораздо раньше эмпириокритицизма, въ работахъ этой школы находятъ себѣ самое широкое и всестороннее развитіе, и дѣлается базисомъ послѣдовательной *критики* познанія. «Die Analyse der Empfindungen» Маха и его научно-критическія работы, особенно «die Wärmelehre», съ одной стороны, и «Kritik der reinen Erfahrung» Авенариуса съ другой, даютъ цѣльную и во всемъ существенномъ однородную картину критически-эволюціонной теоріи познанія ²⁾.

1) Самый терминъ «эмпириокритицизмъ» принадлежитъ, собственно, Авенариусу; но онъ хорошо характеризуетъ также воззрѣнія Маха, хотя въ нѣкоторыхъ частностяхъ они и отличаются отъ взглядовъ Авенариуса.

2) Въ развитіи взглядовъ Маха исходной точкой послужилъ философскій идеализмъ, тогда какъ для Авенариуса съ самаго начала характерна реалистиче-

Но познаніе въ этой картинѣ является не только приспособленіемъ вообще, а также приспособленіемъ *соціальнымъ*. Соціаль- ный генезисъ познанія, его зависимость отъ соціального опыта, принципиальная равноцѣнность мышленія различныхъ людей и его непрерывное соціальное взаимодействіе ярко выступаетъ и сознательно подчеркивается обоими мыслителями. Здѣсь ихъ предшественниками надо признать великихъ основателей исторического монизма, о которыхъ оба философа врядъ ли имѣли сколько-нибудь ясное понятіе ¹⁾.

Тамъ, гдѣ Махъ обрисовываетъ связь познанія съ соціально- трудовымъ процессомъ, совпаденіе его взглядовъ съ идеями Маркса становится порой прямо поразительнымъ. Въ нѣкоторыхъ философскихъ этюдахъ его «*Wärmelehre*» мы встрѣчаемъ такія положенія, какъ, напр., слѣдующее: «наука возникла изъ потребностей практической жизни... изъ техники» (стр. 451),— формулировка строго соответствующая принципу исторического материализма. Для насъ это—лишнее доказательство глубокой прогрессивности эмпириокритицизма, какъ теченія, способного органически воспринять все наиболѣе жизненное въ его идей- ной средѣ.

ская окраска. Тѣмъ замѣчательнѣе принципиальное тожество философскихъ выводовъ, къ которымъ совершенно независимо одинъ отъ другого пришли оба эти мыслителя, реформируя теорію познанія на основѣ выработанныхъ научныхъ методовъ. Весьма несущественныя разногласія между этими философами носятъ на себѣ однако явный отпечатокъ различія начальныхъ пунктовъ развитія (особенно это относится къ понятію «элементовъ-ощущеній» у Маха; объ этомъ намъ придется говорить въ дальнѣйшемъ).

Нѣсколько особое положеніе занимаетъ въ ряду основныхъ произведеній эмпириокритицизма «*Der menschliche Weltbegriff*» Авенариуса (ученіе объ интроспекціи); но къ нему мы также еще вернемся.

1) Ближе по времени къ Маху и Авенариусу стоитъ А. Риль, который также признаетъ соціальность познанія и его биологическую роль, какъ приспособленія, но далеко не вполне выдерживаетъ этотъ принципъ въ своемъ анализѣ познанія («*Der philosophische Criticismus*», II В. 2 Т.). Вообще, за послѣдніе десятки лѣтъ идеи эти встрѣчаются нерѣдко въ философской и соціально-философской литературѣ; развитіе сравнительной филологіи немало способствовало ихъ упроченію, выясняя органическую связь мышленія съ рѣчью—соціальной формой общенія (здѣсь особенно Нуаре, Макс Мюллеръ); но обыкновенно соціально-генетическая точка зрѣнія на мышленіе ни философами, ни учеными не проводится до конца со строгой методологической послѣдовательностью.

Издѣдуя познаніе, какъ соціальное приспособленіе, эмпириокритицизмъ не находитъ никакого принципиальнаго различія между познаніемъ обыденнымъ, не критическимъ, и познаніемъ научно-философскимъ, критическимъ. И задачи, и методы по существу въ обоихъ случаяхъ одни и тѣ же, разница только въ степени выработки приспособленій: научными и критическими методами задачи познанія достигаются съ относительно большей полнотой при меньшихъ затратахъ энергіи; эти методы характеризуются *экономизаціей* времени и силъ. Такимъ образомъ, обыденное и неточное познаніе, въ своемъ прогрессивномъ развитіи, стремясь охватить все возрастающее богатство и разнообразіе опыта, необходимо должно переходить шагъ за шагомъ въ критическое и точное. При этомъ познаніе все въ большей мѣрѣ приближается къ *чистому описанію* того, что имѣется въ опытѣ,—разумѣется, къ такому описанію, которое обобщаетъ и систематизируетъ. — Тутъ выступаетъ вопросъ о содержаніи опыта, о его связи и закономѣрности и о жизненномъ значеніи различныхъ частей этого содержанія. Это и есть вопросъ о критикѣ опыта.

Безконечный потокъ опыта, изъ котораго кристаллизуется познаніе, представляетъ въ своемъ цѣломъ не только очень грандіозную, но и очень пеструю картину. Разлагая шагъ за шагомъ это цѣлое, анализъ переходитъ отъ болѣе крупныхъ его частей къ все болѣе и болѣе мелкимъ, и достигаетъ наконецъ нѣкоторой границы, гдѣ разложеніе дальше не удастся. Здѣсь лежатъ *элементы* опыта. Что же это за элементы?

Махъ называетъ ихъ «элементами-ощущеніями». Тотъ опытъ, который мы имѣемъ относительно «внѣшняго міра», сводится къ «тѣламъ», какъ сочетаніямъ различныхъ «признаковъ»,—мѣста, времени, цвѣта, формы, величины и т. д. Разложеніе этихъ «признаковъ» приводитъ насъ къ элементарнымъ ощущеніямъ пространства, времени, цвѣтовъ, тоновъ, къ ощущеніямъ иннерваціоннымъ, осязательнымъ, вкусовымъ и т. д. Въ такъ называемомъ «внутреннемъ мірѣ» мы имѣемъ воспріятія, представленія, стремленія, эмоціи. Дальнѣйшій анализъ даетъ здѣсь частью такіе же элементы, какъ для внѣшняго опыта (напр., въ «воспріятіи» какого-нибудь тѣла также пространственныя, цвѣтовыя, иннерваціонныя, и т. под. ощущенія), частью, кромѣ того, элементы воле-

вые, эмоціональные ¹⁾... Собственно, только по отношенію къ «психическому» міру элементы можно съ полнымъ правомъ называть «ощущеніями», потому что «ощущеніе»—терминъ психологической, который неудобно примѣнять къ физической области опыта ²⁾; но въ высшей степени важно, что одни и тѣ же элементы могутъ принадлежать «тѣламъ», какъ ихъ «признаки» («красное», «зеленое», «холодное», «горячее», «твердое», и т. д.) и входить въ составъ «воспріятій» и «представленій», какъ собственно «ощущенія» (ощущеніе краснаго, зеленаго, холоднаго, и т. д.). «Красное» въ тѣлахъ и «ощущеніе краснаго» въ ихъ воспріятіи суть *тождественные* элементы опыта, которые мы только различно обозначаемъ.

Тѣла—это комплексы такихъ же элементовъ, какіе въ «воспріятіяхъ» мы называемъ «ощущеніями». Положеніе чрезвычайно важное, на которомъ слѣдуетъ остановиться.

Человѣческой организмъ существуетъ для насъ, какъ тѣло въ ряду другихъ тѣлъ. Изъ какихъ же элементовъ опыта складывается это тѣло? Прежде всего мы имѣемъ рядъ элементовъ, воспринимаемыхъ, при помощи зрѣнія, рядъ элементовъ цвѣта и пространства (формы). Затѣмъ рядъ совершенно иныхъ элементовъ,

1) Авенаріусъ различаетъ „элементы“ и „характеры“, при чемъ подъ „элементами“ подразумѣваетъ цвѣта, тоны, твердое и мягкое, сладкое и горькое и т. под., а подъ „характерами“—окраску удовольствія и страданія, красоты и безобразія, реальности и кажущагося, ясности и смутности и т. д. Для нашихъ цѣлей это различіе не существенно, и потому мы въ изложеніи предпочитаемъ слѣдовать Маху.

2) Это различіе Махъ самъ не разъ отмѣчаетъ для того, чтобы устранить возможность идеалистическаго истолкованія своихъ взглядовъ. Его русскій переводчикъ (Энгельмейеръ, Очерки по теоріи познанія Э. Маха, 1901, изд. Маноцковой) нѣсколько погрѣшаетъ тѣмъ, что мало обращаетъ вниманія на эту сторону дѣла; передавая взгляды Маха, онъ доходитъ даже до такихъ формулировокъ, какъ слѣдующая: „наши ощущенія не производныя міра, а мы произвели міръ изъ нашихъ ощущеній“ (Введеніе, стр. 17). Махъ на эту формулировку никогда бы не согласился. Онъ указалъ бы, во-1), что элементы только тогда правильно называть ощущеніями, когда мы говоримъ о нихъ съ психологической точки зрѣнія, а по отношенію къ «физическому» міру этотъ терминъ недопустимъ; и во-2), что элементы не то, изъ чего мы произвели міръ, а *продуктъ познавательнаго разложенія опыта*, такъ что опытъ въ цѣломъ, по отношенію къ нимъ, *первичное*, а не вторичное. Можетъ быть, удастся и дальнѣйшее разложеніе теперешнихъ „элементовъ“—они, вѣдь, не атомы; тогда они смѣнятся элементами болѣе простыми, но еще болѣе „производными“, въ смыслѣ длины того пути, по которому познаніе дойдетъ до нихъ.

воспринимаемыхъ при помощи чувства давленія и чувства температуры: элементы формы и пространства, какіе даются намъ ощупываніемъ тѣла, элементы тепла и охлажденія, выступающіе рядомъ съ ними, и т. д. Далѣе рядъ элементовъ, доступныхъ слуху—тоны и шумы, изъ которыхъ слагается рѣчь, пѣніе, плачь, смѣхъ, и т. под... Всѣ эти ряды совершенно различны по своему матеріалу—*качественно разнородны*, и однако всѣ они объединяются въ одинъ комплексъ, обозначаемый словомъ «человѣкъ». Рядъ зрительный—элементы цвѣта и видимой формы—немыслимо даже и сравнивать въ его непосредственности съ рядомъ тактильнымъ—элементами осязаемой формы, твердости, тепла,—или съ рядомъ акустическимъ—тонами и шумами; немыслимо сравнивать въ этомъ смыслѣ даже отдѣльные элементы одного ряда между собою, напр., «красное» съ «зеленымъ». Но «тѣло» есть нѣчто единое. Что же даетъ ему это единство? Устойчивая связь частей комплекса.

Эта устойчивая связь въ нашемъ опытѣ далеко не безусловна. Въ массѣ случаевъ мы только видимъ проходящихъ мимо людей, но не слышимъ и не осязаемъ: данъ зрительный рядъ, остальные не даны, и однако мы не сомнѣваемся, что передъ нами «тѣла», «люди». Въ другихъ случаяхъ мы только слышимъ или только осязаемъ, или видимъ и слышимъ и т. д. Но отдѣльные ряды прочно ассоціированы между собою—изъ опыта мы знаемъ, что если видимъ человѣка, то достаточно намъ подойти и потрогать его, чтобы также осязать и, вѣроятно, также слышать. Изъ каждаго ряда можетъ оставаться лишь незначительная часть элементовъ, и однако весь комплексъ, все «тѣло» вступаетъ въ сферу нашего опыта: мы можемъ видѣть одинъ палецъ человѣка, или осязать только его руку, или слышать только походку, — и однако мы не сомнѣваемся, что передъ нами человѣкъ. Если дѣло идетъ о данномъ человѣкѣ — г-нѣ А., то весь составъ комплекса можетъ сильно измѣниться, напр., будетъ надѣтъ новый костюмъ, цвѣтъ лица и фигура пострадаютъ отъ болѣзни, голосъ охрипнетъ и т. д.; однако мы будемъ признавать то же лицо, тотъ же комплексъ. Вообще, относительная устойчивость комплекса элементовъ достаточна, чтобы сдѣлать изъ него «тѣло» ¹⁾.

¹⁾ Изъ этой относительности возникаетъ самое абсолютное въ философіи, «субстанція», или «вещь въ себѣ». Каждой данной части комплекса можетъ

Для насъ очень важна одна сторона дѣла, на которой не останавливаются ни Махъ, ни Авенаріусъ. Рядъ зрительный, рядъ тактильный, рядъ акустическій, входящіе въ составъ одного «тѣла», качественно различаются по своимъ элементамъ, совершенно несравними съ точки зрѣнія матеріала—сравните, напр., красное съ твердымъ или съ горькимъ,—и однако они выступаютъ въ неразрывной связи. Отчего они не образуютъ для познанія самостоятельныхъ комплексовъ? Развѣ познаніе не стремится соединять однородное, и разъединять разнородное? Почему же нашъ опытъ складывается въ такіе неоднородные по составу комплексы? Отвѣтъ на эти вопросы получается очень легко, если мы остановимся на основномъ фактѣ опыта—на *параллелизмѣ рядовъ*, образующихъ тѣла.

Если мы одновременно видимъ человѣка, слышимъ его и осязаемъ его тѣло, то *взаимныя отношенія* элементовъ во всѣхъ трехъ рядахъ опыта находятся въ извѣстномъ соотвѣтствіи между собою. Измѣненіямъ въ зрительномъ ряду соотвѣтствуютъ опредѣленные измѣненія въ тактильномъ ряду, и наоборотъ. Когда мы видимъ, что человѣкъ поднялъ руку (измѣненіе въ комбинаціи цвѣтовыхъ и пространственныхъ элементовъ), то мы, если желаемъ, всегда можемъ одновременно ощутить это и при помощи осязанія (измѣненіе въ комбинаціи тактильныхъ элементовъ); отношенія тѣхъ и другихъ элементовъ измѣняются въ опредѣленной связи, которая не можетъ быть замѣнена другою. Если мы видимъ опредѣленные движенія губъ и грудной клѣтки, то мы, обыкновенно, слышимъ опредѣленные звуки рѣчи; и опять-таки отношенія тѣхъ и другихъ элементовъ измѣняются въ опредѣленномъ взаимномъ соотвѣтствіи. Предположимъ, что вы имѣете зрительный рядъ элементовъ, но тактильнаго совѣсть нѣтъ, и не можете получить, т.-е. вы видите человѣка, но при

не хватать въ нашемъ опытѣ въ данный моментъ, и однако мы признаемъ „вещь“ за *то же самое*, чѣмъ является для насъ цѣлый комплексъ. Не значитъ ли это, что можно откинуть всѣ «элементы», всѣ «признаки» вещи, и все-таки она останется уже не какъ явленіе, а какъ „субстанція“? Конечно, это старая логическая ошибка: каждый волосъ въ отдѣльности можно вырвать и человѣкъ не станетъ лысымъ; но если ихъ вырвать всѣ вмѣстѣ, человѣкъ будетъ лысый; такъ и процессъ, которымъ создается „субстанція“, которую Гегель недаромъ называлъ „*carui mortuum* абстракція“. Если откинуть всѣ элементы комплекса, то комплекса не будетъ; останется только обозначающее его *слово*. Слово—это и есть «вещь въ себѣ».

его ощупываніи не получаете никакихъ осязательныхъ ощущеній— ни сопротивленія, ни тепла; въ такомъ случаѣ это вовсе не человѣкъ, а привидѣніе, или какая-нибудь оптическая иллюзія. Вы слышите рѣчь человѣка, но, несмотря на наличность всѣхъ обычныхъ условій для воспріятія соотвѣтственнаго зрительнаго ряда, не получаете его, или получаете рядъ съ совершенно иными отношеніями; въ такомъ случаѣ это опять-таки не человѣкъ, а галлюцинація слуха или, можетъ быть, фонографъ. Тамъ, гдѣ нарушается обычный параллелизмъ такихъ-то данныхъ рядовъ, тамъ устраняется и признаніе въ опытѣ обычно воспринимаемаго такого-то даннаго «тѣла», и выступаетъ необходимость иначе объединить факты опыта, признать не то «тѣло», какъ обыкновенно, а другое, или совсѣмъ отрицать наличность «тѣла».

Параллелизмъ разнородныхъ рядовъ опыта, объединенныхъ въ одно «тѣло», даетъ этимъ рядамъ нѣкоторую однородность; но это однородность *отношеній*, а не элементовъ. Именно эта однородность отношеній, наблюдаемая для различныхъ рядовъ опыта, и есть ближайшая основа единства *тыла*. Пространственное и временное единство тѣла суть лишь опредѣленные формы этой однородности отношеній, этого параллелизма рядовъ: пространство, напр., зрительное координируется съ пространствомъ доступнымъ осязанію именно въ силу параллелизма между рядами элементовъ; а единство времени есть прямо другое названіе для параллельнаго теченія всѣхъ этихъ рядовъ среди общаго потока непосредственныхъ переживаній.

Замѣтимъ, что одинъ изъ этихъ рядовъ обыкновенно играетъ въ комплексѣ особую—*организующую* роль. Когда мы представляемъ себѣ человѣческое тѣло, то оно является намъ *по преимуществу* какъ осязаемый, или *по преимуществу* какъ видимый предметъ, т.-е. въ основу комплекса ложится одинъ рядъ, по большей части, именно тактильный (рѣже зрительный); а другіе ряды объединяются около него, какъ центральной части комплекса. Нетрудно понять, чѣмъ обусловливается такая особенная роль тактильнаго ряда: она связана съ его особеннымъ значеніемъ—значеніемъ въ біологической борьбѣ. Обыкновенно, только при наличности тактильнаго ряда предметы могутъ оказываться серьезно полезными или серьезно вредными для жизни: всѣ объекты «производства» въ смыслѣ экономистовъ—матеріалы

труда, орудія, предметы потребленія—представляютъ «осязаемыя» предметы; тѣла, лишенная тактильнаго ряда, напр., тѣни, отраженія, облака, являются жизненно-неважными (по крайней мѣрѣ, непосредственно неважными; косвенно и они могутъ приобретать большое значеніе, какъ, положимъ, дождевыя облака). Кромѣ того, немалое значеніе имѣетъ тѣсно связанная съ этой біологической ролью большая полнота и опредѣленность тактильнаго ряда (при ощупываніи предметовъ); однако въ этомъ отношеніи онъ скорѣе уступаетъ зрительному ряду, который и выступаетъ какъ рядъ организующій, вмѣсто тактильнаго, когда этого послѣдняго не имѣется, а иногда даже и при его наличности.

Замѣтимъ мимоходомъ, что вся матеріалистическая метафизика основана на своеобразной фетишизаціи тактильнаго ряда, на приписываніи ему совершенно исключительнаго значенія (матерія—это и есть *осязаемое* или, по крайней мѣрѣ, то, что при достаточной величинѣ было бы осязаемымъ, какъ, напр., матеріальные атомы).

Возвратимся теперь къ изложенію взглядовъ Маха. Какъ было уже указано, одни и тѣ же элементы могутъ входить въ составъ «физическихъ тѣлъ» и въ составъ «психическихъ процессовъ». Если «тѣло», называемое человѣческимъ организмомъ, есть комплексъ такихъ-то цвѣтовыхъ, пространственныхъ, тактильныхъ и другихъ элементовъ, то *воспріятіе* этого тѣла—изъ какихъ элементовъ оно слагается? Да очевидно, изъ тѣхъ же самыхъ цвѣтовыхъ, пространственныхъ, тактильныхъ и т. д.; только здѣсь эти же элементы называются «ощущеніями». Изъ тѣхъ же элементовъ слагается и «представленіе» тѣла, когда тѣла нѣтъ въ непосредственномъ воспріятіи. Но какая же разница между «тѣломъ» и «воспріятіемъ тѣла», или его «представленіемъ»? Вѣдь это, несомнѣнно, далеко не одно и то же съ точки зрѣнія нашего опыта.

Тѣло въ ряду другихъ тѣлъ принадлежитъ къ опредѣленной системѣ вещей, которая характеризуется опредѣленными отношеніями, и называется «физическимъ» или «внѣшнимъ» міромъ. Воспріятіе или представленіе тѣла принадлежитъ къ другой системѣ, въ которой отношенія иныя, и которая называется «психическимъ» или «внутреннимъ» міромъ. Вопросъ, слѣдовательно, сводится къ различію двухъ областей опыта — физической и психической, «внѣшней» и «внутренней».

Въ мірѣ физическомъ комплексы—тѣла характеризуются известной устойчивой закономерностью своихъ внѣшнихъ и внутреннихъ отношеній. Передъ вами столъ; ваше воспріятіе стола мѣняется съ каждой переменной положенія вашей головы: оно исчезаетъ, если вы отвернетесь или уйдете; но столъ, какъ тѣло, не измѣняется при этомъ и остается на своемъ мѣстѣ. Представленіе стола вы можете произвольно, однимъ усиленіемъ вниманія, вызвать и фиксировать въ ряду другихъ представленій въ самыхъ различныхъ ассоціаціяхъ образовъ; но вы не можете такъ же произвольно, однимъ актомъ воли, достигнуть того, чтобы столъ возникъ въ ряду другихъ тѣлъ или выступилъ въ новомъ соотношеніи съ ними. Связь явленій въ обоихъ случаяхъ различна: въ физическомъ мірѣ она имѣетъ гораздо болѣе опредѣленный характеръ, чуждый всякого произвола, *независимый отъ случайно измѣняющихся состояній нашего организма*; въ мірѣ психическомъ явленія выступаютъ *въ определенной зависимости именно отъ состояній организма*, ближайшимъ образомъ отъ нервной системы.

Воспріятія получаютъ тогда, когда возбужденіе различныхъ органовъ чувствъ передается центральному нервному аппарату, и измѣняются сообразно съ формой этого возбужденія съ одной стороны, состояніемъ нервныхъ проводниковъ и нервныхъ клѣтокъ съ другой. Перерѣжьте два оптическихъ нерва, и весь міръ зрительныхъ воспріятій исчезнетъ для данной психики; или отравите нервную систему сантониномъ, и всѣ предметы будутъ восприниматься въ иной окраскѣ, чѣмъ прежде. Подвергнете организмъ дѣйствию хорошей дозы наркотическаго яда, и исчезнутъ не только воспріятія, но и представленія, даже эмоціи и стремленія. Нарушите питаніе коры головного мозга, и весь психическій міръ окажется спутаннымъ, разстроенымъ; всѣ его отношенія рѣзко измѣнятся. А физическій міръ, несмотря ни на что, остается попрежнему.

Всѣ такія сопоставленія—ихъ можно дѣлать безъ конца—приводятъ къ слѣдующей формулировкѣ: поскольку данныя опыта выступаютъ *въ зависимости отъ состояній данной нервной системы*, постольку они образуютъ *психическій міръ* данной личности; поскольку данныя опыта берутся *внѣ такой зависимости*, постольку передъ нами *физическій міръ*. Поэтому Авенаріусъ обозначаетъ эти двѣ области опыта, какъ *зависимый рядъ* и *независимый рядъ* опыта.

Для пониманія реального различія обоихъ рядовъ опыта особенно важны тѣ промежуточные случаи, гдѣ происходитъ ихъ временное смѣшеніе. Свои образы сновидѣній, свои галлюцинаціи чело­вѣкъ относитъ сначала къ внѣшнему міру; но послѣдующій опытъ убѣждаетъ его, что эти явленія зависѣли всецѣло отъ особаго, преходящаго состоянія его нервной системы, и тогда онъ относитъ ихъ уже къ психическому міру. Если чело­вѣкъ не настолько образованъ, чтобы установить эту форму за­висимости, какъ это часто бываетъ у неразвитыхъ людей по отношенію къ галлюцинаціямъ, то явленіе, несмотря на всю свою неустойчивость, будетъ отнесено къ «внѣшнему» міру—галлюци­нація будетъ понята, какъ «привидѣніе» или «духъ», вообще, какъ *тыло*, хотя и съ особенными свойствами (слово «духъ» не должно вводить здѣсь въ заблужденіе, «духъ» фетишиста есть отнюдь не психическое въ научномъ смыслѣ).

Кромѣ тѣхъ комплексовъ, которые одинаково могутъ высту­пать и въ физическомъ ряду, какъ тѣла, и въ психическомъ, какъ воспріятія или представленія, существуютъ еще комплексы иного рода, принадлежащіе всецѣло къ психическому міру, и никогда не относимые нами къ физической области опыта. Это комплексы эмоціональные и волевые: чувства, аффекты, стремле­нія, и т. под. Радость, гнѣвъ, желаніе, любовь, никогда не пред­ставляются намъ «тѣлами», а всегда только психическими про­цессами. Между тѣмъ такого рода комплексы бываютъ иногда чрезвычайно устойчивы—много устойчивѣе иныхъ мимолетныхъ явленій физического міра. Мало того, той же исключительной «психичностью» отличается комплексъ наиболѣе устойчивый въ ряду нашихъ переживаній, тотъ, который мы обозначаемъ сло­вомъ «я». Какъ понять эту особенную группу переживаній?

Спеціально-психическій характеръ всей группы опредѣляется тѣмъ фактомъ, что она стоитъ въ особенной, непосредственной зависимости отъ состояній данной нервной системы, и не можетъ быть представлена внѣ этой зависимости, въ той законмѣрной связи, которая характеризуетъ физическую сферу опыта. От­сюда легко возникаетъ стремленіе рѣзко выдѣлить спеціально-психическій рядъ изъ общей системы опыта, отдѣлить его, какъ нѣчто самостоятельное, отъ всѣхъ психо-физическихъ переживаній. Но такой взглядъ нельзя было бы признать правильнымъ.

Комплексы эмоціональные, волевые, и комплексъ «я» разла-

гаются анализомъ на элементы, и эти элементы *однородны* съ тѣми, которые выступаютъ во всякихъ иныхъ, психо-физическихъ сочетаніяхъ. Такъ, въ эмоціяхъ, согласно экспериментальнымъ изслѣдованіямъ, если даже не принимать обобщающей теоріи Джемса и Ланге, несомнѣнно играютъ большую роль элементы иннервационные и тактильные, элементы, которые въ другихъ сочетаніяхъ входятъ въ составъ «воспріятій» и въ составъ «тѣль». Точно также волевые комплексы представляютъ изъ себя сложныя комбинаціи различныхъ элементовъ съ опредѣленными «характерами» (по терминологіи Авенариуса); особенное значеніе имѣютъ здѣсь иннервационные элементы ¹⁾. Что же касается «я», то это сложнѣйшій комплексъ жизненно важныхъ комбинацій, по преимуществу эмоціональныхъ и волевыхъ, вообще тѣхъ, которыя стоятъ въ наиболѣе тѣсной связи съ самосохраненіемъ организма ²⁾. Такимъ образомъ, по своимъ *элементамъ*, по своему *материалу*, и специально-психическіе комплексы не отличаются отъ другихъ группировокъ въ сферѣ опыта, не отличаются отъ психическихъ-физическихъ комбинацій.

II.

Мы обрисовали, насколько это требуется для поставленной нами задачи, самое общее отношеніе эмпириокритицизма къ дѣйствительности, какъ системѣ опыта. Передъ нами выступило мировоззрѣніе, съ одной стороны—глубоко обоснованное на пріобрѣтеніяхъ современной науки, съ другой стороны—очень увлекательное по своей простотѣ и ясности. Оно съ трудомъ укладывается въ рамки обычныхъ философскихъ опредѣленій. Оно рѣзко отличается отъ наивнаго реализма своимъ глубоко аналитическимъ и строго критическимъ отношеніемъ ко всему содержанію опыта. Но не менѣе далеко отстоитъ оно и отъ всякаго идеализма: отъ трансцендентнаго — тѣмъ, что не признаетъ никакой высшей, сверхчувственной реальности идей, а считаетъ

1) См. R. Avenarius, «Kritik der reinen Erfahrung», II, 206 и слѣд. стр., а также прим. 54. См. также G. Simmel, „Skizze einer Willentheorie“, Zeitschrift für Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane, 1895 г.—иннервационная теорія воли.

2) См. R. Avenarius, „Kr. d. r. Erf.“, II стр. 355, и стр. 275 (о „доминантѣ“); также E. Mach, „Analyse der Empf.“, стр. 13—20 (3-е изд., 1902).

всякую мыслимую идею продуктомъ усложненія и обработки опыта, отъ имманентнаго — тѣмъ, что дѣйствительность, опытъ оно отнюдь не укладываетъ всецѣло въ рамки психическаго, въ рамки «представленія», но въ этомъ «психическомъ» признаетъ только одну, ограниченную область опыта. Эмпириокритицизму нѣтъ также дѣла ни до матеріализма, ни до спиритуализма, ни до какой метафизики вообще: и матерія, и духъ для него только комплексы элементовъ, а всякая «сущность» и всякое сверхъ-опытное познаніе—термины безъ содержанія, пустыя абстракціи. Если мы назовемъ это міровоззрѣніе критическимъ, эволюционнымъ, соціологически окрашеннымъ позитивизмомъ, то мы сразу укажемъ тѣ главныя теченія философской мысли, которыя слились въ немъ въ одинъ потокъ.

Разлагая все физическое и психическое на тождественные элементы, эмпириокритицизмъ не допускаетъ возможности какого бы то ни было дуализма. Но здѣсь и возникаетъ новый критическій вопросъ: дуализмъ опровергнуть, устранить, а достигнуть ли монизмъ? Освобождаетъ ли въ дѣйствительности точка зрѣнія Маха и Авенариуса все наше мышленіе отъ его дуалистическаго характера? На этотъ вопросъ мы принуждены отвѣтить отрицательно.

Критика опыта сдѣлала дуализмъ невозможнымъ, — и все же онъ остался, только принялъ новую форму. Опытъ единъ по своему матеріалу — *но почему же въ немъ двѣ закономерности?* Связь физическаго и связь психическаго ряда принципиально различны, не сводимы одна на другую, и не допускаютъ объединенія въ какой-нибудь третьей, высшей закономерности ¹⁾. Это не дуализмъ реальности, а дуализмъ *способа познанія*, и Авенариусъ полагаетъ, что «diese Dualität ist kein Dualismus» (эта двойственность—не дуализмъ). Но такую точку зрѣнія трудно признать правильной, какъ бы ни была она успокоительна.

Дѣло въ томъ, что принципиально различныя, несводимыя къ единству закономерности для цѣльности и стройности познанія немногимъ только лучше принципиально различныхъ, несводимыхъ къ единству реальностей. Когда область опыта разбивается

¹⁾ Можно, конечно, объединить ту и другую въ обобщающей ихъ абстракціи,—но это будетъ лишь безсодержательное понятіе о связи вообще, неспособное органически объединить двѣ основныя формы закономерности опыта.

на два ряда, съ которыми познаніе принуждено оперировать совершенно различно, то познаніе не можетъ чувствовать себя единымъ и гармоничнымъ. Неминуемо возникаетъ рядъ вопросовъ, направленныхъ къ устраненію двойственности, къ ея замѣнѣ высшимъ единствомъ. Почему въ единомъ потокѣ человѣческаго опыта возможны двѣ принципиально различныхъ закономерности? И почему ихъ именно двѣ? Почему зависимый рядъ, «психическое», находится въ тѣсномъ, функциональномъ соотношеніи именно съ нервной системой, а не другимъ какимъ-либо «тѣломъ», и почему нѣтъ въ опытѣ безчисленнаго множества зависимыхъ рядовъ, связанныхъ съ «тѣлами» другихъ типовъ? Почему одни комплексы элементовъ выступаютъ въ обоихъ рядахъ опыта—и какъ «тѣла», и какъ «представленія», а другіе никогда не бываютъ тѣлами, и принадлежатъ всегда къ одному ряду и т. д.?

Эмпириокритицистъ будетъ, конечно, правъ съ своей точки зрѣнія, отвергая самую постановку этихъ вопросовъ: дѣло познанія—описать то, что имѣется въ опытѣ, и если въ немъ есть двойственность, то это надо констатировать, а незачѣмъ спрашивать «почему»? Но вопросъ «почему» выражаетъ въ данномъ случаѣ несомнѣнную, вполне реальную потребность въ описаніи дѣйствительно гармоничномъ, логически единомъ,—потребность, которую въ общемъ критика опыта признаетъ вполне законною; и отрицаніе вопроса оставляетъ эту потребность совершенно неудовлетворенною.

Между «двойственностью» и «дуализмомъ» въ познаніи нѣтъ никакой рѣзкой границы: двойственность становится дуализмомъ по мѣрѣ того, какъ выступаетъ интенсивнѣе стремленіе къ гармоніи познанія, къ его единству, по мѣрѣ того, какъ развивающаяся психика становится чувствительнѣе къ всякому раздвоенію, а элементы обѣихъ сторонъ двойственности все чаще одновременно выступаютъ въ сознаніи, порождая накапливающееся чувство противорѣчія. Для Спинозы двойственность познаваемыхъ атрибутовъ единой субстанции, мышленія и протяженія, совсѣмъ не противорѣчила монизму системы; но для насъ, людей XX вѣка, она уже несомнѣнный дуализмъ. То же должно стать и со всякой принципиальной двойственностью способовъ познанія.

Вотъ почему наше стремленіе къ идеалу познанія необходимо ставитъ задачу—преодолѣть эту двойственность.

III.

Разсмотримъ нѣсколько ближе и внимательнѣе отношеніе двухъ рядовъ опыта — физическаго и психическаго. Намъ надо какъ можно точнѣе *характеризовать* ихъ различія и, если окажется возможнымъ, выяснить *генезисъ* этихъ различій. Вопросъ о генезисѣ можетъ показаться здѣсь несообразнымъ; но постараемся отдѣлаться отъ всякаго предвзятаго сужденія о немъ и посмотримъ, не приводитъ ли къ этому вопросу строго критической анализъ самыхъ различій.

Постоянная характеристика всего «физическаго» — это его *объективность*. Никто не можетъ представить себѣ физическаго тѣла или процесса, которые можно было бы обозначить, какъ нѣчто «субъективное». Здѣсь нѣтъ никакихъ исключеній. Но что значить «объективное»?

Первый, представляющійся наиболѣе простымъ отвѣтъ на этотъ вопросъ былъ бы такой: объективнымъ мы называемъ то, что прочно и устойчиво въ нашемъ опытѣ. Но подобный взглядъ необходимо сразу отвергнуть. Въ физическомъ мірѣ наблюдаются крайне мимолетныя, почти неуловимыя событія, и это не лишаетъ ихъ характеристики «объективнаго». Наоборотъ, въ психическомъ мірѣ встрѣчаются крайне прочныя и устойчивыя, постоянно возвращающіяся комбинаціи, къ которымъ эта характеристика безусловно не подходитъ. Форма даннаго облака въ данный моментъ есть нѣчто вполне объективное, хотя черезъ $\frac{1}{10}$ секунды она будетъ уже совсѣмъ не та; наоборотъ, воспріятіе солнечнаго движенія по небесному своду — чрезвычайно устойчивая, часто повторяющаяся психическая комбинація, и однако мы не можемъ признать этого движенія за объективный фактъ. Очевидно, надо искать иного опредѣленія.

Можно стать на такую точку зрѣнія: объективно для насъ въ явленіяхъ то, на чемъ мы можемъ съ успѣхомъ основываться въ своей дѣятельности, то, что не приводитъ насъ къ практическимъ противорѣчіямъ. Физическія тѣла съ ихъ свойствами представляютъ нѣчто объективное потому, что мы, принимая эти тѣла за реальности и пользуясь ихъ выясненными свойствами, не приходимъ къ противорѣчіямъ съ самими собой. Это, въ сущности, модификація предыдущаго взгляда, только захватывающая опытъ въ болѣе широкихъ рамкахъ. Но и она должна быть

отвергнута, и именно постольку, поскольку она относится къ *индивидуальному, а не коллективному опыту*. Отдѣльное лицо въ теченіе всей своей жизни нерѣдко исходитъ практически изъ весьма субъективныхъ возрѣній, но, благодаря узости рамокъ своего опыта, не приходитъ къ ощутительнымъ противорѣчіямъ. Крестьянинъ, не выѣзжающій изъ деревни, можетъ всю жизнь считать землю плоскимъ кругомъ, небо — голубымъ хрустальнымъ сводомъ, а солнце — блестящимъ кружкомъ, ежедневно проходящимъ по этому своду; и гармонія его практической жизни нисколько не пострадаетъ; однако, объективны ли эти данныя его опыта? Еще больше могутъ уяснить вопросъ нѣкоторые патологическіе случаи. Встрѣчаются параноики, которые до конца остаются въ своемъ собственномъ, нереальномъ мірѣ, съ несуществующими людьми, обыкновенно ихъ преслѣдующими. Считаясь съ этими личностями, ведя борьбу противъ нихъ, параноикъ иногда, именно при высоко систематизированномъ бреде, не приходитъ ни къ какимъ познавательнымъ противорѣчіямъ въ своемъ опытѣ; но попробуй онъ (что, конечно, едва ли возможно) хоть на короткое время отнестись къ своимъ врагамъ объективно въ нашемъ смыслѣ, т.-е. признать ихъ не реальными, не принимать мѣръ противъ ихъ злоумышленій, и очень скоро новыя репрессіи съ ихъ стороны привели бы его къ практическому противорѣчію. Здѣсь въ *личномъ* опытѣ «объективное» не можетъ служить надежной основой для практики, а «субъективное» можетъ ¹⁾).

Мы приходимъ къ такому выводу: характеристика «объективности» вообще не можетъ имѣть своей основой индивидуальный опытъ—ни устойчивость его сочетаній, ни гармонію результатовъ дѣятельности съ ея исходными данными опыта. Основа «объективности» должна лежать въ сферѣ *коллективнаго* опыта.

Объективными мы называемъ тѣ данныя опыта, которыя имѣютъ одинаковое жизненное значеніе для насъ и для другихъ людей, тѣ данныя, на которыхъ не только мы безъ противорѣчія строимъ свою дѣятельность, но на которыхъ должны, по наше-

---

1) Прекрасный случай этого рода цитированъ у С. Корсакова („Курсъ психіатріи“, т. I, стр. 198 и слѣд.)—систематизированный бредъ съ детальнымъ описаніемъ членовъ преступнаго тайнаго общества, которое преслѣдуетъ больного, ихъ наружности, манеры и характеровъ. Вся жизнь больного сводилась къ различнымъ отношеніямъ съ этими несуществующими людьми.

му убѣжденію, основываться и другіе люди, чтобы не придти къ противорѣчію. Объективный характеръ физическаго міра заключается въ томъ, что онъ существуетъ не для меня лично, а для всѣхъ, и для всѣхъ имѣетъ опредѣленное значеніе, по моему убѣжденію, такое же, какъ для меня. Объективность физическаго ряда—это его *общезначимость*¹⁾. «Субъективное» же въ опытѣ,—это то, что не обладаетъ общезначимостью, что имѣетъ значеніе лишь для одного или нѣсколькихъ индивидуумовъ.

Эта точка зрѣнія не заключаетъ въ себѣ ничего новаго; она является общераспространенною и принимается очень различными философскими доктринами. Но если ее понять послѣдовательно-генетически, то она представится намъ въ новомъ освѣщеніи.

Общезначимость есть не что иное, какъ *согласованность* опыта различныхъ людей, *взаимное соотвѣтствіе* ихъ переживаній. Откуда же берется эта согласованность, это взаимное соотвѣтствіе? Слѣдуетъ ли считать ее «предустановленной гармоніей» или же результатомъ развитія?

Данныя для отвѣта мы можемъ найти въ развитіи формъ пространства и времени.

IV.

Въ ученіи о пространствѣ необходимо строго различать пространство чувственнаго воспріятія и абстрактное пространство—*Sehraum* и *Raumbegriff* Геринга, физиологическое и геометрическое пространство Маха. Хотя ихъ связь неразрывна, но въ системѣ опыта ихъ роль различна.

Физиологическое пространство есть то, которое нашъ непосредственный опытъ даетъ намъ съ одной стороны въ актѣ зрѣнія, съ другой стороны—въ актѣ осязанія: то, которое мы прямо воспринимаемъ въ видѣ оптическаго и тактильнаго ряда элементовъ. Абстрактное пространство—это пространство нашего мышленія, всеобъемлющее, не связанное ни съ какимъ частнымъ воспріятіемъ, пространство, представляемое нами, какъ «всеобщая» и «чистая» форма созерцанія. Свойства того и другого во многомъ очень различны.

1) Въ нашей литературѣ чаще употребляютъ терминъ «общеобязательность»—менѣе точный, такъ какъ онъ заключаетъ въ себѣ излишній нормативный отѣнокъ.

Физиологическое пространство не обладает ни однородностью, ни непрерывностью, ни постоянством отношеній; точнѣе—оно обладаетъ всѣмъ этимъ лишь отчасти. Въ различныхъ его частяхъ вещи представляются неодинаковыми: одна и та же вещь становится больше или меньше — смотря по разстоянію, такой или иной формы — смотря по положенію относительно глаза. Находясь близко, предметы являются рельефными, вдали они теряютъ рельефъ, становятся плоскими, на извѣстномъ предѣлѣ — исчезаютъ. Это относится къ пространству глаза; пространство осязанія болѣе устойчиво, но въ общемъ оно сходно съ первымъ. Въ немъ величина и форма предметовъ также измѣняются въ зависимости отъ условій прикосновенія: то или иное положеніе рукъ при ощупываніи, вообще прикосновеніе тѣми или иными частями тактильной поверхности, а также обычное или необычное состояніе этой поверхности. Въ полости рта, при ощупываніи языкомъ одинъ и тотъ же предметъ представляется больше, чѣмъ при осязаніи руками; то, что гладко при прикосновеніи къ щекамъ, оказывается шероховатымъ для пальцевъ; то, что составляетъ два предмета, напр., два острія циркуля, для кожи пальцевъ, можетъ быть однимъ предметомъ для кожи лба или плечъ, и т. д. Вообще, неоднородность физиологическаго пространства, неустойчивость его отношеній настолько привычны для насъ, что даже не привлекаютъ нашего вниманія, несмотря на крайнюю иногда фантастичность происходящихъ въ немъ превращеній.—Наконецъ, физиологическое пространство всегда *ограничено*; это то, что мы называемъ «полемъ» зрѣнія или осязанія.

Не таково абстрактное пространство. Во всѣхъ своихъ частяхъ оно строго однородно; въ немъ все совершается непрерывно, и всѣ отношенія закономерны. Въ немъ вещи не мѣняются ни формы, ни величины безъ внѣшняго воздѣйствія, не появляются и не исчезаютъ безъ достаточныхъ основаній, не мѣняются своихъ свойствъ въ силу одого только положенія въ той или иной его области. Это пространство безконечно.

Въ физиологическомъ пространствѣ звѣзды являются маленькими свѣтящимися точками съ расходящимися отъ нихъ измѣнчивыми полосками свѣта—лучами, съ непрерывными переливами цвѣта; эти точки существуютъ въ теченіе ночи и исчезаютъ съ наступленіемъ дня; разстояніе ихъ отъ глаза не больше расто-

янiя видимаго вдали лѣса или горъ. Въ абстрактномъ пространствѣ онѣ таковы, какими изображаетъ ихъ намъ астрономiя въ своихъ подавляющихъ всякое воображенiе картинахъ...

Каково же взаимное отношенiе обоихъ видовъ пространства? Физиологическое пространство есть результатъ развитiя; въ жизни ребенка оно лишь постепенно кристаллизуется изъ хаоса зрительныхъ и тактильныхъ элементовъ. Это развитiе продолжается и за предѣлами первыхъ лѣтъ жизни: въ воспрiятii взрослого человѣка и разстоянiя, и величины, и формы предметовъ устойчивѣе, чѣмъ въ воспрiятii ребенка. Я отчетливо помню, что мальчикомъ лѣтъ 5 разстоянiе между землей и небомъ я воспринималъ, какъ величину въ 2—3 раза больше высоты двухъэтажнаго дома, и очень удивлялся, когда, забравшись на крышу, не нашель, чтобы замѣтно приблизился къ небесному своду. Такъ я ознакомился съ однимъ изъ *противорѣчii* физиологическаго пространства. Въ воспрiятii взрослого человѣка этихъ противорѣчii меньше, но они всегда есть.

Абстрактное пространство *свободно отъ противорѣчii*. Въ немъ одинъ и тотъ же предметъ, не подвергающійся достаточнымъ воздѣйствiямъ, не оказывается и больше, и меньше опредѣленнаго другаго предмета, и такой и иной формы и т. д. Это пространство строгой законѣрности, всюду совершенно однообразной. — Существуетъ мнѣнiе, что оно для всѣхъ вполнѣ одинаково и не можетъ измѣняться. Априористы утверждаютъ, что за всю исторiю человѣчества, поскольку она намъ извѣстна, «чистое пространство» (пространство, какъ форма интуицii) не измѣнялось.

Но это послѣднее утвержденiе *фактически* невѣрно. Исторiя показываетъ, что и абстрактное пространство есть результатъ развитiя. Чтобы въ этомъ убѣдиться, нѣтъ надобности даже итти къ ребенку, къ дикарю, къ первобытному человѣку, которыхъ априористъ такъ охотно надѣляетъ абстрактнѣйшими изъ своихъ представлений. Достаточно обратиться къ философамъ древности и новаго времени.

Аристотель отрицалъ возможность пустаго пространства, и въ то же время утверждалъ пространственную ограниченность вселенной. Такимъ образомъ для него пространство не являлось безконечнымъ, хотя безконечность времени онъ признавалъ. — Для Эпикура пространство въ самомъ себѣ заключало верхъ и низъ, чѣмъ онъ и объяснялъ движенiе потока атомовъ; такимъ

образомъ абсолютное пространство было неоднородно. Въ сущности только Кантъ достаточно отчетливо представилъ абстрактное пространство строго однороднымъ: только онъ установилъ впервые *относительность всякаго движенія*, а эта относительность есть именно прямое выраженіе всеобщей однородности пространства. Если пространство обладаетъ абсолютной однородностью, то движеніе А по направленію къ В и движеніе В по направленію къ А, очевидно, вполнѣ тождественны—безъ отношенія къ другому тѣлу положеніе даннаго тѣла не можетъ различаться въ пространствѣ, всѣ части котораго совершенно одинаковы. Такъ какъ относительность всякаго движенія, однако, не сознавалась прежде, то мы съ полнымъ основаніемъ можемъ утверждать, что и абстрактное пространство людей того времени сохраняло еще нѣкоторые слѣды неоднородности ¹⁾. Все это убѣждаетъ насъ въ томъ, что абстрактное пространство есть дѣйствительно результатъ познавательнаго развитія человѣчества.

Отношеніе физиологическаго и абстрактнаго времени, въ общемъ, таково же, какъ отношеніе разсмотрѣнныхъ нами формъ пространства. Физиологическое время по сравненію съ абстрактнымъ неоднородно: оно течетъ неравномѣрно, то быстро, то медленно, иногда даже какъ будто перестаетъ существовать для сознанія—именно во время глубокаго сна или обморока; кромѣ того, оно ограничивается предѣлами личной жизни. Соответственно всему этому измѣнчива и «временная величина» однихъ и тѣхъ же явленій, взятыхъ въ физиологическомъ времени: одинъ и тотъ же процессъ, не испытывая никакихъ воздѣйствій, можетъ протекать для насъ «быстро» или «медленно», а иногда и совсѣмъ оказывается внѣ нашего физиологическаго времени ²⁾. Не таково время абстрактное («чистая форма созерцанія»): оно строго однородно и непрерывно въ своемъ теченіи, и явленія

1) Исторія геометріи указываетъ также на различную степень абстрактности пространства у греческихъ и индусскихъ геометровъ. Одна и та же пара фигуръ для грека представляла случай равенства, а для индуса—случай симметріи. Аналогичныя различія имѣлись и въ ученіи о подобіи фигуръ.

2) Любопытенъ въ этомъ отношеніи тотъ общеизвѣстный фактъ, что скучно проводимое время, которое тянется въ непосредственномъ переживаніи страшно медленно, въ воспомнаніи кажется затѣмъ очень короткимъ. Попытку объясненія этого факта см. у Маха, „Analyse der Empf.“, глава XII, гдѣ дается и общій анализъ временныхъ ощущеній.

въ немъ выступаютъ въ строгой законмѣрности. Въ обоихъ своихъ направленіяхъ—въ прошломъ и будущемъ—оно бесконечно.

Несомнѣнно, что время—не только болѣе общая, но и болѣе ранняя по генезису форма опыта, чѣмъ пространство ¹⁾). Поэтому уловить слѣды историческихъ измѣненій по отношенію къ этой формѣ гораздо труднѣе, чѣмъ по отношенію къ пространству—даже абстрактное время повсюду на памяти исторіи является уже приблизительно сложившимся. Однако можно съ большимъ основаніемъ утверждать, что въ неразвитомъ мышленіи дѣтей или низко стоящихъ дикарей чистое время еще не обладаетъ характеромъ *бесконечности*. Кромѣ того, вопросъ о *началѣ* времени существовалъ еще и для греческой философіи, а затѣмъ игралъ извѣстную роль въ патристикѣ. Но если этотъ вопросъ могъ выступать въ сознаніи мыслителей, то очевидно, что самая «форма созерцанія» не обладала еще той опредѣленностью и отчетливостью, какъ въ наше время.

Мы приходимъ къ такимъ выводамъ. Абстрактное пространство и время суть продукты развитія. На своихъ низшихъ стадіяхъ они сохраняютъ часть и такія особенности фізіологическаго пространства и времени, которыя на высшихъ стадіяхъ совершенно или почти совершенно теряютъ. Очевидно, чистыя «формы созерцанія» возникаютъ *изъ* фізіологическаго пространства и времени. Но какимъ путемъ? Это можно выяснитъ путемъ сравненія тѣхъ и другихъ формъ.

Абстрактное пространство и время характеризуются тѣмъ, что въ нихъ *устранены всѣ противорѣчія* фізіологическаго пространства и времени, такъ что опытъ *гармонизированъ*, согласованъ въ различныхъ своихъ частяхъ. Это достигается путемъ устраненія неоднородности фізіологическаго пространства и времени, путемъ внесенія въ нихъ непрерывности, и путемъ ихъ мысленнаго расширенія за предѣлы всякаго даннаго опыта.

Далѣе, абстрактное пространство и время *объективны*, т. е. существуютъ не только для данной личности и въ данныхъ ея переживаніяхъ, но для всѣхъ познающихъ, обладаютъ *общезна-*

¹⁾ Rudolph Willy отождествляетъ даже фізіологическое время *съ потокомъ опыта*, со смѣною переживаній различной широты и интенсивности („Время—это самый опытъ въ его теченіи“...; См. „Krisis der Psychologie“, глава, посвященная критикѣ Маха). Для нашей цѣли вопросъ объ *элементахъ* фізіологическаго времени значенія не имѣетъ.

чимостью; въ этомъ они также представляютъ противоположность физиологическому пространству и времени, у которыхъ окраска субъективная, значеніе индивидуальное, ограниченное.

Всѣ эти различія очень глубоки и важны, но на основаніи предыдущаго мы не должны придавать имъ абсолютнаго характера: если абстрактныя формы пространства и времени сложились въ процессѣ развитія, то и ихъ специфическія особенности на каждой данной ступени развитія принадлежатъ имъ лишь постольку, поскольку эти формы дѣйствительно уже сложились. Такимъ образомъ, какъ мы видѣли, въ мышленіи древнихъ не достигалась въ такой мѣрѣ, какъ въ современномъ, ни однородность пространства, ни его безграничность; и, слѣдовательно, объективность, т.-е. общезначимость, нашихъ «формъ созерцанія» не безусловна по отношенію къ древнимъ, а также и наоборотъ.

Это приводитъ насъ къ слѣдующему важному положенію: объективность или общезначимость данныхъ формъ пространства и времени относится въ дѣйствительности только къ существамъ, до извѣстной степени близкимъ по степени своего познавательнаго развитія ¹⁾. Въмѣстѣ съ тѣмъ неизбѣжно выступаетъ вопросъ о происхожденіи этой объективности. Оно же неразрывно связано съ происхожденіемъ другихъ особенностей абстрактнаго пространства и времени.

Какимъ путемъ возможенъ для познающей личности переходъ отъ постоянно неоднородныхъ, лишенныхъ непрерывности и всегда ограниченныхъ пространственныхъ и временныхъ *воспріятій* къ однороднымъ, непрерывнымъ, безгранично развертывающимся *абстрактнымъ формамъ* пространства и времени? Только однимъ путемъ—*черезъ общеніе съ другими людьми.*

Въ индивидуальномъ опытѣ время течетъ иногда быстрѣе, иногда медленнѣе, иногда какъ-будто прерывается. Измѣняется

¹⁾ Я понимаю, что это положеніе можетъ вызвать въ душѣ читателя интенсивное чувство противорѣчія. Мы такъ привыкли представлять себѣ, что и всѣ другіе люди, прошлаго, настоящаго и будущаго,—и даже животныя живутъ „въ томъ же пространствѣ и времени, что и мы“. Но привычка—не доказательство. Безспорно, что *мы* мыслимъ этихъ людей и животныхъ въ *нашемъ* пространствѣ и времени, но чтобы *они* мыслили себя и насъ *въ томъ же самомъ* пространствѣ и времени, это ни изъ чего не слѣдуетъ. Конечно, поскольку ихъ организациі вообще сходны съ нашею и поскольку ихъ высказыванія намъ понятны, мы можемъ предположить и у нихъ сходныя, но не тождественныя съ нашими „формы созерцанія“.

временнѣя мѣра опыта, и всѣ переживанія мѣняютъ свой темпъ. Что могъ бы создать изъ этого совершенно отдѣльный отъ другихъ людей познающій индивидуумъ—этотъ вѣчный Робинзонъ философіи? Все, что угодно, только не то, что для насъ требуется — однородность и непрерывность абстрактнаго времени. Воспоминанія означеннаго Робинзона обрываются на извѣстной границѣ; что онъ могъ бы вывести изъ этого? Все, что угодно, только не безконечность времени.—Но безчисленныя высказыванія другихъ людей, заполняя пробѣлы и сглаживая неровности его личнаго опыта, убѣждаютъ его въ томъ, что перерывы въ теченіи процессовъ природы, существующіе для него, не существуютъ для другихъ, и съ успѣхомъ могутъ быть замѣнены ихъ опытомъ, что замедленія и ускоренія въ теченіи опыта также «не объективны», т.-е. не сходятся съ опытомъ другихъ людей, и съ пользою могутъ быть выравнены соотвѣтственно этому чужому опыту. *Согласуя свои переживанія съ переживаніями другихъ людей, создалъ человекъ абстрактную форму времени.*

То же самое въ той же мѣрѣ относится къ абстрактному пространству: оно также есть форма социальнаго согласованія опыта различныхъ людей.

Всѣмъ этимъ рѣшается для насъ, очевидно, и вопросъ о генезисѣ объективности пространства и времени. Поскольку въ опытѣ различныхъ людей оказываются *согласованными* пространственныя и временныя отношенія, постольку отношенія эти и пріобрѣтаютъ общезначимость, т.-е. объективность.

Итакъ, что же означаютъ въ концѣ концовъ абстрактныя формы пространства и времени? Онѣ выражаютъ *соціальную организованность опыта*. Обмѣниваясь безчисленными высказываніями, люди непрерывно устраняютъ взаимно противорѣчія своего социальнаго опыта, гармонизируютъ его, организуютъ его во всеобщія по значенію, т.-е. объективныя формы. Дальнѣйшее развитіе опыта идетъ уже на основѣ этихъ формъ и необходимо укладывается въ ихъ рамки.

Въ наше время экономисты и социологи уже затрудняются примѣнять въ анализѣ нелѣпую фигуру Робинзона. Но экономическій Робинзонъ все-таки болѣе возможенъ, чѣмъ познавательный, этотъ невѣроятный солипсистъ, который чаще всего выступаетъ героемъ гносеологическихъ анализовъ, который знаетъ совершенно самостоятельно отъ другихъ людей и лишь

при помощи разныхъ тонкихъ уловокъ успѣваетъ перебраться за предѣлы своего «внутренняго міра» въ болѣе просторный міръ, «внѣшній», гдѣ обыкновенно и начинаетъ создавать различныхъ фетишей: «матерію», существующую независимо отъ нашего опыта, а также иныя «субстанции». Кто изъ людей и когда интеллектуально жилъ и развивался внѣ соціальнаго опыта, внѣ среды «высказываній»? Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что въ наше время человѣкъ получаетъ абстрактныя формы опыта почти готовыми въ своей наслѣдственной психической организаци. Но изъ этого слѣдуетъ только то, что и соціально-сложившіяся формы могутъ въ долгомъ ряду поколѣній приобрѣсти прочность, подобную прочности другихъ біологическихъ образований, ту прочность, которая выражается въ органической наслѣдственности. При этомъ соціально-сложившіяся формы опыта окажутся дѣйствительно «а ргіогі» опыта индивидуальнаго; и такой, соціально-эволюціонный, апріоризмъ допустить вполне возможно. Но надо помнить, что опытъ людей не можетъ быть всецѣло и безусловно уложенъ въ рамки этихъ сложившихся формъ: шагъ за шагомъ онъ можетъ измѣнять ихъ, что, какъ мы видѣли, и происходило на самомъ дѣлѣ.

V.

Теперь у насъ есть исходная точка для рѣшенія болѣе общаго вопроса—о физическомъ и психическомъ мірѣ.

Общую характеристику «физической» области опыта представляетъ, какъ мы указали, объективность или общезначимость. Къ физическому міру мы относимъ исключительно то, что считаемъ объективнымъ; и если затѣмъ оказывается, что отнесенное такимъ образомъ переживаніе субъективно, т.-е. не обладаетъ дѣйствительною общезначимостью, то мы немедленно переносимъ его въ сферу психическаго, подъ именемъ, напр., галлюцинаціи, иллюзіи, сновидѣнія; а если научныя привычки мышленія у насъ недостаточно сложились, то мы это переживаніе можемъ просто признать непостижимымъ, чудомъ, и т. под., другими словами,—перестаемъ познавателью къ нему относиться.

Вопросъ о происхожденіи объективности физическаго міра послѣ предыдущаго не долженъ представлять большихъ затрудненій. Та согласованность коллективнаго опыта, которая выражается въ этой «объективности», могла явиться лишь какъ ре-

зультатъ прогрессивнаго согласованія опыта различныхъ людей при помощи взаимныхъ высказываній. Объективность физическихъ тѣлъ, съ которыми мы встрѣчаемся въ своемъ опытѣ, устанавливается въ конечномъ счетѣ на основѣ взаимной повѣрки и согласованія высказываній различныхъ людей. Вообще, физическій міръ—это социальное-согласованный, социальное-гармонизированный, словомъ—*социально-организованный опытъ*. Вотъ почему онъ нераздѣленъ для насъ отъ абстрактнаго пространства и времени—этихъ основныхъ формъ, въ которыхъ выражается социальная организованность опыта.

Здѣсь возможно такое возраженіе: въ цѣлой массѣ случаевъ мы убѣждаемся, и съ полнымъ основаніемъ, въ объективности различныхъ внѣшнихъ предметовъ помимо всякихъ чужихъ высказываній. Если я ушибъ ногу о камень, неужели объективность этого камня будетъ подлежать для меня сомнѣнію, пока я не дождусь чужихъ высказываній относительно этого камня? Но такой аргументъ основанъ на недоразумѣніи.

Объективность внѣшнихъ предметовъ всегда сводится къ обмѣну высказываній *въ конечномъ счетѣ*, но далеко не всегда—*непосредственно* на немъ основывается. Въ процессѣ социального опыта складываются извѣстныя общія отношенія, общія закономерности (абстрактное пространство и время принадлежатъ къ ихъ числу), которыя характеризуютъ собою физическій міръ, которыя его охватываютъ. Эти общія отношенія, социальное сложившись и упрочившись, по преимуществу связаны социальной согласованностью опыта, по преимуществу *объективны*. Всякое новое переживаніе, которое всецѣло согласуется съ ними, которое всецѣло укладывается въ ихъ рамки, мы признаемъ объективнымъ, не дожидаясь ничьихъ высказываній: новый опытъ естественно получаетъ характеристику того стараго опыта, въ формы котораго онъ кристаллизуется.

Въ нашемъ примѣрѣ съ камнемъ, критеріемъ объективности камня является тотъ фактъ, что онъ находитъ себѣ мѣсто среди пространственной и временной послѣдовательности физическаго міра, какъ тѣло среди другихъ тѣлъ, и въ причинной связи съ другими явленіями этого ряда ¹⁾. Камень оказывается среди

¹⁾ Причинная связь представляетъ изъ себя болѣе поздній продуктъ социально-познавательнаго развитія, чѣмъ абстрактное пространство и время. На памяти исторіи она шагъ за шагомъ переходила отъ формы анимистиче-

«объективной» области опыта и потому самъ выступаетъ для насъ, какъ нѣчто объективное. Но контроль развивающагося соціального опыта стоитъ всегда надъ этой объективностью и иногда отмѣняетъ ее. Домовой, который меня душитъ по ночамъ, обладаетъ для меня характеромъ объективности, быть можетъ ничуть не въ меньшей степени, чѣмъ камень, о который я ушибаюсь; но высказыванія другихъ людей отнимаютъ эту объективность. Если забыть объ этомъ высшемъ критеріи объективности, то систематическія галлюцинаціи могли бы образовать объективный міръ, на что здоровые люди врядъ ли согласятся.

Итакъ, мы съ полнымъ основаніемъ можемъ характеризовать физическій міръ, какъ соціально-организованный опытъ. Какова же въ такомъ случаѣ должна быть характеристика «психического»?

Область психики характеризуется прежде всего тѣмъ, что психическія переживанія одного лица не обладаютъ общезначимостью по отношенію ко всѣмъ другимъ людямъ. Мои воспріятія и представленія, взятая въ ихъ непосредственности, существуютъ только для меня, и лишь косвенно пріобрѣтаютъ познавательное значеніе для другихъ людей, да и то только отчасти. То же самое относится къ моимъ эмоціямъ и стремленіямъ. Всѣ эти факты «внутренняго опыта» отличаются величайшей несомнѣнностью — но только для меня, только для того, кто ихъ переживаетъ. Они «субъективны», т.-е. не согласованы съ переживаніями другихъ людей, не приведены въ гармонію съ ихъ опытомъ, и потому не имѣютъ для другихъ людей «объ-

---

ской (причина явленія—дѣйствіе скрывающейся за нимъ воли, духа) къ формѣ энергетической (причина явленія—другое явленіе, съ нимъ соизмѣримое, количественно ему эквивалентное, безъ остатка въ него переходящее). О различныхъ стадіяхъ этого развитія см. мои работы «Основ. элементы историч. взгляда на природу», 1898 г., и «Познаніе съ историч. точки зрѣнія», 1901. См. также В. Оствальда—, «Натуръ-философія» (1901 года, русск. переводъ 1902 г.).

Во всякомъ случаѣ, причинная связь—болѣе сложное образованіе, чѣмъ абстрактное пространство и время, и *ихъ уже предполагаетъ*; поэтому намъ и нѣтъ надобности специально останавливаться на ея соціальномъ генезисѣ. Юмъ, который сводилъ причинную связь только къ привычнымъ послѣдовательностямъ опыта, былъ, конечно, неправъ, и правъ былъ Кантъ, указывая, что изъ привычныхъ послѣдовательностей нельзя получить *общеобязательности* (общезначимости) причинной связи. Но вопросъ о генезисѣ этой общеобязательности Кантъ оставилъ безъ разрѣшенія, потому что соціальность познанія не была ясна для него.

ективного» характера. Они лишены той *соціальной организованности*, которая свойственна физическому опыту.

Этому нисколько не противорѣчит тотъ фактъ, что и психическое соціально сообщается отъ однихъ людей другимъ при помощи высказываній—мимики, рѣчи, искусства. Сообщать свои переживанія другимъ еще не значитъ—достигать согласованности, гармоніи ихъ съ чужими переживаніями; отъ этого психическій опытъ отдѣльнаго лица еще не становится интегральной, органической составной частью коллективного опыта, онъ остается личнымъ опытомъ ¹⁾.

Однако, психическій опытъ не является просто неорганизованнымъ, хаотическимъ. Хотя въ меньшей степени, чѣмъ опытъ физическій, но онъ обладаетъ извѣстной связностью, согласованностью. Его элементы *ассоцируются*—это его специальная форма организаціи; воспріятія, представленія, стремленія группируются въ опредѣленные цѣпи и комплексы; наконецъ, все это объединяется около одного, наиболѣе прочнаго и устойчиваго комплекса воспоминаній, чувствъ и стремленій—того комплекса, который обозначается словомъ «я». Иначе говоря, и психическое организовано, но только не соціально, а индивидуально: это индивидуально-организованный опытъ.

Во избѣжаніе путаницы терминовъ, я замѣчу, что и опытъ индивидуальный можетъ быть организованъ соціально, и опытъ соціальный можетъ быть организованъ индивидуально. Для астронома, только что открывшаго комету, эта комета пока еще только индивидуальный комплексъ элементовъ опыта; но такъ какъ онъ немедленно укладываетъ ее въ рамки соціально-организованнаго опыта, ставитъ въ общую связь этого опыта, и согласуетъ съ другими его данными, то это его индивидуальное переживаніе сразу оказывается составной частью соціально-орга-

---

1) Различіе между простой соціальностью опыта, выражающейся въ его передачѣ отъ людей къ людямъ, и его соціальной организованностью, совпадающей съ „объективностью“, можно пояснить аналогіей изъ экономическаго міра. Въ мѣновомъ обществѣ трудъ, несомнѣнно, социаленъ, потому что одни работаютъ для другихъ, и наоборотъ, что и обнаруживается въ обмѣнѣ товаровъ; но это не значитъ еще, чтобы трудъ былъ соціально-организованъ, т.-е. чтобы трудовыя дѣйствія людей были соціально согласованы, гармонизированы. Напротивъ, мѣновое производство всегда характеризуется, какъ неорганизованное, «анархическое».

низованнаго опыта, въ данномъ случаѣ—астрономическаго міра. Наоборотъ, черезъ высказыванія другихъ людей человѣкъ усваиваетъ себѣ значительную часть социальнаго опыта; но поскольку онъ ассоціативно объединяетъ этотъ социальный опытъ съ другими психическими переживаніями около своего «я», постольку организуетъ его индивидуально; тогда этотъ опытъ является всецѣло психическимъ, и относится, напр., къ сферѣ личной памяти.

Возможно еще одно терминологическое недоразумѣніе. Могутъ сказать: психическое познается, подобно физическому; существуетъ наука психологія, и психологическіе законы; эта наука и эти законы выработаны социалью, и органически входятъ въ систему общественнаго познанія, стало быть, психическій опытъ социалью организуется—въ формѣ этихъ законовъ, и не есть только опытъ индивидуально-организованный. — Но это возраженіе легко устраняется выясненіемъ понятій «закона» и «опыта».

Законы отнюдь не принадлежатъ къ сферѣ опыта, къ сферѣ непосредственныхъ переживаній; законы—результатъ познавательной обработки опыта; они не даны въ немъ, а создаются мышленіемъ, какъ средство организовать опытъ, гармонически согласовать его въ стройное единство. Законы—это *абстракціи познанія*: и физическіе законы такъ же мало обладаютъ физическими свойствами, какъ психологическіе—свойствами психическими. Ихъ нельзя относить къ тому или другому ряду опыта; а потому если они сами и образуютъ социалью-организованную систему, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы была социалью-организована и охватываемая ими область опыта. Они получаются изъ опыта путемъ отвлеченія; а можно вѣдь отвлечься, между прочимъ, именно отъ того, что и дѣлаетъ данный опытъ социалью-неорганизованнымъ. Какъ разъ такъ и обстоитъ дѣло съ психологіей и ея законами: она отвлекается отъ *данной* конкретной личности, отъ ея даннаго, отдѣльнаго «я», имѣетъ дѣло съ психической личностью вообще. Но именно данное отдѣльное «я», конкретность данной отдѣльной личности и есть то, что дѣлаетъ ея опытъ организованнымъ индивидуально, а не социалью.

Резюмируемъ. Антитеза физическаго и психическаго ряда переживаній сводится къ различію опыта социалью-организованнаго и опыта, организованнаго индивидуально.

VI.

На основаніи предыдущаго насъ не можетъ болѣе удовлетворять установленная Махомъ и Авенаріусомъ формулировка различій между физическимъ и психическимъ; мы не будемъ говорить о рядѣ «независимомъ» и рядѣ, зависимомъ отъ системы С; держась терминовъ Авенаріуса, мы должны были бы говорить о рядѣ, зависимомъ отъ «конгрегальной системы» (соціальной), и о рядѣ, зависимомъ отъ индивидуальной системы С. Но и такая характеристика еще недостаточно выражаетъ идею о *типѣ организаціи* того и другого ряда; между тѣмъ сущность дѣла заключается именно въ типѣ организаціи.

Теперь для насъ не представляютъ особыхъ затрудненій тѣ «вопросы дуализма», которые мы должны были поставить эмпирико-критическому монизму. Если въ единомъ потокѣ человѣческаго опыта мы находимъ двѣ принципиально различныхъ закономерности, то все же обѣ онѣ вытекаютъ одинаково изъ нашей собственной организаціи: онѣ выражаютъ двѣ біологически-организующихъ тенденціи, въ силу которыхъ мы выступаемъ въ опытѣ одновременно какъ особи, и какъ элементы соціального цѣлага. На вопросъ, почему этихъ типовъ организаціи опыта только два, мы скажемъ: ищите отвѣта въ біологической и соціальной исторіи человѣка; она разскажетъ вамъ, какъ въ борьбѣ за существованіе возникла родовая жизнь человѣка, какъ обособлялась въ ней личность, и въ то же время развѣтывалась все болѣе широкая связь соціальная, и, наконецъ, какъ развивались, приспособляясь все къ той же борьбѣ, человѣческія формы мышленія съ ихъ современной двойственностью. При этомъ разрѣшится также вопросъ о томъ, почему одни комплексы элементовъ опыта выступаютъ иногда въ физическомъ, иногда въ психическомъ ряду, а другіе—только въ психическомъ: исключительно психическими являются комплексы эмоціональные и волевые, т.-е. тѣ переживанія, которыя, по условіямъ соціальной и внутри-соціальной борьбы, наиболѣе различно направлены въ различныхъ людяхъ.

Но если такимъ образомъ раньше поставленные вопросы дуализма теряютъ свою остроту, оказываясь принципиально разрѣшимыми, то тѣмъ настоятельнѣе требуетъ себѣ вниманія новый, вытекающій изъ этого ихъ рѣшенія вопросъ: каково относитель-

ное значеніе обоихъ типовъ организациі опыта, какъ оцѣнить ихъ съ точки зрѣнія развитія, какой судьбы надо ожидать для каждаго изъ нихъ въ случаѣ дальнѣйшаго прогресса человѣческой жизни? Вопросъ очень сложенъ, и можно надѣяться пока только на очень приблизительное его рѣшеніе,—но нѣкоторыя данныя для этого рѣшенія имѣются.

Въ цѣломъ рядѣ случаевъ можно наблюдать взаимное соотвѣтствіе и гармонію обоихъ рядовъ опыта—физическаго и психическаго, и въ цѣломъ рядѣ другихъ случаевъ—ихъ взаимную конкуренцію и даже противорѣчія. Гармонія и соотвѣтствіе обнаруживаются наиболѣе непосредственнымъ образомъ тамъ, гдѣ воспріятія и представленія, какъ принято говорить, «правильны» или «соотвѣтствуютъ самимъ вещамъ», такъ что физическое тѣло и его психическій образъ въ достаточной степени «совпадаютъ», чтобы не получалось практическихъ и теоретическихъ недоразумѣній. Наоборотъ, когда воспріятія или представленія «неправильны», «не соотвѣтствуютъ вещамъ», когда человѣкъ испытываетъ «иллюзію», принимая одну «вещь» за другую, или переживаетъ «галлюцинаціи», «ошибки памяти», или просто «не понимаетъ», съ какой вещью имѣетъ дѣло, то онъ, съ одной стороны, можетъ неудачно реагировать практически, такъ что получаетъ отъ данной «вещи» различныя вредныя воздѣйствія, съ другой стороны—оказывается неприспособленъ теоретически, т.-е. его высказыванія порождаютъ противорѣчія въ другихъ людяхъ, а также и въ немъ самомъ, поскольку онъ усвоилъ себѣ коллективный опытъ. Это тѣ формы, въ которыхъ наиболѣе непосредственно проявляется взаимное несоотвѣтствіе, дисгармонія опыта соціально-организованнаго съ опытомъ, организованнымъ индивидуально, ряда физическаго съ рядомъ психическимъ.

Менѣе непосредственно выступаютъ гармонія и противорѣчія обоихъ рядовъ опыта въ процессѣ ихъ *познанія*, ихъ систематизациі путемъ обобщенія и различенія. Здѣсь гармонія сводится къ тому, что и физическое, и психическое подводятся подъ однѣ и тѣ-же обобщающія формы—«категоріи» или «законы»; противорѣчіе начинается тамъ, гдѣ это не удается. Наприм., поскольку познающій подчиняетъ и физическое, и психическое одному закону причинности, постольку оба ряда гармонически объединяются въ познаніи; поскольку онъ подводитъ физическое подъ категорію причинности, а психическое—подъ катего-

рію «свободы», т.-е. необусловленности, или представляет причинныя цѣпи обоихъ рядовъ абсолютно раздѣльными, нигдѣ не сливающимися, постольку передъ нами противорѣчіе физическаго и психическаго ряда въ видѣ «дуализма», т.-е. невозможности для познанія довести до конца свою объединяющую и обобщающую тенденцію.

Иногда противорѣчіе физическаго и психическаго принимаетъ форму ихъ конкуренціи. Это наблюдается и непосредственно—тамъ, гдѣ человѣкъ, какъ это бываетъ при нѣкоторыхъ патологическихъ состояніяхъ, считаетъ «реальное» за «кажущееся», дѣйствительность — за иллюзію, или, наоборотъ, принимаетъ за физическую реальность образы сновидѣній, галлюцинаціи, и т. под.; тогда область «физическаго» или «психическаго» прямо расширяется въ личномъ опытѣ за счетъ другой. Затѣмъ въ познаніи, особенно въ философіи, конкуренція рядовъ выступаетъ въ видѣ матеріалистическаго или спиритуалистическаго монизма: въ первомъ случаѣ психическое просто включается познаніемъ въ физическій рядъ, во второмъ—наоборотъ: физическое укладывается въ рамки психическаго ряда. Въ обоихъ случаяхъ одинъ рядъ, такъ сказать, вытѣсняетъ другой, занимая его мѣсто въ познаніи.

Физиологическое пространство со всѣмъ его содержаніемъ представляетъ примѣръ того, какъ реально комбинируется физическое и психическое, опытъ, организованный соціально, и опытъ, организованный индивидуально. Мы очень рѣдко поддаемся иллюзіямъ физиологическаго пространства, и наше воспріятіе того или иного предмета фактически, обыкновенно, заключаетъ въ себѣ не совсѣмъ то, и притомъ гораздо больше, чѣмъ даетъ изображеніе на сѣтчаткѣ. Видя какой-нибудь предметъ отчасти и только съ одной стороны, мы въ то же время сразу представляемъ его себѣ въ цѣломъ и со всѣхъ сторонъ, какимъ онъ является, собственно, лишь въ геометрическомъ пространствѣ; и это дополняющее представленіе такъ неразрывно сливается съ непосредственнымъ воспріятіемъ, что нужно специальное усиліе психики, чтобы ихъ разграничить, чтобы видѣть не больше, чѣмъ имѣется въ оптическомъ изображеніи; а въ полной мѣрѣ это даже никогда не удается. вмѣстѣ съ тѣмъ непосредственное воспріятіе въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ подвергается и нѣкоторому исправленію; напр., мы не только вообще не видимъ пред-

меты вдвойнѣ двумя глазами, но они не удваиваются замѣтно для насъ по большей части и тогда, когда изображенія въ обоихъ глазахъ расположены не вполнѣ соотвѣтственно одно другому: дальніе предметы далеко не всегда дwoятся въ тѣхъ случаяхъ, когда мы смотримъ на близкіе предметы, и наоборотъ. Психика постоянно стремится согласовать свой «психическій» опытъ съ опытомъ «физическимъ», дополняетъ и исправляетъ его этимъ послѣднимъ, въ результатѣ чего и получаютъ такія формы опыта, какъ физиологическое пространство,—формы, окрашенные частью «субъективнымъ», частью «объективнымъ» отбѣнкомъ.

Здѣсь мы попутно получили и біологическую оцѣнку обоихъ типовъ организациі опыта: повсюду, гдѣ они конкурируютъ или сталкиваются, жизненно высшимъ оказывается типъ соціально-организованный или объективный; съ нимъ долженъ быть согласованъ опытъ субъективный или организованный индивидуально, иначе получается жизненная неприспособленность. И это вполнѣ понятно, такъ какъ базисъ объективнаго опыта несравненно шире: этотъ базисъ—соціальное развитіе, жизнь милліоновъ людей въ тысячахъ поколѣній, тогда какъ субъективный опытъ имѣетъ своей органической основой въ каждомъ данномъ случаѣ лишь индивидуальный процессъ развитія опредѣленной личности. Такая оцѣнка въ сущности уже дана была нами, когда мы характеризовали одинъ рядъ опыта его «общезначимостью», другой—лишь «индивидуальной значимостью» ¹⁾.

¹⁾ Еще разъ напомнимъ читателю, что «объективный» опытъ вовсе не то, что «соціальный» опытъ, и субъективный не то, что «индивидуальный». Соціальный опытъ далеко не весь соціально организован и заключаетъ въ себѣ всегда различныя противорѣчія, такъ что однѣ его части не согласуются съ другими; лѣшіе и домовые могутъ существовать въ сферѣ соціального опыта даннаго народа или данной группы народа, напр., крестьянства; но въ опытѣ соціально-организованный или объективный включать ихъ изъ-за этого еще не приходится, потому что они не гармонируютъ съ остальнымъ коллективнымъ опытомъ, и не укладываются въ его организующія формы, напр., въ пѣнь причинности. Наоборотъ, въ другихъ случаяхъ опытъ пока еще индивидуальный, напр., опытъ какаго-нибудь изслѣдователя, открывающаго новые факты и проверяющаго, а частью опровергающаго старые, фактически въ наибольшей мѣрѣ гармонируетъ со всей совокупностью коллективнаго опыта, и находится въ полномъ соотвѣтствіи съ его общими организующими формами. При этомъ въ случаяхъ перваго рода дисгармоническіе элементы соціального опыта въ процессѣ развитія шагъ за шагомъ устраняются, сохраняя

Но если одинъ изъ двухъ типовъ организаціи опыта является біологически-высшимъ, то очевидно, что процессъ развитія долженъ вести къ возрастающему господству именно этого типа, къ постепенной кристаллизаціи всего содержанія опыта именно въ его формахъ. Значить ли это, что другой типъ долженъ просто исчезнуть? Изъ предыдущаго нельзя сдѣлать такого вывода. Мы только видѣли, что во всѣхъ случаяхъ, когда между двумя типами возникаетъ конкуренція или прямое противорѣчіе, то одинъ изъ нихъ долженъ подчиниться другому, уложиться въ его рамки, согласоваться съ нимъ, но отнюдь не просто уничтожиться. Тамъ, гдѣ «воспріятія» не соотвѣтствуютъ «воспринимаемымъ вещамъ», тамъ они должны быть исправлены въ соотвѣтствіи съ этими «вещами», но вовсе не исчезнуть и не перестать быть «воспріятіями», т.-е. «психическими фактами», а не «физическими явленіями». Психическій рядъ долженъ прогрессивно приспособляться къ ряду физическому, гармонизироваться съ нимъ, но не вытѣсниться имъ.

Въ этомъ нѣтъ никакого противорѣчія. Индивидуальная организованность вовсе не исключаетъ организованности соціальной, а наоборотъ, легко становится элементомъ этой послѣдней, такъ же, какъ въ процессахъ труда гармоническое единство личной воли отнюдь не исключаетъ гармоническаго единства воли коллективной, а, наоборотъ, при извѣстныхъ условіяхъ позволяетъ этому послѣднему достигнуть высшей ступени. Несомнѣнно, что всякое низшее единство можетъ явиться интегральной частью единства высшаго, лишь бы оно было въ достаточной мѣрѣ согласовано съ другими низшими единствами, входящими въ составъ высшаго.

VII.

Дуализмъ опыта и познанія начинается не тамъ, гдѣ существуютъ два типа организаціи опыта, но тамъ, гдѣ тотъ и дру-

---

свое значеніе сначала для все меньшихъ и меньшихъ группъ общества, а затѣмъ только для отдѣльныхъ личностей; въ случаяхъ же второго рода индивидуальный опытъ принимаетъ мало-по-малу характеръ соціального, распространяясь въ обществѣ все шире и шире. Именно на этомъ основана, съ одной стороны, непрерывная гармонизація соціального опыта путемъ устраненія его противорѣчій, съ другой стороны, расширение соціального опыта путемъ внесенія въ него новыхъ и новыхъ элементовъ индивидуального опыта отдѣльныхъ развивающихся личностей.

гой типъ не находятся въ организованномъ соотношеніи, т.-е. не объединены гармонически. Организациа клѣтки, съ одной стороны, и организма, къ которому она вмѣстѣ съ другими клѣтками принадлежитъ, съ другой стороны, не образуетъ еще жизненнаго дуализма; онъ возникаетъ только тамъ, гдѣ клѣтка начинаетъ жить самостоятельной жизнью, не приспособляясь къ своему цѣлому; тогда отсутствіе гармоніи между частью и цѣлымъ даетъ себя почувствовать въ пониженіи жизнеспособности либо части, либо цѣлаго, либо того и другого вмѣстѣ. Это и есть дуалистическое противорѣчіе.

Такимъ же образомъ въ опытѣ и познаніи дуализмъ получается въ томъ случаѣ, если индивидуально-организованный опытъ перестаетъ быть нераздѣльной частью опыта социальнo-организованнаго, если первый складывается въ самостоятельныя формы, независимыя отъ формъ второго, не приспособленныя къ нимъ гармонически, словомъ, если «психическое» превращается въ особый міръ со своими собственными категоріями и законами, не образующими органическаго единства съ категоріями и законами «физическаго». Тогда міръ опыта, лишенный цѣлостности, превращается въ міръ противорѣчій и борьбы, личность оказывается неспособной согласовать свои переживанія вообще и дѣйствія въ частности съ переживаніями и дѣйствіями другихъ людей, которые выступаютъ тогда въ ея опытѣ какъ иначе организованныя единицы; а познаніе пугается въ безысходныхъ противорѣчіяхъ анимизма и метафизики. Именно таково современное положеніе человѣческой психики.

Выходъ изъ этого дуалистическаго положенія возможенъ только въ томъ случаѣ, если произойдетъ систематическое приспособленіе опыта индивидуально-организованнаго къ организованному социальнo, такъ что первый найдетъ себѣ мѣсто въ объединяющихъ формахъ второго, какъ клѣтка въ системѣ тканей организма. Что этотъ путь единственный, какой можно теоретически допустить, въ томъ легко убѣдиться по способу исключенія. Если бы приспособленіе происходило въ обратномъ направленіи, социальнo-организованный типъ приспособлялся бы къ индивидуально-организованному, то это означало бы, очевидно, просто уничтоженіе перваго изъ нихъ, его систематическое разложеніе; ни о какой гармоніи социальнаго опыта не могло бы быть и рѣчи. А предположить ихъ гармоническое сліяніе въ ка-

комъ-нибудь иномъ, третьемъ и высшемъ типѣ мы не можемъ, если не хотимъ выходить изъ рамокъ опыта, въ которомъ вообще не имѣется никакихъ указаній на подобный третій типъ¹⁾. Остается только одинъ путь гармонизаціи опыта, именно тотъ, который былъ сейчасъ указанъ.

Въ самой дѣйствительности такая тенденція развитія непосредственно обнаруживается во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда прямая практическія потребности вынуждаютъ человѣка искать примиренія противорѣчивыхъ данныхъ опыта. Тогда онъ обыкновенно не задумывается ставить свой «психическій» и «субъективный» опытъ подъ контроль опыта «физическаго» и «объективнаго», провѣряетъ свои воспріятія и «представленія» при помощи этого послѣдняго и устраняетъ изъ нихъ все, что въ его рамки и формы не укладывается. Тогда онъ высказывается, приблизительно, въ такомъ родѣ: «Мнѣ показалось то-то и то-то (опытъ какъ «психическое»); но этого не могло быть по такимъ-то и такимъ-то причинамъ (провѣрка при помощи причинности—формы «объективнаго» опыта, и установленныхъ, также изъ «объективнаго» опыта, фактовъ); очевидно, я ошибся (устраненіе тѣхъ элементовъ «субъективнаго», которые не приспособлены къ «объективному»); вѣроятно, въ дѣйствительности имѣется то-то и то-то; я думаю, это по такимъ-то и такимъ-то причинамъ» (приблизительная гармонизація «субъективнаго» и «объективнаго» путемъ приспособленія перваго ко второму). Существуетъ, правда, и противоположный путь приспособленія: «хотя все говоритъ въ пользу этого, но я не могу допустить, чтобы это было такъ, и вѣрю, что это не такъ, а вотъ какъ» (приспособленіе «объективнаго» къ «субъективному»); но это регрессивный путь приспособленія, на этомъ пути противорѣчія могутъ только возрастать, а система опыта и познанія — только дезорганизоваться.

Въ системѣ познанія, которая вся представляетъ прогрессивную гармонизацію опыта, подчиненіе «субъективнаго» въ опытѣ «объективному» представляетъ основной организующій принципъ,

1) Философія не разъ искала гармонизаціи опыта именно на этомъ пути — за предѣлами опыта, въ высшемъ познаніи. Но фактически выйти за предѣлы опыта и она, конечно, не могла, а приходила только къ пустымъ абстракціямъ и противорѣчивымъ образамъ, всѣ элементы которыхъ брались все-таки изъ опыта.

внѣ котораго самое познаніе немислимо. Поэтому съ «субъективнымъ» оно считается лишь постольку, поскольку стремится согласовать его съ формами «объективнаго», напр., поставить въ причинную связь съ опредѣленными объективно установленными данными опыта. Только въ сферѣ познанія и возможна окончательная и общая гармонизація опыта, его всеохватывающая монистическая организація; опытъ же непосредственный, постоянно приносящій новыя и новыя переживанія, неизбѣжно приноситъ вмѣстѣ съ тѣмъ новыя частныя противорѣчія, которыя и должно примирить затѣмъ познаніе.

Вопросъ заключается теперь въ томъ, на какомъ пути познаніе способно осуществить эту монистическую организацію опыта, дать всеобщее примиреніе его дуалистическихъ противорѣчій. Чтобы найти отвѣтъ на этотъ вопросъ, намъ слѣдуетъ рассмотретьъ связь «физическаго» и «психическаго» тамъ, гдѣ обѣ эти области опыта всего тѣснѣе соприкасаются между собою.

VIII.

Психологи въ своихъ изслѣдованіяхъ большею частью принимаютъ практически,—а многіе изъ нихъ и теоретически,—принципъ такъ называемаго «психофизическаго параллелизма». Это—идея объ извѣстномъ постоянномъ соотношеніи между психическими явленіями и «физиологическими процессами нервной системы», именно такомъ соотношеніи, при которомъ каждому данному акту познанія соотвѣтствуетъ опредѣленное измѣненіе въ нервной системѣ, такъ что «параллельно» ряду фактовъ сознанія развертывается рядъ одновременныхъ физиологическихъ нервныхъ процессовъ въ неразрывной и неизмѣнной связи съ ними. Какъ методъ изслѣдованія, эта точка зрѣнія оказалась въ высокой степени полезною и не встрѣтилась ни съ какими противорѣчіями, которыя могли бы принципиально подорвать ее,—вообще оправдала себя въ достаточной мѣрѣ.

Надо замѣтить, что на идеѣ параллелизма нѣкоторые философы—главнымъ образомъ, нео-кантіанскаго оттѣнка—пытались построить своеобразную форму «монистическаго міровоззрѣнія». Именно, физическое и психическое разсматриваются, какъ «двѣ стороны единой реальности»—внѣшняя и внутренняя; то, что для «внѣшняго» воспріятія выступаетъ, какъ физическое, для «вну-

тренняго» воспріятія, по этому взгляду, является, какъ психическое, подобно тому, какъ дуга круга, рассматриваемая извнѣ, представляется выпуклою линіей, а изнутри—вогнутой. Взглядъ этотъ, очевидно, не стоитъ въ необходимой логической связи съ научно-психологической теоріи параллелизма; онъ заключаетъ въ себѣ то, чего въ ней нѣтъ—такъ называемую «интросекцію», помѣщеніе психического міра *внутри* нервной системы, гипотезу, для нашихъ цѣлей совершенно излишнюю и болѣе чѣмъ спорную. Принимать такую гипотезу намъ нѣтъ никакой надобности, разъ мы стремимся не удалаться безъ необходимости отъ того, что имѣется въ опытѣ; это нисколько не помѣшаетъ намъ сохранять *методологическую* идею параллелизма¹⁾.

Положеніе Авенариуса о «функціональномъ соотношеніи» психического или, какъ онъ выражается, «ряда Е», съ физиологическими измѣненіями центрального нервнаго аппарата, съ «рядомъ С», въ сущности, есть лишь другая формулировка *научнаго* психо-физическаго параллелизма. Въ самомъ дѣлѣ, это и есть признаніе постоянной опредѣленной связи между соотвѣт-

1) Терминъ «интросекція» введенъ Авенариусомъ, который ученію объ интросекціи посвятилъ свою замѣчательную работу „Der menschliche Weltbegriff“. Тамъ дана и общая исторія интросекціи (съ точки зрѣнія скорѣе логическаго, чѣмъ культурно-историческаго ея развитія), и ея общая критика (выясненіе логическихъ противорѣчій интросекціи, обнаруживающихъ ея философскую несостоятельность).

Въ современномъ мышленіи интросекціи принадлежитъ безусловное господство. Въ обиходной психологіи она выражается въ признаніи „тѣла“ внѣшней оболочкой „души“, какъ внутренней сущности. Въ психологической наукѣ и въ философіи она сказывается въ представленіи о „внѣшнихъ чувствахъ“, которыми воспринимается физическій міръ, и „внутреннихъ чувствъ“, которымъ воспринимается міръ психическій. Физиологическій организмъ представляется какъ бы ящикомъ съ непрозрачными стѣнками, внутри котораго помѣщается „психика“.

Основное соображеніе, опровергающее интросекцію, таково. Самъ организмъ есть опредѣленный комплексъ зрительныхъ, тактильныхъ и т. под. элементовъ въ ихъ опредѣленныхъ отношеніяхъ, и „внутри“ этого комплекса можно помѣщать только однородные съ нимъ, но меньшіе комплексы: органы, ткани, волокна, клѣтки; а помѣщать тамъ комплексы элементовъ иного типа, неоднородные съ первымъ, не имѣетъ смысла: это все равно, что помѣщать мелодію, воспринимаемую слухомъ, внутри музыкальнаго инструмента, воспринимаемаго зрѣніемъ и осязаніемъ. Пространственныя отношенія сами по себѣ суть *зрительно-тактильныя*, и потому нельзя комплексы иного, не зрительно-тактильнаго типа, ставить въ чисто пространственныя отношенія „внутри“ и „внѣ“.

ственными членами обоихъ рядовъ; а понимать параллелизмъ въ какомъ-либо иномъ, болѣе тѣсномъ смыслѣ, въ родѣ, напр., геометрическаго параллелизма, конечно не приходится, потому что явленія обоихъ рядовъ недостаточно сходны для того, чтобы допускать возможность такого параллелизма, какъ параллелизмъ однородныхъ линій или поверхностей.

Терминъ «психо-физическій параллелизмъ» употребляется и у Маха, но уже въ иномъ значеніи, когда онъ говоритъ о повтореніи однихъ и тѣхъ же комплексовъ въ сферѣ физическаго и въ сферѣ психическаго: то, что въ связи физическаго опыта является, какъ «тѣло», становится «воспріятіемъ» или «представленіемъ» въ связи психическаго опыта. Но этотъ параллелизмъ или, вѣрнѣе, это тожество не стоитъ ни въ какомъ противорѣчій съ тѣмъ психо-физическимъ параллелизмомъ, о которомъ у насъ теперь идетъ дѣло, и относится къ совершенно иной области отношеній—не къ болѣе узкому отношенію между индивидуальнымъ сознаніемъ и нервной системой, а къ болѣе широкому отношенію между индивидуальнымъ сознаніемъ и физическимъ міромъ вообще. Для насъ же важно въ данный моментъ лишь первое изъ этихъ отношеній.

Если мы припомнимъ то, что говорилось раньше о параллелизмѣ рядовъ опыта, образующихъ «тѣла» или «процессы» физическаго міра, то сразу увидимъ, что психо-физическій параллелизмъ относится безусловно къ тому же типу. Въ самомъ дѣлѣ, физическое «тѣло» или «процессъ» образуется путемъ органическаго слянія различныхъ рядовъ опыта—различныхъ именно *по элементамъ*. Рядъ зрительный, тактильный, акустическій объединяются въ одинъ комплексъ, называемый хотя бы «человѣческое тѣло»; и основой этого объединенія является именно *параллелизмъ* этихъ рядовъ, т.-е. опредѣленное соотвѣтствіе между элементами одного и элементами другого, третьяго ряда. Различіе между самыми рядами не количественное, а *качественное*, т.-е. ихъ элементы абсолютно несводимы одни къ другимъ; но на основѣ взаимнаго параллелизма всѣ они объединяются вокругъ одного (обыкновенно тактильнаго) ряда въ цѣлостный комплексъ, съ которымъ и оперируетъ познаніе.

Совершенно таково же по существу отношеніе рядовъ психическаго и нервно-физиологическаго въ занимающемъ насъ вопросѣ: они *качественно различны по элементамъ, но связаны па-*

параллелизмомъ, при чемъ параллелизмъ такой же, какъ, напр., между зрительнымъ и тактильнымъ рядомъ въ комплексѣ, называемомъ «человѣческой организмъ»: это строго опредѣленное функциональное соотношеніе между рядами, но отнюдь не прямое количественное и качественное соответствіе. Имѣется опредѣленное воспріятіе, эмоція, стремленіе; это—комплексъ такихъ-то и такихъ-то иннервационныхъ, тактильныхъ, зрительныхъ, слуховыхъ и т. д. элементовъ. Соответственно такому «психическому» явленію мы, если возможно, наблюдаемъ, если не удастся, представляемъ себѣ нѣкоторый опредѣленный «физиологическій процессъ»; это—комплексъ совершенно иныхъ элементовъ, тоже зрительныхъ, тактильныхъ и т. д., но отнюдь не тѣхъ, какіе образуютъ «психическій» комплексъ. Если, напр., въ воспріятіи имѣются элементы «зеленаго», то ни изъ чего не слѣдуетъ, чтобы въ соответственномъ «физиологическомъ фактѣ» имѣлись такіе же элементы «зеленаго»; ихъ можетъ даже совсѣмъ не быть въ нашемъ представленіи нервныхъ процессовъ, а могутъ быть, напр., изъ цвѣтовыхъ элементовъ только «бѣлое», «черное», «красное». Рядъ физиологическій, при всемъ своемъ соответствіи съ рядомъ психическимъ, оказывается состоящимъ изъ совершенно иного матеріала, точно такъ же, какъ въ любомъ «физическомъ тѣлѣ» рядъ зрительно-иннервационный состоитъ изъ иного матеріала, чѣмъ тактильно-иннервационный, и т. под.

Изъ всего этого слѣдуетъ сдѣлать такой выводъ. Если познаніе въ своемъ стремленіи гармонизировать опытъ будетъ послѣдовательнымъ и вѣрнымъ своему уже выработанному методу, то оно должно связать психическій и нервно-физиологическій рядъ въ одинъ «процессъ», различно воспринимаемый, но цѣлостный, не психическій и не физиологическій, но психо-физиологическій, какъ человѣческое тѣло не есть комплексъ зрительный или тактильный, но зрительно-тактильный. Для познанія и здѣсь и тамъ дѣло должно итти о цѣлостныхъ комплексахъ, которые не даны ему непосредственно, но образованы имъ изъ многообразія элементовъ опыта; разница только въ томъ, что по отношенію къ физическимъ комплексамъ эта задача уже давно выполнена въ исторіи человѣчества, а по отношенію къ психо-физиологическимъ ее еще надо выполнить.

Именно такая активно-организующая дѣятельность познанія

способна, по нашему мнѣнію, устранить дуалистическія противорѣчія и привести къ дѣйствительной гармоніи міровоззрѣнія. Это не будетъ монизмъ «сущности» или «реальности»—такія безсодержательныя понятія не могутъ удовлетворить критически-монистическаго мышленія; это будетъ монизмъ типа организаціи, по которому систематизируется опытъ, монизмъ познавательнаго метода. Посмотримъ, въ самомъ дѣлѣ, что даетъ онъ познающему въ его стремленіи достигнуть единства міропониманія.

Познаніе физическаго міра уже въ наше время по своему методу въ высокой степени монистично. Физическія явленія, при всей своей безконечной сложности и разнообразіи, уложены въ рамки всеохватывающихъ формулъ, приобретающихъ шагъ за шагомъ все болѣе опредѣленное содержаніе, все полнѣе гармонизирующихъ опытъ, дающихъ все больше возможности практическаго предвидѣнія и приспособленія. При этомъ для такихъ формулъ, особенно для основной изъ нихъ—закона сохранения энергіи, не имѣютъ уже прямого значенія непосредственные элементы опыта въ ихъ смѣнѣ и различіяхъ: одно и то же «тѣло» или «процессъ», воспринимаются ли они въ зрительныхъ или тактильныхъ или акустическихъ рядахъ, представляютъ однѣ и тѣ же энергетическія величины и комбинаціи. Познаніе отвлекается отъ способовъ непосредственнаго воспріятія, и на мѣсто міра «элементовъ» въ немъ выступаетъ міръ *отношеній*. Въ этомъ мірѣ стройность достигается путемъ цѣлесообразной группировки комплексовъ—ихъ разграниченій и соединеній соответственно требованіямъ наименьшихъ противорѣчій и наибольшей гармоніи;—самыя же группировки выполняются и фиксируются при помощи символовъ, выработка и подборъ которыхъ происходятъ въ социальномъ процессѣ общенія. На этотъ процессъ общенія опирается все коллективное научное и философское творчество.

То же, что дѣлаетъ познаніе по отношенію къ физическому опыту, стремится оно выполнить и по отношенію къ опыту психическому. Но здѣсь оно наталкивается на массу особенныхъ трудностей и противорѣчій, которыя не удастся устранить до тѣхъ поръ, пока познаніе въ этой области идетъ не тѣмъ путемъ, какимъ шло въ другой области опыта. Эти трудности и противорѣчія резюмируются, въ концѣ концовъ, однимъ словомъ «дуализмъ», а сущность ихъ заключается въ томъ, что тѣ раз-

личные методы, которыми оперируетъ познаніе въ обѣихъ областяхъ опыта, неминуемо то и дѣло встрѣчаются въ одномъ полѣ сознанія, и создаютъ раздвоеніе психической дѣятельности, которое ощущается, какъ познавательная неприспособленность, какъ дисгармонія мысли. Когда же психическое выступаетъ для познанія, какъ одинъ изъ параллельныхъ рядовъ комплекса, въ которомъ другіе ряды—зрительный, тактильный—способны образовать «физическое тѣло» (нервную систему), тогда дисгармонія исчезаетъ.

Въ самомъ дѣлѣ, познанію не приходится создавать особаго метода для каждаго изъ параллельныхъ рядовъ, сливающихся въ томъ или иномъ комплексѣ—оно имѣетъ дѣло съ цѣлыми комплексами. Психо-физиологическій процессъ, познаваемый какъ одно цѣлое, долженъ укладываться въ рамки того же метода, какимъ познается созданный изъ нѣкоторыхъ его рядовъ процессъ физиологическій—метода наукъ о физическомъ, для нашего времени—метода *энергетики*. При этомъ совершенно безразлично, будемъ ли мы брать для анализа элементы изъ ряда «физиологическаго», или изъ ряда «психическаго», каждый разъ дѣло будетъ идти объ одной и той же энергетической величинѣ, потому что энергетическое познаніе отвлекается отъ способа воспріятія, а не беретъ, напр., рядъ зрительный и рядъ тактильный, какъ отдѣльные энергетическіе комплексы. Какъ въ обычномъ физическомъ комплексѣ, который называется «тѣломъ», одинъ изъ рядовъ опыта является организующимъ для другихъ, напр., рядъ тактильный, такъ въ комплексѣ психо-физиологическомъ одинъ изъ его рядовъ окажется организующимъ, основнымъ для познанія, и мы полагаемъ, что такимъ будетъ именно рядъ физиологическій, какъ болѣе опредѣленный, болѣе устойчивый въ своихъ отношеніяхъ. Но это различіе и здѣсь такъ же несущественно для познанія, какъ въ физическомъ комплексѣ различіе организующаго тактильнаго, и группирующихся около него зрительнаго, акустическаго и т. д. рядовъ. Одно и то же познавательное цѣлое—психо-физиологическій процессъ—можетъ восприниматься различными способами, но для познанія остается однимъ и тѣмъ же. Различія *элементовъ* исчезаютъ въ единствѣ *отношеній*, и цѣльность познанія восстанавливается.

Но при этомъ теряетъ свой смыслъ и самое противопоставленіе «физическаго» и «психическаго». Опытъ организованный

индивидуально входитъ въ систему опыта организованнаго соціально, какъ его нераздѣльная часть, и перестаетъ составлять особый міръ для познанія. «Психическое» исчезаетъ въ объединяющихъ формахъ, созданныхъ познаніемъ для «физическаго», но и физическое перестаетъ быть «физическимъ», какъ только у него нѣтъ его постоянной антитезы—психическаго. Единый міръ опыта выступаетъ, какъ содержаніе для единаго познанія. Это—эмпириомонизмъ.

Эмпириомонизмъ возможенъ только потому, что познаніе активно гармонизируетъ опытъ, устраняя его безчисленныя противорѣчія, создавая для него всеобщія организующія формы, замѣняя первичный хаотическій міръ элементовъ производнымъ, упорядоченнымъ міромъ отношеній. Можно, разумѣется, допустить, что эмпириомонизмъ осуществится не въ тѣхъ формахъ, въ какихъ мы его представляемъ; но онъ долженъ осуществиться, а его невозможность означала бы конечную несостоятельность познанія.

Было бы неправильно думать, что, придя къ схемѣ эмпириомонизма, мы достигли монистическаго міросозерцанія. Эта схема формулируетъ высшую познавательную тенденцію; но цѣльное міросозерцаніе можетъ получиться лишь путемъ систематическаго проведенія этой тенденціи. Познавательная картина міра не дается въ одной формулѣ—это организованная система наукъ и философіи; монистическая же схема есть лишь гармонизирующій принципъ этой картины, и нужна громадная работа, чтобы провести этотъ принципъ во всѣхъ частяхъ картины, а пока этого не сдѣлано, пока остаются частности, не подчиняющіяся гармонизирующей схемѣ, ей противорѣчащія или просто не проникнутыя ею, до тѣхъ поръ нельзя говорить о настоящемъ эмпириомонизмѣ.

Принимая во вниманіе колоссальную массу коллективнаго труда, которую положило человѣчество на выработку системы наукъ и философіи, и долгій періодъ времени, въ теченіе котораго активно обнаруживалась тенденція къ познавательному монизму, естественно поставить вопросъ: почему же до сихъ поръ монизмъ этотъ, несмотря на все, не успѣлъ сложиться? Почему даже схема его такъ долго не могла быть отчетливо формулирована?

Можно было бы, конечно, не останавливаться на этомъ во-

просѣ, а просто принять, что гармонизація опыта дѣло настолько сложное и трудное, что, несмотря на массу затраченнаго времени и энергіи, человѣчество выполнило пока только часть его, — и этимъ удовлетвориться. Но намъ кажется, что есть основанія отмѣтить нѣкоторыя спеціальныя препятствія, которыя именно въ наше время ставятъ границу монистической тенденціи. Это позволить намъ сдѣлать и нѣкоторыя приблизительныя заключенія о дальнѣйшемъ развитіи познанія въ этомъ направленіи.

Современное общество раздроблено на классы и полно антагонизма. Люди, принадлежащіе къ одной социальной системѣ, часто очень сильно отличаются другъ отъ друга, и рѣзко сталкиваются въ жизни на почвѣ различія интересовъ. Конкуренція съ одной стороны, отношенія раздѣленія труда и особенно господства и подчиненія съ другой, окрашиваютъ собою всю социальную жизнь нашего времени. Эти господствующія формы жизни не могутъ не наложить своего отпечатка и на область познанія.

Сущность дѣла заключается въ томъ, что человѣкъ практически и познавательно противопоставляется другому человѣку. Практически—ихъ стремленія сталкиваются въ борьбѣ интересовъ, какъ той, которая ведется въ видѣ конкуренціи между представителями одного класса или группы, такъ и въ той, которая идетъ между классами или группами. Теоретически—они не понимаютъ другъ друга, какъ люди различнаго опыта и различныхъ типовъ мышленія. И борьба и непониманіе далеко не охватываютъ всей жизни людей, а существуютъ лишь въ ограниченныхъ предѣлахъ, рядомъ съ сотрудничествомъ и взаимнымъ пониманіемъ, также частичными; но поскольку они существуютъ, постольку монистическая организація опыта наталкивается на величайшія затрудненія.

Въ самомъ дѣлѣ, если человѣкъ борется съ другимъ, онъ не можетъ съ достаточной полнотой передавать ему свой опытъ; какъ извѣстно, дѣло доходитъ до того, что человѣкъ въ борьбѣ часто принужденъ скрывать свои переживанія, или даже извращенно передавать ихъ; отсюда столько «лжи» въ современномъ обществѣ, лжи зачастую необходимой, интегрально входящей въ самую систему отношеній. Уже этого достаточно для взаимнаго непониманія; но раздѣленіе труда дѣлаетъ сферу этого непониманія еще шире, чѣмъ сфера борьбы. Специалистъ не пони-

маеть спеціаліста, поскільки матеріаль ихъ опыта различенъ (напр., художникъ не понимаетъ ученаго, филологъ—естественника и т. п.), подчиняющійся не понимаетъ господствующаго, и наоборотъ, поскільки различенъ не только матеріаль ихъ переживаній, но и ихъ фактическое отношеніе къ однимъ и тѣмъ же даннымъ опыта (напр., что для одного—орудіе труда, то для другого—орудіе експлоатаціи и т. под.). Но что означаетъ «непониманіе»?

Оно означаетъ, что доступныя намъ (путемъ соціального общенія) переживанія другихъ людей не укладываются въ законмѣрность нашего опыта,—мы не можемъ поэтому правильно оцѣнивать ихъ психическія состоянія и предвидѣть ихъ дѣйствія. И очевидно, поскільки опытъ однихъ людей лежитъ внѣ законмѣрности, т.-е. организованности, для другихъ людей, постольку онъ необходимо является соціально неорганизованнымъ, или «субъективнымъ», или «психическимъ». Напротивъ, та часть опыта, для которой выработалась въ соціальномъ процессѣ общая, точнѣе—общезначимая законмѣрность, та часть выступаетъ какъ соціально-организованная, съ атрибутомъ «объективности», съ характеристикой «физическаго». Здѣсь исходная точка антитезы, здѣсь же и базисъ для опредѣленія ея историческихъ границъ.

Замѣтимъ, что въ нашемъ опытѣ «психическимъ» являются по преимуществу тѣ его стороны, для которыхъ всего меньше достигается соціальное единство: эмоціи людей и ихъ стремленія наиболѣе рѣзко расходятся въ жизни, и именно эти комплексы элементовъ никогда не находятъ себѣ мѣста въ физическомъ ряду, тогда какъ другіе комплексы, находящіеся у различныхъ людей въ менѣе противорѣчивыхъ отношеніяхъ, выступаютъ то въ психическомъ ряду, какъ «воспріятія» или «представленія», то въ физическомъ, какъ «тѣла». Стало быть, психическое тѣмъ въ большей мѣрѣ оказывается «психическимъ», чѣмъ болѣе оно индивидуально по своему характеру. Замѣтимъ, что въ наивномъ, неразвитомъ сознаніи нерѣдко и эмоціи «объективируются», переносятся въ физическій міръ; напр., красота, безобразіе, пріятность и т. под. считаются свойствами самихъ предметовъ (а не явленіями воспринимающаго сознанія). Это бываетъ именно тогда, когда эмоціональныя высказыванія людей настолько сходятся, такъ мало противорѣчатъ одни другимъ въ массѣ случаевъ даннаго рода, что люди привыкають считать эти эмоціи *общезначимыми*,

соціально согласованными, что и лежитъ, согласно нашей точкѣ зрѣнія, въ основѣ характеристики «объективнаго» или «физическаго» опыта.

Организующій центръ для всего психическаго представляетъ индивидуальное «я», противопологающееся другимъ «я». Когда «я» исчезаетъ изъ поля сознанія, прекращается и антитеза психическаго съ физическимъ. А это бываетъ не только въ моменты потери сознанія, но и въ моменты наивысшей его дѣятельности. Какъ отмѣчалъ еще Шопенгауэръ, глубокой эстетической аффектъ устраняетъ «индивидуацію», т.-е. противопоставленіе нашего «я» внѣшнему міру, и психическаго физическому: въ восторженномъ созерцаніи прекрасной картины природы или истинно-художественнаго произведенія мы перестаемъ чувствовать раздвоеніе въ нашемъ опытѣ. Но то же относится и къ моментамъ познавательнаго творчества, и къ моментамъ напряженнаго проявленія коллективной воли: человѣкъ «забываетъ себя», и тогда его переживанія наиболѣе гармоничны.

Приспособленіе, называемое «я», выступаетъ всего ярче тамъ, гдѣ въ опытѣ обнаруживается дисгармонія, — дисгармонія, подрывающая индивидуальное существованіе: это бываетъ тогда, когда мы чувствуемъ голодъ, холодъ, страхъ, тоску, неудовлетворенность... Это — приспособленіе для *индивидуальной* борьбы за жизнь, и потому только въ *индивидуалистическомъ* обществѣ, каково современное, оно для каждой личности становится центромъ опыта, рѣзко отдѣляющимъ ея «психическій міръ» отъ психическаго міра другихъ людей. Не такъ было въ первобытномъ обществѣ, съ его коммунизмомъ, съ его отсутствіемъ внутренней борьбы и противорѣчій. Тамъ человѣкъ не умѣлъ отдѣлять себя отъ своей группы; его опытъ непосредственно сливался съ опытомъ другихъ людей, слово «я» обозначало для него собственное тѣло съ его непосредственными потребностями, но вовсе не комплексъ эмоцій и стремленій, рѣзко ограниченныхъ отъ эмоцій и стремленій другихъ людей, какъ это бываетъ въ современномъ обществѣ. Въ обществѣ высшаго типа, съ коллективно-организованнымъ трудомъ, съ устраненными внутренними противорѣчіями и рѣзкими различіями особей, человѣческое «я» такъ же мало могло бы послужить центромъ особаго міра — міра индивидуально-психическаго: въ тѣсномъ взаимномъ общеніи, въ глубокомъ взаимномъ пониманіи людей исчезла бы всякая склонность

противопологать свою «психику» психикѣ другихъ людей; и гармонически организованный коллективный опытъ далъ бы людямъ такую грандіозную полноту жизни, о которой мы, люди эпохи противорѣчій, не можемъ составить себѣ понятія.

Въ этомъ мірѣ и для познанія легко будетъ объединить всю сумму человѣческихъ переживаній въ гармонически-цѣлостныя, безконечно-пластичныя формы, въ которыхъ опытъ каждаго органически сольется съ опытомъ всѣхъ. И тамъ будутъ, конечно, противорѣчія въ опытѣ и въ познаніи; но это не будутъ безысходныя противорѣчія окаменѣлыхъ фетишей мысли, не допускающихъ никакой инстанціи надъ собою, а временныя разногласія творческаго мышленія людей, сознательно стремящихся согласовать и свести къ единству свои переживанія, людей, сознательно отыскивающихъ наилучшія, наиболѣе цѣлесообразныя формы для такого согласованія и единства. Свободное стремленіе къ соціальной гармоніи познанія вмѣстѣ съ глубокой увѣренностью въ возможности и необходимости ея достиженія будетъ постоянно господствовать надъ всѣми проявленіями личнаго сознанія. Освобожденная отъ внутренняго разлада человѣческая мысль, ничѣмъ не затемненная, чистая и ясная, будетъ съ недоступной нашему воображенію энергіей прокладывать себѣ путь въ безконечность. Тамъ будетъ достигнуто истинный эмпириомонизмъ, который представляется намъ идеаломъ познанія.

Если мы сравнимъ этотъ идеалъ познанія съ современнымъ идеаломъ практически-трудоу жизни людей, то намъ въ глаза бросится ихъ глубокий внутренній параллелизмъ, общая тому и другому всеохватывающая организующая тенденція. Это не случайное сходство: изъ практики возникаетъ познаніе; гармонія практики и гармонія познанія имѣютъ одинъ и тотъ же смыслъ.

А. Богдановъ.

Мечтательная ложь.

Посвящается памяти А. А. Токарскаго.

*Вы отца вашего діавола есте... Онъ чело-
вѣкоубійца бѣ искони и во истинѣ
не стоитъ, яко вѣсть истины въ немъ:
егда глаголетъ лжу, отъ своихъ глаго-
летъ, яко ложь есть и отецъ лжи.*

(Іоаннъ, VIII, 44.)

I ч. I.

Исконность
лжи.

Врядъ ли существуетъ сфера человѣческой дѣятельности, гдѣ не приходится сталкиваться съ ложью въ той или иной формѣ: тамъ, гдѣ есть люди, тамъ есть та или иная ложь.

По библейскимъ сказаніямъ ложь оказалась однимъ изъ первыхъ и роковыхъ проявленій человѣческой души и жизни, опозитизированнымъ и аллегоризированнымъ въ образѣ діавола, отца лжи: Вы отца вашего діавола есте... Онъ есть ложь и отецъ лжи.

Въ виду своего рокового происхожденія и какой-то психологической необходимости—лжи суждено играть въ человѣческомъ обществѣ и исторіи не меньшую роль, чѣмъ людской глупости, и она по праву заслуживаетъ Эразмовской похвалы не въ меньшей степени, чѣмъ глупость.

2.

Одинаково
ли лгутъ.

Сталкиваясь съ ложью на каждомъ шагу въ человѣческомъ обществѣ, на всѣхъ ступеняхъ культурности его членовъ и классовъ, невольно наталкиваешься на нѣсколько вопросовъ.

Первымъ является вопросъ о томъ, представляетъ ли это явленіе нѣчто однородное вездѣ и всегда, или здѣсь можно и должно установить нѣкоторые виды и группы.

Одинаково ли лгутъ люди?

Чрезвычайная распространенность лжи въ человѣческомъ обществѣ вызываетъ второй вопросъ—не представляетъ ли ложь въ какой-нибудь изъ своихъ многообразныхъ формъ универсальной психологической необходимости, неотъемлемого свойства или склонности самой нервно-психической организаціи человѣка?

Роковое появленіе лжи на зарѣ человѣческой жизни (въ видѣ злого духа), процвѣтаніе въ дальнѣйшей исторической жизни человѣческаго общества и замѣтное преобладаніе ея въ дегенерирующей психикѣ современнаго человѣка, необходимо должно ставить этотъ вопросъ.

Могутъ ли люди не лгать?

3.

Ужасна ложь прямолинейная, сознательная, ложь, ухищряющаяся на всѣ лады, опустошающая душу человѣческую и разлагающая общественную жизнь. Но это врагъ явный,—правда хищный, съ зубами волка, тѣмъ не менѣе не непобѣдимый.

Нѣтъ ничего опаснѣе и безнадежнѣе врага, которому жмешь руку, какъ другу. Съ такимъ врагомъ и можно сравнить другую форму лжи, которая съ искреннимъ видомъ, въ костюмѣ правды блуждаетъ по свѣту божьему, лжи, которая лжетъ отъ всего сердца, отъ полноты души, часто убѣжденно и искренно принимая себя за правду.

Это ложь мечтательная, вдохновенная, *ищущая правды и ее фальсифицирующая*. Нѣтъ ничего труднѣе, какъ распознать эту неправду, и нѣтъ ничего легче, какъ попасть въ ея сѣти.

Итакъ, иные лгутъ сознательно, другіе лгутъ мечтательно, а въ результатѣ тѣ и другіе лгутъ, и эта мечтательная ложь, однимъ своимъ концомъ беря начало у источника лжи сознательной, неуловимо переходитъ въ третью форму лжи, лжи патологической.

Лгутъ и болѣзненно.

Такимъ образомъ классифицируя ложь, мы должны установить такія ея формы: а) *Ложь сознательная*, корыстно-злонамѣренная—ясная и понятная. Лгутъ съ ясно поставленной цѣлью, сознавая свою ложь. Въ такихъ случаяхъ лгутъ прежде всего передъ другими. б) *Ложь мечтательная*, вдохновенная. Лгутъ

Классификація лжи, и признаки особенной формы лжи, середины между патологической и злонамѣренной ложью.

и съ цѣлью (ясно несознанною), а чаще безцѣльно, иногда искренно принимая свою ложь за правду, и часто смутно чувствуя свою ложь и не будучи въ состояніи поставить ясную границу тамъ, гдѣ истина переходитъ въ ложь и отказаться отъ своей лжи: тутъ лгутъ прежде всего передъ собою. в) *Ложь патологическая*. Лгутъ болѣзненно, *подъ вліяніемъ галлюцинацій, бредовыхъ идей* и проч. Представляя такую широкую классификацію явленій лжи, мы трактуемъ это понятіе не какъ фактъ исключительно этической, а какъ понятіе и фактъ психологическіе.

Въ настоящій моментъ насъ интересуютъ не крайніе пункты по существу одного и того же явленія лжи, а эта срединная полоса, которая не выходитъ изъ предѣловъ нормы, иногда очень тонко подходя къ этимъ границамъ, а съ другой стороны, рѣзко отличается отъ формы лжи злонамѣренно-сознательной.

Это ложь мечтательная.

4.

Важное практическое значеніе установленія этой особенной формы лжи.

Юристу и педагогу, можетъ быть, больше чѣмъ въ какой-либо другой сферѣ и профессіи приходится сталкиваться съ этимъ отрицательнымъ явленіемъ человѣческой души и общественной жизни: одному въ свидѣтельскихъ показаніяхъ, въ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлахъ, гдѣ часто идетъ рѣчь о человѣческой жизни и судьбѣ; другому—въ воспитательномъ дѣлѣ, гдѣ главнымъ образомъ идетъ дѣло о судьбѣ человѣческой души, души воспитанниковъ. И тамъ, и здѣсь обычно приходится касаться чрезвычайно жизненныхъ и важныхъ вопросовъ человѣческаго существованія и общества, и здѣсь, и тамъ обычно руководствуются двумя шаблонами: либо констатируютъ злоумышленную, сознательную ложь и отправляютъ въ тюрьму, либо диагностируютъ патологическую ложь и помѣщаютъ въ психіатрическую лѣчебницу. Но дѣло вовсе не такъ просто, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда: или лѣчебница, или тюрьма. Тутъ есть третье, ни тюрьма, ни лѣчебница, и, пожалуй, ужаснѣе и интереснѣе того и другого—мечтательная ложь. Одно уже установленіе этой формы лжи, какъ отдѣльной формы, должно заставить однихъ радикальнѣе измѣнить взглядъ на матеріалъ, добываемый свидѣтельными

показаніями, и признать необходимость не только психіатрической, но и психологической экспертизы, измѣнивъ соотвѣтствующимъ образомъ процедуру суда и предварительнаго слѣдствія; другихъ — радикально и основательно измѣнить самые методы воспитанія.

5.

Констатируя существованіе самостоятельной формы лжи мечтательной, отличной и от лжи злославленной, и от лжи патологической, я долженъ не только установить этотъ фактъ, его самодовлѣющее существованіе, но и указать, въ чемъ онъ заключается, ясно и точно вычертить его границы, описать и, если возможно, выяснить его причины. Для этой цѣли я воспользуюсь конкретнымъ образомъ изъ галереи художественныхъ типовъ, Иваномъ Александровичемъ Хлестаковымъ.

Иванъ Александровичъ Хлестаковъ.

Мелкій петербургскій чиновникъ, Иванъ Александровичъ Хлестаковъ, 30 лѣтъ, вынужденъ обстоятельствами, проѣздомъ изъ Петербурга, остановиться на неопредѣленное время въ одномъ изъ многочисленныхъ захолустныхъ городовъ Россіи. Сынъ помѣщика Симбирской губерніи, онъ ѣдетъ туда по требованію отца, который, отчаявшись получить изъ сына какой-нибудь прокъ, требуетъ его въ деревню. Раздраженный тѣмъ, что отецъ, «упрямый и глупый старый хрѣнь», заставляетъ его «губить жизнь съ мужиками», Иванъ Александровичъ, этотъ недоросль 40 годовъ, все-таки не можетъ послушаться, единственно въ силу духовной несостоятельности и матеріальной зависимости отъ отца.

Зачислившись въ одинъ изъ департаментовъ мелкимъ чиновникомъ, повидимому благодаря старымъ связямъ отца, вѣрный традиціямъ своего сословія, Хлестаковъ «дѣломъ не занимается», «транжирить деньжонки», которыя присылаетъ отецъ. «Батюшка пришлетъ деньжонокъ, чѣмъ бы попридержать... и куды, говоритъ Осипъ, въ картишки играетъ» и «срываетъ цвѣты удовольствія». «Вѣдь на то и живешь». Импотентная и пусто-порожня психика Хлестакова ни къ какой работѣ и не пригодна.

Въ дорогѣ съ нимъ случился казусъ, который случался всегда, какъ только откуда-нибудь «появлялись деньжонки». Онъ проигрался въ пухъ и прахъ. Получилось довольно затруднитель-

ное положеніе: не только не приходится «подкатить въ каретѣ» къ какому - нибудь «помѣщику - медвѣдю» и «пустить пыль въ глаза», что составляетъ центръ желаній и стремленій Ивана Александровича и жизненный нервъ его души, но въ довершеніе бѣдъ приходится просто голодать и неопредѣленно долго сидѣть въ «городишкѣ», а хозяинъ гостинницы грозитъ тюрьмой. Тѣмъ не менѣе слухъ о томъ, что въ городѣ, въ гостинницѣ уже двѣ недѣли живетъ какой-то петербургскій чиновникъ, который «даже денегъ не платитъ», моментально облетаетъ городъ, и напуганное воображеніе «грѣшныхъ» властей и чиновниковъ принимаетъ Хлестакова за ревизора—инкогнито.

Городничій, испуганный тѣмъ, что чиновникъ-ревизоръ живетъ въ городѣ уже двѣ недѣли, отправляется официально въ гостинницу и тутъ-то начинается комическое *qui pro quo* между нимъ и Хлестаковымъ, и разрѣшается это *qui pro quo* неожиданно благополучно и удачно для Ивана Александровича.

Услужливое воображеніе чиновниковъ города, подстегиваемое страхомъ, искусно создаетъ ту канву и тѣ рамки, въ которыхъ предоставлялось положить узоры Ивану Александровичу.

Первый моментъ Иванъ Александровичъ порядочно струхнулъ, предположивъ, что городничій, появившійся въ его номерѣ, явился съ тѣмъ, чтобы по просьбѣ хозяина гостинницы взять его за долгъ въ тюрьму. Въ дальнѣйшемъ онъ быстро и довольно прочно освоился съ тѣмъ положеніемъ, въ которое поставила его случайность и воображеніе проворовавшихся чиновниковъ, и *пошелъ въ направленіи наименьшаго сопротивленія*.

Встрѣтивъ, можетъ быть, въ первый разъ въ своей жизни такое вниманіе къ своей персонѣ, Хлестаковъ открылся весь, по существу, какъ онъ есть: «развернулся» говорить про него Гоголь, и такимъ путемъ обнаружилъ весь несложный механизмъ своей несложной психики и своего вранья.

6.

И вотъ, — тѣ узоры, какіе кладетъ въ готовыхъ уже рамкахъ Хлестаковъ, ихъ композиція, ихъ несоотвѣтствіе дѣйствительности и реальному положенію Ивана Александровича, характеръ ихъ отношенія къ этой дѣйствительности и представляютъ громадный интересъ для нашей темы.

Мечтательность
Лжи
Хлестакова и
ея импульсивность.

Въ пропорціи эти факты выразились бы такъ: вранье-узоры Ивана Александровича такъ относятся къ дѣйствительному положенію вещей, какъ мечта относится къ дѣйствительности, ее вызывающей или вызвавшей; выражаясь въ высокомъ стилѣ, словами мечтателя «Бѣлыхъ ночей» Достоевскаго—нужно сказать: идеалы разбиваются въ пыль, въ обломки: если нѣтъ другой жизни, такъ приходится строить ее изъ этихъ же обломковъ. И колоритъ мечтальности проходить ярко черезъ всю ложь Хлестакова, и тѣ картины, какія онъ рисуешь передъ чиновниками города N.

Всмотримся пристальнѣе въ эту ложь.

Ничтожный недалекій Хлестаковъ, вначалѣ оробѣвшій передъ городничимъ, подъ вліяніемъ обстановки и извнѣ навязаннаго ему положенія, какъ подъ вліяніемъ словеснаго и вещественнаго внушенія, забываетъ о томъ, кто онъ и что онъ, переходитъ реальныя границы своей личности и продѣлываетъ на глазахъ тѣхъ же лицъ рядъ метаморфозъ: изъ мелкаго чиновника, живущаго на 5 этажѣ, вдругъ дѣлается директоромъ департамента, и для того, чтобы Иванъ Александровичъ снисходительно принялъ этотъ постъ, нужно явиться 30 тысячамъ курьеровъ; то вдругъ онъ писатель, баронъ Брамбеусъ, даже чуть ли не самъ Загоскинъ и пр., и въ концѣ концовъ онъ, Иванъ Александровичъ Хлестаковъ, фельдмаршалъ, и въ то же время Маврушка на 5 этажѣ принимаетъ у него пальто. Процессъ этихъ метаморфозъ идетъ не эволютивно, а скачками, противорѣчиво, безалаберно.

Невольно можетъ явиться мысль, которая на первый взглядъ уничтожаетъ все наше построеніе по поводу мечтательной лжи и заставить этотъ хаосъ картинъ и узоровъ признать пьянымъ бредомъ: вѣдь Хлестаковъ въ интерпретируемой нами сценѣ совершенно пьянъ.

Противъ этого протестуетъ самъ авторъ Хлестакова, заявляя въ одномъ изъ своихъ писемъ, что опьяненіе не играетъ такой роли; оно сдѣлало Ивана Александровича немного свободнѣе, развязнѣе и только.

Съ другой стороны, не съ этой сцены начинается ложь Хлестакова. Онъ лжетъ въ одномъ и томъ же духѣ съ момента своего появленія на сценѣ.

Въ дорогѣ онъ лжетъ, проигрывая не по страсти, а изъ тщеславія ротмистру послѣднія «деньжонки»; лжетъ съ перваго по-

явленія въ городѣ, прогуливаясь по улицамъ и стараясь пустить пыль въ глаза; лжетъ передъ служителемъ гостинницы, дѣлая видъ важнаго, богатаго барина.

Въ инкриминируемой сценѣ своеобразная ложь, ложь мечтательная достигаетъ своихъ логическихъ, и психологическихъ предѣловъ и только и отъ этого дѣлается и нелогичной и какъ будто трудно объяснимой въ ея психологіи. Прибѣгать для выясненія ея психологіи къ какому-нибудь постороннему и случайному фактору, какъ опьяненіе, нѣтъ никакой нужды. Это таже самая ложь, которая проникаетъ каждое слово, дѣйствіе и даже мысль Хлестакова и которая оставляетъ свою жертву въ рѣдкихъ случаяхъ, въ тѣ моменты, когда онъ не на людяхъ, да и то не всегда.

Если можно въ данномъ случаѣ, для объясненія лжи Хлестакова, говорить о какомъ-нибудь постороннемъ факторѣ, такъ это о внушеніи.

Обстановка, образъ дѣйствія чиновниковъ, планъ ихъ дѣйствія и явились тѣмъ могущественнымъ вещественнымъ внушеніемъ, отразить и избѣжать дѣйствія котораго Иванъ Александровичъ не въ силахъ. Оно сыграло роль канвы, по которой Иванъ Александровичъ съ отгѣнкомъ импульсивности кладетъ узоры.

Импульсивностью называется непреодолимое желаніе, нисколько не мстивированное, что-нибудь сдѣлать, сказать, въ данномъ случаѣ лгать, при чемъ можетъ существовать сознаніе ненужности, глупости поступка или его неправильности, сознаніе своей лжи. Ложь Ивана Александровича также отзывается отчасти кслоритомъ импульсивности, а это нисколько не противорѣчитъ высказанному нами мнѣнію о мечтательности его лжи.

Происходитъ это слѣдующимъ образомъ: наша психика находится подъ непрерывнымъ воздѣйствіемъ всякихъ раздраженій, идущихъ изъ окружающей среды. Ничего,—что только незначительную часть этихъ раздраженій мы сознаемъ, ни одно изъ нихъ не проходитъ безслѣдно. Самыми неотразимыми являются воздѣйствія, переработанныя уже другими человѣческими существами въ мысли, чувства и дѣйствія; наша психика подвергается непрерывному вліянію другихъ психикъ, и вся окружающая насъ человѣческая среда обращается къ намъ съ готовыми уже формулами, являющимися выраженіемъ тѣхъ или иныхъ состояній сознанія, жестикулируетъ незамѣтно для нашего сознанія, но

съ вѣдома нашихъ мозговыхъ центровъ; миллионы тихихъ голосовъ проникають вмѣстѣ съ жестами въ нашъ мозгъ, и въ этой беспорядочной суматохѣ намъ буквально не слышно нашихъ собственныхъ словъ, если только они не достаточно сильны для того, чтобы заглушить этотъ шумъ (Нордау).

Сознаніе всѣхъ людей вліяетъ на нашу психику, молекулярныя движенія другихъ мозговъ сообщаются нашему, и онъ принимаетъ ихъ ритмъ, если не можетъ противопоставить имъ другого, болѣе живого, интенсивнаго ритма, хотя и этотъ послѣдній является въ измѣненномъ имп, если даже не вполне приравленномъ видѣ.

Если мы добавимъ къ этому, что мозгъ Ивана Александровича Хлестакова, поставленнаго въ положеніе ревизора, подвергся не только незамѣтно-безсознательному вліянію «тихихъ голосовъ», беззвучныхъ жестовъ и всей обстановки, созданной специально для него—ревизора, но и прямому, болѣе ясному и опредѣленному воздѣйствию и внушенію слова, мы поймемъ, что Хлестаковъ, съ своимъ легкомысленнымъ, неустойчивымъ психическимъ *habitus*'омъ, съ *малой интенсивностью сознательныхъ процессовъ* и большой психической неустойчивостью, не могъ устоять противъ внѣшняго давленія и большого соблазна, и не могъ не согласиться съ тѣмъ, что онъ дѣйствительно что-то такое, чего онъ и самъ не знаетъ, но во всякомъ случаѣ «нѣчто значительное» и чиномъ и положеніемъ, а не мелкій петербургскій чиновникъ, и онъ пошелъ въ направленіи наименьшаго сопротивленія, создавая по пути соотвѣтствующія картины, подобающія его фиктивному рангу и чину.

Весь этотъ психическій *habitus* (складъ), стоящій на границѣ нормы и патологии, представляетъ для поставленной нами цѣли интересъ, какъ *habitus* по преимуществу продуцирующій ту форму лжи, которой мы заняты въ настоящій моментъ, форму лжи мечтательной.

Но это вторичная причина, побочное обстоятельство при враньѣ Хлестакова, а суть и основаніе его лжи лежатъ глубже, въ организаціи самой личности. Вранье это указываетъ на легкую внушаемость Хлестакова. Внушаемость обратно пропорціональна интенсивности нервныхъ и психическихъ процессовъ: чѣмъ слабѣе токъ въ аккумуляторѣ, тѣмъ менѣе сильная динамо нужна для того, чтобы зарядить аккумуляторъ.

Степень напряженія процессовъ обще-психическихъ свидѣтельствуеъ, повидимому, о таковой же интенсивности небольшого отдѣла этихъ процессовъ, процессовъ личности: ихъ интенсивность прямо пропорціональна интенсивности первыхъ.

7.

Особенности
организаци
процессовъ
«личности»,
какъ причи
на мечтатель
ной лжи.

Слѣдовательно, дѣло тутъ не въ чемъ иномъ, какъ въ психическомъ habitus'ѣ, душевномъ строѣ и складѣ Ивана Александровича и ему подобныхъ. Во-первыхъ, не всякій принялъ бы ту роль, какую навязали Хлестакову случайныя обстоятельства и недоразумѣнїе: одни изъ боязни передъ судомъ, другіе изъ нежеланія ставить себя въ ложное положеніе. Но есть люди, нервно-психическая организациа которыхъ въ самыхъ центральныхъ своихъ процессахъ, процессахъ личности, «я», представляетъ любопытныя особенности: это люди съ слабымъ сознаниемъ своей личности; представленіе о своемъ «я», знаніе своего «я», у нихъ выражено слабо, неярко, очертанія его мутны и границы его они легко переходятъ. Это свойство помогаетъ имъ искренно переживать тѣ метаморфозы, на которыя ихъ наталкиваетъ внушеніе отъ словесной или вещественной обстановки, а они къ тому же и въ силу, можетъ быть, той же причины отличаются легкой внушаемостью. Люди съ такой нервно-психической организацией *склонны всему слышанному, видянному придавать личную окраску, передавать факты и событія, какъ пережитые лично ими.*

Процессы личности, процессы того, что мы называемъ нашимъ «я», представляютъ собою центральныя психическіе процессы, съ качествомъ и интенсивностью которыхъ приходится считаться при всякомъ анализѣ и сужденіи о психической жизни. Процессы эти сравнительно поздней формациі въ существованіи homo sapiens и не всегда они были одинаковаго качества и одинаковаго объема.

Начавшись съ выдѣленія особью изъ внѣшняго міра границъ собственнаго тѣла «путемъ двойного ощущенія касаемой и касающей поверхности» (Иог. Мюллеръ, Мейнертъ), ощущеній и ассоциаций, узко связанныхъ съ собственнымъ тѣломъ, наше «я», вначалѣ едва пульсирующее ядрышко, превратилось въ рядъ концентрическихъ круговъ, принявшихъ это ядрышко за свой.

центрѣ, и прочно связанныхъ между собою. Явилась нервно-психическая организація, выдѣлившая себя ярко и рѣзко отъ внѣшняго міра и внѣшій міръ отъ себя, и прочно установила свое положеніе въ этомъ мірѣ.

Тутъ же необходимо пояснить, что степень яркости и рѣзкости этихъ границъ не у всѣхъ одинакова. Нисходящая скала ихъ переходитъ черезъ массу градаций въ полное ихъ уничтоженіе, а соотвѣтственно этому и прямо пропорціонально организація личности, нашего «я», иногда черезъ различную форму и степень раздвоеній, переходитъ въ полное и уже патологическое ея уничтоженіе. Случаи, гдѣ процессы личности не уничтожены, а лишь въ той или иной формѣ ослабѣли, гдѣ границы этой чудной организаціи потускнѣли, и представляютъ *rag excellence* психической типъ, продуцирующій мечтательную ложь.

Таковъ и есть Иванъ Александровичъ Хлестаковъ. Онъ лжетъ непрерывно, и причина этой лжи кроется въ самой организаціи его личности.

8.

Нѣтъ ли аналогичныхъ и поясняющихъ дѣло фактовъ въ области психопатологіи?

Пациентъ
проф. Крепелина.

Есть, и чтобы яснѣе показать связь особенной формы лжи, лжи мечтательной со свойствами организаціи или дезорганизаціи нашего «я», я приведу аналогичный патологическій случай изъ клиники прф. Крепелина.

Обращаюсь въ сферу паталогіи, во-первыхъ, потому, что, по нашему мнѣнію, нѣтъ рѣзкой границы между нормой и патологіей, и быть можетъ, правильнѣе классифицировать людей не на больныхъ и здоровыхъ, а на психологическіе типы; во-вторыхъ, потому, что въ такъ называемыхъ патологическихъ случаяхъ душевная жизнь, дезорганизуясь, обнажаетъ свои составныя части, въ обыденной жизни сливающиміяся въ психическомъ химизмѣ и представляетъ, такимъ образомъ, *excrementum naturae*.

Изъ клинической картины, описанной проф. Крепелиномъ¹⁾, въ двадцать девятой лекціи, въ главѣ о патологическихъ личностяхъ, я возьму только то, что имѣетъ связь и отношеніе къ нашему вопросу.

1) Введеніе въ психіатрическую клинику. Переводъ Я. Ф. и С. А. Капланъ. 1901 г., Уфа, 29-я лекція.

Удивительную личность, читаемъ мы въ этой лекціи, представляетъ 30-лѣтній актеръ, привезенный къ намъ 3 недѣли тому назадъ вслѣдствіе того, что онъ подъ чужимъ именемъ выманилъ у проститутки брилліантовое кольцо. Онъ попросту надѣлъ его и наказалъ ей, расчитывавшей на дальнѣйшій заработокъ, придти на слѣдующій день въ хорошую гостинницу, гдѣ его, однако, не оказалось. При арестѣ онъ увѣрялъ, что дѣвушка подарила ему это кольцо и что онъ успѣлъ его тѣмъ временемъ продать. Въ слѣдственной тюрьмѣ онъ совершилъ покушеніе на самоубійство, — по мнѣнію врача, для вида, и заболѣлъ послѣ этого припадками съ возбужденіемъ и судорогами, вслѣдствіе чего былъ помѣщенъ въ клинику.

Нѣсколько блѣдный, плохого питанія, гладко выбритый мужчина, одѣтый съ убогой шеголеватостью, представляетъ какъ своею внѣшностью, такъ и всѣмъ своимъ видомъ полную картину опустившагося актера.

«Говоритъ онъ необыкновенно проворно и много, употребляетъ въ рѣчи громкіе и высокопарные обороты, всевозможныя техническія выраженія и осыпаетъ васъ цѣлой *массой озадачивающихъ эпизодовъ изъ своей жизни*. Такъ, гимназію онъ окончилъ 16 л. отъ роду и сперва поступилъ во флотъ; затѣмъ изучалъ медицину сначала въ Чикаго, а потомъ въ Страсбургѣ и Лейпцигѣ; полукурсовой экзаменъ сдалъ въ Вюрцбургѣ. Послѣ этого онъ сдѣлался послѣдовательно: актеромъ, кучеромъ, половымъ, золотоискателемъ въ Южной Африкѣ, метельщикомъ въ Нью-Йоркѣ. Тамъ онъ познакомился съ русскимъ дворяниномъ, который взялъ его въ Россію, къ себѣ въ имѣніе. Научившись русскому языку, онъ отправился въ качествѣ переводчика въ Тегеранъ. Однако, любовь къ искусству увлекла его опять на сцену. Онъ игралъ въ Россіи и затѣмъ уѣхалъ въ Брюссель, гдѣ ему пришлось изъ-за нужды сдѣлаться носильщикомъ и въ качествѣ такого онъ познакомился съ Coquelin'омъ который его ангажировалъ для Théâtre français и взялъ съ собою въ артистическое турнѣ по восточной Азіи. Впослѣдствіи онъ игралъ на выдающихся сцѣнахъ, всегда въ заглавныхъ роляхъ.

«Женился онъ на особѣ изъ хорошей семьи, существѣ ангельской чистоты; она родила ему четверыхъ дѣтей, которые, однако, черезъ короткое время умерли.

«При описаніи больнымъ невыразимо счастливой его семейной жизни онъ приходитъ въ высокой степени растроганное состояніе (хотя болѣе или менѣе глубокія душевныя движенія ему чужды), жалуется на свою судьбу, представляетъ себѣ, какъ было бы ужасно, если-бы его старикъ отецъ и незабвенная мать узнали что-нибудь про теперешнее его положеніе.

«Его преступленіе было собственно невпнымъ происшествіемъ. Онъ думалъ только немного блеснуть кольцомъ и не имѣлъ никакого намѣренія имъ воспользоваться, а только нужда заставила его продать, вообще же онъ порядочный человѣкъ».

Таковъ curriculum vitae со словъ самого больного.

9.

«Если мы поближе разберемъ, замѣчаетъ проф. Крепелинъ, эти удивительные рассказы, то немедленно, разумѣется, обнаружимъ самую грубую противорѣчія. Дезорганизація «личности».

«Больной самъ признаетъ ихъ безъ дальнѣйшихъ околичностей и объясняетъ ихъ путемъ новыхъ совершенно отъ нихъ отличающихся рассказовъ, при чемъ оправдывается тѣмъ, что былъ-де вынужденъ особыми мотивами представить нѣкоторыя детали въ иномъ видѣ. Но и новыя данныя носятъ на себѣ печать фантазіи, и подобнымъ образомъ отъ него можно слышать безъ конца разнообразнѣйшія описанія его жизни, при каждомъ изъ которыхъ онъ увѣряетъ честнымъ словомъ, что на этотъ разъ онъ рассказываетъ дѣйствительную правду».

Можно сомнѣваться, заключаетъ Крепелинъ, въ правѣ ли мы считать эту удивительную личность психически больной въ строгомъ смыслѣ слова?

«Если такую личность мѣрять аршиномъ судьи, то она покажется попросту искуснымъ преступникомъ и мошенникомъ» (дѣйствительно, нѣсколько лѣтъ спустя больной былъ приговоренъ въ Вѣнѣ къ 15 годамъ тюремнаго заключенія), а для врача дѣло идетъ о врожденномъ лгунѣ или, во всякомъ случаѣ, мы находимся здѣсь очень близко къ границѣ «патологическаго лгуна и мошенника». Намъ думается, трудно сказать, какое свойство, какая склонность здѣсь первенствуетъ: лжетъ ли онъ для того, чтобы мошенничать, или мошенничаетъ для того,

чтобы лгать, и такимъ образомъ всѣ мошенническія продѣлки являются только формой проявленія склонности къ мечтательной лжи.

Несомнѣнно одно, что на первомъ планѣ у этой личности, (какъ и у Хлестакова) мелочное тщеславіе, которое влечетъ его къ чудовищному хвастовству, къ бессмысленнымъ тратамъ денегъ, приобретаемыхъ безъ зазрѣнія совѣсти мошенничествомъ, воровствомъ и обманомъ, а также и къ безконечно разнообразнымъ описаніямъ своей жизни, которыя, если имѣютъ, то лишь отдаленное сходство съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей. Процессъ этотъ, процессъ мечтательной лжи, стимулируемый и направляемый мелочнымъ тщеславіемъ, облегчается наклонностью и стремленіемъ разыгрывать жизнь, т.-е. ставить дѣйствующимъ лицомъ во всей массѣ такъ или иначе испытанныхъ фактовъ, событій и впечатлѣній собственную персону.

Въ результатѣ постороннему слушателю трудно ориентироваться, гдѣ въ этихъ разсказахъ правда, гдѣ ложь. Врядъ ли не труднѣе знать это самому автору этихъ разсказовъ. Придавая всему видѣнному и слышанному личную окраску, онъ въ концѣ концовъ спутывается и часто не въ состояніи сознавать и чувствовать, что во всемъ этомъ хаосѣ принадлежитъ и свойственно его личности и что нѣтъ: сама личность уже дезорганизуется, абрисъ ея тускнѣетъ, и трудно указать ея границы и очертанія: какъ будто все принадлежитъ ей, она во всемъ, и авторъ самъ вѣритъ въ свою ложь и въ растроганномъ тонѣ передаетъ эту хаотическую, противорѣчивую, временами слабоумную и все же мечтательную ложь.

Таковъ описанный пациентъ Крепелина, таковъ или по существу своему ему аналогиченъ Иванъ Александровичъ Хлестаковъ.

10.

Объективное
впечатлѣніе
отъ типа лгу-
на-мечтателя.

Указавъ на причинную связь между мечтательной ложью и процессами личности, мы становимся на философско-психологическую точку зрѣнія, высказанную какъ-то Оршанскимъ, и утверждаемъ, что одной изъ основныхъ причинъ этой формы лжи служатъ тѣ или иные дефекты въ той группѣ психическихъ явленій и процессовъ, которые называются личностью. Въ дезорганизаціи личности (дегенер. или прогенерат.—все равно) или ея недораз-

витіи въ силу какихъ-нибудь причинъ и нужно искать психическихъ основаній для лжи мечтательной въ частности и лжи вообще. Дегенеративно - дезорганизующаяся или недоразвитая личность является однимъ изъ моментовъ, образующихъ типъ лгуна мечтателя (а часто мечтателя-мошенника), моментомъ самымъ сложнымъ. Слѣдовательно, тамъ, гдѣ нѣтъ въ силу патологическихъ, воспитательныхъ или какихъ другихъ причинъ ясно и ярко выраженной личности, тамъ а priori возможно предположить ту или иную форму лживости.

Изъ дальнѣйшаго мы увидимъ, что это обстоятельство далеко не единственное изъ психологическихъ основаній лжи. Оно, несомнѣнно, сложнѣе другихъ и является въ нѣкоторой степени ихъ психологическимъ выраженіемъ, тѣмъ не менѣе и остальные основанія можно и должно разсматривать въ отдѣльности, какъ элементы, участвующіе не только въ этой, если можно такъ выразиться, психо-химической реакціи, но и въ массѣ другихъ психологическихъ процессовъ, образующихъ собою то единое и сложное, что мы называемъ человѣческой душою.

Въ заключеніе этой части я приведу дословно мнѣніе Оршанскаго объ основаніяхъ лжи: «Лживый человѣкъ тотъ, въ которомъ духовная личность не созрѣла и не такъ связана съ волей въ широкомъ смыслѣ, т.-е. со способами своего проявленія, и сама личность не такъ явственно выступаетъ въ его сознаніи. *Ясное сознаніе своей личности непременно влечетъ къ правдивости*, такъ точно, какъ человѣкъ физически совершенно здоровый не можетъ быть трусомъ, потому что онъ сознаетъ въ себѣ достаточно силы» ¹⁾.

Для объективнаго абриса этого нервно-психического типа, для передачи впечатлѣнія, какое остается отъ фигуры, подобной Ивану Александровичу или пациенту Крепелина, я бы сказалъ словами одного изъ персонажей г. Андреева (Мысль), нѣсколько ихъ видоизмѣняя. «У него много можетъ быть знаній, много мыслей и еще больше словъ; и слова, и мысли, и знанія часто комбинируются очень удачно и красиво, но самъ онъ ничего въ этомъ не понимаетъ. Я часто сомнѣвался даже, существуетъ ли онъ, до того весь онъ былъ во внѣ, въ звукахъ и жестяхъ, и мнѣ часто казалось, что это не человѣкъ, а мель-

¹⁾ «Жизнь», 1899, іюль. Темпераментъ и характеръ.

кающій въ синематографѣ образъ, соединенный съ грамофономъ» («Міръ Божій», июль 1902 г.).

Таково объективное впечатлѣніе, остающееся, какъ осадокъ, отъ типа лгуна-мечтателя.

И ч. 1.

Разновидности Хлестаковщины.

Полная аналогія и значительное сходство между пациентомъ Крепелина и Иваномъ Александровичемъ не исключаетъ возможности различій, которыя существуютъ между этими двумя однородными типами. Разницу эту создало время и среда, въ которой приходится дѣйствовать современнымъ лгунамъ-мечтателямъ; разница эта, слѣдовательно, сводится къ разницѣ между предкомъ и потомкомъ.

Иванъ Александровичъ Хлестаковъ явился предкомъ цѣлаго ряда поколѣній Хлестаковыхъ. Но психическій habitus предка съ слабой работоспособностью, со скачущимъ вниманіемъ, съ чрезвычайно поверхностной работой ассоціаціоннаго аппарата, въ значительной степени дифференцировался въ потомкахъ, и эволюція этого типа пошла по двумъ направленіямъ и выработала двѣ разновидности—*пассивную и активную*.

Современная среда, менѣ невѣжественная и темная, чѣмъ среда предка Хлестаковыхъ, потребовавшая отъ нихъ больше ума, образованности, практической сметки, и создала активную разновидность этого типа «тонкаго и опаснаго мошенника», въ родѣ пациента Крепелина, и про который все-таки трудно сказать, лжетъ ли онъ для того, чтобы мошенничать, или мошенничаетъ для того, чтобы лгать. С. С. Корсаковъ¹⁾, описывая въ своемъ курсѣ психіатріи случай активной хлестаковщины, говоритъ, что «очень часто при этомъ вовсе нѣтъ корыстныхъ побужденій».

Но не умерла и другая разновидность, ближе стоящая къ своему предку—пассивная.

Иногда жалкая, ограниченная, не способная ни на какой активный обманъ и преступленіе, въ родѣ чиновника Бальзамина, эта разновидность своей мечтательной ложью большею частью обманываетъ только себя: такой Хлестаковъ самъ представляетъ свою аудиторію.

¹⁾ С. С. Корсаковъ: Курсъ, Психіатріи, т. 1, стр. 148.

Анализируя эту пассивную разновидность, мы вскрываемъ еще одну, вторую изъ первичныхъ пружинъ мечтательной лжи.

Пружиной этой является *утрата или ослабленіе сознанія границы между міромъ дѣйствительнымъ и воображаемымъ*, между сномъ и бодрствованіемъ, между фактомъ и мыслью о фактѣ. Обѣ эти причины идутъ здѣсь и дѣйствуютъ рука объ руку. Я поясню.

Каждое наше ощущеніе, возбудителемъ котораго является внѣшній міръ, помимо своихъ свойствъ—качества, интенсивности, пространственности и другихъ, несетъ въ себѣ особенный тонъ, который можно назвать чувствомъ дѣйствительности, реальности. Таковую же окраску реальности получаютъ и всѣ психическія образованія, въ основу которыхъ легло это ощущеніе.

Этотъ тонъ реальности, являющійся однимъ изъ простыхъ, первичныхъ свойствъ всякаго ощущенія, и даетъ намъ возможность поставить яркую границу между міромъ дѣйствительности и воображенія, между фактомъ и мыслью о фактѣ. Иначе не существовало бы внѣшняго и внутренняго опыта, и міръ внѣшній и внутренній настолько бы сливались и перепутывались своими территориями, что не было бы никакой возможности въ нихъ ориентироваться.

Нетрудно себѣ представить, въ какомъ фантастическомъ мірѣ мы вдругъ окажемся, какъ только границы между этими двумя мірами, субъективнымъ и объективнымъ, ступеваются или совсѣмъ исчезаютъ, какъ то бываетъ при нѣкоторыхъ душевныхъ расстройствахъ и болѣзняхъ.

Компасъ утраченъ, и мы оказываемся въ какомъ-то безбрежномъ океанѣ, въ мірѣ, гдѣ все призраки и все дѣйствительность. Гдѣ сѣверъ, гдѣ югъ? Гдѣ море, гдѣ материкъ? Гдѣ небо, гдѣ земля?

Такое исчезновеніе границы между міромъ дѣйствительности и міромъ воображенія бываетъ, какъ я уже сказалъ, при душевныхъ болѣзняхъ и даже характеризуетъ нѣкоторыя душевныя заболѣванія. Периодическое же исчезновеніе этой границы моментами или *общее постоянное ея потускнѣніе* существуетъ у людей, которыхъ считаютъ совершенно нормальными, и является источникомъ того, что мы называемъ мечтательной ложью, въ активной или пассивной ея формѣ.

2.

Чиновникъ
Бальзаминъ.

Чиновникъ Бальзаминъ, рисуя передъ матерью картины своего будущаго богатства, переходя въ роль и положеніе обладателя сотней тысячъ, собирается ѣхать кататься, зоветъ лакея, который долженъ подать ему одѣваться, и тутъ же, замѣтивъ, что «рожа» у лакея скверная, насмѣшливая, вскакиваетъ, выгоняетъ воображаемаго лакея вонъ и увольняетъ его. Отправляясь съ воображаемой женой на прогулку, онъ беретъ 50 тысячъ денегъ, теряетъ эти деньги, въ испугѣ вскакиваетъ и волнуется по поводу потери несуществующихъ пятидесяти тысячъ. Словомъ, свои мечты онъ переживаетъ какъ самую конкретную дѣйствительность со всѣми ея страданіями, страхами и радостями — и такъ всю жизнь, «и невольно вчужѣ повѣришь, что есть *живое, осязаемое* въ его безплотныхъ грезахъ»¹⁾. Это не случайное настроеніе: это состояніе характерно для подобнаго типа нервно-психической организаціи. Какимъ могучимъ ингредиентомъ входитъ она, эта мечта-ложь въ жизненный обиходъ такихъ людей? Какимъ могучимъ аккордомъ звучитъ она въ ихъ психикѣ, какъ неотразимо вліяетъ на ихъ чувства, мысли и поступки и на все жизнеустройство; — какимъ сладостнымъ ядомъ отравляетъ ихъ душу и сколько ненужныхъ обидъ, униженій и страданій причиняетъ она имъ?!

Вся трилогія Островскаго²⁾ даетъ богатый матеріалъ для анализа такого состоянія и изобилуетъ интереснѣйшими сценами, иллюстрирующими нашу мысль. Трудно собрать эти перлы, разсѣянные на протяженіи указанныхъ пьесъ³⁾.

1) Достоевскій — «Бѣлыя ночи».

2) 1) Праздничный сонъ до обѣда. 2) Свои собаки грызутся, чужая не приставай. 3) Зачѣмъ пойдешь, то и найдешь.

3) Я приведу дословно одну изъ типичныхъ сценъ: *Бальзаминова*. Отличная, маменька, погода. Я говорю: „поди, душенька, одѣваться и я сейчасъ одѣнусь! „Человѣкъ“!»

Приходитъ человѣкъ. «Одѣваться, говорю, давай и приготовь голубой плащъ на бархатной подкладкѣ». Вотъ не нравится мнѣ, маменька, у него улыбка-то какая противная. Какъ точно онъ смѣется надо мной.

Бальзаминова. Ужъ съ этимъ народомъ бѣда!

Бальзаминова. Вотъ и грубить. Ну, я этого прогону, а себѣ другого возьму. (Что-то шепчетъ про себя).

Бальзаминова. Что же ты замолчалъ?

То же самое положеніе справедливо и для Ивана Александровича. Всмотриваясь въ картины, — правильнѣе, обрывки картинъ, которыя рисуетъ Иванъ Александровичъ передъ оробѣвшими чиновниками, мы сразу замѣчаемъ ихъ композицію: съ одной стороны, жалкое убогое прозябаніе и соотвѣтствующая этому обстановка мелкаго петербургскаго чиновника, съ другой непомѣрно широкія мечты о лучшей долѣ, на которыя случайно наталкиваетъ судьба Ивана Александровича, поставивъ его въ положеніе ревизора — по недоразумѣнію. Все недоразумѣніе и весь механизмъ хлестаковскаго вранья — мечты заключается въ томъ, что оба эти міра — идеальный и дѣйствительный, *моментами* для Ивана Александровича являются одинаково реальными, онъ легко и свободно переходитъ изъ одного въ другой, съ фактами того и другого оперируетъ одинаково свободно, невѣроятно преувеличиваетъ ихъ и создаетъ чрезвычайно интересную по своему психологическому смыслу картину, въ которой фигурируетъ на ряду съ Пушкинымъ хорошимъ знакомымъ Ивана Александровича сторожъ департамента, который чиститъ грязный сюртукъ Ивана Александровича; рядомъ съ чуть ли не фельдмаршаломъ, въ пріемной котораго толкуются генералы и и ждутъ выхода его, Ивана Александровича Хлестакова, Маврушка, которая какъ-то тутъ же ухитряется снять съ Ивана Александровича пальто на 5 этажѣ.

И одинъ-ли Ив. Алек. Хлестаковъ повиненъ въ этомъ грѣхѣ?! Кто изъ насъ, здоровыхъ, не забывалъ черты между міромъ воображаемымъ и дѣйствительнымъ, и хотя на одну минуту не переходилъ этой границы, самъ не замѣчая того, въ хлестаковскомъ

Бальзаминовъ. Это мы, маменька, съ женой разговариваемъ и цѣлуемся. Вотъ, маменька, садимся мы съ женой въ коляску, я взялъ пятьдесятъ тысячъ денегъ съ собою.

Бальзаминова. Зачѣмъ такъ много?

Бальзаминовъ. Какъ знать, можетъ быть, понадобятся.

Бальзаминова. Ты бы лучше дома оставилъ.

Бальзаминовъ. Еще украдутъ, пожалуй. Вотъ ѣдемъ мы дорогой, всѣ намъ кланяются. Пріѣзжаемъ въ Эрмитажъ, и тамъ всѣ кланяются. Я держу себя гордо. (Въ испугѣ вскакиваетъ и ходитъ въ волненіи.) Вотъ гадость-то!.. Вѣдь, деньги то у меня, пятьдесятъ-то тысячъ, которыя я взялъ, пропали...

(Картина III, явл. 3-е).

Маменька, я теперь не Бальзаминовъ, а кто-нибудь другой.

(Картина III, явл. 9-е).

жанръ, активномъ или пассивномъ? Хлестаковъ не мошенникъ, — это вторичное и случайное его проявленіе. Онъ представляетъ собою нѣчто болѣе широкое и интересное въ смыслѣ общечеловѣческаго, всемірнаго типа. «Каждый, хоть на минуту, если не на нѣсколько минутъ, дѣлался или дѣлается Хлестаковымъ», замѣчаетъ создавшій этотъ типъ въ одномъ изъ писемъ своей переписки, «но натурально въ этомъ не хочетъ только признаться; онъ любитъ даже и посмѣяться надъ этимъ фактомъ, но только, конечно, въ кожѣ другого, а не въ собственной. И ловкій гвардейскій офицеръ окажется иногда Хлестаковымъ, и государственный мужъ окажется иногда Хлестаковымъ, и нашъ братъ, грѣшный литераторъ, окажется подчасъ Хлестаковымъ. Словомъ, рѣдко кто имъ не будетъ хотя разъ въ жизни, — дѣло только въ томъ, что вслѣдъ затѣмъ очень ловко повернется и какъ будто бы и не онъ» ¹⁾).

3.

Герой «Бѣлыхъ ночей» Достоевскаго.

Не хотите ли взглянуть, о чемъ и какъ мечтаетъ дѣйствующее лицо «Бѣлыхъ ночей» Достоевскаго, жизнь котораго на двѣ трети соткана мечтой.

«Къ чему это спрашивать? Да обо всемъ... объ роли поэта, сначала непризнаннаго, а потомъ увѣнчаннаго; о дружбѣ съ Гофманомъ, Вареоломеевская ночь, Діана Вернонь, геройская роль при взятіи Казани Иваномъ Васильевичемъ, Клара Мовбрай, Евфія Денсъ, соборъ прелатовъ и Гуссъ передъ ними, возстаніе мертвецовъ въ Робертѣ (помните музыку, кладбищемъ пахнетъ), Минна и Бренда, сраженіе при Березинѣ, чтеніе поэмы у графини В. Д., Дантонъ, Клеопатра *ei Suoi amanti*, домикъ въ Коломнѣ, свой уголокъ, а подлѣ милое созданье»... И во всѣхъ этихъ сценахъ и картинахъ «на *первомъ планѣ, первымъ лицомъ*, ужъ, конечно, онъ самъ, нашъ мечтатель, *свою дорогою особю*».

Не такъ ли мечтаетъ вслухъ Иванъ Алек. передъ оробѣвшими чиновниками города N., а напуганное воображеніе этихъ чиновниковъ помогаетъ мечтѣ сдѣлаться мечтательной ложью, т.-е. мечта вольно и невольно привела къ обману. Основные признаки картинъ мечтателя «Бѣлыхъ Ночей» и мечтательно-лживыхъ картинъ Хлестакова одни и тѣ же: и тутъ, и тамъ эгоцентризмъ

¹⁾ Отрывокъ изъ письма, 1831 г., стр. 835.

на первомъ планѣ: «первымъ лицомъ, ужь конечно, онъ самъ, нашъ мечтатель, своею дорогою особою» и Ив. Алек.; и тутъ и тамъ картины прихотливы, безбрежны, часто безсвязны и нелогичны.

И все-таки въ первомъ случаѣ мечта осталась еще мечтою, а у Ивана Александровича она стала мечтательной ложью.

4.

Мы всѣ мечтаемъ, скажутъ намъ, и мечта есть мечта, а не ложь. Да, пока мечта не переходитъ своей территоріи и не превышаетъ своихъ правъ, она остается мечтою. Здѣсь, въ жизни мечтателя «Бѣлыхъ Ночей», мечта свила себѣ прочное гнѣздо и временами близко подходитъ къ тому, что мы назвали мечтательной ложью пассивной формы—Бальзаминовской. Но сравнительно богато одаренная психика борется съ этой гарпіей, ставитъ яркую грань между своей мечтою и дѣйствительностью, и мечта боится дѣйствительности, а дѣйствительность, явившись въ чудный замокъ, созданный мечтою, и крикнувъ во все горло—«а я, братъ, изъ Павловска», можетъ запугать мечту! И живетъ такая мечта вдали отъ солнца и свѣта, въ «странныхъ углахъ, съ закоптѣлыми стѣнами съ позеленѣвшими отъ сырости потолками».

Но тамъ (у Хлестакова и ему подобныхъ), на фонѣ убожества психики, распада личности и ослабленія чувства дѣйствительности, мечта, облекаясь самозванно въ атрибуты дѣйствительности, состязается съ самой дѣйствительностью въ правахъ на реальность, приобретаетъ силу и значеніе факта и становится мечтательной ложью. Какъ владѣтельная особа, она смѣло переходитъ свои границы, не задумываясь, а часто не отдавая даже себѣ отчета въ своемъ поступкѣ, вступаетъ въ міръ дѣйствительности какъ въ собственное владѣніе, живетъ, дѣйствуетъ въ немъ какъ власть имѣющая и устраиваетъ въ немъ свои распорядки, пока властная рука жандарма или сильный кулакъ купца Неуѣденова не остановятъ ея незаконно-побѣдоноснаго шествія и не водворятъ на свой стулъ.

5.

Хлестаковъ съ своею ложью не столько комиченъ, сколько трагиченъ. Не будь онъ такъ психически убогъ, трагизмъ его выступалъ бы для насъ ярче, чѣмъ комизмъ. Отвратительное чудовище мечтательной лжи не оставляетъ свою жертву ни днемъ, ни

Графъ Андреа Сперелли д'Аннунцио (Il Piace).

ночью, какъ вампиръ высасываетъ изъ ея психики лучшіе соки и ведетъ роковымъ образомъ къ трагическому концу. Не кулакъ купца Неуѣденова и не жандармъ являются такимъ трагическимъ концомъ—это ея социальныя Держиморды, а духовная смерть; и предъ этимъ исходомъ нѣтъ различій, нѣтъ убогихъ и высокоодаренныхъ психикъ—«и бѣдные и богатые одинъ конецъ имуть».

Въ этомъ смыслѣ невольно выступаетъ предъ нами красиво-драматическая фигура графа Андреа Сперелли (Piacege d'Annunzio), его душевная драма и ея трагическій финалъ. Высокоодаренный графъ Андреа Сперелли творитъ свою жизнь и ставитъ свою цѣль создать ее какъ произведеніе искусства. Соблазненный собственною мечтой, онъ подмѣняетъ ея дѣйствительность, а дѣйствіе созерцаніемъ, и лжетъ. Но наступаетъ моментъ, мечта и дѣйствительность перепутываются въ его сознаниі, граница между ними ступшевается, онъ окончательно запутывается въ своей лжи и становится тайной для самого себя: для самого Андреа Сперелли становится не ясно, *когда онъ говоритъ правду и когда декламируетъ*, «и видитъ онъ передъ собою глаза ужаса, и у него нѣтъ уже силъ пересоздать себя». «Личность распалась, она разрушена. Драгоценная ткань разорвана, ея обрывки летятъ по вѣтру и падаютъ въ грязь».

6.

Я не говорю уже о болѣе или менѣе болѣзненныхъ состояніяхъ, гдѣ, подъ влияніемъ болѣзни, способность воображенія можетъ усилиться, что обнаруживается въ томъ, что всѣ образы воспроизводятся рельефнѣе и живѣе, а также и въ томъ, что больной чрезвычайно легко фантазируетъ и поддается самъ своему воображенію, *нерѣдко принимая воображаемое за дѣйствительность*.

Часто въ такихъ случаяхъ усиленная работа фантазіи, присоединяясь къ воспоминаніямъ о дѣйствительныхъ событіяхъ или къ какимъ-нибудь ощущеніямъ, даетъ основаніе для развитія псевдо-реминисценцій (ложныхъ воспоминаній). Такъ больной, перенесшій тяжелую физическую болѣзнь и вспоминая смутно о грозившей ему опасности умереть, создаетъ цѣлый рядъ образовъ, касающихся похоронъ какого-нибудь знакомаго, рассказываетъ подробно о томъ, какъ онъ ѣздилъ на похороны, съ кѣмъ встрѣтился тамъ, съ кѣмъ разговаривалъ.

Такого рода фантастическіе рассказы бываютъ при нѣкоторыхъ органическихъ психозахъ и особенно часто при истеріи; при послѣдней иногда является непреодолимое побужденіе къ фантазированію, *при чемъ продукты фантазіи выдаются за дѣйствительность*. Встрѣчается это, впрочемъ, не при одной истеріи, а также у нѣкоторыхъ дегенерантовъ (*pseudologia phantastica* ¹⁾). Намъ возразятъ, что это, вѣдь, больные. А мы спросимъ въ свою очередь, сколько между нами истеричныхъ (въ большей или меньшей степени), дегенерантовъ въ томъ или другомъ отношеніи, въ той или другой дозѣ, и наконецъ, гдѣ та роковая черта, которая отдѣляетъ больныхъ отъ здоровыхъ.

7.

Въ предыдущихъ главахъ я обрисовалъ—хотя грубо и схематически—явленіе, которое назвалъ мечтательной ложью. Также схематически указалъ на явленія, пограничныя съ мечтательной ложью, пользуясь для своихъ цѣлей преимущественно двумя художественными типами изъ русской литературы. Намъ остается указать на психо-физиологическую почву мечтательной лжи, на отдаленную ея основу, которая является питательной и формирующей средой для интересующаго насъ психическаго типа.

Неточность перцепціи, какъ перво-степенная, хотя и отдѣльная почва мечтательной лживости, ея физиологическая среда.

Съ одной стороны, это выяснитъ отдаленный генезисъ типа лгуна мечтателя и ту атмосферу, въ которой пышно расцвѣтаетъ этотъ типъ; съ другой, укажетъ намъ путь въ воспитательно-прикладномъ смыслѣ — для профилактическихъ мѣръ въ этомъ направленіи.

Человѣческой душѣ присуще одно общее нервно-психическое свойство, которое, сочетаясь съ характернымъ свойствомъ интересующаго насъ психическаго типа, является питательной и въ то же время формирующей средой для основныхъ его свойствъ, служащихъ психическими пружинами мечтательной лживости.

Это свойство заключается въ неточности перцепціи, воспріятія, присущей всякой человѣческой нервно-психической организаціи и устраняемой въ нѣкоторой степени строго-разумной воспитательной дисциплиной.

Профессія дисциплинируетъ воспріятіе въ опредѣленномъ направленіи. Такъ, лица, никогда не работавшія съ микроскопомъ,

1) С. С. Корсаковъ: курсъ, психіатріи, т. 1-й, стр. 136—174.

первое время не усматриваютъ никакихъ опредѣленныхъ формъ въ препаратахъ изъ центральной нервнѣй системы, тогда какъ специалисту достаточно одного взгляда, чтобы ясно различить очертанія цѣлаго ряда тѣлецъ нервныхъ клѣтокъ во всемъ многообразіи ихъ формъ.

Проходя мимо магазинной выставки, вы непривычнымъ взглядомъ едва выдѣлите (при томъ и неясно) одинъ, два предмета; привычный изошренный взглядъ сразу восприметъ ясно и отчетливо цѣлый рядъ предметовъ и опредѣлитъ правильность или неправильность ихъ распредѣленія и т. д. (Карпентеръ).

Въ экспериментахъ надъ свойствомъ воспріятія трудно опредѣлить при этомъ роль памяти и отдѣлить одни эксперименты отъ другихъ; съ другой стороны, сила и точность памяти можетъ приниматься прямо пропорціональною ясности и точности воспріятія (перцепціи).

Поэтому, нѣкоторыми экспериментами надъ памятью и ихъ результатами можно воспользоваться въ качествѣ матеріала (разумѣется, съ нѣкоторыми оговорками и дополненіями) для сужденія о свойствахъ человѣческой перцепціи.

Одинъ изъ опытовъ, производимыхъ надъ памятью и, слѣдовательно, надъ перцепціей, состоитъ въ слѣдующемъ: берутъ 10—12 линій-палочекъ, одну изъ нихъ показываютъ испытуемому; послѣ того какъ испытуемый достаточно въ нее всмотрѣлся, присоединяютъ ее къ оставшимся у экспериментатора 9—11 и, предъявивъ испытуемому сразу всѣ 10—12, просятъ указать среди нихъ видѣнную имъ раньше. Или просто, показавъ линію, просятъ начертить равную ей. *Правильные ответы рѣдки.*

Для насъ въ настоящій моментъ не важенъ вопросъ о томъ, поскольку такой экспериментъ является экспериментомъ надъ памятью или надъ воспріятіемъ, для насъ важно одно: *внѣшній міръ, въ данномъ случаѣ предметъ — палочка, рѣдко воспринимается приблизительно правильно, въ той или иной степени искажается, проходя черезъ призму человѣческой психики.*

8.

Неточности
и искаженія
въ процессѣ
чтенія у дѣ-
тей.

Заинтересовавшись вопросомъ о точности перцепціи мозга со-
всѣмъ еще недисциплинированного или мало дисциплинирован-
наго, я прослѣдилъ процессъ чтенія у дѣтей въ одномъ изъ
подмосковныхъ пріютовъ.

Дѣти были разнаго возраста (3 — 12) и разной грамотности (отъ читающихъ по складамъ до читающихъ бѣгло и осмысленно).

Вопросомъ, который намъ можно поставить по поводу этого эксперимента, является вопросъ о томъ, насколько ясно и отчетливо воспринимаются буквы и цѣлыя слова?

Опыты надъ процессомъ чтенія у дѣтей производились многими изслѣдователями (съ выводами по этому вопросу и литературой его можно познакомиться по книжкѣ Нечаева: «Экспериментальная психологія»). Всматриваясь въ матеріалъ, полученный мною, и ошибки, сдѣланныя при чтеніи испытуемыми, можно сдѣлать слѣдующій выводъ: 1) чѣмъ менѣе дисциплинированъ мозгъ, тѣмъ труднѣе удастся ясная и отчетливая перцепція, тѣмъ онъ больше склоненъ (по возрастамъ) къ уклоненію отъ истины, къ фантазированію при воспріятіи, къ искаженію дѣйствительности, къ подменѣ дѣйствительности воображаемымъ, своею мечтою, склоненъ больше фантазировать, чѣмъ изслѣдовать; подъ вліяніемъ опыта и навыка искаженія при чтеніи уменьшаются, но не исчезаютъ совершенно. Точное копированіе дѣйствительности въ перцепціяхъ является непреодолимымъ трудомъ, и при всякомъ удобномъ случаѣ мозгъ человѣческій стремится отказаться отъ этой пассивной работы и внести въ дѣло свое творчество. Но творчество это нежелательно и вредно, потому что неумѣстно и преждевременно; 2) Уклоненіе отъ дѣйствительности при процессѣ чтенія направляется душевнымъ укладомъ испытуемаго, наличными его знаніями, всѣмъ умственнымъ запасомъ и умственнымъ навыкомъ субъекта; 3) часто вмѣсто написаннаго слова подставляются слова или по созвучію, или другимъ какимъ ассоціациямъ, но такъ или иначе при чтеніи получается то, чего нѣтъ вовсе въ книгѣ; 4) при чтеніи по складамъ дѣлаются большіе пропуски. Такъ трудно удержать вниманіе и копировать не дисциплинированному мозгу.

Взявъ для анализа перцепціи такія узкія рамки, какъ процессъ чтенія вслухъ, и дѣлая изъ него общіе выводы о природѣ и качествахъ воспріятія человѣческаго мозга, я руководствуюсь, во-первыхъ, тѣмъ соображеніемъ, что чѣмъ уже поставлены опыты, тѣмъ точнѣе получаютъ выводы изъ нихъ; во-вторыхъ, что процессъ чтенія вслухъ достаточно изслѣдованъ многими изслѣдователями, и наши выводы можно сопоставить съ выводами другихъ и, въ-третьихъ, что психическіе за-

коны въ одинаковой степени дѣйствительны какъ для явленій крупныхъ и широкихъ рамокъ, такъ и для явленій малыхъ и рамокъ узкихъ одного и того же порядка.

9.

Нормальное и необходимое отклонение отъ истины въ каждомъ психическомъ оборотѣ. Факты жизни.

Въ заключеніе я приведу сложный фактъ уклоненія отъ дѣйствительности при воспріятіи, взятый не изъ искусственно поставленныхъ опытовъ, а изъ самой жизни.

Я хочу припомнить одну экскурсію 1902 года въ лѣсъ, находящійся верстъ за 6 отъ нашего села. Участниковъ до мѣста назначенія доставило нѣсколько экипажей, изъ которыхъ одинъ былъ заложенъ непокойной тройкой. Когда послѣ экскурсіи и прогулки кучера начали закладывать тройку, тройка рванулась и, сбивъ всѣхъ трехъ кучеровъ, помчалась съ коляской, въ которую почти была уже заложена, по дорогѣ къ селу.

Возможность всяческихъ бѣдъ, какія могла надѣлать по пути бѣшенная тройка, наполнила ужасомъ всѣхъ очевидцевъ этого событія. Всѣ были увѣрены, что прогулка будетъ стоить нѣсколькихъ человѣческихъ жизней. Къ счастью, инцидентъ окончился не такъ трагически, какъ можно было ожидать.

Несмотря на то, что тройка закладывалась на глазахъ у всѣхъ участниковъ прогулки, въ описаніи этого факта очевидцами сразу установилось нѣсколько редакцій, отличныхъ другъ отъ друга какъ въ деталяхъ, такъ и въ существенныхъ пунктахъ.

Это обстоятельство меня заинтересовало и заставило сдѣлать пунктуальный опросъ очевидцевъ. Нужно замѣтить, что анкета производилась черезъ нѣсколько часовъ послѣ событія, когда съ положительностью не было еще установлено, что никакихъ несчастій съ людьми не произошло. Въ виду того, что этотъ случай при иномъ исходѣ могъ вызвать судебное дѣло уголовного характера, я попросилъ лицъ, участвовавшихъ въ прогулкѣ и наблюдавшихъ непосредственно событіе, дать мнѣ показанія, какія они сдѣлали бы въ томъ случаѣ, если бы пришлось подвергнуться опросу на судѣ.

Чтобы установить нѣкоторый порядокъ въ передачѣ этого факта, въ картинѣ происшествія выдѣлены были два момента и очевидцамъ поставлены были слѣдующіе вопросы: 1) Гдѣ находились старшій кучеръ и два младшихъ въ моментъ передъ

тѣмъ, какъ тройка рванулась и понеслась; 2) Пытались ли кучера остановить тройку, полузаложенную въ коляску, и въ какомъ положеніи находились они въ этотъ моментъ и т. д.

Сличая установившіяся редакціи описанія этого случая и полученные отвѣты, я былъ удивленъ тѣмъ, что на основаніи ихъ нѣтъ никакой возможности возстановить картину происшествія *правильно, полно и точно*. Такъ эти редакціи противорѣчивы, неполны и часто фантастичны.

Анализируя эти редакціи и отдѣльные отвѣты, мы должны отмѣтить любопытныя особенности въ воспріятіи и воспроизведеніи пережитого факта:

1) Ни у кого нѣтъ *правильнаго и полнаго* воспроизведенія пережитой картины — событія. У нѣкоторыхъ воспроизведены одни моменты, у другихъ другіе. Нѣкоторые видѣли, что тройка понеслась съ пустой коляской и больше ничего не видѣли, или не могутъ воспроизвести: *неполнота воспріятія и воспроизведенія*.

2) Въ нѣкоторыхъ редакціяхъ существуютъ всѣ главные моменты картины, но передаются они чрезвычайно неточно: одни увѣряютъ, что у тройки находился только одинъ старшій кучеръ, а два другихъ, оставивъ тройку, балагурили съ группой постороннихъ зрителей неподалеку отъ коляски. Оттого и случилась бѣда. Другіе, наоборотъ, увѣряютъ, что всѣ три кучера при закладкѣ находились каждый у своей лошади, и, наконецъ, есть редакціи, въ которыхъ говорится, что всѣ кучера при закладкѣ находились возлѣ одной (самой пугливой) пристяжки и т. д. Эти особенности редакцій относятся къ *неточности перцепціи и воспроизведенія*.

3) И, что особенно любопытно, почти во всѣхъ редакціяхъ существуютъ *подробности, какихъ въ дѣйствительности не существовало*.

Особенно замѣтно это въ показаніяхъ тѣхъ очевидцевъ, у которыхъ меньше всего воспринято моментовъ картины и менѣе точно, чѣмъ у другихъ. Такъ, нѣкоторые утверждали, что всѣ кучера были сшиблены тройкой одинъ за другимъ. Другіе, что всего одинъ только старшій кучеръ упалъ, а другіе не были сбиты и пр. Ни то, ни другое не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Въ основаніи даннаго извращенія дѣйствительности лежитъ сложный психическій процессъ. Намъ достаточно отмѣтить, что дѣйствительность въ этомъ случаѣ воспринята *иллю-*

зорно, а по поводу воспринятыхъ такимъ образомъ впечатлѣній привнесено фантазированіе и этому фантазированію придана окраска реальности.

Я взялъ умышленно одинъ изъ обыденныхъ фактовъ, въ которомъ нѣтъ и слѣда искусственности, надуманности, и который похожъ на всякій другой фактъ, изъ которыхъ слагается вся наша жизнь. Это проще и убѣдительнѣе.

10.

«Нѣтъ, Настенька, что ему, что ему сладострастному лѣнивцу въ той жизни, въ которую намъ такъ хочется съ вами? О, что ему въ нашей дѣйствительной жизни. Онъ думаетъ, что это бѣдная, жалкая жизнь, *не предугадывая*, что и для него, можетъ быть, когда-нибудь пробьетъ грустный часъ, когда онъ за одинъ день этой жалкой жизни отдастъ всѣ свои фантастическіе годы, и еще не за радость, не за счастье отдастъ, и выбирать не захочетъ въ тотъ часъ грусти, раскаянія и невозбраннаго горя»¹⁾. Пробьетъ этотъ грозный часъ... а пока утонченный и сладостный ядъ лживой беспочвенной мечтательности превратилъ всю жизнь автора этой тирады *въ сонъ на яву*. Пробьетъ этотъ грозный часъ и для многихъ другихъ, какъ пробилъ для Андреа Сперелли, надѣленнаго высшими качествами, богато-одареннаго, соблазненнаго своей мечтой и отпавшаго отъ міра, отъ красоты, «ежеминутно живущей въ мірѣ, и павшаго жертвой своей мечтательной лжи.

Для Хлестаковыхъ, Бальзаминовыхъ этотъ часъ бьетъ чаще, чѣмъ для другихъ. Въ этотъ «грозный часъ» міръ, дѣйствительность угощаетъ ихъ шлепками и тумаками, но они элементарнѣе и... живучѣе. И жизнь не устаетъ производить ихъ на свѣтъ Божій, потому что, какъ показали намъ приведенные опыты и факты жизни, творческія склонности заложены въ самой природѣ человѣческой психики и проявляются въ самыхъ уже элементарныхъ ея функціяхъ. Не получивъ надлежащей воспитательной тренировки и дисциплины, онѣ удаляютъ человѣческую душу отъ источника «жива», лишая точныхъ и разнообразныхъ воспріятій внѣшняго міра, опустошая этимъ душу человѣческую, и,

¹⁾ Достоевскій, «Бѣлыя Ночи».

въ соединеніи съ выше указанными свойствами этой души, создаютъ уродливое творчество, творчество-недоносокъ, типъ лгуна-мечтателя — эту каррикатуру настоящаго творца-художника и антисоціальный типъ. Устранить это антисоціальное явленіе во всѣхъ разнообразныхъ его видахъ могутъ только профилактическія мѣры.

Я не коснулся одного крупнаго соціальнаго фактора изъ формирующихъ типъ лгуна-мечтателя и вызывающихъ мечтательную ложь. Это соціальная фальшь, проникающая всю нашу общественную жизнь; это соціально-индивидуальный *разладъ между мыслью—словомъ и дѣломъ* — недугъ, особенно знакомый намъ русскимъ, нашей русской культурѣ.

Но здѣсь, въ чисто-психологическомъ эскизѣ по поводу интересующаго насъ типа и явленія, я могу только указать на этотъ соціальный факторъ для уясненія соціальной этиологии этихъ явленій, не входя въ детальный анализъ.

II.

Нѣсколько вѣковъ тому назадъ «великій апостолъ экспериментальной философіи» уподоблялъ умъ человѣческой зеркалу съ неровной поверхностью, на которое падаютъ лучи отъ предметовъ и которое, примѣшивая свои собственныя свойства къ свойствамъ предметовъ, обезображиваетъ и искажаетъ ихъ. *Nominum intellectui*, говорилъ нѣкогда Бэконъ (Фрэнсисъ) *non plumae addendae, sed plumbum potius et pondera ut cohibeant omnem saltum et volatum* (къ человѣческой мысли надо привязывать не крылья, а гири, которыя сдерживали бы полетъ ея).

Этотъ философско-психологическій аккордъ, какъ основной тонъ «Новаго Органона» девизъ всей научной дѣятельности Бэкона Веруламскаго, и долженъ быть, думается намъ, девизомъ воспитательныхъ системъ и основной профилактической мѣрой въ нашу эпоху смуты и шатанья человѣческаго ума и «душевнаго дребезга».

Ив. Холчевъ.

Болѣзнь Н. В. Гоголя.

Давно я считалъ необходимымъ изучить болѣзнь Н. В. Гоголя и опредѣлить ея вліяніе на творчество гениальнаго автора «Мертвыхъ Душъ». Нашъ великій критикъ, въ своемъ знаменитомъ письмѣ къ Гоголю писалъ: «или вы больны и вамъ надо лѣчиться, или... не смѣю досказать своей мысли». То же самое высказалъ С. Т. Аксаковъ въ письмѣ къ И. С. Аксакову ¹⁾. «Если бы я не имѣлъ утѣшенія думать, что онъ на нѣкоторыхъ предметахъ помѣшался, то жестокимъ бы словомъ назвалъ его». Ясный умъ и благородное сердце подсказали и Бѣлинскому и Аксакову вѣрное объясненіе характера Гоголя и его Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями. Глубокое уваженіе какъ къ самому Гоголю, такъ и къ этимъ двумъ благороднымъ пионерамъ нашего просвѣщенія обязываетъ психіатра отвѣтить на вопросъ, такъ категорически поставленный Бѣлинскимъ, объяснить насколько былъ правъ идеально честный С. Т. Аксаковъ. Слѣдовательно, психіатрическое изученіе жизни и произведеній Гоголя имѣетъ не только научный интересъ, но и большое нравственное значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, вопросъ о томъ, былъ ли боленъ психически Гоголь, какъ ни интересенъ въ научномъ отношеніи, не имѣлъ бы общественнаго значенія, если бы Бѣлинскій и Аксаковъ не считали единственнымъ оправданіемъ Гоголя то, что онъ психически боленъ. Психіатръ долженъ изучить и объяснить жизнь и произведенія Гоголя, главнымъ образомъ для того, чтобы снять съ памяти многострадальнаго гениальнаго автора «Мертвыхъ Душъ» тѣ тяжелыя обвиненія, которыя съ такою душевной тоской были высказаны нашимъ великимъ, и по уму

---

¹⁾ Исторія моего знакомства съ Гоголемъ. Русскій Архивъ. 1890, стр. 162-

и по благородству характера, критикомъ. Очевидно, что если Гоголь не былъ психически боленъ, то мы вмѣстѣ съ Бѣлинскимъ даже не смѣемъ «досказать своей мысли». Громадное вліяніе произведеній Гоголя на развитіе всего нашего просвѣщенія положительно обязываетъ русскаго психіатра объяснить, съ психіатрической точки зрѣнія, жизнь Гоголя, чтобы правильно освѣтить нравственный обликъ нашего великаго сатирика, дать правильное объясненіе причины тѣхъ его поступковъ, которые вызвали негодованіе лучшихъ его современниковъ.

Понимая именно такъ задачу психіатра, я долго не рѣшался приняться за этотъ трудъ; я все ждалъ, что болѣе меня компетентные авторы объяснятъ съ психіатрической точки зрѣнія жизнь и произведенія Гоголя; я ясно сознавалъ, что для такого труда недостаточно знанія учебниковъ психіатріи, а необходимо продолжительное самостоятельное изученіе душевно больныхъ, глубокое знаніе психологіи, и наконецъ вдумчивое отношеніе къ предмету. Кромѣ того эта задача представляла много затрудненій въ виду отсутствія полной біографіи Гоголя и полного собранія его писемъ.

Крайне обстоятельный трудъ В. И. Шенрока «Матеріалы для біографіи Гоголя» и изданная подъ его редакціей «Письма Н. В. Гоголя» въ значительной степени облегчили для психіатра изученіе жизни автора «Мертвыхъ Душъ». Всѣ воспоминанія и вообще вся литература о Гоголѣ разработана Шенрокомъ такъ полно, что изученіе источниковъ очень мало дополняетъ свѣдѣнія, собранныя этимъ почтеннымъ изслѣдователемъ, почему я почти исключительно цитирую трудъ Шенрока, и только очень рѣдко приходится прибѣгать къ ссылкамъ на источники. Изучивъ «Письма Н. В. Гоголя» и всю литературу о Гоголѣ, я однако не нашелъ возможнымъ приступить къ настоящему труду, во-первыхъ, потому, что ожидалъ новыхъ сообщеній о Гоголѣ, по поводу пятидесятилѣтія со дня его кончины, во-вторыхъ, потому, что нѣкоторые вопросы для меня не были совершенно ясны. Поэтому я не могъ, при всемъ моемъ желаніи, закончить этого труда въ 1902 году. Появившееся въ этомъ году изслѣдованіе д-ра Н. Н. Баженова «Болѣзнь и смерть Гоголя» задержало окончаніе моего труда, такъ какъ я долженъ былъ еще разъ провѣрить мои выводы, для того, чтобы объяснить себѣ значительное разногласіе между взглядомъ д-ра Баженова и моимъ.

Только теперь, послѣ свыше двадцатипятилѣтняго изученія психіатріи и продолжительныхъ занятій литературой о Гоголѣ, я рѣшаюсь высказать мои соображенія о болѣзни Гоголя и ея вліянія на его творчество. Полагаю, что мой трудъ не окажется лишнимъ послѣ изслѣдованія д-ра Баженова уже потому, что, соглашаясь въ общемъ съ д-ромъ Баженовымъ, я кромѣ того, что высказано было этимъ авторомъ, нахожу въ Гоголѣ много патологическихъ проявленій, о которыхъ не говоритъ д-ръ Баженовъ. Мой трудъ, по моему мнѣнію, дополняетъ изслѣдованіе этого автора, и потому въ значительной степени подтверждаетъ справедливость основного взгляда д-ра Баженова, такъ же какъ и его изслѣдованіе подтверждаетъ справедливость моего основного вывода. Въ самомъ дѣлѣ, если у кровати больного два врача соглашаясь, что пациентъ боленъ, въ зависимости отъ степени своей опытности, своихъ знаній, наконецъ, своихъ способностей, нѣсколько иначе понимаютъ болѣзнь: одинъ находитъ меньше болѣзненныхъ явленій, другой больше, то изъ этого не слѣдуетъ, что пациентъ здоровъ, и оба врача ошибаются; весьма естественно, что, изучая такое сложное явленіе, какъ болѣзнь, одинъ врачъ больше обращаетъ вниманіе на какое-либо одно ея проявленіе, а другой замѣчаетъ большее число симптомовъ болѣзни. Конечно, я не могу рѣшать кто изъ насъ, д-ръ Баженовъ или я, правильнѣе понялъ болѣзнь Гоголя, да это разногласіе и не имѣетъ большого значенія, какъ въ виду того, что въ основномъ выводѣ мы согласны, такъ и потому, что я преслѣдовалъ другую цѣль, чѣмъ д-ръ Баженовъ.

Точный, опредѣленный діагнозъ болѣзни Гоголя, по моему мнѣнію не имѣетъ большого значенія, да и едва ли возможенъ. Въ современной психіатріи нѣтъ не только общепризнанной классификаціи, но даже и номенклатуры болѣзней, а потому въ зависимости отъ школы, къ которой принадлежатъ психіатры, отъ личныхъ воззрѣній, ставятся на основаніи однихъ и тѣхъ же признаковъ нѣсколько различные діагнозы. Я увѣренъ, что если бы Гоголь жилъ теперь и былъ изслѣдованъ нѣсколькими психіатрами, получилось бы нѣкоторое разногласіе въ ихъ діагнозахъ, а вѣдь наши свѣдѣнія о болѣзни Гоголя весьма неполны, и потому и невозможенъ опредѣленный, точный діагнозъ его болѣзни. Да и какое значеніе имѣетъ такой діагнозъ; въ самомъ дѣлѣ, развѣ не все равно—страдалъ ли онъ періодической меланхоліей, или

круговымъ помѣшательствомъ, или наслѣдственнымъ помѣшательствомъ (*folie hereditaire*) въ смыслѣ Мореля, или, какъ теперь говорятъ, дегенеративнымъ помѣшательствомъ. Спорить о диагнозѣ болѣзни гениальнаго писателя, пятьдесятъ лѣтъ спустя послѣ его смерти, мнѣ кажется, не имѣетъ смысла, такъ какъ провѣрить справедливости мнѣній мы не можемъ, и потому каждый можетъ оставаться при своемъ мнѣніи.

Психіатрическое изученіе жизни и произведеній Гоголя, думаю я, должно преслѣдовать другую задачу, а именно указанную намъ Бѣлинскимъ. Поэтому я, не задаваясь цѣлью точно діагностировать форму душевной болѣзни Гоголя, изучалъ всѣ патологическія явленія у Гоголя, начиная съ его дѣтства. Прежде всего, конечно по возможности, нужно выяснитъ состояніе здоровья его родителей, опредѣлить унаслѣдованныя свойства его организациі.

Патологическія проявленія организма Гоголя имѣютъ значеніе лишь поскольку они проявлялись въ его поступкахъ и въ его произведеніяхъ, а что нѣкоторые поступки и нѣкоторыя особенности его творчества зависѣли отъ его патологической организациі, это было вполне ясно многимъ друзьямъ и знакомымъ Гоголя, которые не иначе могли объяснить причуды Гоголя, какъ тѣмъ что у него «что-то тронулось въ головѣ... вся Москва была о немъ такого мнѣнія» ¹⁾. Психіатры и должны объяснить, какъ развивались и какъ проявлялись патологическіе симптомы, въ чемъ они собственно состояли, и почему они давали право думать друзьямъ Гоголя, что у него «что-то тронулось въ головѣ». Особенно важно анализировать и прослѣдить развитіе этихъ симптомовъ для того, чтобы объяснить, насколько они обусловили тѣ поступки Гоголя, которые вызывали бы негодованіе, если бы совершившіи ихъ былъ здоровъ.

Психіатрическое изученіе жизни и произведеній Гоголя необходимо и для того, чтобы объяснить нѣкоторые эпизоды изъ его жизни, совершенно непонятные его біографамъ, не знающимъ психіатріи. Біографія Гоголя, какъ челоуѣка больного, не можетъ быть понятна безъ психіатрическаго ея изученія; въ самомъ дѣлѣ какихъ неправдоподобныхъ гипотезъ не высказано было біографами Гоголя для объясненія его поѣздки

¹⁾ Тургеневъ. Литературныя воспоминанія. Изданіе Маркса. III, XII, стр. 61.

въ Любекѣ, для объясненія ранняго прекращенія его творческой дѣятельности; писалось и объ любви къ Россети, и объ огорченіи отъ неуспѣха Ганца Кюхельгартена, а Кулишъ объясняетъ раннее прекращеніе творческой дѣятельности Гоголя такъ: «смерть Пушкина положила въ жизни Гоголя рѣзкую грань... При жизни Пушкина—Гоголь былъ однимъ человѣкомъ, послѣ смерти сдѣлался другимъ». Много писали о мистицизмѣ Гоголя, утверждали, что мистицизмъ отвлекъ его отъ художественной дѣятельности, хотя такъ ясно, что Гоголь мистикомъ никогда не былъ, и для Вогюэ не могло быть и сомнѣнія въ несправедливости такого мнѣнія. Дѣйствительно, можно лишь удивляться, какъ возникло убѣжденіе о мистицизмѣ Гоголя. Однимъ словомъ изученіе біографіи Гоголя съ психіатрической точки зрѣнія должно объяснить всю его жизнь, должно указать на тѣ заблужденія біографовъ Гоголя, которыя зависятъ отъ ихъ незнанія психіатріи. Лучшій біографъ Гоголя В. И. Шенрокъ вполнѣ сознавалъ необходимость психіатрическаго изученія біографіи Гоголя, и дѣйствительно развѣ можетъ быть понятна жизнь человѣка больного лицамъ, не изучавшимъ психіатріи.

Само собою разумѣется, что если бы душевная болѣзнь Гоголя не вліяла на его творчество, не отразилась бы на его художественной дѣятельности, психіатрическое изученіе біографіи Гоголя имѣло бы мало значенія. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ для пониманія произведеній Альфреда де Мюссе нужно знать какія патологическія проявленія представлялъ его организмъ. Совершенно иначе обстоитъ дѣло по отношенію къ Гоголю; біографы не объяснили намъ и, конечно, не могутъ объяснить, почему гениальный сатирикъ не закончилъ «Мертвыхъ Душъ», почему онъ написалъ Выбранныя Мѣста, «Авторскую Исповѣдь», почему любовь не играетъ никакой роли въ его произведеніяхъ, почему отрывокъ «Римъ» такъ кратокъ и, нужно прямо сказать, такъ слабъ. Именно художественная дѣятельность Гоголя не вполнѣ понятна, потому что его патологическое состояніе весьма рѣзко отразилось на его художественной дѣятельности. Конечно, не дѣло психіатра оцѣнивать художественныя достоинства произведеній Гоголя, объяснять ихъ; это сдѣлано вполнѣ компетентными критиками, выводами которыхъ психіатръ долженъ пользоваться. Психіатрическое изученіе жизни и произведеній Гоголя потому именно такъ важно, что объясняетъ многое и въ поведеніи, и

въ дѣятельности автора «Мертвыхъ Душъ». Пора наконецъ опровергнуть легенду о какомъ-то переломѣ въ жизни Гоголя, объ измѣненіи его творческой дѣятельности.

Настоящая работа мнѣ представилась особенно трудной, потому что психіатръ обязанъ объяснить не только жизнь Гоголя, но и вліяніе болѣзни на его творчество, а это задача весьма-весьма не легкая; тутъ недостаточно знанія психіатріи, а необходимо изученіе весьма обширной литературы о Гоголѣ.

Изъ вышеизложеннаго ясно, почему я предназначаю настоящій трудъ не для врачей, а для всѣхъ интересующихся произведеніями Гоголя. Я не думаю, чтобы узко-спеціальное изслѣдованіе о болѣзни Гоголя могло имѣть серьезное значеніе; для психіатровъ понятны патологическія явленія въ организмѣ Гоголя, а споры о точномъ діагнозѣ его болѣзни бесплодны по существу. Поэтому я не нашелъ возможнымъ придать настоящему труду узко-спеціальный характеръ, помѣстить его во врачебномъ органѣ. Жизнь и произведенія Гоголя серьезно интересуютъ многихъ образованныхъ людей, а особенно лицъ, изучающихъ русскую литературу. Вотъ именно для этихъ лицъ мною обработанъ настоящій трудъ; въ увѣренности, что онъ уяснитъ многое въ жизни Гоголя, объяснить тѣ особенности его творчества, которыя зависели отъ болѣзни.

Какъ врачъ, я долженъ руководиться совѣтомъ Diderot: *Ton metier est d'interroger la nature, et tu la fais mentir ou tu crains de la faire expliquer*¹⁾; поэтому я не имѣю права обходить вопросы, затрагивать которые крайне тягостно въ виду благоговѣнія къ гению Гоголя; при всемъ моемъ нежеланіи касаться вполнѣ интимныхъ сторонъ его жизни, а также несимпатичныхъ чертъ его характера, я не могъ обойти молчаніемъ, въ виду ихъ большого значенія съ психіатрической точки зрѣнія. Глубокое уваженіе къ плодотворной дѣятельности Гоголя, восхищеніе его чудными художественными произведеніями служатъ ручательствомъ того, что я только въ виду крайней необходимости и любви къ истинѣ говорю объ отрицательныхъ сторонахъ характера и дѣятельности автора «Мертвыхъ Душъ», въ полной увѣренности, что психіатрическое изученіе его жизни и произведеній дастъ намъ, вмѣстѣ съ С. Т. Аксаковымъ «утѣшеніе думать», что многострадальный Гоголь не отвѣтствененъ, въ силу своей болѣзни, за свои дурные поступки.

¹⁾ Diderot. De l'interpretation de la nature, XLVII.

I.

Наши свѣдѣнія о здоровьѣ родителей Н. В. Гоголя не достаточно точны и полны для того, чтобы могли служить для объясненія патологической организаціи геніальнаго автора Мертвыхъ Душъ». Мы конечно никогда не будемъ обладать необходимыми для насъ свѣдѣніями, потому что не только состояніе здоровья лицъ давно умершихъ, но даже нашихъ знакомыхъ остается намъ часто неизвѣстнымъ. Особенно скрываются нервныя и душевныя разстройства, и напр. Мебіусъ не могъ получить точныхъ свѣдѣній о здоровьѣ родителей Ницше ¹⁾).

Намъ извѣстны лишь три обстоятельства, которыя могли оказать вліяніе на здоровье Н. В. Гоголя; первое—это болѣзнь Василя Афанасьевича Гоголя; второе—нервность Марьи Ивановны Гоголь; третье—ея молодость, когда она родила своего знаменитаго сына.

По всей вѣроятности В. А. страдалъ туберкулезомъ и умеръ отъ этой болѣзни; по словамъ М. И. Гоголь: «До женитьбы у него два года была лихорадка, отъ которой его вылѣчилъ извѣстный въ то время докторъ Трахимовскій» [Шенрокъ г. 53]. Однако это было не выздоровленіе, а улучшеніе, легко объяснимое тою благопріятною обстановкой, въ которой жилъ больной. Наконецъ, наступило, какъ это обыкновенно бываетъ, ухудшеніе; В. А. хворалъ нѣсколько лѣтъ, наконецъ болѣзнь приняла неблагоприятное теченіе. «Мужъ мой,—говоритъ М. И.,—болѣлъ въ продолженіе четырехъ лѣтъ и когда пошла кровь горломъ, онъ поѣхалъ въ Кибинцы, чтобы посовѣтоваться съ докторомъ». Горловое кровотеченіе—явленіе весьма характерно для туберкулеза легкихъ т.-е. чахотки. Дальнѣйшимъ подтвержденіемъ такого распознаванія болѣзни В. А., можетъ служить его письмо: «мнѣ хорошо, но грудью страдаю ужасно и спать едва могу»; такъ именно жалуются на свое страданіе умирающіе чахоточные. Какъ и большинство чахоточныхъ В. А. не понималъ серьезности своего положенія и уже въ безнадежномъ состояніи поѣхалъ въ Лубны лѣчиться, съ полною увѣренностью на успѣхъ; послѣ непродолжительнаго лѣченія въ Лубнахъ, В. А. скончался на сорокъ четвертомъ году жизни; даже въ Лубнахъ онъ интересовался хозяйствомъ, что еще разъ подтверждаетъ, что онъ не понималъ опасности своего положенія.

¹⁾ Möbius. Ueber das pathologische bei Nietzsche. 1902 г.

Несмотря на неполноту нашихъ свѣдѣній о болѣзни В. А., едва ли можно сомнѣваться, что онъ умеръ отъ чахотки; общая картина болѣзни, весьма характерные для чахотки припадки и, наконецъ, отношеніе больного къ болѣзни, все это даетъ намъ право думать, что отецъ нашего гениальнаго писателя страдалъ туберкулезомъ.

Такое пониманіе болѣзни В. А. имѣетъ значеніе, потому что туберкулезомъ В. А. мы можемъ объяснить болѣзненность и вообще слабость организма нашего гениальнаго писателя; безспорно Н. В. Гоголь физически слабый человекъ, съ узкими плечами, впалой грудью; онъ всегда былъ худощавъ и никогда не имѣлъ вполнѣ здороваго, свѣжаго цвѣта лица. Едва ли можно сомнѣваться, что слабая физическая организація имѣла громадное значеніе во всемъ развитіи Н. В. Гоголя, во всей его жизни, въ складѣ его характера, въ образѣ жизни.

Туберкулезъ отца можетъ быть причиной вырожденія, патологической организаціи всѣхъ или нѣкоторыхъ дѣтей; несомнѣнно, что у отца, умершаго отъ туберкулеза, могутъ быть вполнѣ здоровыя дѣти. Поэтому слѣдуетъ ограничиться предположеніемъ, что туберкулезъ В. А. Гоголя могъ быть причиной патологической организаціи нервной системы, или вырожденія его великаго сына; съ большимъ правомъ мы можемъ объяснить слабость организма Н. В. Гоголя чахоткой его отца. Сильнымъ подтвержденіемъ такого предположенія служитъ большая смертность дѣтей В. А. Гоголя: изъ двѣнадцати дѣтей осталось въ живыхъ только пятеро; конечно большая смертность бываетъ между дѣтьми вполнѣ здоровыхъ родителей, но все же она, особенно если дѣти погибаютъ въ первые годы жизни, чаще бываетъ у дѣтей, происходящихъ отъ больныхъ родителей.

Наши свѣдѣнія о Марѣ Ивановнѣ не отличаются точностью и не даютъ возможности составить вполнѣ правильное сужденіе о здоровьѣ этой прекрасной женщины. Лица, оставившія намъ отрывочныя воспоминанія о М. И. Гоголь, не относились къ ней съ необходимою для точнаго наблюденія, объективностью, въ чемъ конечно ихъ нельзя упрекать; и ея личное обаяніе, и ореолъ матери гениальнаго писателя лишали ея знакомыхъ необходимою для наблюденія объективности. Несомнѣнно, что М. И. Гоголь обладала благороднымъ характеромъ, чуткой ко всему прекрасному душой; она умѣла любить и умѣла возбу-

ждать любовь; она, несомнѣнно, обладала живымъ, весьма гибкимъ умомъ, и была хорошо образована, принимая во вниманіе условія ея жизни. Поэтому я считаю рѣшительно невозможнымъ даже предположеніе, что М. И. страдала душевной болѣзнію; нѣтъ сомнѣнія, что до конца жизни эта чудная женщина сохранила психическое здоровье, и никогда никакой душевной болѣзнію не страдала.

Вмѣстѣ съ такимъ категорическимъ заключеніемъ, мы однако же не можемъ отрицать, что М. И. была надѣлена нервной, патологической организаціей; говоря иначе, это не была вполне здоровая, нормальная или обыкновенная женщина, что конечно ни коимъ образомъ не уменьшаетъ нашего уваженія и симпатіи къ матери гениальнаго писателя. Нельзя не обратить вниманія на неустойчивость и рѣзкія смѣны ея настроенія, и зависящаго отъ настроенія поведенія; то она, не сходя съ мѣста, не мѣняя позы, цѣлые часы думала неизвѣстно о чемъ, при чемъ лицо ея становилось безжизненнымъ, то была весела, оживлена и подвижна. Конечно, и у всѣхъ настроеніе мѣняется, на всѣхъ насъ нападаетъ вялость, смѣняющаяся подвижностью, но у М. И. неподвижность и мечтательность достигали до такой степени, что обращали на себя вниманіе лицъ ее знавшихъ. Очевидно, что въ этомъ отношеніи она отличалась отъ большинства; мы не можемъ судить, насколько патологическій характеръ имѣли эти необусловленные внѣшними причинами смѣны настроенія; можетъ быть, неподвижная мечтательность М. И. зависѣла отъ навязчивыхъ идей, можетъ быть, отъ обмановъ чувствъ, можетъ быть, эти смѣны настроенія и не имѣли такого тяжелаго характера. Безспорно, что у лицъ, надѣленныхъ патологической организаціей нервной системы, безъ всякой внѣшней причины, происходятъ рѣзкія колебанія настроенія: полная апатія смѣняется оживленіемъ; вдругъ безъ всякой причины субъектъ чувствуетъ слабость, общую вялость, полное равнодушіе ко всему, ему тяжело всякое усиліе, всякая перемѣна. Также безъ всякой внѣшней причины развивается оживленіе: субъектъ чувствуетъ себя хорошо, ему кажется все легкимъ, онъ становится подвиженъ, разговорчивъ, ищетъ новыхъ впечатлѣній; оба состоянія исчезаютъ также безъ всякой внѣшней причины. Эта же неустойчивость настроенія М. И. выражалась и въ томъ, что она легко впадала въ отчаяніе, «что повторялось вполнѣ нерѣдко, такъ

какъ по природной добротѣ она горячо принимала къ сердцу не только собственныя несчастія, но и горе близкихъ лицъ» (Шенрокъ, Т. I, стр. 53).

Меньшее значеніе имѣетъ мнительность и подозрительность М. И.; притомъ, мы не знаемъ насколько она отличалась въ этомъ отношеніи отъ той среды, въ которой жила. Безспорно, что М. И. была крайне мечтательна и поразительно непрактична, чѣмъ, конечно, и можно только объяснить, что она оставляла почти безъ средствъ горячо любимаго сына, хотя ея имѣніе при мало-мальски умѣломъ хозяйствѣ давало бы достаточный для безбѣднаго существованія доходъ. Поразительная непрактичность М. И. едва ли можетъ быть объяснена воспитаніемъ; она была воспитана какъ и всѣ, а вѣдь не мало вдовъ помѣщицъ настолько удовлетворительно вели свое хозяйство, что помогали своимъ сыновьямъ въ первые годы ихъ службы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ М. И. была настолько легкомысленна, что у заѣзжихъ торговцевъ дѣлала выше средствъ закупки и даже покупала вещи ей ненужныя; сынъ упрекалъ ее, что «вы пошли доискиваться правды у кочующаго лавочника, пріѣхавшаго на ярмарку». Мать, горячо любящая единственнаго сына, — накупаетъ ненужный хламъ, а сынъ ея бѣдствуетъ въ Петербургѣ; М. И. не была глупа, въ обычномъ смыслѣ этого слова; напротивъ, это была богато одаренная натура, но нужно думать, что мышленіе М. И. вполне зависѣло отъ чувствованій, отъ непосредственныхъ впечатлѣній; она не была надѣлена волей, не управляла въ должной мѣрѣ, ходомъ мышленія.

Понятно, что М. И. гордилась своимъ сыномъ, рассказывала о его славѣ, хвалила его произведенія, увѣряла себя, что ея сынъ извѣстенъ Государю и т. п.; материнская любовь даже и болѣе уравновѣшенныхъ, чѣмъ М. И., матерей, лишаетъ возможности критически относиться къ дѣтямъ. При томъ же М. И. имѣла полное право гордиться своимъ сыномъ и мало преувеличивала его славу.

Въ концѣ концовъ мы такъ мало знаемъ о здоровьѣ М. И., что должны ограничиться самымъ общимъ заключеніемъ: М. И. была женщиной нервной, натурой неуравновѣшенной; при большой мягкости сердца, чуткости, она не обладала дѣловыми способностями, мало была способна къ спокойной разсудочной дѣятельности; фантазія у ней была сильно развита. Она казалась

странной, прямо-таки ненормальной Данилевскому и Трахимовскому; послѣдній сообщаетъ, что «М. И. Гоголь вмѣстѣ съ тѣмъ была крайне впечатлительна и подозрительна: бывали дни, недѣли, цѣлые мѣсяцы, когда впечатлительность М. И. доходила до крайнихъ предѣловъ, достигала почти болѣзненного состоянія». Геніальный сынъ, конечно, замѣтилъ болѣзненность своей матери и въ письмѣ къ сестрѣ Аннѣ Васильевнѣ отъ 12, VI. 1839» говоритъ: «Слава Богу, наша маменька физически совершенно здорова. Я разумѣлъ душевную, умственную болѣзнь, о ней была рѣчь».

Необходимо однако принимать во вниманіе, что М. И. овдовѣла тридцати двухъ лѣтъ; несомнѣнно, что раннее вдовство очень сильно вліяетъ на здоровье нервной системы; особенно сильно было вліяніе этого обстоятельства на здоровье нервной, ненормальной М. И.; весьма возможно, что если бы не было этого крайне неблагоприятнаго для здоровья нервной системы обстоятельства, «нервность» М. И. не достигла бы такой крайней степени. На основаніи собственныхъ, достаточно многочисленныхъ наблюденій, я придаю большое значеніе раннему вдовству.

Мы не знаемъ, какою душевной болѣзнію страдалъ племянникъ Н. В. Гоголя, Трушковскій, а потому тотъ фактъ, что племянникъ страдалъ душевной болѣзнію, еще не даетъ намъ достаточно основаній, чтобы судить о вырожденіи въ семьѣ Гоголей; можетъ быть Трушковскій страдалъ приобрѣтенной душевной болѣзнію; возможно, что патологическая организація была унаслѣдована и отъ отца.

Трудно рѣшить, насколько молодой возрастъ матери могъ быть причиной патологической организаціи нервной системы Н. В. Гоголя; какъ á priori, такъ и на основаніи наблюденій надъ животными, мы должны думать, что между дѣтьми очень молодыхъ матерей относительно много слабыхъ и хилыхъ. Весьма возможно, что слабое тѣлосложеніе Н. В. Гоголя, его хилое здоровье, хотя отчасти зависитъ отъ крайней молодости его матери. Однако мы не обладаемъ точными наблюденіями, указывающими, что молодость матери можетъ быть причиной вырожденія и слабости здоровья потомства. Еще менѣе основаній мы имѣемъ утверждать, что молодость матери можетъ быть причиной патологической нервной организаціи потомства; это возможно, но не доказано.

М. И. было пятнадцать лѣтъ, когда она родила великаго сатирика; у другихъ дѣтей не было нервныхъ разстройствъ; по-этому можно, съ нѣкоторымъ основаніемъ, объяснить патологическую организацію нервной системы и вообще хилое здоровье Н. В. Гоголя крайней молодостью его матери.

Такимъ образомъ наши скудныя свѣдѣнія о здоровьѣ родителей Н. В. Гоголя не даютъ намъ права давать какія-либо категорическія заключенія; мы знаемъ, что состояніе здоровья родителей нерѣдко вліяетъ на здоровье потомства; у вполне здоровыхъ родителей могутъ быть больныя дѣти, и наоборотъ—у больныхъ родителей бываютъ здоровыя дѣти. Сестры Н. В. Гоголя, по крайней мѣрѣ, младшія, до старости пользовались удовлетворительнымъ здоровьемъ, а Н. В. Гоголь безспорно былъ болѣзненный человѣкъ.

Гораздо важнѣе выяснить, что въ біологическомъ отношеніи унаслѣдовалъ Н. В. Гоголь отъ своихъ родителей, выяснить можно ли біологически объяснять геніальность Н. В. Гоголя, какъ даръ унаслѣдованный, или же геніальность автора «Мертвыхъ Душъ» не можетъ быть объяснена законами наследственности, слѣдовательно, должна считаться случайнымъ, чисто индивидуальнымъ уклоненіемъ.

Отецъ Н. В. Гоголя былъ человѣкъ обыкновенный; онъ не выдавался изъ среды, въ которой жилъ, не достигъ совершенства въ какомъ-либо родѣ дѣятельности; онъ не захотѣлъ закончить своего образованія, пробовалъ служить, но безъ успѣха, ревностно занимался хозяйствомъ, но хозяиномъ былъ плохимъ. Онъ писалъ недурныя пьесы для театра Трошинскаго, но эти пьесы были очень далеки отъ совершенства и не обратили на себя вниманія; онъ писалъ стихи, но вѣдь было время, когда всѣ, кому нечего было дѣлать, писали плохіе стихи. Говорятъ онъ былъ хорошій рассказчикъ; приходится вѣрить этому показанію.

Едва ли можно сомнѣваться, что В. А. Гоголь былъ мягкій, добрый, хорошій человѣкъ, любимый своею семьею и своими знакомыми; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не отличался ни трудолюбіемъ, ни энергіей, ни настойчивостью, ни дѣловитостью.

Геніальный сынъ унаслѣдовалъ отъ добродушнаго и ласковаго отца только хилое здоровье и, можетъ быть, патологическую организацію нервной системы; едва ли можно утверждать, что

В. А. Гоголь передалъ свою способность хорошо разсказывать во-первыхъ, весьма сомнительно, чтобы такая способность, или такое свойство, передавались по наслѣдству. По крайней мѣрѣ между дѣтьми извѣстныхъ ораторовъ и актеровъ, хорошихъ разсказчиковъ не больше чѣмъ между дѣтьми лицъ, не обладавшихъ этой способностью. Во-вторыхъ, едва ли Н. В. Гоголя; можно считать хорошимъ разсказчикомъ; онъ былъ геніальный чтець своихъ геніальныхъ произведеній, неподражаемый, и можетъ быть геніальный разсказчикъ смѣшныхъ по преимуществу «непечатныхъ» анекдотовъ, но вообще онъ не обладалъ выдающимся даромъ слова и не говорилъ хорошо ни о чемъ, кромѣ той области, которую постигалъ въ совершенствѣ въ силу своей исключительной и односторонней геніальности. Также едва ли можно допустить, что В. А. передалъ своему сыну свой литературный талантъ. Уже не говоря о томъ, что талантъ В. А. былъ крайне посредственный, едва ли можно найти что-либо кромѣ виѣшняго сходства, между невинными, отъ нечего дѣлать, написанными для забавы богатаго родственника и его гостей театральными пьесами В. А. Гоголя, и «Ревизоромъ».

Вообще, Н. В. Гоголь ни въ чемъ не походилъ на своего благодушнаго отца; отецъ былъ доволенъ своею жизнью, вполне мирился съ окружающею обстановкой. Геніальный сынъ всегда стремился впередъ, никогда не мирился съ дѣйствительностью; отецъ былъ благодушенъ и любилъ всѣхъ и все, сынъ былъ практиченъ и дѣловитъ; отецъ былъ лѣнивъ, сынъ былъ трудолюбивъ и дѣятеленъ, насколько это позволяло ему его слабое здоровье. Отецъ наслаждался жизнью, какъ ни скромна была его доля счастья, сынъ могъ бы имѣть все въ жизни, и не наслаждался никогда жизнью, потому что по своему темпераменту не могъ наслаждаться жизнью. Отецъ провелъ жизнь, какъ праздникъ, для геніальнаго сына жизнь была страданіе, прерываемое короткими моментами восторговъ, о которыхъ В. А. и мечтать не могъ. Чтобы оцѣнить насколько сынъ не походилъ на отца, необходимо принять во вниманіе, что отецъ для своего времени, былъ такъ же, если не лучше, образованъ, чѣмъ сынъ.

Вообще, не часто сынъ такъ мало похожъ на отца, какъ авторъ «Мертвыхъ Душъ» на В. А. Гоголя. Можно сказать, что Н. В. Гоголь былъ такой же плохой хозяинъ, какъ и его отецъ, но съ этимъ рѣшительно нельзя согласиться. Н. В. Гоголь не за-

нимался хозяйствомъ, потому что небольшое имѣніе матери не могло его даже интересовать; но если бы ему пришлось заняться хозяйствомъ, онъ былъ бы прекрасный хозяинъ, такъ какъ обладалъ главнымъ свойствомъ хорошаго хозяина — узнавать и подчинять себѣ людей. Можно, конечно, говорить, что В. А. Гоголь имѣлъ вліяніе на своего сына, какъ человѣкъ образованный и даже литературный. Хотя это уже выходитъ изъ сферы моей специальности, могу замѣтить, что образование отца имѣло вліяніе лишь на внѣшнюю жизнь Н. В. Гоголя: если бы онъ выросъ въ необразованной семьѣ, онъ могъ бы заглухнуть, его гений отъ этого былъ бы намъ неизвѣстенъ, но все-таки Н. В. былъ бы гениальнымъ человѣкомъ.

Безспорно, что чѣмъ болѣе Н. В. Гоголь походилъ бы на своего отца, тѣмъ легче бы ему жилось; страдальческая жизнь Н. В. Гоголя убѣдительно доказываетъ намъ, что онъ унаслѣдовалъ отъ чахоточнаго отца только хилое здоровье.

Весьма немного Н. В. Гоголь унаслѣдовалъ отъ своей матери; ихъ сходство мало уловимо и трудно опредѣлимо; приходится удовольствоваться такими же неопредѣленными, туманными выраженіями, какъ неопредѣленно это сходство. И у матери и у сына была сильно развита духовная жизнь; это были духовныя натуры, если можно такъ выразиться; М. И. такъ же какъ и ея сынъ обладала натурой высшаго порядка. Конечно, все это неопредѣленно, но вѣдь мы и не можемъ точнѣе опредѣлить сходство сына и матери, оба они не были вульгарны, это были не монеты, похожія всѣ другъ на друга, а медали хотя и разной величины, но обѣ изъ благороднаго металла. Если мы обратимъ вниманіе, что М. И. всегда горячо любила своего гениальнаго, но едва ли пріятнаго въ семейномъ кругу сына, мы не можемъ отказать этой старосвѣтской помѣщицѣ въ большой душевной чуткости. Душевность, чуткость, способность любить все это свидѣтельствуетъ о высокой душѣ М. И.; эта духовность была унаслѣдована сыномъ.

Этимъ и кончается сходство М. И. Гоголь съ ея сыномъ. Онъ не унаслѣдовалъ отъ матери ни ея любвеобильности, ни ея кротости, ни ея непосредственнаго сердечнаго интереса къ жизни, ни ея покорности судьбѣ, ни ея непрактичности, ни ея душевной простоты и прекрасной наивности. М. И. Гоголь обрисована и въ ея письмахъ, и въ письмахъ Н. В. Гоголя, и въ воспоминаніяхъ

друзей ея знаменитаго сына весьма хорошо, и потому едва ли можно сомнѣваться, что сходство между нимъ и матерью было весьма не велико, а главное неопредѣленно. Такое заключеніе подтверждается и тѣмъ, что живая связь между матерью и сыномъ, несмотря на ихъ взаимную любовь, скоро порвалась, зато оба часто и много писали другъ другу. Н. В. Гоголь полѣнился въ 1839 году съѣздить къ матери и выписалъ невыѣзжавшую далеко старушку-мать въ Москву, да еще въ чужой домъ. Едва ли радость М. И. Гоголь при свиданіи съ сыномъ много отличалась отъ того душевнаго состоянія, которое переживала мать Базарова, когда этотъ послѣдній пріѣзжалъ домой. М. И. Гоголь жилось гораздо легче, чѣмъ ея сыну; такъ же какъ и ея мужъ она обладала жизнерадостностью и умѣла довольствоваться немногимъ. Ей хотѣлось увеличить доходы своего имѣнія, но и хозяйственныя неудачи она переносила легко, только чуткимъ материнскимъ сердцемъ она понимала, но конечно лишь смутно, страданія своего великаго сына; но стремленія сына, сущность и причины его страданій, были совершенно чужды ея натурѣ.

Что Н. В. Гоголь біологически ничего кромѣ слабаго здоровья не унаслѣдовалъ отъ отца, и очень мало унаслѣдовалъ отъ матери, доказывается и тѣмъ, что всѣ его сестры рѣшительно ни въ чемъ не походили на своего гениальнаго брата. Онѣ ничѣмъ не выдавались изъ среды, ничѣмъ не заявили своихъ способностей, прожили жизнь въ той же средѣ, въ которой родились, жили безмятежно и пользовались счастьемъ, насколько это удастся обыкновеннымъ людямъ. Гениальный больной братъ и здоровья, похожія на своихъ родителей сестры были совершенно чужды другъ другу; даже блестящее образованіе, полученное Анной и Елизаветой Гоголь, благодаря ихъ знаменитому брату, не выдѣлило ихъ изъ толпы, и для насъ вполне понятно, что попытки Н. В. Гоголя пріохотить своихъ сестеръ къ литературному труду оказались безуспѣшны. Ничего безусловно выдающагося, ничего даже похожаго на гениальность, въ хорошей, честной, даже скажемъ, умной семьѣ Н. В. Гоголя не было, что и доказывается тѣмъ, что изъ этой семьи не вышло ни одного человѣка, хотя бы чѣмъ либо выдѣливашагося изъ толпы, хотя сколько-нибудь извѣстнаго.

Такимъ образомъ мы имѣемъ право притти къ заключенію, что гениальность автора «Мертвыхъ Душъ» не была имъ унаслѣдована,

что въ семьѣ его не было ничего, что бы могло намъ объяснить геній Н. В. Гоголя. Еще разъ мы видимъ, что геній родился въ самой обыкновенной, почтенной семьѣ; между предками и сестрами Н. В. Гоголя не было ни одного лица, обладавшаго выдающимися способностями. Мы можемъ утверждать, что геній можетъ родиться въ каждой семьѣ, безъ всякой подготовки; геній это какое-то случайное, непонятное намъ уклоненіе. Біографія Н. В. Гоголя еще разъ подтверждаетъ намъ, что мы рѣшительно не знаемъ ни біологическихъ, ни психологическихъ условий, способствующихъ развитію генія. Особенно убѣдительно это положеніе подтверждается біографіей Н. В. Гоголя; не только своей геніальностью, но и всей своей организацией, всѣмъ своимъ духовнымъ складомъ онъ отличался отъ своего семейства. Онъ во всемъ, по отношенію къ собственному семейству, былъ исключительнымъ явленіемъ; слѣдовало бы сказать, что геніальность это какое-то уродство, но это слово имѣетъ дурной смыслъ. Пока мы должны довольствоваться этимъ словомъ, такъ какъ оно лучше другихъ выражаетъ все то небольшое, что мы знаемъ о происхожденіи геніевъ. Н. В. Гоголь не былъ похожъ ни на отца, ни на мать, его геніальность не была дальнѣйшимъ развитіемъ способностей, имѣвшихся въ его семьѣ; почему-то, по непонятнымъ намъ причинамъ, въ почтенной, благодушной семьѣ родился геніальный сатирикъ. Поневоля намъ приходится геніальность Н. В. Гоголя объяснить болѣзнію, такъ какъ только болѣзнь можетъ намъ объяснить такое рѣзкое уклоненіе, такое существенное отличіе. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ же иначе можно объяснить тотъ несомнѣнный фактъ, что Н. В. Гоголь и своими удивительными способностями, и своей организацией отличался отъ всѣхъ членовъ своего семейства. Только болѣзнь могла обусловить это столь полезное для всѣхъ насъ уродство и уклоненіе отъ типа. Унаслѣдованное вырожденіе или болѣзни, перенесенныя въ дѣтствѣ, или же, что наиболѣе вѣроятно, то и другое вмѣстѣ, обусловили то уклоненіе въ организацию, то уродство въ строеніи головного мозга, которое выразилось и въ геніальности, и въ особенностяхъ характера Н. В. Гоголя. Иначе мы не можемъ объяснить геніальности Н. В. Гоголя: болѣзнь обусловила одностороннее развитіе головного мозга, задержала гармоническое развитіе всего головного мозга.

Патологическая организациа нервной системы Н. В. Гоголя

несомнѣнна и ею, или говоря иначе, болѣзнью, мы можемъ объяснить геніальность автора «Мертвыхъ Душъ». Остается не вполне выясненнымъ, чѣмъ объясняется и болѣзнь, и геніальность Н. В. Гоголя: унаслѣдованнымъ вырожденіемъ или случайнымъ заболѣваніемъ въ дѣтскомъ возрастѣ, но вѣдь это и не имѣетъ большого значенія.

Я вполне понимаю, что объясненіе геніальности, какъ патологическаго явленія, мало выясняетъ намъ сущность дѣла; если даже и признать какъ безусловно доказанное, что геній обусловленъ болѣзнью, что вообще геніальность есть патологическое уклоненіе отъ типа, все же остается не выясненнымъ главное: какія болѣзни и какимъ образомъ обусловливаютъ геніальность, какія уклоненія мозга бываютъ у геніальныхъ людей.

Однако такое объясненіе имѣетъ и нѣкоторую цѣнность, такъ какъ благодаря ему намъ вполне ясна ошибка біографовъ, старающихся объяснить геніальность характеромъ родителей, воспитаніемъ; вліяніемъ среды и т. п. Всѣ такія попытки совершенно несостоятельны, какъ въ томъ убѣждаетъ насъ жизнь Н. В. Гоголя; ни среда, ни характеръ родителей, ни воспитаніе, ни впечатлѣнія дѣтства, ни образованіе, однимъ словомъ ничто, кромѣ болѣзни, не можетъ объяснить намъ удивительныхъ способностей Н. В. Гоголя.

Вообще, воспитаніе, вліяніе родныхъ и друзей очень мало воздѣйствуютъ на геніальныхъ людей; жизнь Н. В. Гоголя можетъ служить этому хорошимъ подтвержденіемъ. В. А. Гоголь имѣлъ самое ничтожное вліяніе на своего сына, въ чемъ конечно нельзя его обвинить; геніальный сатирикъ самъ перевоспиталъ себя, развивался вполне самостоятельно. Біографы, обычно, стараются объяснить жизнь и творчество генія воздѣйствіями на него среды, забывая, что геній и воспринимаетъ и перерабатываетъ иначе, чѣмъ мы, обыкновенные люди; геній именно отличается и крайней самостоятельностью и громадной своеобразностью.

II.

О дѣтствѣ Н. В. Гоголя намъ ничего неизвѣстно, кромѣ того, что онъ часто хворалъ и вообще былъ ребенокъ болѣзненный; какъ и относительно дѣтства всѣхъ великихъ людей, и о дѣтствѣ Н. В. Гоголя имѣются свѣдѣнія, не заслуживающія ни малѣй-

шаго довѣрія. Есть любители сообщать невѣроятныя свѣдѣнія о жизни великихъ людей, почему вообще нужна крайняя осторожность при оцѣнкѣ сообщеній о Н. В. Гоголѣ; даже правдивый и образованный Данилевскій писалъ, что Гоголь «трехъ лѣтъ отъ роду, не учась грамотѣ у учителя, уже бѣгло читалъ и писалъ слова мѣломъ».

Нѣтъ никакихъ сомнѣній въ томъ, что до поступленія въ Гимназію высшихъ наукъ въ Нѣжинѣ, Гоголь воспитывался и учился также какъ и его сестры, ничѣмъ особеннымъ не выдѣлялся. Его болѣзненность мѣшала ему учиться настолько, что въ Полтавѣ потребовались усиленные занятія съ особо приглашеннымъ для этой цѣли учителемъ. Если бы до отъѣзда въ Нѣжинъ, Н. В. Гоголь чѣмъ-либо выдѣлялся, его наблюдательная мать обратила бы на это вниманіе и запомнила бы ея подмѣченное.

Самымъ цѣннымъ матеріаломъ для сужденія объ отроцествѣ Н. В. Гоголя слѣдуетъ считать его письма. На основаніи этихъ писемъ можно судить, что и въ Нѣжинѣ здоровье Гоголя было неудовлетворительно; онъ жалуется на боли въ груди въ письмахъ отъ 14. VIII. 1821; 6. IX. 1821; онъ былъ опасно боленъ въ 1822-мъ году, и «долгое время не могъ писать (письмо отъ 10. X 1822); въ письмѣ отъ 3 X 1823, Гоголь пишетъ»: «извините, что я такъ худо пишу. Это отъ непривычки; ибо я, по правдѣ вамъ сказать, былъ боленъ». Жалобы Гоголя на свое плохое здоровье подтверждаются свидѣтельствомъ Данилевскаго: «онъ былъ болѣзненный ребенокъ. Лицо его было какое-то прозрачное. Онъ сильно страдалъ отъ золотухи; изъ ушей у него текло»... [Шенрокъ т. 123]. Воспоминаніе Данилевскаго о болѣзненности Гоголя заслуживаетъ полнаго довѣрія въ глазахъ врача; у дѣтей чахоточныхъ родителей часто бываетъ «золотуха», «прозрачное» лицо, гноетеченіе изъ ушей.

Слѣдуетъ считать большимъ счастіемъ, что Гоголь былъ отданъ въ Гимназію высшихъ наукъ въ Нѣжинѣ, такъ какъ, съ большимъ правомъ, можно думать, что только благодаря крайне благоприятнымъ для здоровья условіямъ жизни въ этомъ заведеніи здоровье геніальнаго отрока значительно улучшилось. Прекрасный климатъ, великолѣпный садъ, новое зданіе, обширныя помѣщенія, удовлетворительный столъ, относительно малое число часовъ школьныхъ занятій, хорошій уходъ, образцовая медицинская помощь со стороны д-ра Орлая, все это Гоголь

едва ли бы нашель въ другомъ учебномъ заведеніи. Все, что намъ извѣстно о почтенномъ докторѣ Орлаѣ, даетъ намъ право думать, что Орлай никогда не забывалъ о своей главной обязанности, вносилъ врачебную точку зрѣнія въ дѣло воспитанія и, насколько могъ, заботился о здоровьѣ ввѣренныхъ его попеченію и какъ директора, и какъ врача, воспитанниковъ. Такимъ образомъ Гимназія высшихъ наукъ въ Нѣжинѣ, укрѣпивъ здоровье Гоголя, сослужила великую службу передъ всѣмъ человѣчествомъ.

За первые годы пребыванія Гоголя въ Нѣжинѣ здоровье его несомнѣнно поправилось, что доказывается и всѣмъ его поведеніемъ и его письмомъ къ матери отъ 14. IV. 1826 года: «касательно моего здоровья, смѣло могу васъ увѣрить, что я еще никогда не была въ такомъ хорошемъ состояніи, какъ теперь: веселье, радостень».

Дурное состояніе здоровья Гоголя въ первые годы его жизни въ Гоголѣ весьма сильно вліяло и на его развитіе, и на его поведеніе. Слѣдуетъ согласиться съ Шенрокомъ (1 т. стр. 126), такъ характеризующимъ Гоголя за этотъ періодъ: «Гоголь долго держалъ себя ребенкомъ, при чемъ рѣшительно не обращалъ въ низшихъ классахъ ничьего вниманія; ему даже отводилось не слишкомъ завидное мѣсто въ свободныхъ товарищескихъ отношеніяхъ, хотя онъ не отставалъ отъ сверстниковъ въ обыкновенныхъ мальчишескихъ проказахъ въ классахъ и дортуарахъ, вслѣдствіе чего если и пользовался общою любовью школьниковъ, то не внушалъ къ себѣ уваженія. Надъ нимъ часто смѣялись и трунили, толкали его, получая отъ него соотвѣтствующее возмездіе въ видѣ насмѣшливыхъ прозвищъ и кличекъ».

Дурнымъ состояніемъ здоровья Гоголя въ первые годы его жизни въ Нѣжинѣ нужно объяснить и то обстоятельство, что онъ не пристрастился къ какому либо спорту, хотя на физическія упражненія въ гимназіи было обращено столь большое вниманіе, что при выпускѣ «по окончаніи музыки, пѣнія и танцевъ бились на рапирахъ и сабляхъ пансіонеры, окончившіе курсъ наукъ: Григорьевъ, Данилевскій и Миллеръ», «танцовали матлотъ Пузырьскій и Данилевскій I. ¹⁾ Гоголь всю свою жизнь не любилъ физическихъ упражненій, что, конечно, объясняется его хилымъ

¹⁾ Лавровскій. Гимназія высшихъ наукъ Т. Ш. 1874. стр. 157.

здоровьемъ, и въ особенности очень дурнымъ состояніемъ здоровья въ отрочествѣ, т.-е. въ томъ періодѣ жизни, когда здоровые мальчика приохочиваются къ физическимъ упражненіямъ.

Гоголь плохо учился въ гимназіи высшихъ наукъ, но его лѣность и плохіе успѣхи, никоимъ образомъ, не могутъ быть объяснены его болѣзненностью въ первые годы пребыванія въ Нѣжинѣ; слабыя, болѣзненные дѣти могутъ учиться очень хорошо; такъ какъ физическія упражненія, шалости не по силамъ такимъ дѣтямъ, дѣтское самолюбіе ихъ часто страдаетъ отъ ихъ физической слабости, то они учатся съ особымъ стараніемъ, и, по мѣрѣ способностей, старанія ихъ увѣнчиваются успѣхомъ. Очень здоровыя, хорошо сложенные дѣти нерѣдко тяготятся продолжительными классными занятіями; ихъ организмъ требуетъ движенія, бурныхъ шалостей. Что не слабое здоровье Гоголя было виной его плохихъ успѣховъ въ гимназіи, доказывается и тѣмъ, что и въ старшихъ классахъ т.-е., когда его здоровье было удовлетворительно, онъ учился также, какъ и въ младшихъ.

Меня удивляетъ, что даже такой опытный и ученый педагогъ, какъ Н. А. Лавровскій, обвиняетъ Гимназію высшихъ наукъ въ Нѣжинѣ за плохіе успѣхи Гоголя. Уже не говоря о томъ, что между преподавателями были и вполне почтенныя лица, и даже такіе, какъ профессоръ Бѣлоусовъ, настолько выдающійся и опередившей свое время, что жестоко пострадалъ за свое превосходство, но изъ Гимназіи высшихъ наукъ вышло немало весьма полезныхъ и вполне просвѣщенныхъ дѣятелей, вся жизнь Гоголя свидѣтельствуетъ намъ, что, по складу своего ума, онъ не могъ хорошо учиться. Для меня несомнѣнно, что въ самой лучшей школѣ Гоголь учился бы плохо, хотя, конечно, изъ очень хорошей школы онъ вышелъ бы съ большимъ запасомъ свѣдѣній, чѣмъ изъ Гимназіи высшихъ наукъ въ Нѣжинѣ. Гоголь не могъ хорошо учиться, потому что своимъ умственнымъ складомъ, всей своей духовной организаціей рѣзко отличался отъ обыкновенныхъ людей. Несомнѣнно, что онъ обладалъ и воспримчивостью, и памятью, и сообразительностью несравненно лучшими, чѣмъ хорошіе ученики; несомнѣнно, что, даже оставляя въ сторонѣ его творчество, онъ по уму былъ гораздо выше средняго уровня, все-таки онъ не могъ никогда и нивъ какой школѣ учиться хорошо. По складу своего ума, въ теченіе всей своей жизни Гоголь могъ хорошо усваивать лишь то, что его интерес-

совало лично, что имѣло непосредственный интересъ для него лично, что имѣло для него прямое значеніе; все остальное онъ усваивалъ и перерабатывалъ очень плохо, хуже чѣмъ лица среднихъ способностей. Поэтому онъ учился плохо въ школѣ, былъ сквернымъ профессоромъ, очень умнымъ человѣкомъ, съ весьма неполнымъ образованіемъ.

Гоголь не могъ хорошо учиться, потому что объективное знаніе, знаніе, какъ таковое, для него не имѣло значенія, не могло его интересовать. Арнольди, познакомившійся съ Гоголемъ въ послѣдніе годы его жизни, весьма тонко подмѣтилъ основное свойство ума Гоголя. «Если вы рассказывали ему что-нибудь для него новое, бросающее новый свѣтъ на отдѣльнаго человѣка или даже на цѣлое сословіе, онъ никогда не старался вникнуть внимательно въ вашъ рассказъ, замѣтить на сколько онъ былъ справедливъ и усвоить его себѣ или взять изъ него что-нибудь, какъ бы слѣдовало писателю съ такимъ громаднымъ талантомъ, задумавшему описать всю Россію въ одной поэмѣ—нѣтъ. Онъ просто переставалъ васъ слушать, дѣлался разсѣяннымъ и ясно показывалъ вамъ, что рассказъ не занимаетъ его. Учиться у другихъ онъ не любилъ»¹⁾. Психіатръ могъ бы къ этому мѣткому и весьма цѣнному наблюденію Арнольди прибавить лишь нѣсколько словъ: «потому что онъ не могъ».

Благодаря своей прекрасной памяти, Гоголь хотя и плохо, но учился въ Гимназіи высшихъ наукъ; можно однако думать, что въ заведеніи болѣе требовательномъ онъ не кончилъ бы курса; слѣдовательно, еще разъ мы должны быть благодарны Гимназіи высшихъ наукъ въ Нѣжинѣ. Мы не имѣемъ основанія не довѣрять одному изъ наставниковъ Гоголя г. Кулжицкому, писавшему въ 21 № «Москвитянина» за 1854 (Шенрокъ т. I, стр. 86): «Онъ учился у меня три года и ничему не научился, какъ только переводить первый параграфъ изъ хрестоматіи при латинской грамматикѣ Кошанскаго». Едва ли при современныхъ требованіяхъ гениальный Гоголь окончилъ бы гимназію.

Только психіатръ можетъ понять странный и непонятный складъ ума Гоголя; дѣйствительно, для педагога неясно, почему способный, интеллигентный и даже вдумчивый ученикъ учится плохо; одни объясняютъ плохіе успѣхи такихъ учениковъ лѣнью,

¹⁾ Арнольди. Мое знакомство съ Гоголемъ. Русскій Вѣстникъ 1862.

другіе обвиняють въ плохихъ успѣхахъ школу. Гоголь не былъ живымъ, рѣзвымъ мальчишкой; такіе мальчики, даже надѣленные хорошими способностями, иногда учатся плохо, потому что ихъ сильный организмъ требуетъ много физическаго движенія. Всѣ мы встрѣчали людей умныхъ и способныхъ, вполнѣ равнодушныхъ къ знанію; эти люди съ сильно развитой физической жизнью: кутилы, обжоры, охотники, спортсмены и т. п.; ихъ духовная жизнь угнетена, если можно такъ выразиться, насчетъ физической жизни. Гоголь былъ человѣкъ интеллигентный, жившій почти всецѣло духовной жизнью, и тѣмъ не менѣе всю жизнь, «онъ у другихъ учиться не любилъ»... очевидно, что ничто не могло его отвлекать отъ умственной жизни: всегда онъ жилъ духовной жизнью, не любилъ физическихъ упражненій, не кутилъ, не пилъ, и вообще не наслаждался земными радостями; онъ не прочь былъ хорошо покушать и иногда пофрантить, но вѣдь эти маленькія слабости не могли отвлекать его отъ умственныхъ интересовъ.

Мы, психіатры, прекрасно знаемъ тотъ странный складъ ума, который вполнѣ проявился у Гоголя уже въ его отрочествѣ: полное равнодушіе къ знанію, при хорошихъ способностяхъ, отсутствіе интереса ко всѣмъ предметамъ преподаванія безразлично рядомъ съ дѣятельнымъ, пытливымъ умомъ именно бываетъ у лицъ съ патологической организаціей нервной системы. Эти лица не могутъ любить знанія, не любятъ учиться у другихъ, и нѣтъ возможности пріохотить ихъ къ наукѣ, пріучить ихъ къ систематической умственной работѣ. Ихъ живо интересуется только то, что имѣетъ непосредственный интересъ къ ихъ личности, и поэтому они могутъ имѣть хорошія познанія въ нѣкоторыхъ областяхъ, при полномъ невѣжествѣ въ другихъ. Несмотря на всю свою интеллигентность, они равнодушны къ истинѣ, не любятъ учиться.

Такъ какъ я подробно высказался по этому вопросу въ моей работѣ «Интеллектуальныя чувствованія у душевно-больныхъ 1), то здѣсь ограничусь лишь краткимъ изложеніемъ.

У нѣкоторыхъ лицъ съ патологической организаціей нервной системы крайне слабы или даже совершенно недоразвиты интеллектуальныя чувствованія т.-е. чувствованія, сопряженныя съ

1) Нейрологическій вѣстникъ 1899. вып. 1, 2, 3.

умственной дѣятельностью. Я думаю, что правильнѣе всего вмѣстѣ съ Ladd ¹⁾ и Davis ²⁾ интеллектуальныя чувствованія свести въ двѣ группы, два класса, признавать два основныхъ типа—это любовь изслѣдованія, изученія и любовь къ истинѣ. У лицъ съ патологической организаціей нервной системы изученіе, изслѣдованіе не вызываетъ пріятныхъ чувствованій, они не могутъ испытывать какъ Гете «священное изумленіе» передъ истиной. Конечно, немало и вполне здоровыхъ лицъ, не любящихъ изученія, не чувствующихъ прелести истины, но это тупые люди или наконецъ лица, у которыхъ животная жизнь подавляетъ духовную.

При врожденной слабости или недоразвитіи интеллектуальныхъ чувствованій, при хорошихъ умственныхъ способностяхъ, умственные занятія, какъ въ школѣ такъ и по окончаніи ея, не могутъ быть успѣшны. Самолюбіе, личный интересъ, капризъ, та или другая цѣль могутъ понудить такихъ лицъ заняться наукой; иногда въ началѣ дѣло идетъ недурно, но уже скоро врожденная слабость интеллектуальныхъ чувствованій проявляетъ себя; не испытывая пріятныхъ чувствованій при изслѣдованіи, утѣшающихъ скромныхъ и даже скудно одаренныхъ труженниковъ науки, лицо съ врожденной слабостью интеллектуальныхъ чувствованій, забрасываетъ начатую работу; остается только блестяще-написанное вступленіе, первая глава и т. п. Друзья, не понимающіе особенностей его склада ума, удивляются, что талантливый, самоувѣренно толкующій о своихъ научныхъ трудахъ психопатъ не можетъ окончить ни одного начатаго труда; обвиняется среда, недостатокъ средствъ и т. п.

Изученіе жизни Гоголя крайне поучительно именно въ этомъ отношеніи, такъ какъ у Гоголя весьма рельефно былъ выраженъ этотъ дефектъ нервной организаціи, и мы хорошо можемъ въ теченіе всей жизни автора «Мертвыхъ Душъ» прослѣдить его нелюбовь учиться у другихъ, такъ какъ всегда онъ учился лишь тому, что имѣло непосредственное отношеніе къ его личности, слѣдовательно, весьма немногому.

Дальнѣйшее изученіе біографіи Гоголя выяснитъ намъ вполне этотъ дефектъ нервной его организаціи.

У лицъ съ слабыми интеллектуальными чувствованіями не мо-

1) Psychologie p. p. 564—569 г.

2) Elements of Psychologie 284—286

жетъ быть священнаго изумленія передъ истиной, и потому они не могутъ быть правдивы; они или прямо говорятъ неправду, или безъ всякой надобности, или для достиженія грубо-утилитарныхъ цѣлей, или замѣняютъ истину фразами и риторикой; неискренность, преувеличенія и умолчанія суть неизбѣжныя послѣдствія отсутствія священнаго изумленія передъ истиной. Было бы несправедливо такихъ лицъ обвинять во лживости; они не испытываютъ того непріятнаго чувствованія, которое переживаетъ нормальный, порядочный человѣкъ, когда онъ, по той или другой причинѣ, обманываетъ; профессоръ, рѣшившійся, чтобы понравиться начальнику или вліятельному другу, прочесть лекцію не изъ курса, но специально подготовленную на сей случай, долго чувствовалъ бы себя очень дурно, стыдился бы своихъ слушателей; Гоголь, угостившій Пушкина и Жуковского лекціей объ А. Машунѣ, напротивъ былъ самаго лучшаго о себѣ мнѣнія и презиралъ какъ товарищей, такъ и студентовъ.

Эта неискренность Гоголя, обусловленная патологической организаціей его нервной системы, сказалась очень рано вмѣстѣ съ его удивительною практичностью; въ письмѣ отъ 7.1.1822 онъ пишетъ, что взялъ у товарища ножикъ, чтобы «посмотрѣть»; «я забылъ ему отдать сейчасъ, а положилъ въ свой ящикъ, но черезъ минуту посмотрѣлъ въ ящикъ, и его уже тамъ не было. Теперь онъ говоритъ, чтобы я отдалъ сейчасъ ему восемь рублей, а не то—такъ онъ возьметъ всѣ мои вещи и еще пожалуется гувернерамъ, и они меня накажутъ со всею строгостью». Гоголь обѣщаетъ больше не брать чужихъ вещей и просить «пришлите мнѣ денегъ, хоть рублей десять». Конечно, вполне нормальные, но дурно воспитанные и дурные мальчики пишутъ и не такія небывлицы родителямъ, чтобы выманить десять рублей, но вѣдь Гоголь былъ воспитанъ правдивыми, нѣжно его любящими родителями, былъ хорошій сынъ и скромный мальчикъ. Это письмо очень характерно; я зналъ одного кадета, выманившаго у родителей пятнадцать рублей, выдумавъ, что онъ сломалъ казенное ружье; онъ кончилъ очень дурно.

Удивительная практичность Гоголя, его непостижимое умѣніе подмѣчать слабыя стороны людей и пользоваться этими слабостями, проявилась у него очень рано. Кукольникъ рассказываетъ: «Иванъ Семеновичъ (Орлай) не жаловалъ, если ученики во время лекцій оставляли классы и прогуливались

по коридорамъ, а Гоголь любилъ эти прогулки, а потому немудрено, что частенько натыкался на директора, но всегда выходилъ сухъ изъ воды и всегда одною и тою же продѣлкой. Завидѣвъ Ивана Семеновича издали, Гоголь не прятался, шелъ прямо къ нему навстрѣчу, раскланивался и докладывалъ: «Ваше превосходительство! я сейчасъ получилъ отъ матушки письмо. Она поручила засвидѣтельствовать вашему превосходительству усерднѣйшій поклонъ и донести, что по вашему имѣнію идетъ все хорошо». (Имѣніе Орлая, при которомъ находилось всего шесть душъ, находилось по сосѣдству съ деревней матери Гоголя)... «Душевно благодарю! Будете писать къ матушкѣ, не забудьте поклониться ей отъ меня и поблагодарить...» Таковъ былъ обыкновенный отвѣтъ Ивана Семеновича, и Гоголь безпрепятственно продолжалъ прогулку по коридорамъ (Шенрокъ I, с. 76).

Необходимо замѣтить, что Орлай считался хорошимъ знакомымъ семейства Гоголя, заботился о Н. В. Гоголѣ и принималъ въ немъ особенное участіе; въ случаѣ нужды въ деньгахъ, Гоголь могъ свободно обращаться къ Орлаю.

Еще болѣе искусства, уже совсѣмъ несвойственнаго обыкновеннымъ ученикамъ, проявилъ Гоголь, притворившись «бѣшенымъ»; большого довѣрія заслуживаетъ разсказъ Кукольника объ этомъ происшествіи; но вѣдь и для того, чтобы избѣгнуть тѣлеснаго наказанія, ученики не притворяются «бѣшеными». Такое тонкое пониманіе начальническихъ сердець недоступно не только отрокамъ, но и взрослымъ, а Гоголь сообразилъ, что онъ, притворившись бѣшенымъ, избѣгнетъ наказанія и причинитъ большія хлопоты и испугъ начальству и доктору. Само собою разумѣется, что Гоголь скверно изобразилъ «бѣшенство», такъ какъ не видѣлъ душевнобольныхъ, но для начальства и доктора, также не знавшаго психіатріи (а въ то время ея никто не зналъ), вѣрнаго изображенія «бѣшенства» и не требовалось.

Вотъ все, что можно сказать объ отрочествѣ Гоголя; на основаніи имѣющихся у насъ свѣдѣній, мы можемъ заключать, что въ этомъ возрастѣ проявились лишь нѣкоторыя особенности его характера, его нервной организаціи. Гоголь такъ рѣзко не походилъ на обыкновенныхъ людей, его организація была такъ своеобразна, что съ увѣренностью можно утверждать, что въ самой лучшей школѣ, самые опытные педагоги не разгадали бы этого

отрока, не могли бы существенно вліять на его развитіе. Гимназія высшихъ наукъ укрѣпила здоровье гениальнаго отрока, кое-чему его научила; большое ей спасибо за это.

III.

Только въ юношескомъ возрастѣ Гоголь занялъ между товарищами подобающее его крупной личности мѣсто; только теперь мы замѣчаемъ расцвѣтъ духовной жизни автора Мертвыхъ душъ.

Художественныя и творческія способности Гоголя въ этомъ періодѣ жизни проявились въ увлеченіи театромъ; по всей вѣроятности, онъ съ горячностью занялся театральными представленіями и хорошо игралъ. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ могъ заняться Гоголь въ Нѣжинѣ, а его богатая духовная натура требовала дѣятельности; къ научнымъ занятіямъ онъ былъ неспособенъ, къ физическимъ упражненіямъ—еще болѣе, рисовальщикъ онъ оказался плохой; вслѣдствіе недостаточнаго знанія языковъ сокровища художественной литературы ему были почти недоступны, и потому послѣ неудачныхъ попытокъ заняться рисованіемъ и литературой, Гоголь увлекся театромъ.

Еще болѣе ярко проявилась богатая духовная натура въ ранней пронизательности, въ тонкой наблюдательности. Въ письмахъ къ Г. И. Высоцкому восемнадцатилѣтній Гоголь проявляетъ пронизательность и вдумчивость, далеко не заурядныя; это серьезный, вдумчивый и наблюдательный юноша; можно лишь удивляться, какъ рано Гоголь сталъ серьезно относиться къ жизни, понимать слабыя стороны людей. Впрочемъ, нѣтъ надобности останавливаться на этомъ обстоятельствѣ, такъ какъ быстрое развитіе въ юношескомъ возрастѣ нельзя считать явленіемъ патологическимъ.

Въ юношескомъ возрастѣ у Гоголя проявилось два симптома его патологической нервной организаціи.

Во-первыхъ, Гоголь въ этомъ возрастѣ былъ совершенно безучастенъ къ женщинамъ; какъ по его письмамъ, такъ и по воспоминаніямъ его товарищей, никакихъ любовныхъ увлеченій въ этомъ возрастѣ у Гоголя не было.

Періодъ полового созрѣванія у всѣхъ нормальныхъ юношей сопровождается любовными увлеченіями; въ зависимости отъ характера, воспитанія, среды, любовь проявляется весьма различно; мы можемъ наблюдать всѣ переходы отъ мечтательной любви

къ невѣдомой героинѣ до грубаго посѣщенія «съ гигиеническою цѣлью» по совѣту родственника или товарища «пансіоновъ безъ древнихъ языковъ». Нормальный юноша непремѣнно влюбляется или прямо начинаетъ съ того, чѣмъ кончается любовь. Чѣмъ выше духовная натура юноши, чѣмъ лучше воспитаніе, имъ полученное, тѣмъ большую роль въ его жизни играетъ любовь; юноши тупые въ нравственномъ отношеніи, съ сильно развитою физическою жизнію, дурно воспитанные, довольствуются скотскою любовію и, при возможности удовлетворяютъ свои тѣлесныя потребности, совершенно не доступны настоящей любви, и безучастны ко всѣмъ порядочнымъ дѣвушкамъ и женщинамъ.

При невозможности удовлетворить естественнымъ путемъ тѣлесныя потребности, юноши, по крайней мѣрѣ многіе, мастурбируютъ; по всей вѣроятности, въ Нѣжинѣ, въ двадцатыхъ годахъ, проституція не процвѣтала, а потому между учениками Гимназіи, высшихъ наукъ мастурбація была распространена весьма сильно. Такъ какъ мастурбація не можетъ удовлетворить нормальныхъ юношей, то они непремѣнно или влюбляются или, по мѣрѣ возможности, удовлетворяютъ естественнымъ путемъ свои тѣлесныя потребности.

Считаю необходимымъ оговориться, что мнѣ крайне неприятно касаться этого вопроса, но, къ сожалѣнію, я не могу его обойти, въ виду того, что общепризнано, что здоровье автора «Мертвыхъ Душъ» пострадало именно отъ мастурбаціи. Еще на школьной скамьѣ, я помню, наши почтенные наставники, убѣждая насъ во вредѣ онанизма, ссылались на примѣръ Гоголя: такой гениальный человѣкъ и заболѣлъ отъ онанизма. Недавно одинъ нашъ извѣстный ученый, когда я замѣтилъ въ разговорѣ, что отъ онанизма съ ума сойти нельзя, возразилъ мнѣ: «ужь на что Гоголь былъ гениаленъ, и то заболѣлъ отъ онанизма». Однимъ словомъ, традиція объ онанизмѣ Гоголя такъ распространена, что, при всемъ нежеланіи касаться этого вопроса, я непремѣнно долженъ обстоятельно имъ заняться.

Вообще, не доказано, что Гоголь былъ онанистъ, и весьма возможно, что онъ вовсе не мастурбировалъ, или же мастурбировалъ лишь въ періодѣ полового созрѣванія и въ ранней молодости. Легенда о мастурбаціи Гоголя создавалась потому, что онъ не имѣлъ любовныхъ увлеченій, даже самыхъ грубыхъ; это отсутствіе любовныхъ увлеченій объясняютъ тѣмъ, что онъ мастур-

бироваль. Иначе лица, не знающія патологии половой жизни, и не могутъ объяснить отсутствія любовныхъ увлеченій. Но, во-первыхъ, у нѣкоторыхъ лицъ съ патологической организаціей нервной системы половыя желанія или совершенно отсутствуютъ, или такъ слабы, что они и не мастурбируютъ, и не имѣютъ половыхъ увлеченій. Весьма возможно, что Гоголь именно принадлежалъ къ этой категоріи, т.-е. и не мастурбироваль, и не имѣлъ никакихъ любовныхъ увлеченій; такое предположеніе не можетъ быть опровергнуто, но и не можетъ быть доказано. Во-вторыхъ, нѣкоторые мастурбанты имѣютъ любовныя увлеченія; боязнь заразиться дурною болѣзнію, застѣнчивость побуждаютъ такихъ лицъ, когда не представляется возможности безопасно и удобно удовлетворить свои желанія естественнымъ путемъ, прибѣгать къ мастурбаціи. Поэтому только лица, не знающія патологии половой жизни, думаютъ, что субъектъ, не имѣющій половыхъ увлеченій, предается мастурбаціи.

По моему мнѣнію, мы можемъ съ одинаковымъ правомъ допускать, что Гоголь былъ мастурбантъ и что у Гоголя или совершенно отсутствовали половыя желанія, или были такъ слабы, что онъ не удовлетворялъ ихъ, ни естественнымъ путемъ, ни мастурбаціей.

Первое предположеніе болѣе распространено, и Ломброзо его считаетъ доказаннымъ; въ сущности для психіатра не имѣетъ большого значенія, какое изъ двухъ допущеній соотвѣтствуетъ дѣйствительности ¹⁾.

Если дѣйствительно Гоголь былъ мастурбантъ, то это доказываетъ лишь то, что Гоголь былъ надѣленъ патологической организаціей нервной системы; несомнѣнно, что мастурбація была симптомомъ болѣзни, а не ея причиной; если бы гениальный авторъ «Мертвыхъ Душъ» не былъ больнымъ или, по крайней мѣрѣ, ненормальнымъ, онъ не былъ бы мастурбантомъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ здоровый человѣкъ можетъ удовлетвориться мастурбаціей, можетъ не любить, не чувствовать сильнѣйшаго отвращенія къ мастурбаціи. Въ самомъ дѣлѣ, что, кромѣ патологической организаціи нервной системы, могло мѣшать Гоголю и кутить, и любить?

Если мы будемъ считать вѣрнымъ второе предположеніе, то

1) Lombroso. Der geniale Mensch. S. 116.

также должны считать такую ненормальность симптомомъ патологической организациі нервной системы; трудно сказать, что мастурбациа въ теченіе всей жизни или полное отсутствіе половыхъ желаній — составляетъ болѣе тяжелое патологическое явленіе, и потому, по моему мнѣнію, вопросъ, былъ ли Гоголь мастурбантъ, не заслуживаетъ большого вниманія. Важно и даже очень важно, что Гоголь не имѣлъ любовныхъ увлеченій, ни грубыхъ, ни идеальныхъ. Это особенно важно, потому что этотъ симптомъ его патологической организациі оказалъ громадное вліяніе на его творчество. Гоголь не умѣлъ изображать любви, и любовь не играетъ роли въ его произведеніяхъ, если не считать романтической любви Андрея въ «Тарасъ Бульба». Въ изображеніи этого эпизода Гоголь проявилъ свое непониманіе любви: онъ ее описалъ совсѣмъ не такъ, какъ описывалъ явленія ему извѣстныя и понятныя. Непонятная, неизвѣстная Гоголю любовь могла ему казаться какою-то таинственной, чудной силой, способной понудить казака Андрея измѣнить казачеству и религіи только для того, чтобы увидѣть паненку, которую онъ разъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, видѣлъ въ Кіевѣ. Не только въ то время, но и въ наше, такіе простяки невозможны, и во всѣхъ произведеніяхъ Гоголя нѣтъ такого невозможнаго эпизода, какъ любовь Андрея. Гоголь, не интересовавшійся женщинами вслѣдствіе своей врожденной ненормальности, зналъ ихъ плохо, и изображалъ гораздо слабѣе, чѣмъ мужчинъ. Строго говоря, онъ не далъ намъ ни одного законченнаго изображенія женщины; онъ всегда съ большимъ знаніемъ рисовалъ мужчинъ. Я помню, какъ долго не могъ понять, почему въ произведеніяхъ Гоголя любовь не играетъ роли, почему лучшимъ его женскимъ образомъ была старуха Коробочка, почему онъ не далъ намъ художественныхъ образовъ дѣвушекъ: вѣдь Улинька это не образъ. Если бы и были сомнѣнія насчетъ того, зналъ ли Гоголь женское сердце, наблюдалъ ли онъ съ своею громадною проникающею дѣвушекъ, то Улинька должна была бы насъ убѣдить, что Гоголь страдалъ патологическою организациею нервной системы, лишившей его способности любить. Эта ненормальность Гоголя совершенно непонятна нѣкоторымъ его біографамъ; особенно рѣзко доказала непониманіе сложной природы Гоголя г-жа Черницкая ¹⁾, удивительно ложно истолковавъ отношенія Гоголя къ

¹⁾ «Сѣверный Вѣстникъ» 1890, I.

«Смирновой; «вообразивъ въ Гоголѣ рыцаря-однолюба, она не церемонится съ фактами», совершенно вѣрно говоритъ Шенрокъ (т. IV, стр. 369). Г-жа Черницкая рѣшительно не понимаетъ, что Гоголь не могъ любить: вся его жизнь и всѣ его произведенія доказываютъ, что любви для него не существовало. Шенрокъ обнаруживаетъ глубокое знаніе Гоголя, горячо опровергая взглядъ Черницкой.

Извѣстно, что Гоголь любилъ разсказывать «непечатные» анекдоты и мастерски ихъ разсказывалъ; эти разсказы остались намъ неизвѣстны, потому что, въ виду ихъ крайней циничности, слышавшіе не могли ихъ намъ передать. Насколько я могъ узнать, конечно изъ вторыхъ рукъ, т.-е. отъ лицъ, слышавшихъ эти разсказы изъ устъ друзей и знакомыхъ Гоголя, цинизмъ весьма убѣдительно свидѣтельствуетъ о недоразвитіи у нашего великаго сатирика половой любви. Какъ я уже говорилъ объ этомъ въ моей работѣ «Тургеневъ, какъ психопатологъ»¹⁾, лица съ недоразвитыми или угасшими половыми чувствованіями именно склонны къ цинизму, любятъ неприличныя фотографіи, скабрзные разсказы и т. п. То же самое приходится повторить по поводу «непечатныхъ» анекдотовъ Гоголя: только органическимъ недостаткомъ, т.-е. недоразвитіемъ половой любви, можно объяснить, что великій художникъ могъ находить удовольствіе въ разсказахъ, просто гадкихъ для обыкновеннаго здороваго человѣка. Гоголь разсказывалъ «непечатные» анекдоты съ такимъ мастерствомъ, съ такимъ удовольствіемъ, что несомнѣнно его воображеніе было направлено въ извѣстную сторону: это не были шутки грубаго чувственнаго человѣка, лишеннаго художественнаго чутья,—нѣтъ, это были именно художественныя произведенія больного, страдающаго врожденнымъ недоразвитіемъ половой жизни.

Какъ извѣстно, Гоголь даже хотѣлъ напечатать довольно нескромный разсказъ «Прачка»; я не читалъ этого произведенія, но слышалъ, что и тутъ проявился грубый цинизмъ больного генія. Гоголь былъ настолько уменъ, что былъ крайне цѣломудренъ въ своихъ произведеніяхъ, предназначенныхъ для печати. но зато въ обществѣ друзей съ чисто болѣзненнымъ цинизмомъ описывалъ самыя грязныя, самыя сладострастныя сцены; воображеніе его много работало въ этомъ направленіи.

1) «Вопросы Философіи» 1899.

Не меньшее значеніе имѣетъ второй симптомъ патологической организаціи нервной системы Гоголя, ясно проявившійся уже въ юношескомъ возрастѣ. Симптомъ этотъ еще мало разработанъ въ психіатріи, и по самому существу дѣла не совсѣмъ ясенъ не только для профановъ, но даже для специалистовъ; для его уразумѣнія необходимы и знаніе психологіи, и, главное, способность къ психологическому анализу.

Гоголь сразу, безъ всякаго основанія, или внѣшняго повода, измѣняетъ свои взгляды на людей; всѣ въ его глазахъ дѣлаются пошляками, ничтожествами; исключеніе составляютъ лишь лица имъ очень любимыя, ему особенно близкія. Тѣ лица, которыхъ онъ уважалъ, и которыя имѣли полное право на его уваженіе, безъ всякаго повода, безъ всякаго основанія вызываютъ съ его стороны только высококомѣрное порицаніе и презрѣніе.

Гоголь, такъ сказать, съ молокомъ матери всосалъ благоговѣніе къ Д. П. Трощинскому, привыкъ гордиться родствомъ съ этимъ сановникомъ, привыкъ считать его просвѣщеннымъ вельможей, благодѣтелемъ Малороссіи; вдругъ безусловное благоговѣніе замѣняется отрицательнымъ, высококомѣрнымъ отношеніемъ. Совершенно неосновательно объясняютъ такую перемѣну тѣмъ, что Гоголя оскорбило невниманіе Трощинскаго къ его матери, когда къ его пріѣзду дѣлались большія приготовленія, а между тѣмъ его «высокопревосходительство» не благоволилъ пріѣхать (Шенрокъ, 1, стр. 135, примѣч.). Уже не говоря о томъ, что Гоголь всегда былъ почтителенъ къ «властямъ придержащимъ», онъ былъ настолько уменъ, что не могъ требовать аккуратности въ посѣщеніяхъ отъ больного старика. Необходимо не забывать, что Д. И. Трощинскій родился въ 1754 году, а умеръ въ 1829, слѣдовательно, два года спустя послѣ того, какъ Гоголь измѣнилъ къ нему отношеніе.

Еще менѣе имѣлъ правъ Гоголь отрицательно относиться къ Орлаю; этотъ гуманный, почтенный директоръ такъ снисходительно и заботливо воспитывалъ Гоголя, что имѣлъ полное право на уваженіе и благодарность гениальнаго юноши; тѣмъ, кто не признаетъ этой черты характера Гоголя симптомомъ патологической организаціи его нервной системы, крайне тяжело читать отзывы Гоголя объ Орлаѣ; если гениальный юноша такъ отрицательно и высококомѣрно относился къ руководителю своего воспитанія, то чего же слѣдуетъ ожидать отъ посредственностей и тупицъ.

Нечего и говорить, что отношеніе къ обыкновеннымъ смертнымъ было еще болѣе высокоумно; это «дураки», «существователи»; Гоголю тяжело даже жить среди такихъ ничтожествъ. «Ты знаешь всѣхъ нашихъ существователей, всѣхъ населившихъ Нѣжинъ. Они задавили корою своей земности, ничтожнаго самодовольствія высокое назначеніе человѣка. И между этими существователями я долженъ пресмыкаться... Изъ нихъ не исключаются и дорогіе наставники наши». (Письмо къ Г. И. Высоцкому. 26, VI, 1827).

Какъ и всегда бываетъ у лицъ съ патологической организаціей, у Гоголя «существователи» вызываютъ враждебное отношеніе не потому, что они только существуютъ, а потому, что они непочтительны и не любезны. Вина существователей всегда состоитъ въ томъ, что презирающій ихъ очень требователенъ въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ, очень обижается, что «дураки» его мало уважаютъ, а потому считаетъ себя напрасно оскорбляемымъ и даже преслѣдуемымъ. Само собою разумѣется, что презирающій «существователей» очень высокаго мнѣнія о самомъ себѣ, считаетъ себя неизмѣримо выше неуважающихъ, а слѣдовательно оскорбляющихъ и даже преслѣдующихъ существователей; онъ, конечно, со временемъ уничтожитъ всѣхъ своихъ преслѣдователей, такъ какъ онъ неизмѣримо выше ихъ.

Все это съ буквальной точностью повторилось и въ исторіи болѣзни Гоголя; въ письмѣ къ матери отъ 1. III. 1826 онъ между прочимъ пишетъ: «но врядъ ли кто вынесъ столько неблагодарностей, несправедливостей, глупыхъ, смѣшныхъ притязаній, холоднаго презрѣнія и проч. Все выносилъ я безъ упрековъ, безъ роптанія, никто не слыхалъ моихъ жалобъ, я даже всегда хвалилъ виновниковъ моего горя. Правда, я почитаюсь загадкой для всѣхъ, никто не разгадалъ меня совершенно... Нѣтъ, я слишкомъ знаю людей, чтобы быть мечтателемъ. Уроки, которые я отъ нихъ получилъ, останутся навѣки неизгладимы, и они вѣрная порука моего счастья. Вы увидите, что со временемъ за всѣ ихъ худыя дѣла я буду въ состояніи заплатить благодарностями, потому что зло ихъ обратится мнѣ въ добро».

Для психіатра не имѣетъ особаго значенія, что восемнадцатилѣтній, плохой ученикъ, кромѣ участія въ спектакляхъ, не имѣлъ никакого права презирать существователей; къ сожалѣнію, и вполне нормальные люди, конечно не всѣ, переоцѣниваютъ свои до-

стоинства и свысока смотреть на лицъ, у которыхъ не достойны «развязать ремень обуви»; такое ни на чемъ не основанное высокомѣріе особенно часто у плохо учившихся или, говоря правильнѣе, невѣжественныхъ молодыхъ людей. Моралистъ имѣлъ бы право упрекнуть Гоголя за такое высокомѣрное презрѣніе—это не былъ тупой, глупый юноша, которому простительно презрѣніе даже къ «дорогимъ наставникамъ». Психіатръ долженъ съ особымъ вниманіемъ анализировать происхожденіе высокомѣрнаго презрѣнія Гоголя ко всѣмъ, кромѣ немногихъ любимыхъ имъ лицъ. Несмотря на всю свою пронизательность, ни въ чемъ «существователей» Гоголь обвинить не могъ: во-первыхъ, они ничѣмъ не заслуживали презрѣнія, во-вторыхъ, даже Гоголь въ восемнадцать лѣтъ не могъ правильно судить своихъ «дорогихъ наставниковъ»; при томъ же Гоголь и не интересовался ни образованіемъ, ни умомъ своихъ «дорогихъ наставниковъ», такъ какъ учился лишь настолько, чтобы выдержать экзамень. Можно было бы думать, что намъ остались неизвѣстны истинныя причины высокомѣрнаго презрѣнія Гоголя къ лицамъ, вмѣстѣ съ которыми ему пришлось жить; такое предположеніе невѣроятно для психіатра. Мы знаемъ, что лица съ организаціей Гоголя никогда объективно къ людямъ не относятся; они презираютъ или, по крайней мѣрѣ, отрицательно относятся къ людямъ только потому, что тѣ недостаточно ихъ уважаютъ, не поклоняются имъ; тѣ же, кто почему-либо уважаетъ этихъ строгихъ судей существователей, оказываются и умными и прекрасными. Лица съ *параноическимъ характеромъ*, а именно такой характеръ проявился у Гоголя уже въ юношескомъ возрастѣ, непременно съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ, или, по крайней мѣрѣ, вполнѣ отрицательно относятся ко всѣмъ, кромѣ ближайшихъ друзей; а ихъ друзьями могутъ быть люди ихъ почитающіе, имъ поклоняющіеся. Для субъекта съ параноическимъ характеромъ всѣ люди ничтожны по сравненію съ нимъ, онъ всѣхъ ихъ презираетъ, хотя къ тому не имѣютъ никакихъ основаній; вѣдь и Гоголь ни въ чемъ не могъ обвинить существователей. Дѣствительной причиной отрицательнаго отношенія ко всѣмъ и даже лицамъ, имѣющимъ полное право на уваженіе и благодарность у лицъ съ параноическимъ характеромъ, служитъ убѣжденіе, что къ нимъ всѣ относятся враждебно, что ихъ преслѣдуютъ, что «врядъ ли кто вынесъ столько неблагодарностей, несправедливостей, глупыхъ

смѣшныхъ притязаній, холоднаго презрѣнія и проч.), сколько они. Понятно, что они не могутъ иначе, какъ вполне отрицательно и съ презрѣніемъ, относиться къ своимъ преслѣдователямъ; имъ тяжело жить вмѣстѣ съ «существователями», причиняющимъ столько огорченій.

Письмо Гоголя къ матери отъ 1. III. 1828 имѣетъ громадное значеніе для уясненія его параноическаго характера; оно особенно цѣнно, по крайней мѣрѣ въ глазахъ психіатра, потому что Гоголь, какъ и большинство лицъ съ параноическимъ характеромъ, былъ очень скрытенъ и, конечно, скрывалъ свои мысли о враждебномъ отношеніи къ нему «существователей», свои мысли о ничтожествѣ своихъ воображаемыхъ враговъ. Онъ былъ уменъ и понималъ, что подобныя жалобы могутъ ему повредить, обострить отношенія, усилить преслѣдованія, а потому только въ письмѣ къ матери проговорился объ этомъ обстоятельствѣ. Мы имѣемъ много оснований допустить, что мысли объ общемъ враждебномъ къ нему отношеніи, о преслѣдованіи его «существователями» весьма занимали Гоголя уже въ 1827 году. Съ такимъ же правомъ мы можемъ допускать, что Гоголь, со свойственной ему скрытностью и осторожностью, написалъ матери далеко не все, что онъ думалъ, значительно сгладилъ и смягчилъ жалобы на перенесенныя преслѣдованія.

Конечно, у Гоголя, какъ и у всѣхъ лицъ съ параноическимъ характеромъ, убѣжденіе, что его преслѣдуютъ, сложилось путемъ размышленія, было выводомъ изъ посылокъ; вѣдь и душевная жизнь больныхъ подчинена законамъ психологіи и логики; ихъ душевной жизнью управляютъ тѣ же законы, которые управляютъ нашей. Едва ли нужно говорить, что въ дѣйствительности не было никакихъ оснований для убѣжденія Гоголя, что ему дѣлаютъ непріятности, что его преслѣдуютъ; напротивъ, мы знаемъ, что у него всегда было много поклонниковъ, что онъ умѣлъ находить преданныхъ друзей, умѣлъ пользоваться людьми, умѣлъ заставлять ихъ быть ему преданными и полезными.

Если несомнѣнно, что есть вполне здоровые молодые люди, съ высокомѣріемъ относящіеся и къ высокопоставленнымъ родственникамъ, и къ «дорогимъ наставникамъ» и къ товарищамъ, то столь же несомнѣнно, что здоровые молодые люди вовсе не склонны считать себя несчастными жертвами несправедливыхъ преслѣдованій.

Мысль о преслѣдованіи, о незаслуженныхъ неприя́тностяхъ является логическимъ выводомъ, необходимымъ дополненіемъ убѣжденія или даже неяснаго, но весьма живого чувства въ собственномъ превосходствѣ, въ собственномъ величіи. Понятно, что субъектъ, убѣжденный въ своемъ неизмѣримомъ превосходствѣ, свысока относится къ «существователямъ», а такъ какъ послѣдніе, конечно, не замѣчаютъ воображаемаго превосходства субъекта съ параноическимъ характеромъ, то къ высокоомѣрию присоединяется враждебность. Если такой субъектъ и скрываетъ свои идеи о собственномъ величіи, и потому не даетъ повода къ насмѣшкамъ, все же «существователи» ему кажутся врагами, преслѣдователями, потому что ихъ равнодушное отношеніе къ воображаемому величію есть уже оскорбленіе, «холодное презрѣніе». Такому субъекту кажется оскорбленіемъ, «холоднымъ презрѣніемъ» непризнаніе его превосходства, обращеніе съ *нимъ* такое же, какъ и съ другими «существователями»; «дорогіе наставники», такъ же какъ и товарищи, казались Гоголю «виновниками его горя», и потому онъ къ нимъ относился враждебно, и какъ человѣкъ необыкновенный, въ чемъ онъ былъ увѣренъ, съ высокоомѣріемъ.

Идеи величія, непремѣнный элементъ параноическаго характера, появились у Гоголя очень рано; въ вышеупомянутомъ письмѣ къ матери онъ уже обѣщаетъ «за всѣ ихъ худыя дѣла» заплатить благодареніями, потому что зло ихъ обратилось въ добро... «никто не разгадалъ меня совершенно».

Неизвѣстно, когда и какъ сформировались въ умѣ Гоголя мысли о его величіи, о его высокомъ назначеніи, о его неизмѣримомъ превосходствѣ надъ окружающей средой. Въ письмѣ къ матери отъ 24 III 1827 г. Гоголь пишетъ: «испытую свои силы для поднятія труда важнаго, благороднаго на пользу отечества, для счастья гражданъ, для блага жизни подобныхъ»; конечно, эти благородныя юношескія мечты дѣлаютъ только честь Гоголю; можно лишь удивляться, что юноша, одушевленный такими благородными желаніями, не находилъ нужнымъ хорошенько учиться. Болѣе ясно высказывается Гоголь въ письмѣ къ Высоцкому отъ 26 VI 1827 г. «Уединяюсь совершенно отъ всѣхъ, не находя здѣсь ни одного, съ кѣмъ бы могъ слить долговременныя думы свои, кому бы могъ ввѣрить мысленія свои, я осиротѣлъ и сдѣлался чужимъ въ пустомъ Нѣжинѣ». Въ письмѣ

отъ 3 X 1827 г. къ Косяровскому видно, что мысли о своемъ превосходствѣ уже давно занимали Гоголя. «Еще съ самыхъ временъ прошлыхъ, съ самыхъ лѣтъ почти непониманія, я пламеннѣль неугасимою ревностью сдѣлать жизнь свою нужною для блага государства, я хотѣль принести хотя малѣйшую пользу. Тревожныя мысли, что я не буду мочь, что мнѣ преграждать дорогу, что не дадутъ возможности принести ему малѣйшую пользу, бросали меня въ глубокое уныніе. Холодный потъ проскакиваетъ на лицѣ моемъ при мысли, что можетъ быть мнѣ доведется погибнуть въ пыли, не означивъ своего имени ни однимъ прекраснымъ дѣломъ, быть въ мірѣ и не означить своего существованія—это было для меня ужасно». При всей своей скрытности Гоголь настолько обнаруживалъ свое самомиѣніе, что уже видѣль: «У васъ почитаютъ меня своенравнымъ, какимъ-то педантомъ, думающимъ, что онъ умнѣ всѣхъ, что онъ созданъ на другой ладъ отъ людей... Какъ угодно почитайте меня, но только съ настоящаго моего поприща вы узнаете настоящій мой характеръ» (письмо къ матери отъ 1 III 1827). Очевидно, что Гоголю не удалось скрыть свои мысли о своемъ превосходствѣ, и онъ видѣль, что мать любящимъ сердцемъ, хотя отчасти, поняла заблужденія сына.

Въ 1828 г. убѣжденіе въ своемъ превосходствѣ и, слѣдовательно, своемъ высококомъ призваніи въ душѣ Гоголя окрѣпло настолько, что онъ твердо рѣшилъ покинуть Малороссію, гдѣ его не оцѣнили и гдѣ онъ не могъ проявить себя, и ѣхать въ Петербургъ и даже въ чужія края, «Я ѣду въ Петербургъ непременно въ началѣ зимы, а оттуда Богъ знаетъ, куда меня занесетъ; весьма можетъ быть, что попаду въ чужіе края, что обо мнѣ не будетъ ни слуху, ни духу нѣсколько лѣтъ. Увѣренность въ своей необыкновенной судьбѣ такъ сильна, что онъ поручаетъ Косяровскому свою семью, занимается составленіемъ дарственной записи, передающей его часть наслѣдства матери.

«Можетъ быть и весьма вѣроятно, что въ самомъ дѣлѣ я отлучусь и слишкомъ далеко (это и есть мое намѣреніе), обо мнѣ не будетъ и слуху, между тѣмъ уплыветъ десять лѣтъ, законная давность, почему знать, каковы еще будутъ мои сестры! можетъ быть жадные наслѣдники не дадутъ ей и мѣста, гдѣ бы преклонить голову (Письмо Косяровскому 8 IX 1828 г.). Очевидно, что Гоголь чувствовалъ себя неизмѣримо выше окружаю-

шей среды, не могъ въ ней оставаться. Окружающая среда была такъ ему ненавистна, что онъ окончательно рѣшилъ уйти куда-нибудь подальше, туда, гдѣ ничто не будетъ ему напоминать о ненавистномъ прошломъ; онъ предназначенъ для другой жизни, хотя и не знаетъ для какой именно. Понятно, что для такого необыкновеннаго человѣка небольшое имѣніе жалкая обуза, и онъ, что, конечно, дѣлаетъ честь его сердцу, спѣшитъ передать его матери.

Удивительный размахъ юношескаго честолюбія Гоголя ставилъ въ затрудненіе его біографовъ; допускалось вліяніе Д. П. Трощинскаго, а Кояловичъ даже допускалъ, что на отроческую душу Гоголя имѣли сильное вліяніе слышанныя имъ преданія казацкой старины, въ которыхъ небольшая роль досталась его ближайшихъ предковъ. Шенрокъ вполне правъ, не соглашаясь съ мнѣніемъ Кояловича, и совершенно вѣрно и мѣтко характеризуетъ Гоголя въ юношескомъ возрастѣ. «Чѣмъ притязательнѣе становились замыслы Гоголя, тѣмъ на большее число лицъ распространялось его критическое отношеніе».

Біографы Гоголя, объяснявшіе широкой размахъ его юношескаго честолюбія чисто психологическими мотивами и вліяніемъ среды, упускаютъ изъ виду, что Гоголь не мечталъ о карьерѣ, богатствѣ, не имѣлъ хотя бы неясной мысли о какой-либо дѣятельности. Неужели нормальные молодые люди такъ думаютъ о своей будущности, какъ Гоголь? Развѣ здоровые молодые люди мечтаютъ исчезнуть на много лѣтъ въ чужихъ краяхъ, чтобы объ нихъ не было «ни слуху» и передаютъ свои права на имѣніе, чтобы черезъ десять лѣтъ «жадные наслѣдники» не завладѣли имъ.

Еще яснѣе намъ будетъ патологическій характеръ юношескаго честолюбія Гоголя, если мы припомнимъ, что въ то время онъ не имѣлъ рѣшительно никакихъ правъ считать себя выше другихъ, рассчитывать на удачу. Бѣдный, некрасивый, неловкій, болѣзненный, дурно образованный, кончившій по второму разряду, не знающій иностранныхъ языковъ, не обладающій никакими талантами, мелкій дворянинъ не имѣлъ права на успѣхъ въ жизни. Самъ Гоголь хорошо понималъ, что онъ не имѣетъ никакихъ права на блестящее будущее; въ томъ же письмѣ къ Косяровскому онъ пишетъ: «я знаю кое-какія ремесла: хорошій портной, недурно раскрашиваю стѣны алфрескою, живописью,

работаютъ на кухнѣ и много кое-чего уже разумѣю изъ повареннаго искусства». Рядомъ съ такимъ разумнымъ сужденіемъ, Гоголь, какъ лицо съ параноическимъ характеромъ, все же приписываетъ себя хорошія качества: «всегда благодарю Бога—это за свою настойчивость и терпѣніе, которыми я прежде мало обладалъ: теперь ничего изъ начатаго мною я не оставлю, пока совершенно не окончу». Чрезвычайно характерное соединеніе вѣрнаго сужденія умнаго человѣка и патологической переоцѣнки лица съ параноическимъ характеромъ; нельзя считать это случайно сорвавшейся фразой, риторической фигурой; въ продолженіе всей своей жизни Гоголь высказывалъ ту же мысль: до сихъ поръ я ничего не сдѣлалъ, но навѣрное я много сдѣлаю.

Біографы Гоголя оправдываютъ ни на чемъ въ дѣйствительности не основанное высокое мнѣніе о себѣ и о своемъ призваніи его геніальностью; онъ прозрѣлъ свое великое будущее; принято думать о Гоголѣ, что онъ предъугадалъ, предчувствовалъ и, въ концѣ концовъ, не ошибся въ своемъ дѣйствительно великомъ и славномъ призваніи. Конечно, послѣдующая дѣятельность автора «Мертвыхъ Душъ» даетъ право на такое неправильное заключеніе; но вѣдь самъ Гоголь никоимъ образомъ не могъ въ 1827 г. понимать, что онъ надѣленъ своеобразнымъ геніемъ, онъ не могъ ни догадываться, ни предчувствовать этого, а потому и не былъ намѣренъ заняться литературой. Геніальность необычайно рѣдко бываетъ у лицъ съ параноическимъ характеромъ, а всѣ такія лица также переоцѣниваютъ свои силы, также много ожидаютъ отъ будущаго, также отрицательно относятся къ настоящему и къ людямъ, какъ Гоголь. Вѣдь, если бы Гоголь случайно не занялся литературой, онъ не измѣнилъ бы своего мнѣнія о себѣ, своего отрицательнаго отношенія къ дѣйствительности, и когда онъ завоевалъ себѣ право на величіе, онъ основывалъ высокое о себѣ мнѣніе не на своихъ дѣйствительныхъ заслугахъ, которыя цѣнилъ очень низко.

Такимъ образомъ уже въ юношескомъ возрастѣ у Гоголя проявился параноическій характеръ; идеи величія и идеи преслѣдованія онъ высказывалъ уже очень рано; въ психіатріи еще не рѣшенъ окончательно вопросъ, какія идеи появляются раньше: идеи величія или идеи преслѣдованія; можетъ быть, онѣ развиваются параллельно; поэтому я не буду здѣсь разбирать этого

вопроса, такъ же какъ и вопроса о происхожденіи идей величія, тѣмъ болѣе, что объ этомъ я уже высказалъ мои взгляды въ работѣ «Апперцептивные процессы у душевнобольныхъ»¹⁾.

Я вполне понимаю, что пока мои доводы мало убѣдительны, и мнѣ могутъ возразить, что и здоровые юноши переоцѣниваютъ свое достоинство, отрицательно относятся ко всему и ко всѣмъ; пока я на такое возраженіе отвѣчу, что есть здоровые люди, незнающіе сколько имъ лѣтъ, не умѣющіе помножить двузначное число на однозначное; но однако лицо, вполне недověряющее психіатріи, усумнилось бы въ психическомъ здоровьѣ своего знакомаго, если бы тотъ не могъ сказать, сколько ему лѣтъ, сколько копѣекъ въ трехъ двухгривенныхъ и т. п. Конечно, патологическое отъ фізіологическаго отличается лишь количествомъ; ничего абсолютнаго, отличающаго здороваго отъ больного нѣтъ. Впрочемъ, мнѣ придется еще много говорить о параноическомъ характерѣ Гоголя и потому я надѣюсь, что въ дальнѣйшемъ изложеніи это патологическое явленіе мнѣ удастся выяснитъ и полнѣе, и убѣдительнѣе.

Какъ психіатръ, я не останавливаюсь вообще на развитіи характера Гоголя, на его умственномъ развитіи, на его отношеніи къ матери и т. п. Все это сдѣлано весьма обстоятельно вполне компетентными изслѣдователями, особенно Шенрокомъ, и нѣтъ надобности повторять вкратцѣ то, что описано весьма обстоятельно и вполне вѣрно.

Я остановлюсь лишь на двухъ особенностяхъ характера Гоголя, имѣющихъ нѣкоторое значеніе въ глазахъ психіатра.

Какъ-то странно, что юноша, ужасающійся мысли «погибнуть въ пыли, не означивъ своего имени ни однимъ прекраснымъ дѣломъ», поклявшійся «ни одной минуты короткой жизни своей не утратить, не сдѣлавъ блага», даже въ письмѣ къ другу, живущему въ Петербургѣ, пишетъ «какой-то у васъ модный цвѣтъ на фракѣ? Мнѣ очень бы хотѣлось сдѣлать себѣ синій съ металлическими пуговицами», запрашиваетъ у матери деньги на шитье фрака у лучшаго портного и вообще много заботится о своемъ туалетѣ. По своему франтовству Гоголь даже выдѣлялся между «нашими дураками» настолько, что его бывшій наставникъ, т.-е. жалкій «существователь» Кулжинскій обратилъ вни-

¹⁾ Архивъ психіатріи 1887.

маніе на эту черту характера и такъ хорошо о ней помнилъ, что много лѣтъ спустя сообщалъ объ этомъ слѣдующее («Москвитянинъ», 1854 № 21): «Гоголь прежде всѣхъ своихъ товарищей, кажется, одѣлся въ партикулярное платье. Какъ теперь вижу его въ свѣтло-коричневомъ сюртукѣ, котораго полы подбиты были какою-то красною матеріей въ большихъ клѣткахъ. Такая подкладка считалась тогда *plus ultra* молодого щегольства, и Гоголь, идучи по гимназіи, безпрестанно обѣими руками, какъ будто не нарочно, раскидывалъ полы сюртука, чтобы показать подкладку».

Было бы совершенно неправильно считать это щегольство невиннымъ мальчишествомъ, такъ какъ у Гоголя навсегда осталась претензія на щегольство; даже въ послѣдніе годы своей жизни, Гоголь своимъ страннымъ щегольствомъ удивлялъ Арнольди. Также нельзя объяснять щегольство Гоголя любовью къ красивому; какъ извѣстно, костюмъ Гоголя, по мѣткому выраженію Лонгинова (Шенрокъ г. 143), «представлялъ рѣзкую противоположность щегольства и неряшества».

Лица съ параноическимъ характеромъ, такъ глубоко, можно сказать, органически увѣрены въ своемъ неизмѣримомъ превосходствѣ, такъ презираютъ «существователей», что рѣшительно не могутъ понимать даже мелкихъ своихъ недостатковъ, своихъ смѣшныхъ сторонъ; при томъ же имъ всегда хочется выдѣлиться отъ «существователей», не быть на нихъ похожими. Опытный психіатръ даже не станетъ объяснять параноику смѣшную сторону его туалета, потому что такой разговоръ только вызоветъ напрасное раздраженіе со стороны больного; параноикъ не можетъ понять, какъ онъ можетъ одѣваться дурно; то, что у другихъ смѣшно, у него дѣлается прекраснымъ; онъ смѣется надъ франтовствомъ другихъ, но то, что *онъ* дѣлаетъ, все прекрасно, потому что онъ выше толпы, онъ презираетъ своихъ враговъ. Такой больной можетъ отлично разсуждать о слабостяхъ другихъ людей, удивляться почему они не стараются избавиться отъ своихъ слабостей, но все, что онъ находитъ нужнымъ дѣлать, хорошо уже потому, что онъ это дѣлаетъ, и если онъ носить голубой галстукъ на розовой рубашкѣ, то это не можетъ быть нехорошо, потому что ему это нравится.

Только параноическимъ характеромъ Гоголя можно объяснить безвкусное, а подъ конецъ жизни, даже чудоковатое его фран-

товство; неужели Гоголь не понималъ, какъ смѣшно франтовство, особенно у человѣка бѣднаго; неужели у него не было достаточно наблюдательности и вкуса, чтобы понимать какъ смѣшны и прямо тягостны были его туалеты, которые онъ, по словамъ Арнольди, надѣвалъ въ Калугѣ. Не только Гоголь, но и люди неизмѣримо ничтожнѣе по сравненію съ Гоголемъ, или подавляютъ свое желаніе пофрантить, или научаются одѣваться элегантно.

Можетъ казаться, что дѣловитость и расчетливость Гоголя доказываютъ, что онъ былъ вполне здоровъ; дѣйствительно, можно удивляться какъ восемнадцатилѣтній Гоголь предусмотрительно освѣдомляется у Высоцкаго о петербургскихъ цѣнахъ и вообще объ условіяхъ жизни, какъ дѣловито оцѣниваетъ сообщенныя ему свѣдѣнія; даже въ томъ письмѣ къ матери, въ которомъ онъ проговорился о преслѣдованіяхъ и о своемъ величій, онъ очень разумно обсуждаетъ вопросъ о жалованіи управляющему; онъ прекрасно знаетъ цѣны платья и видимо знаетъ толкъ въ деньгахъ.

Въ этомъ отношеніи онъ не похожъ ни на своихъ родителей, ни на своихъ сестеръ. Интересно, какъ рано складываются даже такія мелкія особенности личности; какъ извѣстно, Гоголь всю жизнь былъ очень дѣловитъ и зналъ цѣну деньгамъ. Конечно, такая дѣловитость и практичность ничуть не доказываютъ, что Гоголь былъ психически вполне здоровъ; не только лица съ патологической организаціей нервной системы, но и совершенно сумасшедшіе могутъ очень умѣло обращаться съ деньгами, прекрасно понимать свои выгоды и даже обманывать въ денежныхъ дѣлахъ вполне здоровыхъ людей.

Чувствованіе собственности очень элементарно и потому можетъ быть сохранено при многихъ душевныхъ болѣзняхъ; въ самомъ дѣлѣ, развѣ немало душевнобольныхъ и теперь управляютъ своими дѣлами гораздо лучше многихъ здоровыхъ.

Біографія Гоголя еще разъ подтверждаетъ, что основныя свойства характера складываются очень рано; въ Нѣжинѣ вполне ясно проявились не только основные или главные элементы личности Гоголя, но даже и такіе второстепенные, какъ безвкусное щегольство и дѣловитость. Я здѣсь не упоминаю о томъ, что уже въ юношескомъ возрастѣ Гоголь проявилъ свою гениальность—онъ уже *улавливалъ* людей, подмѣчалъ ихъ особен-

ности и смѣшныя стороны, и гениально ихъ передавалъ или изображалъ; пока это было лишь простое передразниваніе или игра на сценѣ. Какъ это обычно и бываетъ никто не отгадалъ гениальности Гоголя; самъ онъ, что вполне естественно, не понималъ значенія этой своей способности; не могъ же онъ мечтать о карьерѣ актера: въ то время актеры не пользовались уваженіемъ.

Самъ Гоголь лучше своихъ біографовъ понималъ неизмѣнность своего характера; мы должны согласиться съ нимъ, когда онъ говоритъ: «внутренне никогда не мѣнялся».

Умственные интересы не играли роли въ жизни Н. В. Гоголя, даже въ юношескомъ возрастѣ, то-есть въ томъ періодѣ, когда нормальные юноши, хотя конечно не всѣ, съ горячностью юности увлекаются идеей служенія наукѣ.

IV.

Первые годы жизни Гоголя—періодъ его жизни наименѣе намъ извѣстный; свѣдѣнія объ этой порѣ жизни автора «Мертвыхъ Душъ» крайне скудны, такъ какъ тогда мало кто интересовался неизвѣстнымъ молодымъ человѣкомъ, а самъ Гоголь за это время писалъ очень рѣдко матери. Несомнѣнно, что ничего уже больше объ этомъ періодѣ жизни Гоголя мы никогда не узнаемъ, почему объ этомъ періодѣ психіатръ можетъ сказать очень мало.

Вслѣдствіе неспособности къ систематической, упорной работѣ и крайняго самолюбія, Гоголь не могъ хорошо устроиться въ Петербургѣ. Со свойственной ему дѣловитостью, онъ нашелъ весьма удобнаго для себя спутника, который заботился о расходахъ и вообще облегчилъ Гоголю дорожныя хлопоты. Приѣхавъ въ Петербургъ, онъ отправился къ сановнику Л. И. Кутузову съ рекомендательнымъ письмомъ Д. П. Трошинскаго и такъ понравился Кутузову, что тотъ скоро перешелъ съ нимъ на ты и пригласилъ его часто бывать у себя. Нашлось и мѣсто, которымъ былъ бы очень доволенъ обыкновенный, дѣльный молодой человѣкъ; правда, мѣсто было неважное, и въ началѣ безъ жалованья или съ маленькимъ жалованьемъ, но вѣдь всѣ, а особенно кончившіе по второму разряду, XIV классомъ, начинаютъ такъ. Настойчивымъ трудомъ, энергіей, начавъ съ маленькаго мѣста, дѣльные молодые люди достигаютъ степеней извѣстныхъ, особенно при

протекціи, хотя бы и не большой; но, конечно, Гоголь съ его самомнѣніемъ считаль для себя унизительнымъ служить и работать, какъ всѣ. То, что считаютъ удачей, или, по крайней мѣрѣ, обычной службой, ему казалось неожиданной неудачей. «Вездѣ совершенно встрѣчалъ онъ однѣ неудачи, и, что всего страннѣе, тамъ, гдѣ ихъ вовсе нельзя было ожидать. Люди совершенно неспособные, безъ всякой протекціи легко получали то, чего я съ помощью своихъ *покровителей*, не могъ достигнуть». Намъ вполне понятно, что Гоголь, даже съ помощью покровителей, не могъ достигнуть того, его достигали самые обыкновенные труженники, не имѣвшіе никакой протекціи. Гоголь не хотѣлъ работать и даже съ презрѣніемъ смотрѣлъ на работу. «Но признаюсь, ежели и тамъ нужно будетъ употреблять столько времени на глупыя занятія, то я слуга покорный». Гоголь не хотѣлъ работать такъ же, какъ не хотѣлъ въ Нѣжинѣ учиться, потому что онъ рѣшительно не былъ способенъ къ усидчивому, систематическому труду.

Само собою разумѣется, что служебныя неудачи не могли огорчать Гоголя; въ самомъ дѣлѣ развѣ могли имѣть для Гоголя значеніе оцѣнки его «людьми совершенно неспособными», проводящими время за «глупыми занятіями». Въ глазахъ Гоголя это была лишь непріятность, къ которой онъ привыкъ, незаслуженное преслѣдованіе, или же, что впервые онъ высказываетъ въ своихъ письмахъ, испытаніе, посланное свыше для его же счастья. «Какъ благодарю я вышнюю десницу за тѣ непріятности и неудачи, которыя довелось испытать мнѣ. Ни за какія драгоценности въ мірѣ не примѣнилъ бы ихъ. Чего не извѣдалъ я въ то короткое время. Иному во всю жизнь не случилось имѣть такого разнообразія». Однимъ словомъ повторяется тоже самое, что уже высказано было въ письмѣ матери отъ 1 III 1827 г.

Для Гоголя работа въ канцеляріи была такъ тяжела, такъ невозможна, что даже нужда въ деньгахъ не могла его понудить работать хотя бы сколько-нибудь сносно; едва ли требованія къ Гоголю, какъ начинающему чиновнику, были очень строги; но извѣстно, что онъ даже не ходилъ по нѣскольку дней подъярьдъ на службу.

Гоголь предпочелъ выпрашивать деньги у своего отдаленнаго родственника А. А. Трошинскаго. «Благодарность своему богатому родственнику Гоголь побуждаетъ высказать также и мать

свою «въ живѣйшихъ и трогательнѣйшихъ выраженіяхъ», совѣтуя вмѣстѣ съ тѣмъ сказать о себѣ, что онъ въ своихъ письмахъ къ ней «не можетъ нахвалиться ласками и бдагодѣяніями, безпрестанно ему оказываемыми» (Шенрокъ 1. 233). Большинство обыкновенныхъ молодыхъ людей предпочитаетъ «глупую работу» выпрашиванію денегъ у богатыхъ родственниковъ и лести имъ; но психіатръ не поставитъ въ упрекъ Гоголю, что онъ нуждался въ деньгахъ, вслѣдствіе нежеланія хорошенько служить: онъ не могъ служить, работа ему была не по силамъ, невозможна для него.

Само собою разумѣется, что Петербургъ не могъ удовлетворить Гоголя; очень скоро онъ почувствовалъ себя въ Петербургѣ еще хуже, чѣмъ въ Нѣжинѣ; ничто не интересовало его въ Петербургѣ, да и не могло интересоваться, вслѣдствіе особенностей его характера; сколько извѣстно, даже театръ не привлекалъ его, уже не говоря объ оперѣ, балетѣ и музеяхъ. Гоголь пишетъ матери, что онъ не ходитъ въ театръ, изъ страха увлечься, а часто посѣщать театръ у него нѣтъ денегъ; но истинные театралы въ молодости ходятъ въ галерку, сидятъ безъ обѣда, чтобы имѣть деньги на покупку мѣстъ на галеркѣ. Гоголь не нуждался въ такой степени, какъ многіе студенты-театралы; полученныя отъ А. А. Трошинскаго деньги Гоголь, по его словамъ, употребилъ на покупку зимняго пальто и упоминаетъ, какъ о чемъ-то необыкновенномъ, что онъ «всю зиму отхваталъ въ лѣтней шинели». Въ годы Гоголя многіе не имѣютъ зимняго пальто, но по нѣскольку разъ въ недѣлю ходятъ въ театръ, оперу, концерты и т. п. Меня всегда удивляло, что даже такой серьезный біографъ Гоголя, какъ Шенрокъ, неоднократно упоминаетъ о томъ, что Гоголь могъ отдаваться художественнымъ наслажденіямъ; именно Гоголь вслѣдствіе патологической организаціи нервной системы ничѣмъ не могъ интересоваться, кромѣ собственной личности, и даже въ молодости, когда обыкновенные люди увлекаются театромъ, пѣніемъ, стихами (поэзія доступна немногимъ), не ходилъ въ театръ, и ни въ чемъ не видно его увеличенія поэзіей. Правда, онъ интересовался театромъ, насколько это касалось его самаго, и даже пробовалъ поступить на сцену, но повидимому, очень легко примирился съ неудачей. Письмо къ матери отъ 29 ІХ 1830 г. показываетъ, что Гоголь очень мало интересовался живописью; о

своихъ манишкахъ онъ пишетъ гораздо обстоятельнѣе, чѣмъ о выставкѣ въ академіи художествъ; ни малѣйшаго впечатлѣнія, эта выставка, нужно думать, на Гоголя не произвела, хотя онъ еще не видѣлъ до тѣхъ поръ картинъ великихъ мастеровъ. Какъ увидимъ потомъ, Лувръ также не произвелъ на него сильнаго впечатлѣнія.

Вообще, можно утверждать, что въ Петербургѣ его ничто не заинтересовало, и Гоголь чувствовалъ себя чужимъ въ Петербургѣ такъ же, какъ и въ Нѣжинѣ; лишь кружокъ друзей, ему поклонявшихся, доставлялъ ему удовольствіе, что Гоголь откровенно и заявлялъ: «мнѣ любо, когда я не ищу, но моего ищутъ знакомства». Вся жизнь Гоголя была почти непрерывнымъ страданіемъ именно потому, что ему ничего не было «любо», кромѣ того, когда его «ищутъ знакомства», но и это скоро ему уже не доставляло большаго удовольствія, хотя всю жизнь и было «любо».

Безспорное психическое заболѣваніе поразило Гоголя на двадцать первомъ году его жизни. Какъ извѣстно 13 августа 1829 г. онъ уѣхалъ на пароходѣ за границу и 24 сентября на томъ же пароходѣ вернулся въ Петербургъ. Для всѣхъ біографовъ Гоголя этотъ эпизодъ его жизни такъ загадоченъ и непонятенъ, что даже такой проникательный ученый какъ Н. С. Тихонравовъ одной изъ важныхъ причинъ, вызвавшихъ поѣздку Гоголя за границу считаетъ неудачу, постигшую его Ганса Кюхельгартена, а Шенрокъ говоритъ «такимъ образомъ, основнымъ психологическимъ мотивомъ поѣздки Гоголя было невольное поэтическое влеченіе» (Т. I. стр. 188). Если такіе серьезные изслѣдователи могли придти къ столь неосновательнымъ выводамъ, то нечего удивляться, что г-жа Черницкая причиной поѣздки за границу считаетъ безумную любовь Гоголя къ Россети, хотя въ то время онъ даже не могъ познакомиться съ этой фрейлиной.

Правильнѣе всѣхъ свою поѣздку объясняетъ самъ Гоголь. «Какъ бы то ни было, но это противувольное мнѣ самому влеченіе было, такъ сильно, что не прошло пяти мѣсяцевъ по прибытіи моемъ въ Петербургъ, какъ я сѣлъ уже на корабль, не будучи въ силахъ противиться чувству, мнѣ самому непонятному. Проектъ и цѣли моего путешествія были очень неясны». Слѣдуетъ повѣрить Гоголю, когда онъ объясняетъ возникновеніе этого противувольнаго влеченія, «мнѣ всегда казалось, что въ жизни моей

мнѣ предстоитъ какое-то большое самопожертвованіе, и что именно для службы моей отчизнѣ, я долженъ буду воспитаться гдѣ-то вдали отъ нея. Я не зналъ ни какъ это будетъ, ни почему это нужно; я даже не задумался объ этомъ, но видѣлъ самага себя такъ живо въ какой-то чужой землѣ тоскующимъ по своей отчизнѣ; картина эта такъ часто меня преслѣдовала, что я чувствовалъ отъ нея грусть».

Слѣдовательно, сперва у Гоголя возникла навязчивая идея; какъ гениальный наблюдатель, онъ прекрасно характеризуетъ признаки навязчивыхъ идей; онъ не зналъ «какъ» и «почему», «даже не задумался объ этомъ»; такія идеи П. И. Ковалевскій вѣрно называетъ заблудившимися; больной не знаетъ и не понимаетъ какъ и почему у него возникла навязчивая или заблудившаяся идея. Въ этомъ еще нѣтъ ничего безусловно патологическаго, вѣдь и мы иногда не можемъ опредѣлить «какъ» и «почему» возникла у насъ та или другая идея. Больной однако, хотя и неясно, понимаетъ, что эта идея уже сложилась не обычнымъ путемъ, что она по своему содержанию не гармонируетъ съ міросозерцаніемъ больного, что она ему чуждая, не похожа на другія. Гоголь тоже понималъ, что мысль о самопожертвованіи, о воспитаніи вдали отъ родины, не вытекаетъ изъ міросозерцанія, не образовалась обычно, нелѣпа сама по себѣ. Но, конечно, не это составляетъ сущность навязчивыхъ идей; какъ то показываетъ самое ихъ названіе, онѣ навязываются сознанію, завладѣваютъ имъ; больной даже при всемъ желаніи, если навязчивая идея, по содержанию, ему непріятна, не можетъ освободиться отъ нея, не можетъ изгнать ея изъ сознанія. Навязчивая идея, какъ-то говоритъ Гоголь, «преслѣдовала его»; онъ не могъ отъ нея освободиться, и эта мысль, такъ же какъ и безсиліе отъ нея освободиться, были ему тягостны; онъ чувствовалъ «грусть».

Навязчивыя идеи нерѣдко остаются бездѣтельными, не вліяютъ на поступки, но могутъ и овладѣть волей; навязчивые, или насильственные, или импульсивные поступки могутъ быть обусловлены навязчивыми идеями. Идея стремится осуществиться; больной понимаетъ нелѣпость идеи, дурныя послѣдствія поступка, борется съ своимъ желаніемъ. Начинается тяжелая душевная борьба, мучительное для больного душевное томленіе; больной или уступаетъ навязчивой идеѣ и отдается импульсу, или подавляетъ патологическое желаніе. Душевное томленіе можетъ быть такъ

мучительно, такъ невыносимо, что, наконецъ, больной уступаетъ импульсу или навязчивому состоянію, хотя и сознаетъ, что поступаетъ безразсудно, и даже дурно, или глупо. Конечно, многое зависитъ отъ содержанія навязчивой идеи; если она ничтожна, больной легко уступаетъ насильственному желанію, напр., моетъ послѣ всякаго прикосновенія руки, считаетъ окна домовъ, мимо которыхъ проходить. Хотя больной и понимаетъ, что мыться, или считать окна безцѣльно, или даже глупо, но бороться противъ такихъ невинныхъ, хотя и чуждыхъ ему желаній, не стоитъ. Если навязчивое желаніе опасно или преступно, борьба продолжается долго и иногда кончается побѣдой желанія; такъ одна моя знакомая, измученная продолжительной борьбой, отрѣзала одну изъ двухъ кость, у своей старшей, замужней сестры; такъ извѣстный поджигатель Ш. совершилъ не менѣе четырнадцати поджоговъ ¹⁾. Если же идея ужасаетъ больного, поступокъ представляется ему возмутительнымъ и крайне преступнымъ, даже у тяжело больныхъ находятся силы для побѣды надъ навязчивымъ желаніемъ. Я наблюдалъ больного, мучимаго желаніемъ осквернить чашу съ дарами во время выноса; это былъ глубоко набожный человѣкъ; онъ не ходилъ въ церковь, чтобы не поддаться насильственному желанію, хотя въ больницѣ, гдѣ онъ содержался, была церковь. Я не понималъ, почему этотъ очень набожный больной, получившій высшее образованіе, не ходитъ въ церковь, и даже совѣтовалъ ему посѣщать церковь, наконецъ больной признался мнѣ, что его давно мучаетъ мысль о святотатствѣ; «картина»—что будетъ, если онъ ловкимъ ударомъ вышибетъ чашу изъ рукъ священника или плюнетъ въ нее его «часто преслѣдовала»; ему хотѣлось это сдѣлать и чувствуя, что, если онъ придетъ въ церковь, онъ совершитъ этотъ ужасный поступокъ, онъ не ходилъ въ церковь.

Конечно, если навязчивое желаніе фактически трудно осуществимо, требуетъ подготовительныхъ дѣйствій, борьба продолжается долго. Гоголь долженъ былъ подготовить мать, достать денегъ, добыть паспортъ и т. п.; наконецъ онъ ѣдетъ, при чемъ сперва преобладаетъ дурное настроеніе, обусловленное со-

---

¹⁾ Я описалъ этотъ случай «Объ импульсивныхъ актахъ». Вѣстникъ Судебной Медицины 1887; въ этой работѣ изложено ученіе объ импульсивныхъ актахъ.

знаніемъ, что онъ поступаетъ безразсудно и что онъ крайне огорчаетъ мать; едва ли гениальный Гоголь не понималъ, что его поѣздка смѣшна.

Даже много лѣтъ спустя, онъ хорошо помнилъ, что «противувольное мнѣ самому влеченіе было такъ сильно что я сѣлъ на корабль не будучи въ силахъ противиться чувству, мнѣ самому непонятному». Хорошо помнилъ Гоголь, что онъ ѣхалъ «вовсе не затѣмъ, чтобы наслаждаться чужими краями», помнилъ, что на пароходѣ ему «стало грустно».

Обыкновенно больные, совершивъ импульсивный актъ, уступивъ насильственному желанію, успокоиваются, чувствуютъ себя хорошо, потому что навязчивая идея исчезаетъ; психіатры знаютъ, что укоры совѣсти даже въ тѣхъ случаяхъ, когда больной отлично понимаетъ, что совершилъ преступленіе, напр. поджогъ, не портятъ прекраснаго расположенія духа. Какъ только Гоголь пріѣхалъ въ Германію, онъ вполне успокоился, чувствовалъ себя такъ хорошо, что могъ основательно присмотрѣться къ постройкѣ домовъ въ Германіи; со свойственной ему дѣловитостью онъ изучалъ именно то, что могло пригодиться при перестройкѣ дома въ Васильевкѣ. Мы можемъ вполне повѣрить Гоголю, общавшему матери пзъ Любека отъ 13 VII 1829: «Никакого особеннаго волненія не испытываю я»; самъ Гоголь удивляется, что столь очаровательная для молодого образованнаго провинціала «заграница» не произвела на него впечатлѣнія. «Но признаюсь все это еще какъ будто скользитъ по мнѣ и пролетаетъ мимо, не приковывая ни къ чему моего безжизненнаго вниманія». Конечно, Гоголь, при всей своей проникательности, не понималъ патологической особенности своей организациі — неспособности интересоваться чѣмъ-либо, не имѣющаго прямого отношенія къ его личности. Какъ тонкій наблюдатель, онъ не могъ не отмѣтить дѣйствительно удивительнаго факта — молодой человекъ, долго мечтавшій о заграничѣ, наконецъ-то попалъ въ заветную страну и однако: «Ничего не бывало. Я вѣхалъ такъ, какъ бы въ давно знакомую деревню, которую привыкъ видѣть часто». Психіатръ поражается гениальной наблюдательностью двадцатилѣтняго Гоголя; дѣйствительно, для него всѣхъ насъ поражающая заграница такъ же неинтересна, какъ и давно знакомая деревня. Онъ даже пытается объяснить это удивительное безучастіе; онъ говоритъ, что его «вниманіе безжизненно»; если онъ

дѣйствительно хотѣлъ именно такъ сказать о своемъ вниманіи, то мы можемъ только изумляться его проникательности. Необходимо отгнѣнить, что рядомъ съ такой тонкой наблюдательностью относительно своего душевнаго состоянія, онъ очень мало подмѣтилъ въ Любекѣ, хотя и старался занять мать описаніями имъ видѣннаго; обыкновенный молодой человѣкъ описалъ бы Любекъ гораздо лучше ¹⁾).

Такъ какъ въ Германіи Гоголя ничто не интересовало, ему не зачѣмъ было оставаться за границей, и онъ, въ относительно хорошемъ расположеніи духа, вернулся въ Петербургъ; припадокъ прошелъ и больной почувствовалъ себя гораздо лучше; нѣтъ душевнаго томленія, нѣтъ борьбы, нѣтъ «противувольнаго» влеченія. Сознаніе, что совершенъ ненужный и даже смѣшной поступокъ, безпокоило Гоголя такъ же мало, какъ и другихъ больныхъ. По возвращеніи въ Петербургъ Гоголь былъ здоровъ.

Если бы за свою поѣздку Гоголь былъ преданъ суду, и меня спросили какъ эксперта о состояніи его умственныхъ способностей, я безъ колебанія, на основаніи имѣющихся у насъ свѣдѣній, высказался бы за душевную болѣзнь и невмѣняемость; на основаніи своего опыта, какъ эксперта, я увѣренъ, что судъ согласился бы со мною и примѣнилъ бы 96 ст. Уложенія о наказаніяхъ.

Такимъ образомъ первый несомнѣнный приступъ душевной болѣзни былъ у Гоголя на двадцать первомъ году жизни; считаю необходимымъ замѣтить, что импульсивные акты особенно часты именно въ этомъ возрастѣ; поджоги чаще всего совершаются психопатами въ возрастъ полового созрѣванія. Поѣздки, какъ импульсивные акты, совершаются рѣдко, вслѣдствіе матеріальной трудности осуществленія; кромѣ того часто онѣ считаются глупой мальчишеской выходкой; я помню больного лютеранина, лѣтъ двадцати, отправившагося пѣшкомъ въ православный монастырь, расположенный верстъ за полтора отъ его дома, помню больную крестьянку, уѣхавшую потихоньку изъ дому въ губернской городъ, чтобы сдѣлаться діаконисой; оба, конечно, потомъ только удивлялись, какъ могла имъ придти въ голову такая странная мысль.

---

¹⁾ Я былъ въ Любекѣ и потому могу судить о томъ, какъ мало «безжизненное вниманіе» Гоголя было направлено на наблюденія въ этомъ городѣ.

Послѣ припадка здоровье Гоголя было удовлетворительно; 1830 — 32 годы лучшіе въ многострадальной жизни автора «Мертвыхъ Душъ», потому что въ эти годы онъ пользовался удовлетворительнымъ здоровьемъ.

Несомнѣнно, что послѣ возвращенія изъ-за границы Гоголь принялся за свои безсмертныя «Вечера на хуторѣ»; для психіатра не имѣетъ значенія, когда именно, т.-е. въ 1829 или слѣдующемъ году, были написаны эти чудные рассказы, такъ какъ установлено, что до 1833 года здоровье Гоголя было хорошо.

Очень важно, что, какъ это окончательно доказалъ Шенрокъ, «преимущественно съ матеріальной точки зрѣнія смотрѣль онъ на дѣло въ началѣ», со свойственной ему дѣловитостью онъ замѣтилъ, что въ Петербургѣ интересуются Малороссіей, и хотѣлъ воспользоваться этимъ настроеніемъ, чтобы заработать деньги. Неуспѣхъ Ганса Кюхельгартена, помѣщеніе въ Сѣверномъ Архивѣ даже перевода статьи «О торговлѣ русскихъ въ концѣ XVI и въ началѣ XVII в.» доказали Гоголю, что нужно искать чего-либо новаго, интереснаго, чтобы заработать деньги на литературномъ поприщѣ¹⁾. Очевидно, не рассчитывая на блестящую обработку, онъ хотѣлъ заинтересовать содержаніемъ, при чемъ не придавалъ большого значенія и не возлагалъ большихъ надеждъ на это свое произведеніе. Онъ проситъ мать собирать свѣдѣнія о мѣстныхъ нравахъ, обычаяхъ и т. п., и вмѣстѣ съ тѣмъ проситъ прислать комедію отца, съ тѣмъ, что, можетъ быть, ее удастся продать театру. Едва ли можно сомнѣваться, что Гоголь не догадывался, даже смутно не предчувствовалъ, что онъ творитъ рассказы, которые составятъ ему славу, которыми будутъ наслаждаться миллионы его согражданъ.

Вечера—произведеніе Гоголя, написанное имъ, когда онъ пользовался наилучшимъ здоровьемъ, и потому наименѣе интересное

1) Шенрокъ, сопоставляя записку Гоголя «выручилъ за статью (О торговлѣ и т. д.) 20 руб.» и тотъ фактъ, что статья эта была не напечатана, приходитъ къ предположенію, что переводъ былъ настолько неудовлетворителенъ, что хотя за него и было заплачено переводчику, но помѣстить его въ журналъ не признали удобнымъ». Такое объясненіе совершенно не правдоподобно уже потому, что такихъ простодушныхъ редакторовъ нѣтъ и не было; я думаю, что Гоголь по своему оптимизму записалъ въ приходъ 20 руб., отдавъ переводъ въ редакцію, гдѣ ему сказали, какъ то и бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, что статья можетъ быть напечатана, и если будетъ напечатана, то за нее заплатятъ 20 руб.

для психіатра. Перечитывая его много разъ, съ самымъ большимъ вниманіемъ, я ничего не могъ найти въ этихъ дивныхъ разсказахъ, что бы указывало на патологическое въ ихъ авторѣ. Впрочемъ, это можетъ быть зависеть и оттого, что восхищеніе отъ этихъ разсказовъ такъ сильно, что критическое къ нимъ отношеніе мнѣ не по силамъ. Можно лишь отмѣтить, что авторъ этихъ разсказовъ не знаетъ любовныхъ наслажденій и потому окружаетъ героинь романтическимъ ореоломъ. Все въ этихъ разсказахъ, кромѣ любви, сама жизнь; какъ только авторъ заговариваетъ о любви, о дѣвушкѣ или молодой женщинѣ, его восторженный романтизмъ очаровываетъ даже пресыщеннаго жизнью человѣка. Выдающіяся достоинства этаго произведенія Гоголя оцѣнены вполнѣ; въ качествѣ простаго читателя могу замѣтить, что только человѣкъ совершенно тупой можетъ не понимать прелести «Вечеровъ».

Въ этомъ, въ сущности, первомъ произведеніи Гоголя, несмотря на его крѣпкую молодость, проявились характерныя особенности его генія; уже тутъ мы встрѣчаемъ никому недоступное искусство давать живые образы съ помощью нѣсколькихъ штриховъ; уже въ «Вечерахъ» мы встрѣчаемъ совершенно живыхъ людей.

Геній Гоголя проявился сразу, очень рано, случайно, неожиданно для него самого, какъ что-то ему чуждое; безъ всякой подготовки, безъ всякой помощи, если можно такъ сказать, инстинктивно сталъ творить Гоголь, такъ же какъ соловей начинаетъ пѣть. Не по недостаточности свѣдѣній объ этомъ періодѣ жизни, а въ силу нашей неспособности понимать геній, мы рѣшительно не понимаемъ, какъ могъ двадцатилѣтній, мало видѣвшій, мало читавшій Гоголь овладѣть искусствомъ изображенія въ степени, недоступной опытнымъ, настойчивымъ, образованнымъ художникамъ слова. Намъ приходится довольствоваться объясненіемъ, въ сущности ничего не объясняющимъ, что Гоголь былъ надѣленъ особою способностью, не имѣющейся у обыкновенныхъ смертныхъ.

Самъ Гоголь не цѣнилъ своего перваго произведенія, какъ не цѣнилъ и слѣдующихъ, понималъ ихъ не такъ, какъ понимаемъ ихъ мы, то-есть, мы должны сказать, что онъ ихъ не понималъ.

Онъ цѣнилъ ихъ лишь въ практическомъ отношеніи, и мастерски воспользовался своимъ успѣхомъ, чтобы завязать полезныя знакомства и улучшить свои финансы; очень скоро онъ по-

знакомился съ Плетневымъ, Жуковскимъ, Пушкинымъ, Смирновой (тогда Россетъ); уже въ 1831 году Плетневъ далъ ему мѣсто учителя въ Патриотическомъ Институтѣ и доставилъ уроки въ частныхъ домахъ. Едва ли должность скромнаго учителя была выгоднѣе, чѣмъ служба въ канцеляріи; нужно думать, что Гоголь взялся за новое дѣло окончательно убѣдившись въ невозможности быть чиновникомъ. Графъ В. А. Соллогубъ рассказываетъ, какъ незавидна была доля гениальнаго писателя во время его учительства въ домѣ Васильчиковой, и право трудно понять, какъ у Гоголя хватало терпѣнія выносить всѣ непріятности. Едва ли онъ цѣнилъ эти занятія, какъ средство завязать связи въ высшемъ свѣтѣ; въ письмѣ къ матери онъ гордится своими знакомствами; болѣе вѣроятно, что онъ чувствовалъ себя такъ хорошо, что ему все казалось сносно, что жизненные неудачи мало его огорчали. Соллогубъ сообщаетъ даже, что Гоголь тогда былъ веселъ и даже весьма некстати смѣшилъ всѣхъ. Самъ Гоголь въ письмѣ къ матери отъ 16. IV 1831 весьма ясно характеризуетъ свое состояніе. «Я теперь болѣе, нежели когда-либо, тружусь, и болѣе нежели когда-либо веселъ. Спокойствіе въ моей груди величайшее».

(Продолженіе слѣдуетъ).

В. Ф. Чижъ.

Значеніе и судьбы новѣйшаго идеализма въ Россіи.

(По поводу книги „Проблемы идеализма“.)

Наблюдая какое-либо идейное теченіе, въ большей или меньшей степени привлекающее вниманіе общества, человѣкъ позитивно-критическаго міросозерцанія, покоящагося на исторической основѣ, чувствуетъ прежде всего потребность опредѣлить тѣ условія, какія вызвали къ жизни это идейное теченіе, и предугадать его будущую судьбу. На этомъ покоится разрѣшеніе другого важнаго вопроса,—о томъ, какъ опредѣлить свое субъективное отношеніе къ данной теоріи, какой способъ дѣйствія по отношенію къ ней слѣдуетъ усвоить. Но само собой разумѣется, что для правильнаго рѣшенія этихъ задачъ первостепенной важности необходимо познакомиться возможно лучше и полнѣе съ самой теоріей, которая должна выдержать такое двойное испытаніе. Эта, такъ сказать, предварительная задача изученія самага матеріала облегчается въ нашемъ специальномъ случаѣ тѣмъ обстоятельствомъ, что послѣдователи новѣйшаго идейнаго теченія, въ томъ или другомъ смыслѣ занимающаго русское общество сейчасъ, издали большую книгу, долженствующую, по всѣмъ признакамъ, служить ихъ символомъ вѣры или манифестомъ ихъ воззрѣній.

Но необходимо оговориться: мы не знаемъ, въ какой мѣрѣ авторы книги «Проблемы идеализма» несутъ коллективную отвѣтственность за все, въ этой книгѣ содержащееся. Существуютъ совершенно объективныя основанія предполагать, что такой коллективной нравственной отвѣтственности даже совсѣмъ быть не

можетъ, потому что наблюдаются нерѣдко очень существенныя, принципиальныя разногласія между лицами, выступившими подъ однимъ идейнымъ знаменемъ. Поэтому удобнѣе будетъ сначала выдѣлить то, что соединяетъ, если не всѣхъ, то, по крайней мѣрѣ, большинство составителей книги, и опредѣлить свое отношеніе къ этой общей теоріи, а потомъ уже обратиться къ разбору отдѣльныхъ частныхъ, возлагая отвѣтственность за послѣднія на отдѣльныхъ лицъ.

Итакъ, что такое идеализмъ, насколько это можно понять по книгѣ «Проблемы идеализма»?

Первое, что можно и должно сказать объ идеализмѣ, это то, что это—*моральная* доктрина, признающая первостепенную важность проблемы о должномъ: «та основная проблема, которая въ наше время приводитъ къ возрожденію идеалистической философіи, есть прежде всего проблема моральная ¹⁾», говоритъ редакторъ книги въ своемъ предисловіи, и эта мысль повторяется въ различныхъ выраженіяхъ въ отдѣльныхъ статьяхъ сборника ²⁾.

Вторая отличительная черта идеалистической философіи заключается въ *отрицательномъ отношеніи къ рѣшенію моральной задачи положительной наукой*. «Обращаясь къ тѣмъ направленіямъ, которыя не хотятъ знать ничего, кромѣ опытныхъ началъ, мы убѣждаемся въ ихъ безсиліи разрѣшить этотъ важный и дорогой для насъ вопросъ» ³⁾, читаемъ въ предисловіи; подобное видимъ и въ другихъ мѣстахъ ⁴⁾. Основанія, по которымъ рѣшеніе моральной проблемы признается непосильнымъ для опытной науки, сводятся къ слѣдующему: 1) «на вопросъ о томъ, что должно быть, знаніе того, что было и что есть, не можетъ дать отвѣта» ⁵⁾; 2) для положительной науки и въ частности для исторіи возможны лишь «гипотетическія предположенія» или «обоснованныя ожиданія» отъ будущаго, а «утверждать на этихъ предположеніяхъ свой нравственный идеаль значило бы лишать его настоящей широты и твердости»; вопросъ о должномъ вы-

1) „Проблемы идеализма“, стр. VIII; ниже, когда въ ссылкахъ указаны страницы безъ обозначенія заглавія сочиненія, разумѣется всегда эта книга.

2) Стр. 3, 249 и др.

3) Стр. VIII.

4) Стр. 3, 255, 262, 263, 301, 506.

5) Стр. 255.

ходить изъ сферы положительной науки ¹⁾; 3) общественное существование существенно отличается отъ естествознания, потому что, во-первыхъ, по Риккертю и Виндельбанду, естествознание обращаетъ вниманіе на общее, а исторія на особенное, «на установленіе дѣйствительности съ ея индивидуальными особенностями», почему исторія не повторяется, и социальныя предсказанія невозможны ²⁾; во-вторыхъ, въ основѣ естественно-научнаго міропониманія лежитъ понятіе необходимости, а съ социологической точки зрѣнія важно только понятіе возможности, при ближайшемъ анализѣ обращающееся въ понятіе нравственнаго долженствованія ³⁾).

Третье основное положеніе идеализма сводится къ *утвержденію равноправности религіи и философіи съ наукой и независимости проблемы моральной отъ категоріи бытія*. Это послѣднее доказывается слѣдующими соображеніями: 1) долженствованіе сверх-опытнаго происхожденія ⁴⁾; 2) долженствованіе немислимо безъ свободы воли, а опытъ признаетъ лишь необходимость, — связь причинъ и слѣдствій ⁵⁾; 3) «подчиненіе долженствованія бытію... коренится... въ идолопоклонствѣ передъ принципомъ причинности. Оно забываетъ, что въ опытѣ или наукѣ намъ открывается причинность и способъ бытія, но что самое бытіе, какъ таковое, остается для насъ всегда и непознаннымъ и необъясненнымъ» ⁶⁾; 4) «отрицаніе должнаго, какъ самостоятельной категоріи, независимой отъ эмпирическаго сущаго и не выводимой изъ него, ведетъ къ упраздненію не только этики, но и самой нравственной проблемы» ⁷⁾).

Слѣдуя дуалистической гносеологіи Канта, идеалисты, вслѣдъ за тѣмъ же Кантомъ, утверждаютъ, что *абсолютныя моральныя понятія—формальны, лишены содержанія, являются простыми величійми, категорическими императивами*,—и это составляетъ четвертое основное положеніе идеалистической философіи: абсо-

¹⁾ Стр. 262.

²⁾ Стр. 12—13, 14, 261, 263, 307 и 377.

³⁾ Стр. 302, 303, 359.

⁴⁾ Стр. VШ, 1, 6, 490, 520.

⁵⁾ Стр. 30, 96, 97, 255.

⁶⁾ Стр. 30—31.

⁷⁾ Стр. 79; ср. стр. 94.

⁸⁾ Стр. 92.

лютная цѣнность долженствованія—«это абсолютизмъ не факта, а идеи, не проявленія, а сущности, не конкретного содержанія, а отвлеченной формы»¹⁾; и въ социальныхъ идеалахъ выступаетъ «формальный характеръ нравственнаго долженствованія»²⁾.

Наконецъ, пятая главная идея, проводимая идеализмомъ касается содержанія моральныхъ понятій. Нельзя сказать, чтобы, утверждая формализмъ долженствованія, идеалисты признавали вполне и безраздѣльно принципъ относительности въ содержаніи нравственныхъ понятій: абсолютъ проникъ и сюда. Правда, они утверждаютъ, что положительная наука помогаетъ абсолютной нравственной философіи, «даетъ пустой формѣ абсолютнаго долженствованія конкретное, относительное содержаніе»³⁾, но полагаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что *необходимо знать конечныя цѣли мірозданія*⁴⁾, что эти цѣли—по крайней мѣрѣ отчасти—отражаются въ исторіи, такъ что «процессъ исторіи—процессъ созданія абсолютной морали», «въ историческомъ процессѣ выражена міровая, провиденціальная мысль»⁵⁾, и даже формулируютъ нѣкоторые основные принципы абсолютной морали со стороны ея содержанія: эти принципы—свобода и провозглашеніе чело-вѣка, чело-вѣческой личности «самоцѣлью»⁶⁾.

Таковы основныя положенія идеализма, и такъ они доказываются въ разбираемой книгѣ. Мысли и доказательства, сейчасть изложенныя, принадлежатъ изъ 12-ти составителей книги лишь семи: С. Н. Булгакову, П. Г., Н. А. Бердяеву, С. А. Аскольдову, П. И. Новгородцеву, Б. А. Кистяковскому и Д. Е. Жуковскому. Что касается кн. Е. Н. Трубецкого, С. Л. Франка, кн. С. Н. Трубецкого, А. С. Лаппо-Данилевскаго и С. О. Ольденбурга, то, несомнѣнно, сочувствуя въ общемъ идеализму, они, можетъ быть, понимаютъ его и нѣсколько иначе, чѣмъ ихъ товарищи: статьи этихъ пяти лицъ не даютъ возможности судить, раздѣляютъ ли они во всѣхъ подробностяхъ изложенную теорію. Мало того: хотя авторы, отнесенные мною въ первую группу, и исповѣдуютъ одни и тѣ же принципы, но указанныя выше

1) Стр. 286.

2) Стр. 288.

3) Стр. 39, 292, 294.

4) Стр. 16, 79, 214, 296, 520.

5) Стр. 521, 44.

6) Стр. 35, 104, 106, 112, 214, 281, 283, 294, 511, 521.

доказательства этихъ общихъ началъ не у всѣхъ одинаковы, такъ что, при всемъ стараніи выдѣлить общее и основное, пришлось включить въ предшествующее изложеніе кое-что такое, что можетъ быть отнесено на счетъ лишь отдѣльныхъ лицъ.

Спрашивается теперь, почему эта теорія привлекаетъ сочувствіе общества? Говоря объ обществѣ, нельзя, конечно, представлять себѣ его какъ нѣчто цѣлое, единое, недѣлимое. Даже въ образованномъ обществѣ надо различать, по крайней мѣрѣ, двѣ группы: первую составляютъ люди, которые могутъ и хотятъ оцѣнить не только отдѣльныя частности извѣстнаго идейнаго построенія, но и все это построеніе въ цѣломъ; такихъ людей меньшинство, и не о нихъ мы сейчасъ говоримъ; мы говоримъ о томъ подавляющемъ большинствѣ, которое, нерѣдко не будучи въ состояніи охватить цѣлое, беретъ изъ каждой теоріи то, что въ данный моментъ близко его сердцу, соотвѣтствуетъ его духовнымъ запросамъ. Этому большинству предстоитъ еще въ будущемъ—и можетъ быть въ довольно далекомъ будущемъ—работа объединенія своихъ идей и симпатій въ болѣе или менѣе цѣльную систему. И художественная литература послѣдняго времени, и личныя наблюденія каждаго убѣждаютъ въ томъ, что въ русскомъ обществѣ прочно утверждается высокій взглядъ на права человѣческой личности. Эта идея нашла себѣ выраженіе въ пятомъ основномъ положеніи идеалистической доктрины, и она-то, по моему мнѣнію, и привлекаетъ массу русскаго образованнаго общества къ новому ученію. И для массы привлекательна не только индивидуалистическая струя въ идеалистической философіи, но и провозглашеніе автономіи и правъ личности какъ абсолютнаго нравственнаго начала, необходимаго и неизмѣннаго для всѣхъ временъ и народовъ: вѣдь моральный абсолютизмъ такъ свойственъ обыденному мышленію, что это послѣднее, не обинуясь, примыкаетъ къ философскому ученію, оправдывающему этотъ абсолютизмъ. И еще одна черта дѣлаетъ идеализмъ желаннымъ для большинства: это—примиреніе съ религіей какъ санкціей морали. Таковы, какъ кажется, психическія основы увлеченія большинства идеализмомъ. Этому большинству остается чуждой та поправка, которую вносить идеализмъ въ обыденный складъ мышленія,—поправка, сводящаяся къ провозглашенію моральнаго принципа формальнымъ.

Но и среди меньшинства есть люди, которые открыто и охот-

но примыкаютъ къ идеалистической философіи: это тѣ, кто принимаетъ ее въ цѣломъ, кто цѣнитъ и только, что указанную философскую поправку, кто ищетъ откровенія не только въ Кантѣ, но и въ Фихте и въ Гегелѣ. Люди этого типа, какъ и тѣ, о которыхъ только что шла рѣчь,—не исключительно наше, русское явленіе: такихъ людей лѣтъ 50 тому назадъ много было въ Германіи. Крупнѣйшимъ представителемъ такого типа является Лиссаль съ его двойственной натурой, въ которой этическіе запросы сочетались съ индивидуалистическими стремленіями. Реальныя условія русскаго общественнаго развитія въ наше время близки къ тѣмъ, въ которыхъ протекала жизнь нѣмецкаго общества полвѣка тому назадъ. Неудивительно, что и психологія общества складывается приблизительно одинаково, и идейныя теченія повторяются съ поразительнымъ сходствомъ.

Съ точки зрѣнія позитивно-критической, признающей за основу для моральныхъ приговоровъ реальныя интересы общества въ данный моментъ его существованія, укрѣпленіе и увеличеніе правъ личности въ настоящее время оправдывается не въ меньшей степени, чѣмъ съ идеалистической точки зрѣнія. Понятно, что критическій позитивистъ можетъ и долженъ признать за идеализмомъ нѣкоторое практическое значеніе: не разрывая рѣзко съ традиціями, мирясь съ ними и оправдывая ихъ, примѣняясь къ обычному міросозерцанію, идеализмъ вмѣстѣ съ тѣмъ проводитъ здоровое нравственное начало, соотвѣтствующее реальнымъ интересамъ общества, какъ цѣлаго, въ данный моментъ его существованія; этого мало: своими отступленіями отъ обычнаго міросозерцанія массы идеализмъ будитъ въ послѣдней мысли, прививаетъ вкусы къ мышленію о высшихъ вопросахъ, а это залогъ будущаго развитія. Этимъ, я думаю, опредѣляется историческая и практическая роль идеалистической философіи въ Россіи нашего времени. Послѣ всего сказаннаго никто не упрекнетъ пишущаго эти строки въ безусловно-враждебномъ отношеніи къ идеализму, а это облегчаетъ задачу послѣдующей критики, къ которой теперь и перейдемъ.

Важность моральной задачи, особенно, если говорить о морали соціальной,—это такое положеніе, котораго не будетъ оспаривать ни одинъ критическій позитивистъ. Болѣе того: ея не оспаривалъ даже и позитивизмъ въ его первоначальной формѣ: Кантъ, кромѣ задачи изученія природы или дѣйствительности,

признавалъ равноправную съ ней задачу примѣненія знаній о природѣ къ выгодѣ человѣка ¹⁾; не только знаніе и предвидѣніе, но и дѣйствіе представлялись ему важными ²⁾. Историческая школа въ политической экономіи, сильно проникнутая и историзмомъ и позитивизмомъ, посвятила большую часть своихъ силъ разработкѣ практическихъ вопросовъ въ извѣстномъ «Обществѣ соціальной политики». Современная медицинская наука, несомнѣнно позитивная въ своихъ основахъ, имѣетъ въ виду не только теоретическое изученіе здороваго и больного организма, но и практическую цѣль излеченія отъ болѣзней и даже ихъ предупрежденіе. Техника всякаго рода, исходя изъ положительныхъ началъ, преслѣдуетъ вѣдь всегда практическія задачи. Даже историческая школа юристовъ, за исключеніемъ первыхъ ея адептовъ, по естественной реакціи заходившихъ слишкомъ далеко въ направленіи, противоположномъ ранѣе господствовавшему, развивала задачи политики права; это въ особенности слѣдуетъ сказать о русскихъ ученыхъ—не только о такихъ, какъ С. А. Муромцевъ или М. М. Ковалевскій, но и о тѣхъ, кто занимался, повидимому, почти исключительно теоріей и исторіей, какъ, напр., А. Л. Дювернуа ³⁾.

Итакъ, признаніе первостепенной важности практической, моральной проблемы не составляетъ типической особенности идеализма. Пустопорожнее знаніе, не имѣющее въ виду въ конечномъ счетѣ жизненныхъ потребностей, чуждо нашему времени, составляетъ удѣлъ далекой средневѣковой эпохи. Настаивать на удовлетвореніи жизненныхъ потребностей посредствомъ научной работы и доказывать необходимость этого удовлетворенія значило было ломиться въ открытую дверь.

Гораздо оригинальнѣе второе положеніе идеалистической философіи, отрицающее возможность рѣшенія моральной проблемы положительною наукой. Послѣ всего, что сказано сейчасъ о практическихъ тенденціяхъ положительнаго знанія, остается немного прибавить для того, чтобы показать неосновательность первыхъ двухъ аргументовъ, подкрѣпляющихъ это второе поло-

¹⁾ Cours de la philosophie positive, Paris, 1830, I, p. 60.

²⁾ Тамъ же, p. 63.

³⁾ См. его «Чтенія по гражданскому праву»; ср. его старое, чисто-историческое, прекрасное и полное практически полезныхъ мыслей сочиненіе „Источники права и судъ въ древней Россіи“.

женіе и сводящихся, какъ было выше указано, къ утверженію, что положительная наука занимается изученіемъ лишь прошлаго и настоящаго, обоснованными ожиданіями отъ будущаго и чужда вопроса о должномъ. Здѣсь кроется довольно странное недоразумѣніе, заключающееся въ мысли, что не можетъ быть практическихъ, прикладныхъ положительныхъ знаній. Это совершенно невѣрно,—и невѣрно не только въ отношеніи къ эксплуатаціи силъ природы съ практическими цѣлями въ техникѣ и медицинѣ, но и по отношенію къ задачамъ человѣческаго общежитія. Положительная наука не отрицаетъ и никогда не отрицала возможности и необходимости воздѣйствовать на дѣйствительность; она только, во-первыхъ, точнѣе опредѣляетъ способы этого воздѣйствія и, во-вторыхъ, устанавливаетъ его предѣлы. Свобода воли въ позитивномъ смыслѣ этого выраженія отнюдь не отрицается, потому что подъ ней разумѣется такая организація психическихъ элементовъ развитой духовно личности, при которой эти элементы составляютъ стройную и сложную систему, оказывающуюся въ состояніи сопротивляться отдѣльнымъ внѣшнимъ вліяніямъ даннаго момента. Такая свобода не стоитъ ни въ какомъ противорѣчій съ необходимостью. Но для того, чтобы опредѣлить направленіе и цѣль общественной дѣятельности, необходимо знать законы развитія прошлаго и настоящаго и опредѣлить перспективы на будущее, чтобы помочь мучительному и трудному процессу рожденія новыхъ общественныхъ формъ, какъ акушеръ или повивальная бабка помогаетъ появленію на свѣтъ новаго человѣка. Въ каждый данный моментъ необходимо и возможно на совершенно положительныхъ основаніяхъ рѣшить вопросъ о томъ, что содѣйствуетъ самосохраненію и дальнѣйшему развитію общества, и направить свою дѣятельность на поддержаніе этихъ здоровыхъ началъ. Понятіе о больномъ и здоровомъ обществѣ не менѣе свойственно позитивной социальной наукѣ—въ частности социальной политикѣ,—чѣмъ свойственно медицинѣ понятіе о больномъ и здоровомъ организмѣ. Формулированіе конкретныхъ практическихъ задачъ переживаемаго момента съ указаніемъ на практическіе приемы ихъ рѣшенія—вотъ великая моральная проблема каждаго времени, и только тогда эта цѣль будетъ достигнута, когда мы откажемся отъ абсолютовъ и панацей, а останемся на позитивной почвѣ.

Но, какъ мы видѣли, безсиліе положительной науки въ рѣшеніи моральной проблемы доказывается еще ссылкой на Виндельбанда и Риккерта, утверждающихъ, что обществознаніе обращаетъ вниманіе на частное, особенное, индивидуальное и потому не можетъ предсказывать будущее: исторія вѣдь не повторяется; обществознаніе такимъ образомъ противопоставляется естествознанію, гдѣ господствуетъ общее, а не частное, и гдѣ поэтому возможны предсказанія. Имена Виндельбанда и Риккерта по этому поводу окружаются въ «Проблемахъ идеализма» особымъ ореоломъ, и ихъ выводы объявляются какимъ-то откровеніемъ истины, новымъ свѣтомъ, возсіявшимъ въ общественной философіи и теоріи историческаго познанія. Между тѣмъ, что въ сущности представляютъ собою эти выводы? Не что иное, какъ теоретическую формулировку тѣхъ пріемовъ и задачъ историческаго изученія, которые составляютъ отличительную особенность многочисленныхъ нѣмецкихъ историковъ школы Ранке. Эти историки—истинные чернорабочіе, гетевскіе Вагнеры, не видяшіе изъ-за деревьевъ лѣса, эрудиты, а не ученые въ собственномъ смыслѣ слова. Теоретическое оправданіе ихъ работы, къ которому сводятся новѣйшіе труды Виндельбанда и Риккерта,—дѣло совершенно не философское. Чтобы опровергнуть эту попытку, приходится напомнить объ азбукѣ, хорошо забытой Виндельбандомъ, Риккертомъ и ихъ послѣдователями: кто изъ позитивистовъ не знаетъ извѣстнаго дѣленія теоретическихъ знаній на «абстрактныя, общія», открывающія законы явленій, и «конкретныя, частныя, описательныя», изображающія частные случаи примѣненія этихъ общихъ законовъ въ конкретной дѣйствительности ¹⁾? Кому далѣе неизвѣстно, что и въ естествознаніи есть науки обоихъ видовъ: біологія—абстрактная наука, ботаника и зоологія—описательныя, конкретныя, и что въ обществознаніи біологіи соотвѣтствуетъ социологія, а ботаникѣ и зоологіи—исторія? Вотъ почему утверждать, что обществознаніе изучаетъ частное, индивидуальное, особенное, а естествознаніе общее, значитъ впадать въ очевидное недоразумѣніе: и частное и общее одинаково изучаются и здѣсь и тамъ, но и въ частномъ познается общее, безъ чего нѣтъ науки, а есть только простое накопленіе несистематизированныхъ, не подвергнутыхъ ана-

1) A. Comte, Cours, I, p. 70.

лизу фактовъ. Повторяемъ,—это азбука, но что же дѣлать, если о ней приходится въ данномъ случаѣ напоминать? Не болѣе, какъ недоразумѣніемъ, надо признать и пресловутое, очень часто, но напрасно, повторяемое утвержденіе, что исторія не повторяется. Напротивъ, исторія часто повторяется: сколько учрежденій сходныхъ съ французскимъ conseil du roi, съ интендантами, съ провинціальными штатами, можно найти въ исторіи разныхъ странъ; хозяйственный, социальный и политическій строй нашихъ вольныхъ городовъ удѣльнаго времени представляетъ множество поразительныхъ совпаденій съ соотвѣтствующими сторонами жизни Эллады VII и VI вѣковъ до Р. X., средневѣковыхъ итальянскихъ и нѣмецкихъ городовъ; такъ называемый феодализмъ, по крайней мѣрѣ въ его зародышахъ,—международное явленіе; даже отдѣльныя событія почти вполне воспроизводятся: припомнимъ конкретныя подробности возстанія Уота Тайлера въ Англіи XIV вѣка, французской жакеріи, нашего Разинскаго бунта или Пугачевщины и т. д. Конечно, при всемъ сходствѣ, наблюдаются обыкновенно и различія, но развѣ въ природѣ отдѣльныя конкретныя явленія вполне точно совпадаютъ другъ съ другомъ, развѣ паденіе одного камня во всѣхъ конкретныхъ подробностяхъ сходно съ паденіемъ другого? въ обоихъ паденіяхъ отражаются лишь одни общіе законы, но конкретныя подробности часто различны. Но это же можно сказать и о повторяемости историческихъ явленій. Слѣдовательно, и социальныя предсказанія принципиально также возможны, какъ и предсказанія въ естествознаніи. Если первыя труднѣе и рѣже удаются, то это происходитъ отъ большей сложности социальныхъ явленій и меньшей разработанности общественныхъ наукъ,—и только. И астрономъ—не магъ и всего предсказать не можетъ, и въ астрономіи, несмотря на ея высокое развитіе, случаются ошибки и неточности. Но развѣ это говоритъ противъ принципиальной возможности астрономическихъ предсказаній? Послѣ всего сказаннаго самъ собою отпадаетъ вопросъ о необходимости какъ основномъ понятіи исключительно одного естествознанія и о возможности или долженствованіи какъ основномъ понятіи обществознанія.

Идеалисты много говорятъ—далѣе—о равноправности религіи и метафизической философіи съ наукой и въ связи съ этимъ настаиваютъ на независимости моральной проблемы отъ катего-

рїи бытія. Никто, конечно, не имѣеть желанія запрещать желающимъ заниматься метафизическимъ умозрѣніемъ. Всего менѣе можно упрекнуть позитивистовъ, признающихъ невозможность рѣшенія вопросовъ о сущности вещей научнымъ путемъ, въ религіозной нетерпимости или въ отрицаніи религіи. Тамъ, гдѣ кончается сфера научнаго знанія, должна господствовать полная и ничѣмъ не ограниченная свобода: что недоказуемо, то не можетъ быть обязательно ни внѣшнимъ, ни внутреннимъ образомъ, ни путемъ принужденія, ни логически. Эта логическая необязательность и недоказуемость метафизическихъ и религіозныхъ истинъ и составляетъ демаркаціонную черту между наукой съ одной стороны и метафизической философїей и религіей съ другой,—и это никакъ нельзя забывать. Недоказуемость признають теперь и идеалисты, и странно, что, несмотря на такое признаніе, мало цѣнятъ логическую необязательность, полный субъективизмъ метафизическихъ и религіозныхъ истинъ, совершенную невозможность ставить ихъ въ рядъ съ истинами научными, сравнивать первыя съ послѣдними. Вотъ въ чемъ заключается разница между позитивизмомъ и идеализмомъ въ ихъ отношеніи къ метафизикѣ и религіи, а вовсе не въ томъ, что идеалисты—широки и терпимы, а позитивисты узки и фанатичны. Но намъ говорятъ еще, что долженствованіе независимо отъ бытія, и пытаются доказать это рядомъ соображеній. Соображенія эти чисто-метафизическаго характера: вездѣ предполагается субстратъ (долженствованіе, бытіе), чистая форма, независимая отъ проявленій этого субстрата. Мы уже говорили, что свобода воли, понимаемая позитивно, не противорѣчитъ необходимости. Наконецъ, что касается происхожденія чистой, метафизической формы, то этотъ вопросъ не имѣеть никакого смысла съ положительной точки зрѣнія, потому что чистая форма опыту и наблюденію не подлежитъ и не можетъ быть, слѣдовательно, научно анализируема какъ и всякая «вещь въ себѣ». Съ позитивной точки зрѣнія явленія категоріи долженствованія могутъ быть познаваемы только какъ феномены, и это положеніе покоится на тѣхъ соображеніяхъ, что, во-первыхъ, анализируя формальное, лишенное всякаго содержанія, понятіе добра, мы не найдемъ въ немъ, если оно формально, ничего, кромѣ простого констатированія эмпирически устанавливаемаго факта, что человѣкъ имѣеть волю и дѣйствуетъ; во-вторыхъ, какъ только мы попытаемся запол-

нить эту форму конкретнымъ содержаніемъ, такъ безъ труда убѣдимся въ относительности и нашихъ нравственныхъ понятій. И, конечно, такая постановка вопроса вовсе не устраняетъ этики: вѣдь сами же идеалисты для рѣшенія нравственныхъ проблемъ призываютъ на помощь науку. Это и естественно: вѣдь вся важность моральной проблемы каждаго момента заключается не въ философскомъ обоснованіи формальнаго понятія долга, а въ опредѣленіи конкретныхъ задачъ дѣятельности человѣка въ условіяхъ именно этого времени.

То, что сейчасъ сказано, заставляетъ насъ отнести отрицательно и къ четвертому положенію идеализма,—о формальномъ характерѣ нравственнаго долженствованія. Впрочемъ, какъ намъ уже извѣстно, идеалисты не удержались на чисто-формальной почвѣ и, признавая исторію процессомъ созданія абсолютной морали, постепенно выясняющимъ конечныя цѣли міросозданія, указали и два выясненныхъ уже исторіей элемента этой абсолютной морали: свободу и признаніе личности самоцѣлью. Въ сущности впрочемъ, это не два элемента, а одинъ, потому что свобода и автономія личности одно и то же. Нельзя не признать однако, что признаніе начала свободы нравственнымъ абсолютнымъ принципомъ—чистое самообольщеніе. Развитие свободы является конкретной моральной задачей извѣстнаго времени, вызываемой реальными условіями соціального развитія. Но возводить эту свободу въ абсолютъ значить впадать въ несомнѣнную и очень серьезную ошибку. Не всякая свобода соотвѣтствуетъ самосохраненію и развитію общества даже тогда, когда реальные потребности и интересы требуютъ расширенія свободы во многихъ отношеніяхъ: такъ пресловутая свобода труда, отрицающая рабочія организаціи и рабочее законодательство,—несомнѣнное зло не только для рабочихъ, но и для общества какъ цѣлаго, потому что ведетъ къ угнетенію, вырожденію и вымиранію значительной части населенія.

Итакъ, очень многое и притомъ основное въ идеалистической философіи оказывается при критическомъ разсмотрѣніи несостоятельнымъ. Мы видѣли, что и почему обезпечило успѣхъ идеализму. Теперь мы можемъ сказать, что этотъ успѣхъ — явленіе очень преходящее, временное. Отъ каждой теоріи масса русскаго общества беретъ то, что ей наиболѣе дорого, и затѣмъ, нѣкоторое время поклоняясь новымъ кумирамъ, скоро къ нимъ охладѣ-

дѣваетъ. Теорія, недавно властвовавшая, если не надъ умами, то надъ сердцами, скоро теряетъ свое обаяніе и превращается въ *одно* изъ научныхъ или философскихъ теченій, существующихъ въ обществѣ. Тогда-то и начинается ея настоящая критическая разработка, ея углубленіе и совершенствованіе. Такъ случилось недавно съ марксизмомъ: въ его первоначальной элементарной формѣ онъ увлекъ сердца, но пылъ остылъ, и такъ какъ русское общество еще не доросло до самостоятельной *умственной*, критической работы, то старые кумиры смѣнились новыми. Марксизмъ ушелъ въ глубь, сталъ однимъ изъ научныхъ теченій, подлежащихъ дальнѣйшей разработкѣ. Но онъ скажетъ еще свое слово, потому что онъ теченіе — *научное*. Теперь мы наблюдаемъ увлеченіе идеализмомъ, которое также скоро схлынетъ, и идеализмъ сдѣлается достояніемъ той группы интеллигенціи, которая по складу своей натуры склонна къ отвлеченному философствованію на метафизической основѣ. И у насъ, какъ теперь въ Германіи, появится, вѣроятно, множество «системъ» философіи, которыя и будутъ преподносятся благсклоннымъ слушателямъ съ университетскихъ кафедръ. Но мы едвали ошибемся, если замѣтимъ, что широкой общественной роли въ смыслѣ практическомъ идеализму не суждено сыграть: если отвлечься отъ крайностей мистицизма, нерѣдко отражающихся въ практической дѣйствительности довольно сильно, то придется признать идеалистическую философію слишкомъ академической теоріей, чтобы она могла получить значеніе боевого клича. А будущее принадлежитъ лишь тѣмъ теоріямъ, которыя своими *оригинальными*, отличительными чертами обращены къ *конкретной* дѣйствительности.

Предшествующее изложеніе касалось самыхъ общихъ основъ идеализма, какъ онѣ изложены въ разбираемой книгѣ. Но, выдѣливъ это основное и общее, мы получаемъ въ остаткѣ еще частные взгляды отдѣльныхъ авторовъ. Оставить безъ вниманія эти подробности никакъ нельзя, потому что многое въ нихъ очень характерно для тѣхъ, кто ими обмолвился, и, съ другой стороны, можетъ легко ввести въ соблазнъ неопытнаго читателя; наконецъ, есть и много вѣрнаго, что заслуживаетъ быть особо отмѣченнымъ. Всѣ статьи сборника «Проблемы идеализма» можно съ удобствомъ раздѣлить на три группы: первую составляютъ критическія статьи и изложенія чужихъ воззрѣній и теорій; вто-

рая слагается изъ статей, главная задача которыхъ—формулирование основъ идеализма и ихъ доказательство; къ третьей относятся статьи переходнаго характера отъ первой ко второй группѣ.

Къ первой группѣ принадлежатъ статьи кн. Е. Н. Трубецкого, С. Л. Франка, Б. А. Кистяковского, А. С. Лаппо-Данилевскаго и С. О. Ольденбурга. Статья кн. Трубецкого посвящена критицѣ учения первоначальнаго марксизма о значеніи идей въ исторіи. Критика эта во многихъ отношеніяхъ справедлива: дѣйствительно, объясненіе *всей* идеологіи общества *непосредственно* изъ экономическихъ отношеній, въ частности изъ классовыхъ интересовъ,—невозможно, рѣжетъ глаза своей грубостью. Но отсюда еще очень далеко до заключенія автора, что человѣческій умъ въ исторіи является «факторомъ самостоятельнымъ, несводимымъ къ причинамъ экономическимъ или какимъ-либо другимъ»¹⁾. Кн. Трубецкой—и не онъ первый—довольно убѣдительно показалъ несостоятельность марксистскаго объясненія духовной культуры въ его первоначальномъ видѣ. Но большинство современныхъ послѣдователей теории экономическаго объясненія исторіи допускаетъ *непосредственное* вліяніе экономическихъ условій на духовную культуру лишь отчасти, указывая, что въ большинствѣ случаевъ хозяйственный строй вліяетъ на психическій складъ общества черезъ посредство другихъ явленій общезитія (соціальныхъ, политическихъ), выводимыхъ въ свою очередь изъ экономическихъ основъ. Притомъ вліяніе хозяйства не надо понимать какъ одно только воздѣйствіе классовыхъ интересовъ, но и какъ вліяніе экономической организациі въ ея цѣломъ. Такимъ образомъ экономическое объясненіе исторіи въ его современной формѣ остается неопровергнутымъ.

Статья г. Франка является попыткой установить своеобразное пониманіе философіи Ницше, попыткой односторонней, мало считающейся съ *ensemble*мъ всѣхъ воззрѣній Ницше, и потому ее нельзя, на нашъ взглядъ, назвать удачной. Но нѣтъ нужды останавливаться на этой статьѣ дольше, потому что разсмотрѣніе всей философіи Ницше потребовало бы слишкомъ много времени и мѣста и не дало бы ничего важнаго ни для критики, ни для объясненія идеализма. Въ сущности статья г. Франка ничего не прибавляетъ къ сборнику.

1) Стр. 71.

Намъ кажется также, что считать предтечей идеализма скептическаго Ренана, о которомъ трактуетъ въ своемъ очеркѣ г. Ольденбургъ, едва ли возможно, хотя, конечно, авторъ правъ въ своей характеристикѣ Ренана; въ этой характеристикѣ только одинъ недостатокъ,—неполнота.

Гг. Кистяковскій и Лаппо-Данилевскій посвятили свои статьи изложенію и критикѣ идейныхъ теченій, во многомъ несовпадающихъ съ идеализмомъ, и, надо признать, хорошо исполнили свою задачу, хотя изложеніе г. Лаппо-Данилевскаго и страдаетъ чрезмѣрной академичностью и тяжеловѣстностью. Поскольку г. Кистяковскій внесъ свою лепту въ построеніе самой идеалистической теоріи,—мы уже останавливались на его воззрѣніяхъ. По поводу статьи г. Лаппо-Данилевскаго нельзя также не сдѣлать того же замѣчанія, которое было сейчасъ сдѣлано о статьѣ кн. Трубецкаго: г. Лаппо-Данилевскій критикуетъ позитивизмъ исключительно въ его *первоначальной* формѣ. Конечно, оба автора были вольны въ выборѣ темы, но все-таки основнымъ недостаткомъ критической части «Проблемъ идеализма» является отсутствіе критики наивѣйшаго марксизма и критическаго позитивизма. Составители книги довольно легко и побѣдоносно расправляются съ умершими теоріями и оставляютъ безъ вниманія живыя идейныя теченія, идущія въ разрѣзъ съ идеалистической философіей. Это плохой способъ укрѣплять свои собственныя воззрѣнія. Вина въ такомъ пробѣлѣ ложится, конечно, прежде всего на редактора изданія.

Статьи переходнаго—третьяго типа не надолго остановятъ на себѣ наше вниманіе: наиболѣе боевая изъ нихъ—статья г. П. Г.—въ существенныхъ чертахъ разобрана выше, когда рѣчь шла объ общей конструкціи идеализма; статья г. Аскольдова—программа будущей работы идеалистической философіи, какъ ее понимаетъ авторъ, и по поводу ея можно только сказать: «поживемъ—увидимъ». Кн. С. Н. Трубецкой защищаетъ философію отъ нападокъ на нее, указывая съ особенной силой на значеніе исторіи философіи; большая часть того, что сказано въ статьѣ кн. Трубецкаго, не вызываетъ возраженій за исключеніемъ нѣкоторыхъ его философскихъ предпосылокъ и отдѣльныхъ замѣчаній, напр., о всемірно-историческомъ процессѣ (стр. 224) и т. д.; можно только замѣтить, что отвѣтъ на вопросъ, чему учить исторія философіи, данъ не полно: она учить также и тому, чему учить

вообще исторія,—великому принципу относительности, охватывающему одинаково и область теоріи и область практики.

Остаются статьи второй группы — самыя боевыя, написанныя г. Булгаковымъ, Бердяевымъ, Новгородцевымъ и Жуковскимъ. Основной фондъ этихъ статей составляетъ изложеніе и обоснованіе общихъ началъ идеализма, и съ этой точки зрѣнія онѣ нами уже рассмотрѣны. Но есть частности, на которыхъ стоитъ остановиться. Наибольшее количество такихъ частности встрѣчается въ первой статьѣ сборника, принадлежащей г. Булгакову. Странно прежде всего, что къ числу «потребностей всеобщихъ для всѣхъ людей» г. Булгаковъ относитъ потребность въ метафизическомъ мышленіи ¹⁾: это значить игнорировать очевидные факты существованія людей, совершенно чуждыхъ подобной потребности, подводить всѣхъ подъ одну насильственно навязанную мѣрку. Чрезвычайно странное впечатлѣніе производитъ далѣе то смѣшеніе въ одну кучу различныхъ идейныхъ теченій, которое производитъ г. Булгаковъ: онъ ставитъ на одну доску «позитивизмъ, матеріализмъ и неокантіанство» и утверждаетъ, что они «отрицаютъ права метафизики на существованіе» ²⁾, тогда какъ о матеріализмѣ этого собственно нельзя сказать, потому что матеріализмъ—тоже метафизическая система; или г. Булгаковъ смѣло заявляетъ, что агностики, позитивисты и матеріалисты «всю разгадку бытія видятъ въ механической причинности и возводятъ ее такимъ образомъ на степень абсолютнаго мірового начала» ³⁾; онъ упускаетъ при этомъ изъ виду, что это обвиненіе умѣстно поотношенію только къ однимъ матеріалистамъ, агностики же и позитивисты и не берутся рѣшать вопросъ о бытіи какъ сущности, и потому все сказанное къ нимъ относиться не можетъ. Авторъ доходитъ даже до того, что воззрѣнія Гольбаха смѣшиваетъ съ современнымъ научнымъ міросозерцаніемъ ⁴⁾. Но самое странное недоразумѣніе, самая великая ошибка, въ которую впадаетъ г. Булгаковъ, заключается въ утвержденіи, будто теорія мірового прогресса есть необходимая часть современнаго научнаго міропониманія ⁵⁾. Телеологія какъ фактъ, какъ выраженіе

¹⁾ Стр. 1.

²⁾ Стр. 3.

³⁾ Стр. 7.

⁴⁾ Стр. 7.

⁵⁾ Стр. 9.

чувства самосохраненія отдѣльнаго человѣка и общества, — самосохраненія, понимаемаго широко, въ смыслѣ сохраненія и своихъ психическихъ особенностей, признается положительной наукой, — но не міровая телеологія и не міровой прогрессъ. Теорія мірового прогресса — чисто-метафизическая теорія. Поэтому все, что говоритъ г. Булгаковъ противъ теоріи прогресса, — сказано не по адресу: все это относится къ метафизической теоріи прогресса, лишь по ошибкѣ считаемой иногда за положительную. Заканчивая рѣчь о статьѣ г. Булгакова, которая намъ кажется одной изъ наиболѣе слабыхъ въ сборникѣ съ философской точки зрѣнія, мы не можемъ не отмѣтить двухъ замѣчаній автора, поражающихъ своей странной наивностью. Одно замѣчаніе исторически наивно: г. Булгаковъ, вопреки всѣмъ новѣйшимъ изслѣдователямъ исторіи Рима, находитъ, что «буржуазность нѣкогда погубила римскую цивилизацію» ¹⁾; другое мѣсто касается ученія Л. Н. Толстого: «во всякомъ случаѣ оно», говоритъ г. Булгаковъ, — «гораздо нравственнѣе и выше тѣхъ ученій вѣка, которыя культуру видятъ во фракахъ и цилиндрахъ» ²⁾. Подумаешь: какъ глубоко, ново и оригинально!

Но г. Булгаковъ внесъ все-таки свою лепту въ дѣло построенія и доказательства идеалистической философіи. Несравненно менѣе его сдѣлалъ въ этомъ отношеніи г. Бердяевъ. Читая статью г. Бердяева, поражаешься удивительной банальностью, элементарностью ея содержанія и игрой въ цитаты изъ высокихъ для автора философскихъ авторитетовъ, точно авторъ — неофитъ, спѣшащій во что бы то ни стало и какъ можно скорѣе показать, что онъ усвоилъ хорошо философскія основы идеализма; много занять г. Бердяевъ также собой и своими отношеніями къ другимъ идеалистамъ; онъ считаетъ очень важнымъ вопросъ о томъ, какъ назвать себя, индивидуалистомъ или универсалистомъ ³⁾? Вопросъ имъ впрочемъ и рѣшается къ успокоенію любознательнаго читателя: точка зрѣнія г. Бердяева оказывается «соединеніемъ спиритуалистическаго индивидуализма съ этическимъ пантеизмомъ» ⁴⁾. Можно успокоиться: по выраженію Тол-

¹⁾ Стр. 25.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Стр. 113—114.

⁴⁾ Примѣчаніе первое на стр. 113.

стого, «найденъ тотъ отдѣлъ узаконеній, которому подлежитъ возникшее обстоятельство».

Г. Новгородцеву надо отдать справедливость: онъ сдѣлалъ болѣе всѣхъ для развитія идеалистической теоріи въ «Проблемахъ идеализма». Когда выше излагалась и критиковалась эта теорія, приходилось имѣть дѣло по преимуществу съ воззрѣніями г. Новгородцева. Мы не будемъ поэтому сейчасъ возвращаться къ его предисловію и статьѣ о возрожденіи естественнаго права¹ тѣмъ болѣе, что здѣсь нѣтъ ни того страннаго смѣшенія понятій, ни тѣхъ наивностей, которыя мы только что наблюдали.

Остается сказать нѣсколько словъ о статьѣ г. Жуковскаго. Эта статья тоже даетъ значительный матеріалъ для общей характеристики идеализма, выше представленной. Но оригинальной чертой ея является крайнее преувеличеніе авторомъ идеи, что моральное содержаніе—дѣло личнаго творчества¹). Правда, иногда онъ дѣлаетъ оговорки, показывающія, что онъ не можетъ игнорировать вліяніе соціальной среды на это личное моральное творчество²), но крайній субъективизмъ морали все-таки выступаетъ въ его изложеніи на первый планъ. Это—естественный результатъ абстрактнаго метода изслѣдованія моральныхъ вопросовъ, составляющаго такую отличительную черту «Проблемъ идеализма».

Критическій позитивизмъ не можетъ признать такой абстрактный методъ правильнымъ. Пониманіе живой дѣйствительности, конкретные признаки развитія здоровыхъ началъ общежитія—вотъ необходимыя, главные основы положительной морали, —личной и общественной. Теоретическое разногласіе между идеализмомъ и позитивизмомъ является такимъ образомъ чрезвычайно большимъ: въ области теоріи познанія это два почти діаметрально-противоположныхъ направленія. Между старой метафизикой и новымъ идеализмомъ наблюдается только одно существенное различіе, сближающее нѣсколько идеализмъ съ научнымъ міровоззрѣніемъ: идеалисты, не въ примѣръ прежнимъ метафизикамъ, прямо объявляютъ, что метафизическую философію нельзя смѣшивать съ наукой, что методы первой не научны. Это значительный шагъ впередъ, устраняющій прежнюю спутанность понятій.

Но при теоретическомъ разногласіи, доходящемъ нерѣдко до

1) Стр. 508, 519

2) Стр. 519.

крайности, критическіе позитивисты и идеалисты могутъ часто идти рука объ руку въ практической дѣятельности. Мы видѣли, что насколько можно разсмотрѣть и уяснить себѣ *содержаніе* идеалистической морали, она не чуждается жизненныхъ задачъ современности, необходимость разрѣшенія которыхъ подсказывается реальными условіями переживаемаго момента социальной эволюціи. Можно надѣяться поэтому, что по мѣрѣ того, какъ жизнь будетъ выдвигать, а положительная наука — формулировать рядъ очередныхъ конкретныхъ вопросовъ, отвѣтъ на которые въ опредѣленномъ направленіи будетъ вызываться реальными интересами русскаго общества въ данный моментъ его существованія,—идеалисты будутъ все болѣе сближаться съ опирающимися на научное міровоззрѣніе критическими позитивистами въ практической общественной дѣятельности, что по крайней мѣрѣ большинство изъ нихъ навсегда останется въ передовомъ лагерѣ.

Это впрочемъ каждый критическій позитивистъ можетъ сказать не объ однихъ идеалистахъ, но и о многихъ позитивистахъ стараго оттѣнка, а также о тѣхъ, кто, подобно гг. Михайловскому и Карѣеву, держался такъ называемаго «субъективнаго метода». Что и говорить: разногласія между отдѣльными группами русской интеллигенціи очень значительны. Но отраднo видѣть, что это по преимуществу теоретическія разногласія, что по многимъ практическимъ вопросамъ разныя группы сходятся. Жизнь властно диктуетъ свои требованія, которыя въ главныхъ чертахъ ясно рисуются теперь умственному взору всей мыслящей части русскаго общества. Въ этомъ залогъ грядущаго развитія нашего отечества, и «Проблемы идеализма» являются однимъ изъ знаменательныхъ симптомовъ извѣстнаго пракческаго направленія общественной мысли.

Н. Рожковъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Обзоръ книгъ.

Проблемы идеализма. Сборникъ статей подъ редакціей П. И. Новгородцева. Изданіе Московскаго Психологическаго Общества.

Эта книга обратила на себя особенное вниманіе русскаго общества; ею заинтересовались даже тѣ, кто вообще не склоненъ раскрывать сочиненія философскаго характера. Многія лица, относящіяся вполнѣ равнодушно къ спорамъ разныхъ школъ и направленій мысли, стали теперь обсуждать чуждыя для нихъ «проблемы» и ломать философскія копья, которыхъ доселѣ они и въ рукахъ не держали. Объясняется это, конечно, тѣмъ, что центръ тяжести этой объемистой книги лежитъ не столько въ достоинствахъ ея философскаго содержанія, сколько въ тѣхъ общественныхъ воззрѣніяхъ и симпатіяхъ, которыми проникнуты ея авторы—въ своемъ большинствѣ, недавніе или новые гости въ домѣ отвлеченнаго мышленія. Не то, что говоритъ эта книга, а то, «о чемъ она думаетъ»—вотъ для многихъ ея главная притягательная сила. Если бы «Проблемы идеализма» написали исключительно философы-специалисты, мирные дѣятели ученыхъ кабинетовъ, то онѣ, безспорно, не вызвали бы такого шума и страстей. Но самыя имена писателей, которые до сихъ поръ извѣстны были своей работой въ иныхъ областяхъ теоріи и практики и которые чаще всего примыкали къ дѣйственному марксизму,—самыя эти имена сосредоточили вокругъ себя новый и обширный контингентъ читателей.

Другой особенностью разбираемой книги является ея боевой

колорить, ея рѣшительный вызовъ позитивизму, направленный однако не противъ современныхъ формъ послѣдняго, въ частности—не противъ эмпириокритицизма, а почти исключительно противъ Конта и Милля, которые и безъ того давно свержены со своихъ недолговѣчныхъ пьедесталовъ. Авторы «Проблемъ» всѣ—глубокіе сторонники чистаго умозрѣнія и, напримѣръ, устами проф. Новгородцева справедливо заявляютъ, что «теперь уже нельзя, какъ 20 лѣтъ назадъ, однимъ произнесеніемъ слова метафизика осудить то или другое ученіе... и старая манера замѣнять въ отношеніи къ метафизикѣ аргументы словами никого болѣе не удовлетворяетъ» (стр. 253). Авторы «Проблемъ»—идеалисты Между тѣмъ большинство русскихъ читателей привыкли думать, что тѣ вольнолюбивыя стремленія, которыхъ привлекательный и яркій отпечатокъ лежитъ едва ли не на каждой страницѣ нашего сборника, имѣютъ своей единственной и необходимой основой совершенно другое общее міросозерпаніе—позитивно-механистическое. Признанные глашатаи и поборники свободной гражданственности оказываются приверженцами такихъ нравственно-религіозныхъ воззрѣній, которыя обыкновенно исповѣдуютъ представители всѣмъ иногаго соціального лагеря. И въ этомъ отношеніи «Проблемы идеализма» могутъ сослужить большую воспитательную службу и разсѣять царящій у насъ предрасудокъ, будто спиритуалистическое міровоззрѣніе несомнѣстимо съ дорогими завѣтами общественнаго либерализма. Этотъ предрасудокъ, бѣгущій отъ свѣта философской критики, является однако, въ житейскомъ и психологическомъ смыслѣ «обломкомъ давней правды» и въ нашей дѣйствительности находитъ себѣ серьезное объясненіе. На протяженіи историческаго процесса высшіе идеалы нравственности и религіи потерпѣли такое извращеніе, къ нимъ взываютъ и зывали такіе могучіе и зловѣщіе поклонники тьмы, что люди, которые молятся тѣмъ же богамъ, но привѣтствуютъ восходящее солнце, поставлены въ положеніе глубоко-трагическое. Роковое сосѣдство побуждаетъ ихъ замыкаться въ себя и не произносить всуе тѣхъ великихъ словъ, во имя которыхъ другіе совершаютъ низменные и своекорыстныя дѣла. Понятная стыдливость не позволяетъ имъ говорить о своемъ идеализмѣ, когда вокругъ подъ личиной небесныхъ идеаловъ торжествуетъ необузданное тяготѣніе къ земнымъ удобствамъ; и многіе недовѣрчиво смотрятъ на сторонниковъ

такого міровоззрѣнія, которое опозорено кровавой печатью Торквемады и змѣиной подписью Тартюфа. Вотъ почему большинство интеллигентной публики и должно плодотворно задуматься надъ идеалистическими взглядами такихъ авторовъ, которые уже въ силу географическихъ перемѣнъ своей судьбы не могутъ быть заподозрѣны въ спокойной удовлетворенности реальными условіями жизни.

Недаромъ говоритъ Н. А. Бердяевъ: «Реакціонеры привыкли встрѣчаться съ материалистическимъ обоснованіемъ и оправданіемъ освободительныхъ стремленій, но гораздо сильнѣе и чувствительнѣе будетъ вызовъ идеализма. Идеализмъ обнаруживаетъ полнѣйшую духовную нищету всякой реакціонной идеологіи» (стр. 135).

Но если авторы «Проблемъ» заинтересованы въ доказательствѣ той несомнѣнной истины, что между прогрессивными убѣжденіями и позитивной философійей не существуетъ органической внутренней связи; если они озабочены тѣмъ, чтобы подъ свое гражданское міровоззрѣніе подвести основу идеализма, то умозрительное значеніе этой попытки оказывается очень не велико и преобладающая роль въ книгѣ выпадаетъ на долю элементовъ общественныхъ, а не философскихъ. Это между прочимъ сказано и въ томъ, что нѣкоторые участники идеалистическаго сборника отводятъ въ исторіи русской философійи незаконно-большое мѣсто писателямъ-публицистамъ, а въ томъ числѣ и самимъ себѣ. Напримѣръ, въ статьѣ г. П. Г. «Къ характеристикѣ нашего философскаго развитія», написанной (что тоже знаменательно) по поводу книги С. П. Рѣнскаго «Соціологія Н. К. Михайловскаго»,—въ этой статьѣ удѣлено лишь нѣсколько мимолетныхъ словъ нѣсколькимъ изъ дѣйствительныхъ представителей русской философійи; зато обширныя страницы посвящены выясненію философскаго міросозерцанія такихъ писателей, которые къ философійи имѣютъ весьма отдаленное отношеніе и въ гораздо большей степени принадлежатъ русской публицистикѣ и соціологіи. Правда, объ одномъ изъ этихъ писателей, именно о Н. К. Михайловскомъ, г. П. Г. прямо говоритъ, что онъ не публицистъ, а философъ, что его отличаетъ «рѣзко выраженный философскій интересъ къ построенію цѣлостнаго міросозерцанія» (стр. 77); но съ этимъ заявленіемъ вступаютъ въ яркое противорѣчіе слѣдующія слова нашего автора: «Его (г. Михайловскаго)

умственный складъ характеризуется отсутствіемъ того чисто-теоретическаго интереса, который есть важнѣйшій мотивъ всякой научной работы» (стр. 75). Трудно понять это разсѣченіе науки и философіи, трудно понять, какъ это можно быть философомъ и строить цѣлостное міросозерцаніе, если для васъ характерно отсутствіе чисто-теоретическаго интереса. Выясняя «наше философское развитіе» на примѣрѣхъ не тѣхъ, кто былъ философомъ по преимуществу, а тѣхъ, кто по поводу жгучихъ вопросовъ общественной жизни дѣлалъ въ философію торопливыя экскурсіи, г. П. Г. допустилъ несомнѣнный разладъ между интереснымъ заглавіемъ своей статьи и ея содержаніемъ, и онъ долженъ былъ констатировать «почти полное философское безплодіе» (стр. 83) того самаго г. Михайловскаго, котораго онъ считаетъ философомъ, а не публицистомъ; а у г. Струве (цѣныя заслуги котораго тоже относятся не къ сферѣ отвлеченнаго мышленія) ему пришлось отмѣтить временный, правда, недостатокъ «принципіальной философской ясности» (стр. 85) и въ его «рѣзкихъ рѣшеніяхъ» уловить «скрывавшуюся за ними внутреннюю неувѣренность въ правильности найденнаго исхода, мучившую автора, но имъ не сознаванную и заглушенную» (стр. 89).

Если статья г. П. Г. можетъ служить примѣромъ того, какъ щедро иные изъ авторовъ сборника записываютъ на страницы русской философіи чужія имена, то статья г. Бердяева, къ содержанію которой мы еще вернемся, является образчикомъ указаннаго нами стремленія тѣхъ же писателей переоцѣнивать свое собственное философское значеніе. Задавшись цѣлью представить «этическую проблему въ свѣтѣ философскаго идеализма», г. Бердяевъ на первыхъ же страницахъ удивляетъ своего читателя тѣмъ, что вдругъ, «прежде чѣмъ перейти отъ гносеологическихъ предпосылокъ къ дальнѣйшему разсмотрѣнію этической проблемы», онъ «хочетъ» сдѣлать нѣсколько разъясненій о самомъ себѣ—по поводу этической части своей книги «Субъективизмъ и индивидуализмъ въ общественной философіи», «такъ какъ (продолжаетъ онъ) я, кажется, далъ поводъ къ нѣкоторымъ недоразумѣніямъ. вмѣстѣ съ тѣмъ я хочу точнѣе опредѣлить свое отношеніе къ точкѣ зрѣнія П. Б. Струве, развитой въ предисловіи къ моей книгѣ. Изъ моего изложенія будетъ видно, что со Струве у меня довольно значительныя гносеологическія разногласія, но этическихъ разногласій почти нѣтъ никакихъ». Въ вы-

носкѣ къ этой фразѣ, какъ и во всей статьѣ, г. Бердяевъ сообщаетъ намъ цѣнные автобіографическія свѣдѣнія: «долженъ оговориться, что со времени появленія моей книги я далеко ушелъ впередъ въ томъ направленіи, которое было мною только намѣчено. Къ философскому позитивизму и ортодоксальному марксизму я отношусь еще болѣе критически. Я признаю, что на моей книгѣ отразились недостатки переходнаго состоянія мысли отъ позитивизма къ метафизическому идеализму и спиритуализму, къ которому я теперь окончательно пришелъ» (стр. 94, 95). Но вѣдь и книга г. Бердяева, отъ которой онъ теперь далеко ушелъ, быть можетъ, нѣкогда казалась ему вождедѣльной точкой, къ которой онъ окончательно пришелъ; и при такой быстротѣ философской походки не лучше ли всякому Ахиллу мысли не слѣзшить обнаруженіемъ тѣхъ взглядовъ, которые царятъ на каждой изъ стадій его умственнаго движенія, а подвергать ихъ молчаливой критической провѣркѣ и уединенной думѣ, пока они не соединятся въ зрѣлую систему, свободную отъ «недостатковъ переходнаго состоянія»? Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что г. Бердяевъ не рассказывалъ бы намъ о перипетіяхъ своего философскаго развитія, если бы не придавалъ ему серьезнаго объективнаго значенія. Въ существованіи этой высокой и незаслуженной самооцѣнки убѣждаетъ насъ и то обстоятельство, что на протяжении всей статьи авторъ далеко не спасается отъ «догматическаго самодовольства», которое онъ самъ осуждаетъ. Его отзывы о другихъ высокоумѣны, голословны и поражаютъ смѣшной авторитетностью тона. Напримѣръ, на стр. 93, онъ такъ рекомендуетъ книгу Л. Шестова, которую однако считаетъ «оригинальной»: «Г. Шестовъ съ отвращеніемъ говоритъ о долгѣ, о нравственной философіи Канта, о всякой моральной проповѣди, но все это сплошное недоразумѣніе, основанное на непродуманности философскихъ началъ». «Проф. Петражицкій въ философскомъ отношеніи идетъ ощупью» (стр. 117). «... Подобно г. Шестову г. Невѣдомскій очень хромаетъ въ философскомъ отношеніи». Свое мнѣніе о разныхъ системахъ и теоріяхъ г. Бердяевъ нерѣдко заявляетъ отважно, бездоказательно, неясно, и при этомъ очень крупныя философскія проблемы онъ, въ ущербъ ихъ достоинству и смыслу, втискиваетъ въ узкія границы подстрочнаго примѣчанія. «Универсальный этический эволюціонизмъ Вундта и Паульсена на нашъ взглядъ ошибоченъ съ гносеологической точки зрѣнія» (стр. 103). «У

меня съ нимъ (г. Струве) будутъ нѣкоторыя метафизическія разногласія, но въ предѣлахъ этики я тоже признаю субстанцію души... Я отрицаю кантовскій агностицизмъ и больше кантіанцевъ вѣрю въ возможность построить метафизику разными путями» (стр. 107). «Наша точка зрѣнія есть синтезъ идеи «богочеловѣка» и человѣкобога» (стр. 127). Г. Бердяевъ—поклонникъ Гегеля; однако для оправданія его метафизики и, въ частности, философіи исторіи онъ ссылается не на Гегеля, а на книгу о немъ Куно Фишера, и прибавляетъ: «въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, впрочемъ, я стою ближе къ Фихте, чѣмъ къ Гегелю» (стр. 114). «Моя метафизика имѣетъ нѣсколько иной оттѣнокъ, чѣмъ метафизика Лейбница и Лотце, которой Струве, повидимому, особенно симпатизируетъ» (стр. 132). «Я не имѣю ничего противъ того, чтобы меня считали сторонникомъ «свободы воли», но буду рѣшительно протестовать, если меня зачислятъ въ рядъ индетерминистовъ и навяжутъ мнѣ пониманіе свободы, какъ эмпирической причинности» (стр. 133)...

Та группа авторовъ, которая объединена между собою прежней литературной дѣятельностью на почвѣ марксизма, и въ данномъ сборникѣ тоже представляетъ въ общихъ чертахъ одно цѣлое. Многія статьи въ «Проблемахъ» производятъ на васъ такое впечатлѣніе, точно вы попали въ среду близкихъ людей, которые продолжаютъ давно начатый разговоръ. Они другъ друга цитируютъ, поощряютъ и хвалятъ. По существу этотъ разговоръ не оригиналенъ. Какъ будто писатели, нѣкогда исповѣдовавшіе экономическій матеріализмъ, неожиданно узнали о существованіи нравственной философіи, о Критикѣ практическаго разума, о Фихте. И узнавъ объ этихъ прекрасныхъ вещахъ, они, конечно, увидѣли передъ собою совершенно новые горизонты и повѣдали о нихъ своимъ читателямъ. Но какъ для раскольниковъ въ реформахъ Александра II, такъ для многихъ изъ насъ въ новизнѣ этой старина наша слышится, и потому блѣдныя отзвуки великихъ идеалистическихъ рѣчей, при всей своей симпатичности, не могутъ притязать на особое философское значеніе. Правда, это сознаютъ и сами эпигоны идеализма и въ лицѣ редактора «Проблемъ», г. Новгородцева, заявляютъ: «Особенность новаго направленія состоитъ въ томъ, что оно, являясь выраженіемъ нѣкоторой вѣчной потребности духа, въ то же самое время возникаетъ въ связи съ глубокимъ процессомъ жизни,

съ общимъ стремленіемъ къ нравственному обновленію. Новыя формы жизни представляются теперь уже не простымъ требованіемъ цѣлесообразности, а категорическимъ велѣніемъ нравственности, которая ставитъ во главу угла начало безусловнаго значенія личности. Такъ понимаемъ мы возникновеніе современнаго идеалистическаго движенія. Это прежде всего и по преимуществу выраженіе прогрессивныхъ началъ нравственнаго сознанія» (стр. IX). Мысль г. Новгородцева высказана слишкомъ обще, для того чтобы ее можно было оспаривать. Несомнѣнно однако, что «новыя формы жизни» въ глазахъ борцовъ за просвѣщеніе и свободу никогда не были «простымъ требованіемъ цѣлесообразности»: какъ и теперь, къ нимъ призывали во имя нравственныхъ началъ, во имя справедливаго; какъ и теперь, въ основу этихъ формъ практически клали права независимой личности. Вся разница здѣсь можетъ заключаться только въ томъ, какъ оправдываютъ для разума эти нравственныя велѣнія, на какой теоретической почвѣ ихъ строятъ. Моральная цѣнность какого-нибудь поступка остается одинаковой, будемъ ли мы выводить его изъ утилитаризма или изъ категорическаго императива. Точно также борьба за гражданскіе идеалы не становится выше въ своемъ нравственномъ содержаніи отъ того, что ее *объясняютъ* въ свѣтѣ новой этической системы. Можетъ быть, въ наши дни и замѣтно—какъ оптимистически утверждаетъ г. Новгородцевъ—«общее стремленіе къ нравственному обновленію»; но слѣдовало бы точно и доказательно выяснить, какая же именно связь существуетъ между этимъ стремленіемъ и идеалистической философійю, между нравственностью какъ дѣланіемъ и нравственностью какъ теоріей. Нерѣдко встрѣчаются люди, которые совершаютъ благородные и самоотверженные подвиги добра и въ то же время, оставаясь на почвѣ своего философскаго міросозерцанія, питаютъ искреннее убѣжденіе, что ими руководятъ глубоко-эгоистическіе и утилитарные мотивы. Этотъ наивный разладъ между практикой и теоріей производитъ болѣе сильное и трогательное впечатлѣніе, нежели строгая симметрія между нравственнымъ поступкомъ и философски-яснымъ пониманіемъ его автономной природы.

Есть въ новомъ изданіи Психологическаго Общества нѣсколько очерковъ, авторы которыхъ подвергаютъ серьезной критикѣ ученія позитивно-матеріалистическія, вооружаются противъ дог-

матизма вообще и этимъ какъ бы расчищаютъ почву для построеній идеалистическаго характера. Наиболѣе значительной изъ этихъ статей является обширная работа А. С. Лаппо-Данилевскаго «Основные принципы социологической доктрины О. Конта» — едва ли не самая цѣнная часть всей книги. Въ полномъ обладаніи литературой предмета, знакомый съ его исторіей, г. Данилевскій разбираетъ теорію познанія и психологію Конта, поскольку онѣ связаны съ его социологіей, и критически разсматриваетъ тѣ предпосылки, которыя французскій мыслитель «частію сознательно, частію «самопроизвольно» допустилъ въ своей «соціальной физикѣ» (стр. 397). Онъ выясняетъ незаконную догматичность основного принципа Конта объ относительности нашего знанія — того, принципа, который самъ Контъ, вступая въ противорѣчіе съ собою, признавалъ единственно абсолютнымъ. Въ убѣдительномъ изложеніи ученаго автора вполне разоблачаются и элементарныя ошибки философа, «стремившагося превратить науку въ философію, а не философію въ науку», и та грубая метафизика, которую онъ скрыто или явно долженъ былъ, въ видѣ Немезиды, принять въ свою антиметафизическую систему.

Такою же разрушительной силой для боговъ, недавно могущественныхъ, обладаетъ и статья кн. Е. Н. Трубецкого «Къ характеристикѣ ученія Маркса и Энгельса о значеніи идей въ исторіи». Изящная и спокойно-логическая, она хорошо показываетъ, что «самъ по себѣ экономическій интересъ не въ состояніи объяснить вообще ни одной идеи: исходя изъ интереса, мы въ нѣкоторыхъ случаяхъ можемъ понять *потребность* въ тѣхъ или другихъ идеяхъ; но сама по себѣ такая потребность такъ же не въ состояніи родить соотвѣтствующей ей идеи, какъ голодъ не въ состояніи родить хлѣба» (стр. 59). «Совершаетъ ли человѣческій умъ научное открытіе или впадаетъ въ заблужденіе, во всякомъ случаѣ въ исторіи онъ является однимъ изъ первоначальныхъ двигателей, факторомъ самостоятельнымъ, несводимымъ къ причинамъ экономическимъ или какимъ-либо другимъ» (стр. 71).

Зато едва ли удачнымъ аргументомъ противъ догматизма можно признать статью С. О. Ольденбурга «Ренанъ, какъ поборникъ свободы мысли». Авторъ прежде всего не коснулся общаго психологическаго вопроса о томъ, не находятся ли интензив-

ность убѣжденій и ихъ широта въ обратно-пропорціональномъ отношеніи между собою,—а это было бы интересно выяснить именно на примѣрѣ Ренана. Далѣе, противоположностью догматизма является, конечно, не играющій мыслью скептицизмъ, а критическое исканіе объективной истины. Изъ двухъ золъ догматизма и скептицизма первое не многимъ больше послѣдняго. Для догматика истина можетъ быть и дорогá, — ничто не дорого равнодушному скептику, который переживаетъ сомнѣніе не какъ переходную стадію, неизбежную для всякаго мыслящаго сознанія, а какъ нѣчто самодовлѣющее и постоянное. На ряду съ благородной широтою и терпимостью духа есть такая безразличная широта мысли, такое безпечное гостепріимство ея, которая хуже всякой замкнутости и которая въ основѣ своей имѣютъ презрѣніе или недовѣріе къ истинѣ. Ренанъ далъ много поводовъ къ тому, чтобы его считали блестящимъ воплостителемъ именно такого, спокойнаго и красиваго скептицизма, и поэтому г. Ольденбургъ до тѣхъ поръ не долженъ былъ бы уличать догматиковъ Ренаномъ, до тѣхъ поръ не долженъ былъ бы прославлять его какъ образецъ «истинной научности» и свободной мысли, покуда онъ не разсѣялъ обычнаго представленія о немъ. А въ своей статьѣ онъ этого не сдѣлалъ, и немногія цитаты, которыя онъ привелъ изъ Ренана, несомнѣнно потонули бы въ морѣ другихъ цитатъ, которыя для Ренана гораздо болѣе характерны и гораздо менѣе благоприятны.

Въ обширной статьѣ «Русская соціологическая школа и категория возможности при рѣшеніи соціально-этическихъ проблемъ» Б. А. Кистяковскій подвергаетъ формальному разбору нѣкоторыя воззрѣнія Н. К. Михайловскаго, Н. И. Карѣева и В. В. Онъ потратилъ на это много логической силы и для характеристики категории возможности у русскихъ соціологовъ тщательно выписалъ изъ ихъ сочиненій десятки мѣстъ, гдѣ на разные лады и съ разными оттѣнками употребляется глаголь *мочь*, — хотя часто это слово и его производныя имѣютъ у названныхъ писателей далеко не существенное для ихъ системы значеніе и между прочимъ носятъ характеръ вопроса: говоря о возможности или невозможности какого-нибудь грядущаго явленія, русскіе соціологи только становятся на почву агностицизма и догадки. Вообще, авторъ не всегда строго различаетъ категорию возможности отъ слова возможность. Было бы долго передавать весь ходъ мысли г. Кистяковскаго,

который даже основнымъ признакомъ политической журналистики считаетъ примѣненіе въ ней категоріи возможности, т. е. разсужденіе о возможныхъ послѣдствіяхъ того или другого событія. Замѣтимъ лишь, что было бы гораздо плодотворнѣе и убѣдительнѣе, если бы вмѣсто логики и теоріи познанія г. Кистяковскій обратился къ психологическому выясненію желательнаго и ожидаемаго, которыя въ «субъективной школѣ» играютъ столь важную роль и которыя, по словамъ самого автора, предвидящаго это возраженіе, входятъ въ родовое понятіе возможности. Анализъ вида съ его *differentia specifica* сослужилъ бы лучшую службу, нежели анализъ рода. Нельзя, конечно, отвергать принципа категоріального мышленія и законность общаго формально-логическаго обсужденія всякой теоріи; но иногда это бываетъ просто неинтересно и ненужно и по своему значенію уступаетъ болѣе частной точкѣ зрѣнія,—въ данномъ случаѣ, повторяемъ, психологической. Кромѣ того, только искусственная постановка вопроса и недочеты аргументаціи, не выдерживающей своей формально-логической высоты и окрашенной предвзятымъ цвѣтомъ опредѣленнаго этическаго міровоззрѣнія,—только это и могло привести г. Кистяковскаго къ заключенію, что «идеи русской соціологической школы были лишены прочныхъ связей съ реальнымъ міромъ, такъ какъ русскіе соціологи настаивали только на возможности ихъ осуществленія» (стр. 37), и что русскіе соціологи замѣняли нравственное долженствованіе возможностью. Конечно, въ построеніяхъ русскихъ соціологовъ нѣтъ центральной идеи нравственнаго долга въ ея категорическомъ и объективномъ пониманіи,—ее замѣняетъ принципъ желаемаго и субъективнаго. Но для того чтобы прійти къ такому выводу, не надо было колебаться между этической основой и логической, не надо было и прибѣгать къ тонкостямъ формальной критики: отсутствіе этой идеи слишкомъ явно само собою. Г. Кистяковскій противопоставляетъ возможное долженствованію. «Мы добиваемся осуществленія нашихъ идеаловъ,—говоритъ онъ въ концѣ своей статьи,—не потому, что они возможны, а потому, что осуществлять ихъ повелительно требуетъ отъ насъ и отъ всѣхъ окружающихъ насъ сознанный нами долгъ». Однако, это противопоставленіе моментовъ логико-онтологическаго и этико-психологическаго возможно для г. Кистяковскаго только потому, что необходимость и долженствованіе въ его глазахъ «не противо-

рѣчать другъ другу, такъ какъ долженствованіе вмѣщаетъ въ себѣ необходимость и возвышается надъ нею. Познавая необходимо-совершающееся въ социальномъ процессѣ, человѣкъ познаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ матеріалъ, по отношенію къ которому, и границы, въ которыхъ онъ долженъ исполнять свой долгъ» (стр. 393). Но такъ какъ въ предѣлахъ данной статьи своей г. Кистяковскій не показываетъ и не доказываетъ сліянія должнаго и необходимаго и, по свидѣтельству г. Бердяева, параллелизмъ логической и этической общеобязательности «превосходно» разъясняетъ въ другой своей «прекрасной» статьѣ «Категорія необходимости и справедливости», напечатанной въ *Жизни*, то упомянутая антитеза возможнаго и этически-должнаго не представляется убѣдительной.

Въ статьѣ «Чему учить исторія философіи» кн. С. Н. Трубецкой даетъ глубокое оправданіе философіи, оцѣнку ея теоретическаго и практическаго значенія. Пусть «смертной мысли водометъ» не достигаетъ неба—въ каждой каплѣ его отражается солнце, играютъ и преломляются небесные лучи. Въ каждомъ истинно-философскомъ ученіи при всѣхъ его временныхъ особенностяхъ отражается тотъ или другой образъ Истины; и въ многогранной призмѣ человѣческаго разума ея свѣтъ преломляется и разлагается на множество лучей». Кн. Трубецкой указываетъ, какъ плодотворно изученіе отдѣльныхъ формъ и направленій философіи, какъ важно понять ихъ внутреннія основанія и объективную необходимость. Оправданіемъ философіи служитъ ея исторія,—отраженіе тѣхъ различныхъ способовъ, какими человѣческая мысль, влекомая сознаніемъ идеала, образомъ истины, опредѣляетъ свое отношеніе къ Сущему. Но «безполезнѣйшая изъ всѣхъ наукъ», философія не ограничивается одной теоретической областью: она «не только открыла человечеству новый міръ духовныхъ цѣнностей, но создала новый міръ общечеловѣческаго просвѣщенія; она возбудила самосознаніе человечества и послужила его духовному объединенію». Будучи «идеальной образующей силой», философія «является вмѣстѣ съ тѣмъ величайшей освобождающей силой человечества, снимающей съ него оковы духовнаго рабства, указывающей ему путь истинной свободы... Исторія показываетъ намъ ее въ качествѣ великой и могущественной духовной силы, въ качествѣ одного изъ факторовъ всемірно-историческаго процесса... *Идеалъ* истины... есть

реальная образующая сила» (стр. 226, 234). Настаивая на изученіи философіи въ ея исторіи, кн. Трубецкой говоритъ: «мы должны не выдумывать свою собственную субъективную метафизику, а изучать ее ¹⁾ вмѣстѣ съ философіей, изучать тѣ объективныя метафизическія проблемы, которыя ставились человѣческому разуму, и тѣ способы, какими онъ ихъ рѣшалъ. Нерѣдко приходится слышать жалобы на «историцизмъ», опасенія за то, чтобъ оригинальность личной философской мысли не пострадала отъ такого рода историческаго изученія. Но философія ищетъ истины, а не оригинальности». Однако это возраженіе автора болѣе остроумно, нежели сильно, потому что вопросъ заключается именно въ томъ, не мѣшаетъ ли отсутствіе оригинальности успѣшному исканію истины. Гораздо важнѣе указаніе на то, что дѣйствительной оригинальности историческое изученіе подавить не можетъ, такъ какъ собственная мысль нерѣдко возжигается и питается мыслью чужою; и самъ кн. Трубецкой справедливо продолжаетъ: «самостоятельность философскаго творчества опредѣляется не субъективнымъ произволомъ, не отсутствіемъ правильнаго образованія и положительныхъ знаній, а глубиною, искренностью, неподкупностью философскаго интереса и широтою замысла» (стр. 229).

Центральное мѣсто въ книгѣ занимаетъ проблема нравственная; редакторъ сборника считаетъ ее основной задачей, «которая въ наше время приводитъ къ возрожденію идеалистической философіи», и вотъ почему казалось важнымъ «обратить особенное вниманіе на выясненіе вопросовъ этическихъ, допуская и здѣсь возможно большую широту взглядовъ» (стр. VIII). Широта взглядовъ, въ самомъ дѣлѣ, допущена значительная: нѣкоторые авторы, начавъ Кантомъ, кончаютъ Ницше и очень заботятся объ ихъ примиреніи, о союзѣ морали долга съ аморализмомъ. Такая попытка была бы во всякомъ случаѣ интересна и смѣла, если бы ея осуществленіе сопровождалось какой-нибудь стройной и убѣдительною аргументаціей,—но именно послѣдняя у нашихъ философовъ слаба. Г. Бердяевъ, напримѣръ, признаетъ (стр. 92), что «этика не есть социологическая и психологическая наука, отыскивающая законы сущаго, это—философская дисциплина, устанавливающая нормы должнаго» (это изгнаніе пси-

---

1) Г.-е. метафизику вообще?

хологическихъ моментовъ изъ этики не мѣшаетъ трансценденталисту г. Бердяеву на 100-ой стр. признать очень важную и «необходимую психологическую предпосылку этики: нравственность — есть самостоятельное *качество* человѣческой души», а на 102 стр. хвалить г. Нежданова за его пониманіе, что «нравственность есть такое качество, которое возащаетъ человѣка»). Сосѣдство съ г. П. Г., который на 79 стр. находитъ возможной научную этику «въ смыслѣ психологии, или, что то же, психологическаго объясненія нравственности», — ужь одно это сосѣдство должно было бы заставить г. Бердяева не только провозгласить свой тезисъ, но и доказать его, — убѣдить своихъ читателей въ томъ, что этика, какъ философская дисциплина, нормативна, что она создаетъ должное, а не ограничивается объясненіемъ должнаго и оправданіемъ для разума присущихъ нашему сознанію нормъ и безусловности нашихъ моральныхъ требованій. Въ сущности эту послѣднюю роль г. Бердяевъ за философской этикой даже отрицаетъ: не высказываясь за то, что нравственно-должное иррационально, что бесплодна самая мысль о синтезѣ теоретической и практической философіи, онъ въ то же время находитъ, что нравственный законъ не можетъ быть объектомъ научнаго познанія, не можетъ быть помѣщенъ въ міръ опыта, гдѣ все относительно, что «требовать для этическихъ положеній научно-логической доказуемости значитъ не понимать сущности этической проблемы» (однако на стр. 101 мы читаемъ: «для этики важно показать, почему такой-то принципъ есть должное»). «Позитивисты, — говоритъ онъ, — не хотятъ понять, что человѣческое сознаніе имѣетъ двѣ различныя, параллельныя стороны: познавательную-теоретическую, обращенную къ естественной законмѣрности опыта, т.-е. къ сущему, и нравственно-этическую¹⁾, обращенную къ нормативной законмѣрности добра, т.-е. къ должному» (стр. 97). Обѣщавъ разсмотрѣть «этическую проблему съ гносеологической ея стороны» (гносеологія — вотъ понятіе и терминъ, которые на многихъ страницахъ нашей книги подвергаются большому злоупотребленію!), г. Бердяевъ однако этого не сдѣлалъ и ограничивается простымъ утвержденіемъ о формальной неустранимости категоріи должнаго. Аргументовъ онъ по своему догматическому обыкновенію не приводитъ ни-

1) «Нравственно-этическую» — что это значитъ? Или это опечатка?

какихъ. Онъ только указываетъ на то, что «попытки позитивистовъ и имморалистовъ устранить идею долгаго и держаться исключительно за сущее очень наивны, а иногда даже комичны» (стр. 93); на эту характеристику г. Бердяевъ считаетъ себя въ правѣ потому, что для имморалиста «человѣкъ *долженъ*¹⁾ переоцѣнить всѣ моральныя цѣнности, человѣкъ *долженъ* отстаивать свое «я», человѣкъ *долженъ* быть «сверхчеловѣкомъ» и т. д. Но не слишкомъ ли дешева побѣда, одержанная авторомъ надъ имморалистами? Не куплена ли она цѣною той военной хитрости или того добросовѣстнаго недоразумѣнія, что понятіе нравственнаго *дома* отождествлено со словомъ *долженъ*,—словомъ, которое нищенцы, если бы они боялись чужой придирчивости, легко могли бы замѣнить другимъ? Затѣмъ г. Бердяевъ, удивляясь, какъ это люди «никакъ не могутъ понять, что чистая идея долгаго есть идея революціонная, что она символъ возстанія противъ дѣйствительности во имя идеала, противъ существующей морали во имя высшей, противъ зла во имя добра», не доказываетъ этого характера идеи долгаго ея общаннымъ формальнымъ разборомъ; онъ преждевременно обращается къ спасительному «итакъ» и резюмируетъ: «вслѣдъ за Кантомъ, прежде всего уже съ гносеологической точки зрѣнія, мы признаемъ самостоятельность этической категоріи долгаго, необходимость этической точки зрѣнія на жизнь и міръ» (стр. 94).

Если, какъ мы видѣли выше, г. Бердяевъ, «прежде чѣмъ перейти отъ гносеологическихъ предпосылокъ къ дальнѣйшему разсмотрѣнію этической проблемы», «хотѣлъ» сдѣлать нѣсколько разъясненій по поводу этической части своей книги, то вслѣдъ за ними, «прежде чѣмъ перейти отъ гносеологическихъ предпосылокъ этики къ дальнѣйшему разсмотрѣнію нравственной проблемы», онъ «хочетъ» сдѣлать нѣсколько критическихъ замѣчаній о гедонизмѣ (стр. 98). Эти замѣчанія въ общемъ правильны. Но если г. Бердяевъ стоитъ на кантіанской точкѣ зрѣнія, если для него цѣль, «которую ищетъ этика—не есть эмпирическое счастье людей, а ихъ *идеальное нравственное совершенство*» (стр. 100), то онъ долженъ былъ бы выяснить, какую роль играетъ принципъ счастья въ автономной этикѣ самого Канта, который не только училъ ставить цѣлью поступковъ собственное совершенство и

¹⁾ Курсивъ вездѣ нашъ.

чужое *счастіе*, но и въ главную формулу своего нравственнаго императива, безспорно, ввелъ значительный моментъ счастія вообще. Болѣе глубокой анализъ кантовской этики, быть можетъ, не позволилъ бы автору утверждать, что «счастіе «мое» и счастье «другого» *одинаково* не-этическія понятія» (стр. 110) и что «если постыдно для человѣка посвятить жизнь собственному наибольшему удовольствію, то *не менѣе* ¹⁾ постыдно обратиться въ орудіе чужого наибольшаго удовольствія» (стр. 102).

И хорошо бы г. Бердяеву прочесть въ «Проблемахъ идеализма» слѣдующія прекрасныя слова г. Аскольдова: «Стремленіе къ *счастію* ²⁾ и къ торжеству правды есть одно изъ основныхъ и неистребимыхъ свойствъ человѣка и требовать отъ людей абсолютнаго отреченія отъ этого стремленія не только что въ настоящемъ, но и въ надеждахъ на будущее,—не значитъ ли это мысленно взваливать на другихъ бремена для себя самого непосильныя? Поэтому мы считали бы возможнымъ обращать противъ подобныхъ слишкомъ возвышенныхъ моралистовъ такой психологической парадоксъ: кто не надѣется, тотъ значитъ уже обладаетъ» (стр. 213).

Не только форму, но и содержаніе этики г. Бердяевъ строить, опираясь на Канта, и выдвигаетъ его ученіе о человѣкѣ, какъ о самоцѣли. Основной принципъ этики для него—идея *личности*, какъ единственнаго носителя нравственнаго закона. Эта идея и служитъ нашему философу мостомъ, который онъ прокладываетъ между Кантомъ и Ницше. Онъ предлагаетъ читателю слѣдующій рядъ очень своеобразныхъ мыслей-недоразумѣній. «Понятія «я» и «ты» относительны, ихъ можно по желанію переставлять: если А есть «я», то В по отношенію къ нему будетъ «ты», будетъ «другимъ», но вѣдь В тоже «я» и для него А есть «ты». Этика смотритъ со стороны на А и на В, поэтому для этики не существуетъ относительнаго различія между «я» и «ты». Для этики и А и В одинаково «я», т.-е. человѣческая личность, и эти «я» равноцѣнны. «Ты» есть совершенно отрицательное понятіе, въ «другомъ» можно найти что-то положительное, только если разсматривать его, какъ «я». Ходячій альтуизмъ въ его утилитарной версіи всегда признаетъ нравственное господство

1) Курсивъ нашъ.

2) Курсивъ нашъ.

«ты» и суммы всѣхъ «ты», объединенныхъ въ понятіи «не-я», надъ «я»; этимъ онъ упраздняетъ «я», т.-е. единственнаго носителя нравственнаго начала, и приходитъ къ абсурду», — въ отличіе отъ г. Бердяева, который приходитъ къ софизму. Авторъ считаетъ «ты» этической фикціей и противоположеніе альтруизма и эгоизма сводитъ къ противоположенію высшихъ и низшихъ потребностей и качествъ личности. Если и вѣрна мысль г. Бердяева, что «отношеніе человѣка къ человѣку этически производно изъ отношенія человѣка къ самому себѣ», то онъ во всякомъ случаѣ не правъ въ своемъ презрѣніи къ «ты» и необъдѣтеленъ въ своей перестановкѣ А на мѣсто В и наоборотъ (точно для этики важны мѣста, которыя занимаютъ эти буквы-люди, а не ихъ взаимное *отношеніе*). Для того чтобы оправдать свой взглядъ, онъ логически обязанъ былъ доказать, что развитіе высшихъ сторонъ собственной личности, собственнаго духовнаго я, не совпадаетъ съ заботой о *ты*, даже о низшихъ сторонахъ этого *ты*, или что такая забота не входитъ, по крайней мѣрѣ, серьезной частью въ культъ собственнаго духовнаго я. Г. Бердяевъ въ своей теоріи пренебрежительно относится къ чужому эмпирическому *ты*, — но неужели для личности, въ ея высшихъ проявленіяхъ, будетъ нравственнымъ урономъ, если, напримѣръ, она накормитъ чужое голодное *ты*, — а вѣдь ѣда принадлежитъ къ сферѣ низшихъ потребностей. Г. Бердяевъ какъ будто бы упускаетъ изъ виду, что именно въ попеченіи о низшихъ элементахъ другого человѣка нерѣдко проявляется культъ высшихъ элементовъ собственнаго я. Только путемъ искусственныхъ аргументовъ, которыми и пользуется нашъ авторъ, можно дойти до вывода, будто состраданіе къ чужой личности и нравственная необходимость приносить для нея жертвы подавляютъ безусловное уваженіе къ ней, нарушаютъ равенство отношеній, «котораго еще нѣтъ въ плѣскомъ альтруизмѣ». Какъ будто страдающій, вопреки этому слову, не страдаетъ и самъ, какъ будто ужъ одно это совмѣстное страданіе не парализуетъ всякое неравенство отношеній, всякую обиду! Г. Бердяевъ очевидно полагаєтъ, что съ точки зрѣнія альтруизма наше я бѣднѣетъ и упраздняется, отдавая другому свое вниманіе и заботу. На самомъ дѣлѣ онъ забываетъ основной характеръ нравственнаго дѣланія: чѣмъ больше мы отдаемъ, тѣмъ больше мы богатѣемъ. Добрый поступокъ, это не опустошеніе личности добраго, не приниженіе и

ослабленіе *я*: это—его обогащеніе и великій ростъ психическаго содержанія. Поэтому не можетъ быть и рѣчи о тираніи *ты* надъ *я*, которой такъ боится нашъ авторъ. Духовная аристократизація, созданіе яркой индивидуальности,—все это, дорогое г. Бердяеву, вполне осуществимо на почвѣ кантовской этики, и она не нуждается для этого въ содѣйствіи Ницше. Исповѣдая неудачно-образное убѣжденіе, что «человѣческое «я» не должно ни передъ чѣмъ склонять своей гордой головы» (стр. 123), г. Бердяевъ признаетъ неуязвимой славой Ницше все то, что основано у него на «предположеніи, необходимомъ для всякой этики, предположеніи—идеальнаго «я», духовной «индивидуальности». А этимъ философски упраздняется «иммориализмъ», какъ величайшее недоразумѣніе, и Ницше можетъ протянуть руку своему врагу—Канту» (стр. 126). Это рукопожатіе Ницше и Канта станетъ для насъ тѣмъ болѣе поразительно, когда мы вспомнимъ, что Ницше (если только мы не будемъ играть словами) отрицаетъ идею нравственно-должнаго и что г. Бердяевъ на стр. 92 говоритъ: «отрицаніе должнаго, какъ самостоятельной категоріи, независимой отъ эмпирическаго сущаго и не выводимой изъ него, ведетъ къ упраздненію не только этики, но и самой нравственной проблемы». Если мы вспомнимъ далѣе слова г. Бердяева: «все содержаніе этики можно построить только опираясь на Канта», то имъ же найденная другая опора этики, Ницше, покажется намъ еще большей неожиданностью. Сдѣлавъ на 104 стр. кантовскую мораль своей исходной точкой, г. Бердяевъ скоро, на стр. 126, выказываетъ себя неблагодарнымъ по отношенію къ ней и славить Ницше за то, что онъ «преодолѣваетъ мѣщанскіе элементы кантовской практической морали». Если въ прикладной морали Канта есть мѣщанскіе элементы, то ихъ не можетъ не быть въ его морали теоретической,—въ той морали, которую г. Бердяевъ недавно ставилъ на такую, безусловную высоту. Но мѣщанства нѣтъ у Канта, и эпитетъ мѣщанскій нерѣдко приставляютъ къ морали только для того, чтобы оградить себя отъ ея серьезнаго анализа.

Установивъ ранѣе, что «долгъ есть прежде всего формальная идея, гносеологически противопоставляемая сущему «бытію», г. Бердяевъ впослѣдствіи продолжаетъ: «теперь мы можемъ говорить и о содержаніи долга» (стр. 139). Къ сожалѣнію, только говорить, а не аргументировать... И говоритъ г. Бердяевъ, что

«сознаніе долга или, что то же самое, нравственного закона есть сознаніе своего истиннаго «я», своего высокаго человѣческаго предназначенія» (стр. 129). Представленіе о долгѣ какъ о чемъ-то противоположномъ влеченію, авторъ называетъ «обыденнымъ психологическимъ представленіемъ» и утверждаетъ, что «философская этика должна возвыситься надъ этимъ обыденнымъ пониманіемъ долга» (какъ будто вопросъ въ томъ, обыденно ли оно, а не въ томъ, психологично ли оно); этика «даже можетъ рѣзко осудить «человѣка долга» (стр. 129). Какъ далеко ушелъ отъ Канта г. Бердяевъ со своей осуждающей долгу философской этикой!.. Заканчиваетъ авторъ свою статью такой проповѣдью: «нужно *человѣкомъ* быть и своего права *на образъ и подобіе Божества* нельзя уступить ни за какія блага міра, ни за счастье и довольство свое или хотя бы всего человѣчества, ни за спокойствіе и одобреніе людей, ни за власть и успѣхъ въ жизни; и нужно требовать признанія и обезпеченія за собой человѣческаго права на самоопредѣленіе и развитіе всѣхъ своихъ духовныхъ потенцій. А для этого прежде всего должно быть на незыблемыхъ основаніяхъ утверждено основное условіе уваженія къ человѣку и духу—свобода».

Въ общемъ, г. Бердяевъ не оправдалъ заглавія своей статьи и не освѣтилъ этической проблемы. Хорошія частности его работы не соединяются въ одно законченное цѣлое. Съ трансцендентальной точки зрѣнія, на которую одну даютъ ему право его основные принципы, онъ нерѣдко переходитъ на эмпирическую, нестройно переплетая гражданскіе мотивы съ философскими, и предлагаетъ нравственную проповѣдь тамъ, гдѣ нужны были бы логическія основанія, меньшая сбивчивость и гораздо бѣльшая членораздѣльность философской рѣчи. Онъ торопливо вмѣщаетъ въ свой очеркъ все, что можетъ имѣть отношеніе къ этикѣ, и взаимнѣ обстоятельнаго анализа крупныхъ вопросовъ, изъ которыхъ каждый могъ бы и долженъ былъ бы служить предметомъ особой разработки, по неволѣ ограничивается немногими догматическими словами; таковы, на примѣръ, его метафизическое *sic et non*, его энергичное отношеніе къ вопросу теодицеи, его поспѣшные разсужденія о свободѣ воли (въ нихъ міръ свободы и міръ необходимости авторъ признаетъ «параллельными»), что не мѣшаетъ ему считать возможнымъ торжество царства свободы въ царствѣ необходимости,—а вѣдь параллели не встрѣ-

чаются). Отдѣльные части его работы не всегда имѣютъ органическую связь, механична его вставка о Толстомъ и, напримѣръ, о Ницше онъ заговорилъ вотъ почему: «нельзя теперь писать о нравственной проблемѣ, не сказавъ ничего о Фр. Ницше, а точка зрѣнія, которую я старался выше развить, особенно меня къ тому побуждаетъ (стр. 119). Всѣ мысли г. Бердяева, все воспринятое имъ отъ нѣмецкихъ философовъ требуютъ еще продуманности и болѣе глубокаго усвоенія. Надо еще учиться...

Въ очеркѣ г. Франка «Фр. Ницше и этика любви къ дальнему» есть много вѣрныхъ и остроумныхъ замѣчаній. Но въ противопоставленіи, которое дѣлаетъ авторъ между любовью къ дальнему и любовью къ ближнему, таится прѣтъ *φειδος* всей его статьи. Г. Франкъ возводитъ дальность на степень какой-то міровой и этической категоріи; и въ книгѣ, которая проникнута духомъ Канта, странно видѣть настойчивое признаніе за временемъ и пространствомъ объективнаго значенія. Не грубо ли въ самомъ дѣлѣ до такой степени отдаваться во власть пространственно-временныхъ опредѣленій, чтобы считать любовь къ дальнему этикой прогресса, такъ какъ всякое «дальнее» для своего осуществленія требуетъ времени и можетъ произойти только въ будущемъ (стр. 145)? Существенной психологической разницы между любовью къ ближнему и любовью къ дальнему г. Франкъ не показалъ и въ концѣ-концовъ самъ вынужденъ оправдывать послѣднюю первой, сводить дальнее къ ближнему. Онъ не можетъ не признать, что понятіе дальняго—это только расширеніе понятія ближняго: «любовь къ дальнему»—говоритъ авторъ—«означаетъ здѣсь любовь къ тому же ближнему, только удаленному отъ насъ на ту идеальную высоту, на которой онъ можетъ стать для насъ, по выраженію Ницше, «звѣздой» (стр. 161). Но если всякая звѣзда дальней любви можетъ быть сведена на землю любви къ ближнему, если этотъ ближній, въ той или другой формѣ, является посредствующимъ этапомъ ко всякой другой любви, то есть ли вообще нужда и смыслъ относить эмпирическіе факты любви къ дальнему (всегда способной разрѣшаться въ любовь къ ближнему),—есть ли нужда относить ихъ въ особую этическую категорію?

Основной признакъ любви къ дальнему авторъ видитъ въ томъ, что она не основана на непосредственномъ инстинктѣ состраданія или, по крайней мѣрѣ, не исчерпывается имъ; но эта разница

едва ли настолько серьезна, чтобы ради нея надо было разсѣкать единое чувство любви на какія-то двѣ половины, — точно любя мы не любимъ вѣчно, точно любовью своей не приобщаемся къ вѣчному! Вѣдь и раньше знали, что нравственность однимъ состраданіемъ не ограничивается, что объективное добро и его осуществленіе, его оправданіе, гораздо шире жалости, — въ этомъ отношеніи Ницше не сказалъ ничего новаго. Г. Франкъ считаетъ любовь къ дальнему творческой и дѣятельной, порождающей активный героизмъ, тогда какъ любви къ ближнему сопутствуютъ въ его глазахъ смиреніе и пассивное мученичество. Но развѣ не можетъ быть творческой и любовь къ ближнему, развѣ чуждается она великаго героизма, и необходимо ли она развивается въ этику доброты и *успокоенія* (стр. 159)? Истинная доброта не пассивна, великіе проповѣдники любви были и борцами, и тѣ моральныя права личности, за которыя, слѣдуя Ницше, такъ справедливо и горячо высказывается г. Франкъ, не находятся въ противорѣчій съ любовью къ ближнему. Вѣдь только по недоразумѣнію можно жаловаться, будто этика альтруизма предписываетъ «человѣку все отдавать другимъ и ничего не требовать для себя», будто во имя обязанностей она подавляетъ права, — эти жалобы были бы основательны только въ томъ случаѣ, если бы она побуждала личность поступаться честью и отдавать свое человѣческое достоинство. Но вѣдь она не этого требуетъ и самыя жертвы, которыхъ она ждетъ отъ личности, приносятся во имя великаго человѣческаго я.

Если бы въ мірѣ дѣйствительно царила любовь къ ближнему, противъ которой вооружается Ницше, то и не возникла бы необходимость въ толкахъ о любви къ дальнему. Аморализмъ явился потому, что нѣтъ морали. Ницше возстаетъ противъ добродѣтели и говоритъ: «добродѣтелю они называютъ то, что дѣлаетъ ручнымъ и скромнымъ: имъ уже удалось такимъ путемъ превратить волка въ собаку, а самого человѣка — въ лучшее изъ домашнихъ животныхъ». Но это — неправда, и быть можетъ, именно потому, что это — неправда и добродѣтель не побѣдила, именно потому, что сознаниемъ этой неправды болѣлъ Ницше, онъ и создалъ свой аморализмъ, и въ этомъ — трагедія его благородной души. Самъ г. Франкъ въ своихъ цитатахъ изъ Ницше приводитъ одно характерное мѣсто: «ахъ, я зналъ благородныхъ, которые потеряли свою высшую надежду. И вотъ они оклеветали

всѣ высокія надежды» (стр. 195). Ницше—именно одинъ изъ этихъ благородныхъ: онъ потерялъ свою высокую надежду на человѣка и въ отчаяніи оклеветалъ всѣ высокія надежды. Онъ искалъ человѣка и не нашелъ его, — тогда онъ отвергъ его и придумалъ фантомъ сверхчеловѣка. Онъ искалъ добродѣтели,—самой обыкновенной, простой и въ то же время самой рѣдкой добродѣтели, но онъ не нашелъ ея,—тогда онъ осмѣялъ добродѣтель.

Какъ и г. Бердяевъ, г. Франкъ считаетъ, что морали Ницше далеко не чужда идея долга и что «протестъ Ницше противъ моральнаго принужденія означаетъ лишь настаиваніе (sic) на необходимости и моральномъ значеніи нравственно-цѣльныхъ натуръ, для которыхъ *должное* есть вмѣстѣ съ *тѣмъ* и *желаемое*». «Въ отдаленной перспективѣ мерещится идеаль человѣка, для котораго нравственныя побужденія настолько сольются съ субъективными влеченіями его природы, что онъ уже не будетъ нуждаться ни въ какихъ *предписаніяхъ*—подобно тому, какъ сейчасъ люди не нуждаются въ предписаніяхъ, чтобы ѣсть, пить и размножаться,—и не будетъ слѣдовательно замѣчать никакого ига нравственнаго принужденія» (стр. 175). Но тамъ, гдѣ совпадаетъ желаемое и должное, гдѣ индивидуальныя потребности и моральныя побужденія сливаются въ одно цѣлое,—тамъ исчезаетъ смыслъ нравственной оцѣнки, тамъ кончается мораль. Недаромъ и самъ г. Франкъ замѣчаетъ, что Ницше «въ послѣднемъ періодѣ своего творчества склонялся къ отрицанію всякой морали вообще; онъ называлъ даже своего Заратустру «иммориалистомъ» (стр. 173). Въ этомъ-то и все дѣло, это надо признать и не надо противоестественно соединять руки Ницше и Канта. Идеаль «прекрасной души», въ которой гармонически примиряется должное и желаемое, это—идеаль эстетическій, а не этический. И г. Аскольдовъ гораздо болѣе правъ, чѣмъ его товарищи по идеалистическому сборнику, когда въ своей продуманной статьѣ «Философія и жизнь» онъ въ основаніе морали Ницше кладетъ идею красоты.

Въ статьѣ г. Новгородцева «Нравственный идеализмъ въ философіи права», исчерпывающій разборъ которой доступенъ только юристу, пѣнны замѣчанія, направленные противъ исключительнаго господства позитивно-исторической методы и защищающія тезисъ, который, повидимому, и не долженъ былъ бы нуждаться

въ защитѣ: «нравственность (какъ и право) можетъ и должна изучаться, не только какъ историческое и общественное явленіе, но также какъ внутренне-психическое индивидуальное переживаніе, какъ норма или принципъ личности» (стр. 274). Вся статья г. Новгородцева проникнута высоко-моральнымъ духомъ. Именно послѣдній, именно духъ нравственного абсолютизма побуждаетъ автора вооружаться противъ исторической методы. «Для моральной философіи, — говоритъ онъ, — была въ особенности чувствительна попытка претворить идеальныя цѣнности въ относительныя и временныя, условныя по своему происхожденію и значенію. Въѣдъ это значило отказаться отъ того, что издавна признавалось основой нравственности. *Легче было примириться съ относительностью теоретическихъ положеній* ¹⁾... Нравственная философія должна была возстать противъ этихъ святотатственныхъ посягательствъ» (стр. 241).

Г. Новгородцевъ абсолютизмъ нравственного закона относить къ его формѣ и основѣ, а не къ его содержанію, и для него «моральная жизнь является постояннымъ творчествомъ» (стр. 287). Эта мысль находитъ себѣ развитіе и въ статьѣ г. Жуковскаго, специально посвященной «вопросу о моральномъ творчествѣ». Г. Жуковскій тоже, какъ и гг. Бердяевъ и Франкъ, признаетъ, что «автономное понятіе долга у Канта не только не противорѣчитъ морали Ницше, наоборотъ Ницше дополняетъ и завершаетъ Кантовскую мораль» (стр. 510). Какъ и другіе авторы, онъ выдвигаетъ идею личности и признаетъ отказъ послѣдней отъ устройства жизни, отъ активнаго участія въ ней рабствомъ. Для г. Жуковскаго «процессъ исторіи есть процессъ созиданія абсолютной морали... Каждое отдѣльное усиліе личности, каждый шагъ моральнаго творчества есть извѣстный подходъ къ абсолютному, есть моментъ въ осуществленіи нравственного идеала, но лишь въ совокупной работѣ многихъ, въ коллективномъ процессѣ исторіи объективируется абсолютная мораль» (стр. 521).

Высоко-нравственный духъ, какъ мы уже сказали, проникаетъ книгу идеалистовъ. «Проблемы идеализма», можно сказать, потонули въ этикѣ. На ея страницахъ разсыпано очень много порядочности, благородства, и теплятся возвышенныя чувства. Но въ

¹⁾ Курсивъ нашъ.

ней гораздо больше ненужной моральной проповѣди, чѣмъ строгаго обоснованія нравственности,—напримѣръ, въ суровомъ тонѣ кантовскаго схематизма. И потому избытокъ прекрасной морали, этотъ обильный и пышный расцвѣтъ теоретической добродѣтели въ концѣ-концовъ оставляетъ впечатлѣніе нѣкоторой прѣсноты. Какъ будто авторамъ не достаетъ душевнаго цѣломудрія, которое помѣшало бы имъ, на протяженіи столькихъ страницъ, говорить, — въ медлительно-краснорѣчивыхъ и плавныхъ фразахъ — о нравственномъ и высокомъ. Хотѣлось бы иногда — странно сказать — больше молчанія. Вѣдь есть вещи, о которыхъ можно говорить либо съ глубокимъ паѳосомъ нравственнаго фанатизма, какой отличалъ, напримѣръ, Фихте, либо совсѣмъ не говорить...

Если нѣтъ аргументовъ, то, на оцѣнку другого порядка, хорошъ и лиризмъ. Но его тоже мало, и слабые огоньки его загораются только въ статьяхъ г. П. Г. и особенно г. Булгакова («Основные проблемы теоріи прогресса»). Послѣднему автору именно за его относительное религиозное одушевленіе можно простить злоупотребленіе «абсолютомъ» и его «сіяніемъ», неоригинальность основной мысли, недочеты аргументаціи (напримѣръ, на стр. 2 онъ признаетъ разумъ неспособнымъ дать цѣлостное знаніе, цѣлостное представленіе о мірѣ, а уже на стр. 3 говоритъ, что разрѣшеніе міровыхъ вопросовъ лежитъ въ области метафизическаго мышленія: что же, это мышленіе происходитъ внѣ разума, или метафизика всецѣло относится къ области вѣры? Страданіе г. Булгаковъ считаетъ нравственной необходимостью для человѣка, счастье какъ нѣчто самостоятельное онъ отвергаетъ: «предикатъ всеблаженности мыслимъ лишь въ отношеніи къ Богу, какъ существу всесовершеннѣйшему» но вѣдь и человѣкъ, по г. Булгакову, стремится къ всесовершенству, — такъ не стремится ли онъ по этой же самой дорогѣ и къ всеблаженству?). Возврѣніе, по которому міръ и наша жизнь являются слѣдствіемъ бессмысленной случайности, вызываетъ въ г. Булгаковѣ «леденящій ужасъ» (стр. 8); перспектива абсолютной случайности «способна оледенить кровь» (стр. 16). Метафизика исторіи стремится увидать, «какъ вѣчное сіяніе абсолюта отражается въ ограниченной рамкѣ пространства и времени» (стр. 33). Научная теорія прогресса не способна удовлетворить тѣхъ, кто ищетъ въ ней «основу и вѣры, и надежды, и любви». Прогрессъ является

для него не закономъ историческаго развитія, а нравственной задачей, «не бытіемъ, а абсолютнымъ долженствованіемъ» (стр. 37). «Жалокъ, поэтому, тотъ, кто въ наше время неспособенъ видѣть сіяніе абсолютнаго нравственнаго идеала въ сердцахъ людей, отдающихъ себя на помощь пролетаріату въ его борьбѣ за свое человѣческое достоинство, умѣющихъ жить и умирать за дѣло свободы, кто не усмотритъ его въ скучныхъ и прозаическихъ параграфахъ фабричнаго закона или въ уставѣ рабочаго союза и т. д... Подлежитъ нравственной оцѣнкѣ и освобожденіе крестьянъ, и институтъ земскихъ начальниковъ, и фиксація земскаго обложенія, и городова реформа, и цензурный и университетской уставы» (стр. 40). По поводу убѣжденія въ разумности существующаго и торжествѣ правды, г. Булгаковъ восклицаетъ: «счастливъ, о, трижды счастливъ тотъ, кому честно и свято удалось дострадаться до этого отраднaго убѣжденія, ибо радостнѣй этого убѣжденія не можетъ быть ничего на свѣтѣ» (стр. 35).

И въ общемъ, на страницахъ философскаго органа мы должны сказать такъ:

«Проблемы идеализма» побѣдоносно борются съ утилитарной моралью и одерживаютъ верхъ надъ «субъективнымъ методомъ» русской социологіи. Но эта мораль и этотъ фантастическій методъ философски очень не сильны, и побѣда надъ ними легка.

«Проблемы идеализма» хорошо показываютъ, что служеніе передовымъ гражданскимъ идеаламъ и спиритуалистическое міровоззрѣніе вполне совмѣстимы. Но кто знакомъ съ исторіей философіи, тотъ въ этомъ никогда и не сомнѣвался.

Ю. Айхенвальдъ.

Religionsphilosophie. — Von Dr. Harald Höffding. Aus dem Dänischen übersetzt von F. Bendixen—Leipzig, 1901 г.

Это новое произведеніе датскаго профессора Гёфдинга обнаруживаетъ такую же оригинальность мысли и широкое знакомство съ лучшей литературой по данному предмету, какія вполне справедливо отмѣчались въ прежнихъ его работахъ по этикѣ, психологіи и исторіи философіи ¹⁾. Если, какъ намъ ка-

¹⁾ Эти его работы переведены на русскій языкъ подъ заглавіями: „Этика или наука о нравственности. Пер. подъ ред. Оболенскаго. Изд. Губинскаго.

жется, его новый трудъ и не можетъ быть признанъ вполне удачной попыткой установить гармоническое взаимоотношеніе между религіозной вѣрой и современной культурой, однако онъ можетъ быть весьма полезенъ для будущихъ изслѣдователей, благодаря той ясности, съ какой ставитъ отмѣченную проблему при свѣтѣ самыхъ новыхъ философскихъ воззрѣній.

Вводная глава разбираемой книги раскрываетъ ту мысль, что въ классическій періодъ жизни великихъ религій господствующая вѣра настолько подчиняла себѣ всѣ научныя теоріи, что собственно философія религіи явилась невозможною. Такая философія свободно возникаетъ лишь тогда, когда наука и этика успѣваютъ оправдать свое право на самостоятельное существованіе и независимое развитіе отъ догмъ общественной религіи.—Далѣе все произведеніе Гёфдинга распадается на три части, изъ которыхъ первая излагаетъ и разбираетъ гносеологическую (*erkenntnistheoretische*) философію религіи. Третья часть подъ заглавіемъ «этическая философія религіи» пытается установить истинное отношеніе между религіей и этикой.

Первая часть разбираемаго произведенія Гёфдинга посвящена той философіи религіи, которая стремится дать научное и интеллектуальное объясненіе космоса въ связи съ главными принципами теистической вѣры. Такая философія представляетъ универсъ, какъ дѣйствіе Первой Причины. По взгляду Гёфдинга, это представленіе о Богѣ, какъ Первопричинѣ всего конечнаго бытія, не можетъ быть принято, потому что «знаніе требуетъ искать причину всякаго явленія въ другомъ, но каждое другое явленіе, какъ и подлежащее изслѣдованію, находится въ опытѣ... Отсюда, значитъ, задача сводится къ тому, чтобы истолковывать природу чрезъ саму же природу, точно такъ же, какъ мы истолковываемъ извѣстный отдѣлъ въ книгѣ чрезъ сравненіе съ другими отдѣлами той же книги» (р. 18).—Въ связи съ этимъ теистическое представленіе о Богѣ, какъ высочайшей и совершеннѣйшей личности, по мнѣнію Гёфдинга, является неудовлетворительнымъ. Оно отвергается, между прочимъ, на томъ основаніи, что личность, приписываемая Богу, существенно отли-

---

Спб. 1898. Исторія новѣйшей философіи. Очеркъ исторіи философіи отъ Канта до нашихъ дней. Изд. редакціи журнала „Образованіе“. Спб. 1900 г. Очерки психологіи, основанной на опытѣ. Пер. подъ ред. Я. Колубовскаго. 2-е изд. Спб. 1895 г.

чается отъ человѣческой личности, существующей въ опытѣ. Матеріалистическія, идеалистическія и агностическія теоріи о Высшей Реальности также критикуются и объявляются несостоятельными во многихъ отношеніяхъ, и на ихъ мѣсто Гёфдингъ ставитъ свое собственное міровоззрѣніе, которое онъ называетъ критическимъ монизмомъ. — Эта теорія имѣетъ нѣкоторыя точки соприкосновенія съ основными христіанскими представленіями, но проникающій ее детерминистическій взглядъ на природу человѣка препятствуетъ ей въ свою очередь быть вполне удовлетворительнымъ объясненіемъ моральной отвѣтственности и реальнаго отношенія души къ Богу.

Вторая часть разбираемой книги въ значительномъ своемъ объемѣ содержитъ очень интересный и разработанный анализъ главныхъ формъ религіозной вѣры. Авторъ изъ этого анализа приходитъ къ тому положенію, что «религія есть вѣра въ сохраненіе цѣнности» (*der Glaube an die Erhaltung des Werthes*). Подробное раскрытіе этого положенія требуетъ гораздо больше мѣста, чѣмъ какое можетъ быть отведено въ бѣглой рецензії. Самъ Гёфдингъ стремится прояснить данное имъ опредѣленіе религіи чрезъ аналогію съ научной доктриной «о сохраненіи энергіи», потому что «цѣнность» религіи сохраняется прочно во всѣхъ ея перемѣнныхъ формахъ. Но мы должны сознаться, что указываемая аналогія мало проясняетъ сущность религіи, какъ понимаетъ ее Гёфдингъ.

Очевидно, въ своемъ опредѣленіи религіи Гёфдингъ примыкаетъ къ Ричлианской философской школѣ, такъ популярной въ послѣднее время. Съ Ричлианской точки зрѣнія религія должна удовлетворять исключительно практической сторонѣ человѣческаго духа. Религіозныя идеи и истины имѣютъ практическую цѣнность для человѣка. Отсюда содержаніе религіи должно быть сведено къ сужденіямъ практическаго характера, или иначе, «къ сужденіямъ цѣнности». Всѣ чувства, — говоритъ намъ Гёфдингъ, — заключаютъ въ себѣ удовольствіе или страданіе, обладаютъ извѣстной цѣнностью. Такъ, есть одинъ родъ цѣнности въ удовлетвореніи всѣхъ нашихъ эгоистическихъ желаній, есть другой родъ цѣнности въ тѣхъ эмоціональныхъ, интеллектуальныхъ, эстетическихъ и этическихъ чувствованіяхъ, которыя возникаютъ изъ ощущаемыхъ нами отношеній къ лицамъ и идеаламъ, стоящимъ выше нашего индивидуальнаго «я»

и его интересовъ. Но вопросъ въ томъ, какимъ образомъ мы составляемъ относительную оцѣнку этихъ этическихъ цѣнностей? Когда мы говоримъ, напримѣръ, что чувственная или эгоистическая жизнь имѣетъ низшую цѣнность въ сравненіи съ жизнью, посвященною высшимъ идеаламъ, должны ли мы просто думать (какъ, повидимому, думаетъ самъ Гёфдингъ), что послѣдняя опытно даетъ болѣе полное и болѣе чистое удовлетвореніе, чѣмъ первая? Или не должны ли мы скорѣе думать, что первая относительно безцѣнна потому, что она сопровождается ощутительнымъ несогласіемъ, разладомъ въ совѣсти, въ то время какъ послѣдняя заимствуетъ свое достоинство отъ того факта, что она сопровождается сознаніемъ гармоніи между индивидуальной душой и вѣчнымъ Богомъ? Если это такъ, то существенно невозможно обладать этической цѣнностью отрѣшенно и безотносительно къ извѣстному состоянію религіозной вѣры, потому что ясно, что насколько духовный кругозоръ человѣка дѣлается яснѣе и глубже, настолько и этическая оцѣнка относительнаго достоинства переживаемыхъ имъ объектовъ удовлетворенія расширяется и улучшается. Религіозныя сужденія свидѣтельствуютъ не о томъ только, какую практическую цѣнность имѣютъ религіозные предметы, но вмѣстѣ съ тѣмъ они выражаютъ дѣйствительное содержаніе указанныхъ предметовъ. Существующее въ каждой религіи откровеніе утверждаетъ эту объективную сторону религіи. Оно повѣствуетъ о томъ, что такое Богъ въ Его существѣ, въ чемъ состоитъ грѣхъ человѣка, въ чемъ его искупленіе и пр. И чѣмъ отчетливѣе въ человѣкѣ эта обыкновенная теоретическая сторона религіи, чѣмъ глубже его понятіе о Богѣ, грѣхѣ, искупленіи, тѣмъ выше въ немъ субъективная сторона религіи, тѣмъ живѣе, практическое переживаніе имъ религіознаго настроенія. Такъ вскрывается необходимость догматической или теоретической стороны въ религіи.

Въ третьей части своего произведенія Гёфдингъ выражаетъ свое несогласіе съ раскрытой функціей религіи. Дѣло религіи, по его взгляду, только пробудить вѣру въ прочность или сохраненіе этическихъ цѣнностей. Между прочимъ здѣсь онъ приводитъ сравненіе между христіанскимъ и греческимъ идеаломъ жизни. И хотя Гёфдингъ вполне допускаетъ, что каждый изъ нихъ самъ по себѣ недостаточенъ и нуждается въ допол-

неніи со стороны другого, однако очевидно, что его собственные симпатіи тяготеютъ по преимуществу къ греческому типу мышленія. Это особенно ясно изъ его разсужденія объ этическомъ достоинствѣ вѣры въ личное безсмертіе. Выражаясь нерѣшительно относительно истинности и законности этой вѣры, Геддингъ настойчиво увѣряетъ, что эта вѣра не имѣетъ никакого этическаго значенія. Каждый «періодъ жизни»,—говоритъ онъ,—«имѣетъ и долженъ имѣть свое значеніе въ самомъ себѣ, а не долженъ быть разсматриваемъ, какъ приготовленіе къ слѣдующему. Какъ дѣтство есть независимый жизненный періодъ, который имѣетъ свою цѣнность и цѣль въ самомъ себѣ и для самого себя, и есть болѣе, чѣмъ приготовленіе къ зрѣлому возрасту, такъ точно и человѣческая жизнь въ цѣломъ имѣетъ свое независимое достоинство, тѣмъ болѣе, что опытъ нисколько не учитъ насъ о непрерывности ея» (р. 345). На это должно быть замѣчено, что оцѣнка внутренней цѣнности дѣтства и того или другого способа обученія юношества опредѣляется ожиданіемъ, что зародыши дѣтскаго ума, развиваемые въ томъ или другомъ направленіи, принесутъ соотвѣтствующій плодъ въ зрѣломъ возрастѣ. И преданность идеальной сторонѣ человѣческой жизни, безъ сомнѣнія, всегда зависитъ и будетъ зависѣть отъ надежды и вѣры въ то, что требованіе безконечнаго развитія, которое *implicite* заключается во всѣхъ стремленіяхъ человѣка, желаніяхъ и идеалахъ, есть требованіе вполне удовлетворимое.

Какъ нужно ожидать изъ предшествующаго, проф. Геддингъ не думаетъ, чтобы было возможно выразить въ опредѣленныхъ теоретическихъ положеніяхъ природу и характеръ Высшей Реальности, которая пробуждаетъ и соотвѣтствуетъ нашимъ религіознымъ ощущеніямъ. Поэзія, по его взгляду, есть наиболѣе адекватный способъ для описанія Высочайшаго Существа; она имѣетъ свой корень не только въ человѣческомъ воображеніи, но въ Вѣчной Духовной Реальности, которая вдохновляетъ индивидуальный духъ. «Подъ поэзією здѣсь разумѣются не измѣнчивыя настроенія и мечты, но произвольная и живая форма, въ какую облакается дѣйствительно пережитое въ моментъ великаго духовнаго возбужденія. Такой процессъ облеченія лежитъ въ основѣ всѣхъ мифовъ и легендъ, всѣхъ догматовъ и символовъ, если мы будемъ разсматривать ихъ въ моментъ происхожденія (*in statu nascenti*)» (р. 339).

Есть и другіе, довольно извѣстные философы, какъ Сабатье, которые утверждаютъ, что человѣческія представленія о Богѣ должны быть отчасти символическими, но они въ то же время признають, что, напр., терминъ «Отець» въ приложеніи къ Богу имѣеть не только символическое значеніе, но указываетъ на реальное содержаніе Божественной природы. Опытное общеніе между душою и Богомъ есть одна изъ абсолютныхъ истинъ, которую терминъ «Отець» выражаетъ. Но напрасно искать въ произведеніи Гёфдинга ясной идеи о Богѣ въ Его реальномъ Существовѣ. Поэзія, какъ онъ понимаетъ ее, не можетъ быть переведена на прозаическій языкъ, который могъ бы быть настолько понятнымъ, чтобы удовлетворить стремленію къ истинѣ. Гдѣ нѣтъ ничего, кромѣ поэзіи и символовъ, и нѣтъ никакой возможности составить положительныя понятія о Богѣ, религія не можетъ существовать. Поэтому мы не можемъ ожидать, что «критическій монизмъ» въ борьбѣ съ другими конкурирующими теоріями сдѣлается широко распространенной философій религіи.

И. Николинъ.

Новыя книги и брошюры, полученныя въ редакціи.

Библиотека для самообразованія. XXVIII.

А. К. Роджерсъ. Краткое введеніе въ исторію новой философіи. Перев. С. С. Зелинскаго, подъ ред. Ю. И. Айхенвальда. XX + 224. Ц. 1 руб.

Бинэ. Введеніе въ экспериментальную психологію. Перев. съ фр. подъ редакц. проф. А. И. Введенскаго. Ц. 1 р. Спб. 1903. Ст. VII + 215.

Ю. Битовтъ. Графъ Л. Н. Толстой въ литературѣ и искусствѣ. Москва, 1903. Ст. 375. Ц. 2 р. 50 к.

Генрихъ Риккертъ. Естествовѣдѣніе и культуровѣдѣніе. Перев. съ нѣм. М. Я. Фитермана. Спб., 1903. Ст. 44. Ц. 25 к.

Н. Лосскій. Основныя ученія психологіи съ точки зрѣнія волюнтаризма. Спб., 1903. Ст. IV + 300. Ц. 1 р. 50 к.

І. С. Новоплянскій. Наслѣдственность или вѣчное упражненіе? (Гипотеза дилетанта.) Вильна, 1903. Ст. 55. Ц. 35 к.

Общедоступная философія въ изложеніи Аркадія Пресса:

Гроцій. О правѣ войны и мира. Спб. Ст. 50. Ц. 40 к.

Гоббсъ. Левіаѳанъ. О челоуѳкѳъ (психологія). О государствѳъ. Спб., 1903. Ст. 57. Ц. 40 к.

Отчетъ библіотеки Общества взаимовспомоществованія приказчиковъ-евреевъ г. Одессы, имени С. Л. Бернфельдъ съ 1 янв. 1902 по 1903 г. Одесса, 1903. Ст. 21.

Отчетъ о дѳятельности психологической семинаріи при университетѳъ св. Владиміра за 1897—1902 гг. Кіевъ, 1903. Ст. 11.

Н. К. П. О благотворительной дѳятельности. Публичная лекція. Валуйки, 1903. Ст. 65. Ц. 25 к. Весь сборъ отъ продажи изданія предназначается на устройство постоянной дополнительной кровати въ «Убѳжищѳъ для бѳдныхъ хроническихъ больныхъ» въ г. Острогожскѳъ.

П. Г. Рабиновичъ. Что далъ наукѳъ законъ сохраненія энергіи. Спб., 1903. Ст. 29. Ц. 35 к.

Штѳррингъ. Психопатологія въ примѳненіи къ психологіи. Переводъ А. А. Крогіуса. Съ предисловіемъ автора и академика В. М. Бехтерева. Спб., 1903. Ст. IV + 305. Ц. 1 р. 50 к.

Энциклопедическій словарь. Томъ XXXVII^a. Ходскій—Цензура. Издатели Ф. А. Брокгаузъ (Лейпцигъ) и И. А. Ефронъ (С.-Петербургъ). Спб. 1903.

Обзоръ журналовъ.

Revue philosophique 1902 годъ №№ 9—12.

Récéjac. «La confusion entre l'ordre social et l'ordre religieux». № 9.

Авторъ возстаетъ противъ смѣшенія религіознаго порядка съ областью соціальной. Христіанство оригинально, говоритъ онъ, оно организовалось независимо отъ существующихъ соціальныхъ формъ. Въ основѣ этого религіознаго порядка нѣтъ ни общности матеріальныхъ интересовъ, ни діалектическаго развитія идей: христіанство всецѣло основано на идеѣ благодати.

Излѣдованіе благодати подраздѣляется авторомъ на слѣдующіе отдѣлы: 1) мистическое содержаніе и соціальное выраженіе благодати, 2) основы мистическаго града, 3) благодать и право, 4) отлученіе.

Мистическое единеніе съ Богомъ, наблюдаемое у Христа и другихъ великихъ мистиковъ, связанное съ сознаніемъ своей исключительности, избранности, влечетъ за собой второй моментъ—стремленія подѣлиться и съ другими своимъ достояніемъ, приобщить ихъ къ своему духовному богатству. Такимъ образомъ возникаетъ ученіе о благодати, ниспосылаемой въ тайнствахъ. Создается понятіе о новомъ родѣ причинности, одинаково отличной какъ отъ внѣшней причинности или «природы», такъ и отъ внутренней или «свободы». Такимъ образомъ установленіе тайнствъ имѣетъ свою соціальную причину.

Христось хочетъ основать общество, въ которомъ не было бы ни «эллина», ни «іудея»,—общество мистическое, сверхъестественное; но такое общество въ дѣйствительности не осуществимо. Мистическій градъ, по опредѣленію Августина, противопоставляется

всѣмъ другимъ и ставить цѣлью любовь къ Богу наряду съ полнымъ презрѣніемъ къ самому себѣ. Благодать согласно пониманію Августина не приходитъ на помощь человѣку въ его дуалистической борьбѣ съ самимъ собой: она исключаетъ со стороны человѣка всякую инициативу и служитъ непреодолимымъ препятствіемъ, стѣной, отдѣляющей градъ Божій отъ града, зжидушагося исключительно на гражданскихъ отношеніяхъ. Между тѣмъ, по мнѣнію автора, такого рода противоположности, какъ полное презрѣніе къ себѣ съ одной стороны, и такое же полное презрѣніе къ Богу, съ другой — на самомъ дѣлѣ не существуютъ.

Христосъ не предвидѣлъ результатовъ въ области политической и социальной, къ которымъ привели установленные имъ для полученія благодати обряды. Онъ отвергаетъ оба условія, необходимыя для социального воплощенія идеи и, какъ таковыя, принятія вполнѣдствіи церковью, а именно: іерархію и имущество. Въ борьбѣ, особенно характерной въ XIV вѣкѣ между мистической и клерикальной церковью идея «права» постепенно эволюционируетъ. Современное понятіе права, какъ нравственной обязанности, вытекшее изъ нѣдръ протестантизма, есть не что иное, какъ возрожденіе мистицизма. Изъ протестантизма черпаетъ и Кантъ. За нимъ слѣдуетъ революція.

Достигнувъ извѣстной степени интенсивности, вѣрованіе становится нетерпимымъ. Эта черта обнаруживается и въ мистицизмѣ. Идея благодати сопровождается, какъ своей тѣнью, идеей проклятія. Ученіе о благодати приводитъ къ ученію объ *отлученіи*. Мистическое чувство благодати доживаетъ свой вѣкъ подъ новой оболочкой — страха передъ условностями, замѣнившаго ужасы проклятія.

Схоластическая теорія благодати несостоятельна. Она задерживаетъ нашъ путь къ безконечности.

Palante. «Etudes sociologiques. II. Moralisme et immoralisme». № 9.

Весь XIX вѣкъ въ области философіи пропитанъ христіанской моралью. Проблема имморализма впервые выдвинута Ницше, будучи лишь намѣчена предтечей его — Гейне, хотя въ сущности ницшеанскій паганизмъ восходитъ къ античнымъ временамъ культа Діониса, въ которомъ Ницше видитъ триумфальное утвержденіе жизни, природы.

Отрицая всякую мораль, будь ли то ученіе Кацта, или же мѣщанская, или наконецъ демократическая и демагогическая мораль, вслѣдствіе одной общей имъ всѣмъ черты—уничуженія личности—нищешанскій имморализмъ представляетъ радикальный индивидуализмъ и въ этомъ-то возстановленіи правъ и свободы индивидуума и заключается глубокое моральное и социальное значеніе имморализма.

Проблема имморализма и морали превращается, по справедливому замѣчанію Фулье (*Revue philosophique* 1901 г. № 12), въ проблему отношеній между эгоизмомъ и альтруизмомъ. Вопросъ о первичности одного изъ этихъ явленій относительно другого—такая же метафизическая загадка, какъ вопросъ о происхожденіи яйца отъ курицы или курицы отъ яйца. Изъ опыта мы убѣждаемся въ существованіи трехъ несводимыхъ далѣе человѣческихъ типовъ — эгоизма, злобы и доброты — согласно Шопенгауэру, или же согласно Рибо различаемъ въ окружающей дѣйствительности типъ разрушителя и консерватора или созидателя. Эти характеры поразительно яснымъ образомъ воплощаютъ тѣ стремленія, которыя кишатъ на глубинѣ воли къ жизни и вѣчно будутъ существовать, прорываясь наружу въ видѣ сложнаго многообразія.

Chazottes. «Le conflit actuel de la science et de la philosophie dans la psychologie». № 9.

Психологія переживаетъ кризисъ: она уже не философская наука и не можетъ еще быть названа позитивной наукой. Представители обоихъ направленій въ психологіи, какъ отживающаго такъ и нарождающагося, сбиваются со своихъ опредѣленій и, незамѣтно для самихъ себя, заимствуютъ положенія изъ отрицаемаго ими направленія.

Въ наше время происходитъ постоянное смѣшеніе психологіи съ философіей психологіи. Такое смѣшеніе неизбежно для каждой науки, пока она еще только выдѣляется изъ философій. Со времени Канта лишь стало ясно, что наука и философія имѣютъ двѣ совершенно отличныя другъ отъ друга области: съ одной стороны—изученіе міра, какъ онъ намъ данъ, съ другой—изученіе того же міра, какъ онъ есть въ себѣ.

Сопоставленіе психологіи съ физическими науками еще болѣе способствуетъ смѣшенію ея съ философіей.

Для того, чтобы указать психологіи ея мѣсто среди другихъ наукъ посредствомъ точнаго опредѣленія характера ея и предмета, необходимо предварительно провести рѣзкія границы между философіей и наукой. Намъ остается вернуться къ опредѣленію философіи, данному Аристотелемъ. Основываясь на этомъ опредѣленіи, предметомъ психологіи мы должны считать изученіе опредѣленнаго бытія, феномена, и съ этой точки зрѣнія психологія дѣйствительно является позитивной наукой.

J. Segond. «Publications récentes sur la morale». № 9.

Сдѣлавъ обзоръ семи новѣйшихъ произведеній изъ области морали, принадлежащихъ лицамъ самыхъ разнообразныхъ національностей и направленій авторъ статьи останавливается на общихъ всѣмъ этимъ произведеніямъ чертахъ. 1) Моральный *интуиционизмъ* окончательно отвергнуть. 2) Изъ ученія Канта взято положеніе объ *автономіи* и отброшенъ тезисъ о категорическомъ императивѣ, какъ противорѣчащій первому положенію. 3) *Я* полагается *моральнымъ центромъ*. 4) Въ противоположность интеллектуализму *чувство* признается базисомъ практическихъ *цѣнностей*, но и *разуму* отводится значительная роль въ дѣлѣ организаціи этихъ *цѣнностей*.

Ученіе Канта во многомъ способствовало этому преобразованію морали, но Кантъ *превзойденъ*, по выраженію аббата Фаржа, и вліяніе Ницше сказывается въ новой морали, представляющей *идеализмъ* на почвѣ *опыта* съ участіемъ *личнаго элемента*.

F. Le Dantec. «La place de la vie dans les phénomènes naturels» №№ 10, 11.

Сущность жизни заключается въ химическомъ процессѣ — ассимиляціи молекулъ, отсутствующей въ неорганизованной матеріи. Ассимиляція есть результатъ взаимодействія живого вещества и окружающей среды, взаимодействія, осуществляющагося при посредствѣ воды. На ассимиляціи построена и проблема воспроизведенія. Нервный токъ связанъ также съ явленіемъ химическаго порядка.

Нѣтъ дѣйствія на разстояніи и наше познаніе всецѣло ограничено движеніемъ вещества; человекъ есть синтезъ молекулярныхъ движеній, но *какимъ образомъ* измѣненія нашей субстанціи порождаютъ познаніе о какомъ-либо предметѣ—остается неизвѣстнымъ (для объясненія этого факта можетъ быть предложена

гипотеза, надѣляющая элементами сознанія каждый матеріальный элементъ, входящій въ составъ нашего организма).

Итакъ, къ области нашего познанія относится все то, что можетъ движеніемъ вещества вызвать отвѣтное молекулярное движеніе въ веществѣ нашего тѣла, путемъ воздѣйствія на органы чувствъ. Такимъ образомъ, область слишкомъ большого, удаленнаго и, въ равной степени, молекулярнаго малаго, не будучи въ состояніи воздѣйствовать на человѣка, остается за предѣлами нашего познанія. Къ несчастію человѣкъ склоненъ заниматься именно тѣмъ, что его вовсе не касается.

A. Binet. «Le vocabulaire et l'idéation». № 10.

Бинэ сообщаетъ о результатѣ своихъ психологическихъ экспериментовъ, произведенныхъ имъ съ цѣлью отыскать соотвѣтствіе между запасомъ идей и запасомъ словъ каждаго даннаго субъекта. Объектомъ для своихъ экспериментовъ онъ избралъ двухъ сестеръ 14 и 15 лѣтъ, выросшихъ въ одной и той же обстановкѣ и обнаруживающихъ различные типы идеациі. Старшая, обладающая конкретной, практической идеацией, проявила въ своемъ запасѣ словъ менѣе оригинальности, чѣмъ младшая, идеациія которой отличается бѣльшей фантастичностью и содержитъ общія и абстрактныя идеи, и, параллельно съ этимъ, и въ запасѣ словъ она обнаружила 1) большую оригинальность, 2) большее количество абстрактныхъ и 3) относительно рѣдкихъ терминовъ—въ сравненіи съ старшей.

Gérard-Varet. «Le langage et la parole: leurs facteurs sociologiques». № 10.

Языкъ есть явленіе социальное и, какъ таковое, обязанъ своимъ развитіемъ и биологическимъ, и психологическимъ факторамъ. Членораздѣльная рѣчь не есть, какъ думали прежде, результатъ бессознательнаго механизма, вложеннаго въ человѣка и развивающагося по естественнымъ законамъ: она представляетъ продуктъ сложнаго взаимодействія разнообразныхъ факторовъ при одинаковомъ участіи какъ природы, такъ и активнаго воздѣйствія самого человѣка. Однимъ изъ важнѣйшихъ социальныхъ факторовъ въ эволюціи языка служитъ общеніе и индивидуумовъ, и расъ между собой. Одновременно съ эволюціей происходитъ дифференціация: словесная рѣчь развивается и вытѣсняетъ языкъ жестовъ. Причину этого можно видѣть въ организациі совмѣст-

наго труда (словесная рѣчь представляла болѣе удобствъ для того, чтобы руководить совмѣстнымъ трудомъ человѣка) и въ образованіи религіи (общеніе съ невидимыми богами происходило легче при помощи опять-таки словесной рѣчи).

F. da Costa Guimaraens. «Le besoin de prier et ses conditions psychologiques». № 10.

Авторъ приписываетъ двѣ отличительныя черты изучаемому явленію—потребности молиться: 1) универсальность, т.-е. проявленіе ея въ видѣ мольбы, просьбы и т. п. по самымъ разнообразнымъ поводамъ въ каждомъ одушевленномъ существѣ, и 2) относительность, т.-е. зависимость отъ индивидуальности, темперамента, пола, расы, возраста, среды, обстоятельствъ, подражанія, воспитанія, привычки, климата, эпохи, времени, мѣста.

Изъ указанныхъ двухъ чертъ вытекаютъ еще двѣ черты: 1) періодичность, 2) искусственность или же натуральность происхожденія.

Показателями данной потребности служатъ: глубокая и сложная эмоція самаго разнообразнаго характера (страхъ, ужасъ, почтеніе, любовь, экстазъ и т. п.), неудержимое желаніе излить свою душу и, наконецъ, внѣшнія проявленія.

По *природѣ* своей потребность молитвы есть не что иное, какъ аффективное состояніе, аффективная потребность. Кромѣ аффективного элемента она заключаетъ въ себѣ и интеллектуальный элементъ: понятіе о высшемъ Существѣ, къ могуществу котораго прибѣгаешь въ молитвѣ.

Причины изучаемаго явленія самыя разнообразныя. Ближайшей причиной, какъ было уже указано, служитъ глубокая эмоція какого угодно характера. *Дѣйствія*, принадлежащія какъ къ порядку физиологическихъ, такъ и психологическихъ явленій, такъ же разнообразны, какъ и причины. Главнѣйшее дѣйствіе есть возбужденіе.

Воспитать потребность къ молитвѣ, т.-е. довести ее до извѣстной степени интенсивности, можно цѣлымъ рядомъ механическихъ средствъ и эмоціональныхъ воздѣйствій.

Что касается патологической стороны, потребность эта можетъ, за исключеніемъ отдѣльныхъ моментовъ, совершенно отсутствовать у человѣка или, подъ вліяніемъ извѣстныхъ условій, постепенно исчезнуть, или наконецъ, при сильномъ развитіи, обратиться въ мономанію, въ страсть.

Н. Leuba. «Les tendances religieuses chez les mystiques chrétiens» II. № 11.

При изученіи мистицизма слѣдуетъ отличать непосредственный фактъ отъ его истолкованія (рѣдко выполняемое условіе). Отличительная черта психологіи мистиковъ—исключительная приверженность субъективному методу.

Первые шаги мистика—исканіе Бога. Полнаго единенія съ Богомъ послѣ долгаго и труднаго пути мистикъ достигаетъ въ экстазѣ. Въ этомъ состояніи сознанія преобладаютъ нѣжныя эмоціи: мистическій экстазъ есть любовный трансъ. Галлюцинаціи составляютъ второстепенное явленіе.

Великіе мистики оставили послѣ себя цѣлый рядъ подробныхъ описаній своего состоянія. Они различаютъ нѣсколько ступеней мистическаго состоянія.

Экстазъ начинается сосредоточеніемъ своего сознанія на мірѣ внутреннемъ, при постепенномъ исключеніи міра внѣшняго. То же самое происходитъ въ состояніи гипноза.

Мистическое состояніе часто развивается на почвѣ легкаго полового возбужденія и въ такомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, оно связано съ стремленіемъ къ чисто органическому наслажденію. Другое явленіе, обнаруживающееся въ мистическомъ состояніи, это—стремленіе къ успокоенію въ области мысли. Третье стремленіе—потребность въ симпатіи. Четвертое—стремленіе къ универсализаціи воли.

Сами мистики называютъ экстазъ 1) откровеніемъ, 2) единеніемъ съ Богомъ.

Итакъ, мистики переживаютъ цѣлую гамму наслажденій, начиная отъ чувственнаго удовольствія до высокаго наслажденія, доставляемаго реализаціей нравственнаго идеала. Они не отказываются отъ удовольствій тѣла, но подчиняютъ ихъ повелѣніямъ достигшаго универсальности разума. Въ этой сторонѣ мистицизма отразилась борьба христіанства съ естественными склонностями человѣка.

Мистицизмъ можетъ быть разсматриваемъ, какъ одинъ изъ видовъ поисковъ за счастіемъ.

Изученіе мистицизма есть въ общихъ чертахъ изученіе всей христіанской религіозности вообще: внутренняя религіозная молитва есть то же состояніе экстаза, только меньшей интенсивности.

L. Dauriac. «Des images suggérées par l'audition musicale» № 11.

Исходя изъ того наблюденія, что музыкальное воспріятіе можетъ сопровождаться зрительнымъ воображеніемъ, авторъ ставитъ проблему музыкальной психологіи и, предполагая дать въ будущемъ рядъ очерковъ по психологіи любителя музыки, критика, виртуоза и композитора, — останавливается въ данной статьѣ на наблюденіяхъ и связанныхъ съ ними соображеніяхъ относительно психологіи музыкальнаго человѣка вообще.

Th. Flournoy. «Les variétés de l'expérience religieuse d'après M. William James». № 11.

Отчетъ о сочиненіи Джемса по философіи религіи. Содержаніе его таково: описаніе главнѣйшихъ проявленій религіи, включая и болѣзненные. Оцѣнка значенія религіи какъ съ эмпирической и біологической, такъ и съ метафизической и абсолютной точекъ зрѣнія. Религіозная жизнь съ практической, утилитарной стороны (классическія черты жизни святыхъ) и своего рода прославленіе святости, при участіи исключительно эмпирическаго и біологическаго методовъ. Мистицизмъ и рационализмъ, какъ попытки обосновать объективную, метафизическую цѣнность религіи. Философія религіи изъ дедуктивной, метафизичной и теологичной должна стать индуктивной, критической, научной и, слѣдовательно, универсальной; но вопросъ объ объективномъ, абсолютномъ значеніи религіозныхъ явленій всегда останется предметомъ вѣры (и Джемсъ передъ ней не отступаетъ). Общій всѣмъ религіямъ пунктъ — сознаніе грѣховности и возможности спасенія. Гипотеза Джемса о сверхчувственномъ мірѣ, оказывающемъ моральное воздѣйствіе на наше чувственное я.

Религіозная философія Джемса эмпирична и практична, утилитарна, а къ абстрактной метафизикѣ и идеямъ безъ практическаго примѣненія выражаетъ презрѣніе.

Въ своихъ заключеніяхъ и выводахъ, возстановляющихъ главные пункты естественной религіи, Джемсъ — этотъ первоклассный психологъ и одновременно съ этимъ логикъ и философъ — представляетъ поразительную антитезу съ представителями такъ называемой научной современной философіи.

F. Paulhan. «Sur la mémoire affective». № 12.

Авторъ признаетъ существованіе аффективной памяти. Опираясь отчасти лишь на изслѣдованія Рибо и Махлюп, онъ сообщаетъ о собственныхъ соображеніяхъ и наблюденіяхъ. По его мнѣнію въ каждомъ актѣ воспоминанія, будетъ ли то актъ интеллектуальнаго или аффективнаго порядка—безразлично, всегда присутствуютъ три элемента: 1) элементъ инстинктивности, приобрѣтенной организациі, рутины, 2) подражанія или памяти, 3) воображенія,—съ преобладаніемъ одного изъ нихъ, вслѣдствіе чего и само явленіе получаетъ тотъ или другой характеръ, являясь или актомъ организациі (напр., любовь къ родителямъ), или явленіемъ памяти (эмоція, локализованная въ опредѣленномъ прошломъ) или, наконецъ, актомъ воображенія (явленіе ложной аффективной памяти). Конецъ статьи—въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ.

Kozlowski. «La psychogénèse de l'étendue» № 12.

Разсмотрѣвъ самую постановку проблемы пространства и сдѣлавъ бѣглый историческій обзоръ теорій по вопросу о воспріятіи пространства, авторъ приводитъ собственную попытку его разрѣшенія, пользуясь методомъ Кондильяка, состоящимъ въ реальномъ или идеальномъ исключеніи извѣстныхъ способностей. Посредствомъ гипотетическаго концепта статуи, постепенно одаваемой различными чувственными способностями, съ ссылкой на слѣдующихъ и т. п., авторъ послѣдовательно находитъ слѣдующіе элементы воспріятія пространства: воспріятіе массы, пустоты, разстоянія, силы.

Статья не окончена.

Lannes. «Philosophes russes contemporains: V. Soloviev». № 12.

Авторъ знакомитъ съ жизнью, личностью, характеромъ и особенностями философскихъ взглядовъ Вл. Соловьева—на основаніи изслѣдованій гг. Величко, Лопатина, кн. С. Трубецкого, Александра Введенскаго, Новгородцева и Осипа Лурье.

Указывая на попытку г. Введенскаго дать метафизическое объясненіе вѣры Вл. Соловьева въ невидимыхъ духовъ (даже чертей) и не находя точныхъ указаній на причины этого душевнаго состоянія Соловьева у г. Величко, авторъ оставляетъ открытымъ вопросъ о нормальности душевнаго состоянія Вл. Соловьева.

Съ точки зрѣнія автора, очеркъ его, совершенно не оригинальный по существу, можетъ 1) служить матеріаломъ для философскихъ и религиозныхъ наукъ, которыми такъ страстно занимался Вл. Соловьевъ и 2) характеристикой мистическаго настроенія русскаго народа, типичнымъ выразителемъ котораго былъ Вл. Соловьевъ.

H. Piéron. «La question de la mémoire affective». «Contribution à la psychologie des mourants». № 12.

Въ первой краткой замѣткѣ авторъ, въ противовѣсъ интеллектуальной теоріи, признаетъ существованіе настоящей аффективной памяти, ссылаясь на фактъ изъ собственнаго самонаблюденія.

Во второй—на основаніи нѣсколькихъ наблюденій отмѣчаетъ въ психологіи умирающихъ предсмертное ощущеніе какъ бы полета и, ставя его въ связь съ таковымъ же ощущеніемъ, испытываемымъ во снѣ, приводитъ для обоихъ случаевъ одно и то же объясненіе, а именно—анестезію, вслѣдствіе неправильности кровообращенія, тѣхъ частей тѣла, на которыхъ оно покоится.

Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik. 1902 годъ, выпускъ 3-й и послѣдній.

Eduard von Hartmann. «Die psychophysische Kausalität».

Авторъ, будучи защитникомъ теоріи причинности, считаетъ неосновательными возраженія параллелиста Кенига противъ своей гипотезы (Zeitschrift 1901 г. статья Кенига «Warum ist die Annahme der psychophysischen Kausalität zu verwerfen»).

Возможность психофизической причинности между мозгомъ и сознаніемъ, говоритъ Гартманъ, зависитъ отъ разложенія этой причинности на 1) изотропную междуиндивидуальную и 2) аллотропную внутреннеиндивидуальную причинность. Но разложеніе это возможно только въ томъ случаѣ, если мы будемъ разсматривать центральное сознаніе не въ качествѣ всей души, а въ видѣ ея сознательной, пассивной, чувственной, внутренней стороны, дополняя эту сторону души безсознательной, активной, динамической, внѣшней стороной ея. Только при помощи гипотезы безсознательной психофизической функціи, какъ промежуточнаго члена, возможно, по мнѣнію автора, причинное от-

ношеніе, съ одной стороны, нематериализирующей (nicht materiirende) силы къ материализирующей (materiirende), съ другой—внѣшней стороны психическаго къ внутренней сторонѣ психическаго.

Итакъ, изслѣдованіе Гартмана о психофизической причинности распадается на 1) изслѣдованіе изотропной (isotrope) причинности между безсознательнымъ психическимъ и матеріальнымъ физическимъ и 2) изслѣдованіе аллотропной (allotrope) причинности между сознательнымъ и безсознательнымъ психическимъ.

Указывая на несогласіе своего ученія съ господствующими философскими взглядами, авторъ совѣтуетъ не пренебрегать въ метафизикѣ и психологіи понятіемъ безсознательнаго, такъ какъ только при помощи этого понятія возможно устранить противорѣчіе между природой и духомъ и установить ихъ взаимодействіе.

Prof. Dr. Joh. Zahlfleisch. «Die Gefühle als Symptome psychischer Abnormität».

Разсматривая чувства, какъ симптомы психической ненормальности, т.-е. чисто импульсивной дѣятельности, отклоненія отъ высшей объективной цѣли человѣческихъ дѣйствій, находящей свое субъективное выраженіе въ одномъ общемъ для всѣхъ самочувствіи, авторъ предлагаетъ отыскивать причины этихъ чувствъ, составляющихъ излишекъ противъ нормы—съ тѣмъ, чтобы, избѣгая въ будущемъ причинъ, избѣжать и самаго повторенія чувствъ или, если это невозможно, по крайней мѣрѣ, сдѣлать ихъ безвредными.

Свое дальнѣйшее изслѣдованіе авторъ раздѣляетъ на двѣ части: разсматриваетъ чувство 1) съ формальной и 2) съ матеріальной точекъ зрѣнія, считая послѣднюю часть особенно важной для терапевтической цѣли своей работы.

E. Neuendorff. «Anmerkungen zu Lotzes Weltanschauung».

Критикуя книгу Вартенберга о Лотце, авторъ дѣлаетъ наиболѣе важныя съ своей точки зрѣнія замѣчанія о міровоззрѣніи Лотце.

Вопреки Вентшеру и Шведлеру, указывающимъ, что Лотце въ своей «Метафизикѣ», отказываясь отъ одушевленности атомовъ, всецѣло становится на точку зрѣнія монизма, авторъ утверждаетъ

еть, что Лотце и въ этомъ сочиненіи признаеть одушевленность атомовъ.

Авторъ усматриваетъ въ системѣ Лотце прикрытый въ извѣстномъ смыслѣ дуализмъ при ярко выраженномъ монизмѣ и рѣзко проведенный плюрализмъ, необходимые ему для объясненія факта взаимодѣйствія между вещами.

Помимо этого авторъ называетъ систему Лотце пантеизмомъ, тождественнымъ Шопенгауэровскому пантеизму.

Авторъ думаетъ, что Лотце, несмотря на этическія и эстетическія свои потребности, влекущія его къ признанію плюрализма (Вартенбергъ утверждаетъ какъ разъ обратное, находя, что этическія и эстетическія потребности Лотце влекли его къ монизму), въ силу глубокихъ теоретическихъ основаній остановился на монистической точкѣ зрѣнія.

Такимъ основаніемъ было желаніе Лотце устранить фактъ непонятности взаимодѣйствія души и тѣла. Въ этомъ случаѣ Лотце остановился на окказіоналистической точкѣ зрѣнія, смягчая допущенное чудо окказіоналистовъ претвореніемъ Бога и міра въ неразрывномъ единствѣ.

Критикуя ученіе Лотце о проблемѣ дѣйствія, приводящее его, съ одной стороны, къ признанію единства дѣйствія (всякое дѣйствіе разсматривается имъ какъ имманентное), съ другой—къ сохраненію свободнаго дѣйствія въ единичныхъ вещахъ, авторъ, въ силу многихъ противорѣчій въ системѣ Лотце, не рѣшается завѣдомо утверждать—представляетъ ли міровоззрѣніе Лотце монизмъ или плюрализмъ, но какъ историкъ, принимаетъ и то, и другое.

По его мнѣнію Лотце послѣ Лейбница долженъ считаться самымъ великимъ эклектикомъ въ исторіи новой философіи и, хотя ему нельзя дать роли руководителя въ позитивной философіи новаго времени, какъ думаетъ это сдѣлать Вентшеръ, но Лотце остротой своей мысли всегда будетъ заставлять насъ стремиться къ истинѣ, къ движенію впередъ.

Если Лотце различными путями приходитъ къ различному рѣшенію всевозможныхъ проблемъ міра, это указываетъ лишь, насколько дѣйствительный міръ полонъ антиномій и паралогизмовъ по отношенію къ нашему разуму. Ищущимъ ихъ разрѣшенія Лотце даетъ указанія и въ этомъ уже безсмертная его заслуга.

Prof. L. v. Bortkiewicz. «Wahrscheinlichkeitstheorie und Erfahrung».

Критика статьи Гримзеля, написанной по поводу сочинения Марбе «Натурфилософскія изслѣдованія къ вопросу о теоріи вѣроятности» (Zeitschrift 1901 г.).

Theodor Elsenhans. «Theorie des Gewissens».

Указавъ предварительно на значеніе проблемы совѣсти и существующей по этому вопросу литературы, авторъ свое изслѣдованіе о совѣсти раздѣляетъ на двѣ части: 1) психологическій анализъ совѣсти и 2) главнѣйшія точки зрѣнія по вопросу о происхожденіи совѣсти.

Содержаніе первой части таково: 1) «этическія чувства», какъ основной элементъ совѣсти, 2) «чувства совѣсти» съ ихъ своеобразной окраской отнесенія къ своему я, 3) представленіе дѣйствія, требуемаго совѣстью, 4) отношеніе совѣсти къ примыкающимъ къ ней волевымъ процессамъ, 5) отношеніе совѣсти къ нравственному сужденію, 6) болѣе точное опредѣленіе совѣсти какъ «соціального общаго чувства».

Вторая часть, имѣющая появиться въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ, намѣчаетъ слѣдующіе пункты: 1) виды совѣсти, 2) отношеніе ихъ къ эмпиризму и нативизму, 3) разнообразіе нравственныхъ воззрѣній, 4) причины этого явленія.

В. Волковичъ и З. Столица.

Открыта подписка на 1903 годъ на журналъ

НОВЫЙ МІРЪ.

Большой иллюстрированный вѣстникъ современной жизни, политики, литературы, науки, искусства и прикладныхъ знаній.

За четырнадцать рублей въ 1903 году каждый подписчикъ „Новаго Мира“ получитъ съ доставкой и пересылкой слѣдующія изданія: **24 №№** интереснаго богато иллюстрированнаго литературно-художественнаго журнала „Новый Миръ“ въ форматѣ лучшихъ наибольшихъ европейскихъ иллюстрацій. **24 №№** иллюстр. двухдѣльнаго обзора текущей жизни—политической, общественной, литературы и художеств., п. н. „Всемирная Лѣтопись“—въ форматѣ „Новаго Мира“. **24 №№** особаго иллюстр. журнала прикладныхъ знаній и новѣйш. изобр., п. н. „Мозаика“, съ хроникою самообразования и справочнымъ отдѣломъ. **52 №№** еженедѣльн. журнала „Живописная Россія“, иллюстриров. вѣстника отчизновѣдѣнія, исторіи, культуры, государственной, общественной и экономической жизни Россіи. **52 №№** еженедѣльнаго обзора текущей русской жизни, п. н. „Временникъ живописной Россіи“, представляющаго собою полную еженедѣльную газету. **12 №№** ежемѣсячнаго журнала романовъ, повѣстей, разсказовъ, историческихъ очерковъ и проч. для семейнаго чтенія, п. н. „Литературные вечера“, и великолѣпныя бесплатныя преміи, состоящія изъ **12** изящно переплетенныхъ книгъ „Библиотеки русскихъ и иностранныхъ писателей“.

Два цѣнныхъ художественныя изданія, а именно: 1) **Графъ Л. Н. Толстой**, 2) **Русскій музей Императора Александра III**. Роскошное изданіе, содерж. свыше 120 картинъ, съ описательнымъ текстомъ Н. Корсанова.

Годовая подписная цѣна „Новаго Мира“ на веленовой бумагѣ, со всѣми объявленными приложениями и бесплатными преміями, съ доставкой и пересылкой въ Россію **14** руб. Съ пересылкой за границу **24** руб.

Гг. подписчики, желающіе получить „Новый Миръ“ на словеной бумагѣ, уплачиваютъ за годовое изданіе журнала, съ упомянутыми приложениями, вмѣсто **14** р.—**18** р.; съ пересылкой за границу, вмѣсто **24** р.—**28** р.

Допускается разсрочка платежа: при подпискѣ не менѣе **2** руб. и ежемѣсячно не менѣе **1** р., съ тѣмъ, чтобы вся подписная сумма была уплачена полностью не позже **10** декабря 1903 г.

Подписка на „Новый Миръ“ принимается въ книжныхъ магазинахъ Товарищества М. О. ВОЛЬФЪ: въ С.-Петербургѣ, Гостиный Дворъ, 18, и въ Москвѣ, Кузнецкій Мостъ, д. Дзамгаровыхъ, а также во всѣхъ столичныхъ и провинціальныхъ книжныхъ магазинахъ.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Вас. Остр., 16 лин., д. 57.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ XXI.

Въ городѣ Карсѣ, Карсской обл., открыта подписка на газету

на 1903
годъ.

КАРСЪ.

на 1903
годъ.

Условія подписки: съ доставкою и пересылкою **3** руб. въ годъ.

Подписка принимается въ редакціи газеты „Карсѣ“, въ гор. Карсѣ куда адресуютъ свои требованія и иногородные.

Открыта подписка на 1903 годъ
на еженедѣльную политическую, общественную и литературную газету

ОТГОЛОСКИ

(годъ изданія 8-й; цѣна на годъ съ дост. и перес. 3 руб.)

И ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

(годъ изданія 9-й; цѣна на годъ съ дост. и перес. 3 руб.)

Адресъ редакціи обоихъ журналовъ: С.-Петербургъ, Лафон-
ская улица, д. № 1.

Лица, подписывающіяся на оба изданія, платятъ за годъ съ доставкой и пересылкой 5 руб., на 8 мѣс.—4 руб., на 6 мѣс.—3 руб., на 4 мѣс.—2 руб.

Въ программу газеты „Отголоски“ входятъ всѣ обычные отдѣлы политическихъ, общественныхъ и литературныхъ газетъ. Редакція ставитъ своей задачей давать въ сжатомъ, но живомъ и общедоступномъ изложеніи и въ извѣстномъ освѣщеніи систематическій обзоръ всѣхъ важнѣйшихъ новостей въ области политики, общественной жизни, науки и искусства, а также мажорный и отзывовъ печати по текущимъ вопросамъ за недѣлю.

„Литературное Обзоріе“ заключаетъ въ себѣ обзоръ всѣхъ выдающихся и наиболѣе интересныхъ новинокъ русской литературы въ области беллетристики и науки, важнѣйшихъ журнальныхъ статей и лучшихъ изъ вновь выходящихъ книгъ. Въ журналъ помѣщаются и произведенія беллетристики русской и иностранной, романы, рассказы, очерки и проч., а также литературно-критическія и научныя статьи по всѣмъ отраслямъ знаній, преимущественно по вопросамъ, выдвигаемымъ въ русской литературѣ.

Редакторъ-издатель И. В. Сиворцовъ.

„ТРУДЫ“

ИМПЕРАТОРСКАГО

ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Журналъ сельскохозяйственный и экономическій.

„Труды И. В. Э. Общества“ въ 1903 году издаются подъ редакціей секретаря Общества и выходятъ книжками **6 разъ въ годъ**. „Труды“ заключаютъ въ себѣ полныя свѣдѣнія о дѣятельности И. В. Э. Общества и обзоры экономической жизни и литературы.

Подписная цѣна за 6 книгъ „Трудовъ“ со всѣми приложеніями **3 р.** съ доставкой и пересылкой.

Подписчики „Трудовъ“, желающіе получать „Русскій Пчеловодный Листокъ“, издаваемый И. В. Э. Обществомъ, доплачиваютъ 1 р. 50 к., вмѣсто 2 руб., уплачиваемыхъ отдѣльными подписчиками „Пчеловоднаго Листка“.

Подписка принимается по слѣдующему адресу:

въ редакцію „Трудовъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества“, С.-Петербургъ, Забалканскій просп., № 33.

Открыта подписка на 1903 годъ
НА ЖУРНАЛЫ
„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ“
И
„ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНІЕ“.

Издаваемые при С.-Петербургской Духовной Академіи.

1) „Церковный Вѣстникъ“—еженедѣльный журналъ, служащій органомъ богословской мысли и церковно-общественной жизни въ Россіи и за границей.

2) „Христианское Чтеніе“ — ежемѣсячный журналъ, органъ богословской и церковно-исторической науки въ общедоступномъ изложеніи.

Въ качествѣ приложенія къ журналамъ редація издаетъ:

Полное Собраніе Твореній св. Іоанна Златоуста
въ русскомъ переводѣ.

Условія подписки:

а) Отдѣльно за „Церковный Вѣстникъ“ 5 (пять) руб., съ приложеніемъ 9-го тома „Твореній св. Іоанна Златоуста“—6 руб. 50 коп.; въ переплетѣ—7 руб.; за „Христианское Чтеніе“ 5 (пять) руб., съ приложеніемъ 9-го тома „Твореній св. Іоанна Златоуста“—6 р. 50 к., въ переплетѣ—7 р.

б) За оба журнала 8 (восемь) руб., съ приложеніемъ 9-го тома „Твореній св. Іоанна Златоуста“—9 (девять) руб., въ переплетѣ 9 р. 50 к.

Цѣна за границей:

за оба журнала 10 (десять) руб.; съ приложеніемъ 9-го тома „Твореній св. Іоанна Златоуста“ — 11 руб. 50 коп., въ переплетѣ 12 р.; за каждый журналъ отдѣльно 7 (семь) руб., съ приложеніемъ 9-го тома „Твореній св. Іоанна Златоуста“—9 руб., въ переплетѣ—9 р. 50 к.

Иногородніе подписчики надписываютъ свои требованія такъ: въ редакцію „Церковнаго Вѣстника“ и „Христианскаго Чтенія“, въ С.-Петербургѣ.

Редакторы: проф. А. Рождественскій.
проф. П. Смирновъ.

ГОДЪ   ВЪ 1903 ГОДУ   ДЕВЯТЫЙ.

„ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ“

будеть выходить ежемѣсячно, за исключеніемъ іюля и августа, книгами въ объемъ около 20 листовъ.

Подписной годъ начинается съ января 1903 года.

Въ „Журналѣ“ печатаются: 1) Указанія и распоряженія правительства, приказы и циркуляры по вѣдомству М. Ю.; 2) Статьи по исторіи, теоріи и практической разработкѣ права и судопроизводства, особенно гражданскаго и уголовнаго; 3) Обзоръ текущей судебной практики, систематическія извлеченія изъ рѣшеній Гражд. и Уголов. Касс. Д—товъ и Общаго Собранія Правительствующаго Сената; 4) Литературное обзорѣніе: критическіе отзывы о новыхъ книгахъ и брошюрахъ, русскихъ и иностранныхъ, библиографическій указатель юридической литературы, русской и иностранной; 5) Обзоръ иностраннаго законодательства: свѣдѣнія о новыхъ законахъ, и законопроектахъ въ иностранныхъ государствахъ; 6) Письма изъ Англии.

Подписная плата 8 рублей въ годъ съ доставкой и пересылкою.

Должностныя лица при подпискѣ черезъ казначеевъ пользуются разсрочкою до 1 рубля въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ 8 мѣсяцевъ каждаго года.

Всѣ прочіе подписчики, при подпискѣ исключительно въ главной конторѣ, пользуются разсрочкою до 2 рублей въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ каждаго года.

Кандидаты на должности по судебному вѣдомству, лица, оставленныя при университетахъ для приготовленія къ профессорскому званію, а также студенты Императорскихъ университетовъ и Демидовскаго юридическаго лица, воспитанники Императорскихъ: училища правовѣдѣнія и Александровскаго лица и слушатели военно-юридической академіи платять при подпискѣ въ главной конторѣ—по 5 рублей въ годъ.

Книжные магазины пользуются за приемъ подписки уступкою 10⁰/₁₀₀.

Главная контора: книжный складъ **М. М. Стасюлевича**, С.-Петербургъ, Васильевскій островъ, 5 ливія, д. 28.

Объявленія для напечатанія въ журналѣ принимаются въ главной конторѣ съ платою по расчету 30 копеекъ за строку и 8 рублей за страницу.

Редакція журнала Министерства Юстиціи находится въ С.-Петербургѣ, по Екатерининской улицѣ, въ зданіи Министерства Юстиціи.

Редакторъ **В. Ф. Дерюжинскій.**

Годъ III.

ЖУРНАЛЪ

1903 г.

Невропатологіи и Психіатріи

имени **С. С. КОРСАКОВА,**

издаваемый Обществомъ Невропатологовъ и Психіатровъ при Императорскомъ Московскомъ университетѣ.

ВЫХОДИТЬ 6 РАЗЪ ВЪ ГОДЪ ВЫПУСКАМИ ВЪ 10—12 ЛИСТОВЪ.

Подписная цѣна на годъ съ пересылкою и доставкой—**10 рублей.** За границу—**12 рублей.**

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: **Москва, Дѣвичье поле, Клиника Нервныхъ Болѣзней.**

1903 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

годъ 8.

на журналъ

Вопросы Нервно-Психической Медицины,

издаваемый под редакціей профессора унив. св. Владиміра

И. А. СИКОРСКАГО

в ъ К і е в ъ .

Журналъ, какъ показываетъ отчасти и самое названіе его, имѣетъ своей задачей—помимо специальныхъ изслѣдованій по психіатріи и нервной патологіи—содѣйствовать разрѣшенію вопросовъ, общихъ для всѣхъ отдѣловъ медицины, насколько эти вопросы могутъ быть освѣщены съ точки зрѣнія психіатріи и нервной патологіи. Журналъ ставитъ одной изъ своихъ цѣлей—сближеніе различныхъ медицинскихъ специальностей на почвѣ общихъ вопросовъ и научныхъ обобщеній, достигнутыхъ неврологіей.

Объединеніе медицины на почвѣ неврологіи представляется желательнымъ и плодотворнымъ. Объединяющую силу содержатъ въ себѣ вопросы этиологіи и патологіи болѣзней; этимъ вопросамъ и будетъ отведено надлежащее мѣсто. Вниманіе журнала будетъ посвящено также терапіи нервныхъ болѣзней и нервно-психической гігіенѣ, такъ какъ та и другая содержатъ рядъ данныхъ, всего болѣе объединяющихъ медицину.

Журналъ предполагаетъ слѣдить за выдающимися вопросами и фактами въ различныхъ областяхъ медицины и будетъ стараться своевременно дѣлать рефераты и обзоры по содержанію этихъ вопросовъ. Но независимо отъ того для успѣшнаго достиженія намѣченной цѣли, въ январской книжкѣ каждого года будетъ помѣщаемъ отчетъ объ успѣхахъ нервно-психической медицины и сопредѣльныхъ знаній за истекшій годъ. Отчетъ этотъ—въ критико-библиографической формѣ—будетъ содержать систематическое обзорѣніе новыхъ и важнѣйшихъ научныхъ направленій съ изложеніемъ результатовъ, достигнутыхъ наукою и ея примѣненіями на дѣлѣ.

Журналъ выходитъ книжками каждые три мѣсяца по слѣдующей программѣ:

1) Оригинальныя статьи по вопросамъ психіатріи и нервной патологіи, а также по вопросамъ анатоміи, фізіологіи, гігіены нервной системы и врачебной экспертизы, относящейся къ этимъ предметамъ. 2) Критика и библиографія по тѣмъ же вопросамъ. 3) Хроника нервныхъ клиникъ, психіатрическихъ клиникъ, домовъ для умалишенныхъ, заведеній для идиотовъ и исправительныхъ заведеній. 4) Краткія замѣтки по содержанію трехъ предыдущихъ отдѣловъ. Статьи для журнала присылаются редактору въ заказныхъ письмахъ или бандероляхъ по слѣдующему адресу: Кіевъ, профессору И. А. Сикорскому (Б. Подвальная, 15). Авторы критическихъ обзоровъ получаютъ гонораръ 60 р. за печат. листъ. Авторы статей получаютъ по 25 экз. отдѣльныхъ отписковъ. О присланныхъ въ редакцію книгахъ и изданіяхъ будетъ оповѣщено въ одной изъ ближайшихъ книжекъ.

Подписная цѣна съ пересылкой и доставкой въ годъ 6 р.

Лица, подписывающіяся на 5-й и 6-й годъ журнала, платятъ 10 р., на 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й и 6-й—24 р.

Подписка принимается: въ редакціи журнала (Кіевъ, Б. Подвальная, 15), въ книжныхъ магазинахъ Оглобина, Югансона и Розова въ Кіевѣ, а также въ книжномъ магазинѣ Карла Риккера въ Спб. (Невскій, 14).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1903 годъ (XXI-й ГОДЪ ИЗДАНИЯ)
на ежедневную политическую, экономическую и литературную газету
„ЮЖНАЯ РОССИЯ“.

„Южная Россія“ издается въ форматѣ и по программѣ большихъ провинціальныхъ газетъ.

Условія подписки на газету «Южная Россія»:

Съ доставкой на домъ въ городъ и пересылкой иногороднимъ: на годъ — 8 р., на 11 мѣс.— 7 р. 50 к., на 10 мѣс.— 7 р., на 9 мѣс.— 6 р. 40 к., на 8 мѣс.— 5 р. 80 к., на 7 мѣс.— 5 р. 20 к., на 6 мѣс.— 4 р., 50 к., на 5 мѣс.— 4 р., на 4 мѣс.— 3 р. 25 к., на 3 мѣс.— 2 р. 75 к., на 2 мѣс.— 2 р., на 1 мѣс.— 1 р. 20 к.

Безъ доставки и пересылки: на годъ — 7 р., на 11 мѣс.— 6 р. 50 к., на 10 мѣс.— 6 р. 10 к., на 9 мѣс.— 5 р. 60 к., на 8 мѣс.— 5 р. 10 к., на 7 мѣс.— 4 р. 60 к., на 6 мѣс.— 4 р., на 5 мѣс.— 3 р. 75 к., на 4 мѣс.— 3 р., на 3 мѣс.— 2 р. 50 к., на 2 мѣс.— 1 р. 80 к., на 1 мѣс.— 1 р.

За границу къ подписной иногородней платѣ прибавляется по 60 коп. въ мѣсяцъ. Подписка принимается только съ 1-го и 15-го чиселъ мѣсяца и не можетъ переходить черезъ январь 1904 года. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка подписной платы, если объ этомъ будетъ заявлено при подпискѣ, на слѣдующихъ условіяхъ: въ два срока: съ доставкой: къ 1-му января—4 р. 50 к. и къ 1-му мая—3 р. 50 к., безъ доставки: къ 1 января—4 р. и къ 1-му мая—3 р.; въ три срока съ доставкой: къ 1-му января—3 р., къ 1-му апрѣля—3 р. и къ 1-му юня—2 р.; безъ доставки: къ 1-му января—3 р., къ 1-му апрѣля—2 р. и къ 1-му юня—2 р.

Подписка и объявленія принимаются: въ г. Николаевѣ (Херс. губ.) въ главной конторѣ „Южной Россіи“ и въ отдѣленіяхъ конторы: въ г. Кременчугѣ у А. М. Михилевича, въ Одессѣ у И. И. Ливденфельда, Ланжероновская, № 13/а, въ Вознесенскѣ (Херс. губ.): у Д. Г. Кавуновскаго, въ Херсонѣ, въ книжномъ магазинѣ Абрамова, въ С.-Петербургѣ и Москвѣ: въ конторахъ объявленій торговаго дома Л. и Э. Метцль и К^о.

Въ Херсонѣ, Кременчугѣ и Вознесенскѣ „Южная Россія“ получается въ день ея выхода.

Редакторъ-издатель С. П. Юрицынъ.

1903 г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1903 г.
„ЮРИДИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ“

съ бесплатнымъ приложеніемъ Сборника рѣшен. Угол. и Гражд. Кассац. Деп. и Общ. Собран. Прав. Сен. и Собранія узакон. и распор. Правительства.

Выходить два раза въ недѣлю *): по воскресеньямъ и четвергамъ,
БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ.

Годовая подписная цѣна съ дост. и перес. 7 р. Допускается разсрочка въ платежъ: при подпискѣ—4 р. и къ 1 апрѣля—остальные 3 р.

Правительственные и общественныя учрежденія, а также должностныя лица этихъ учрежденій, въ правѣ подписываться въ кредитъ, но при условіи, чтобы: а) требованія были заявлены на бланкѣ присутствія, съ указаніемъ числа, мѣсяца, года и №; б) при требованіи были присланы два рубля, и в) въ требовательномъ бланкѣ определенъ былъ срокъ, къ которому должны быть доставлены въ редакцію остальные подписныя деньги (5 р.) за газету, при чемъ учрежденіе принимаетъ на себя отвѣтственность за своевременную присылку остальныхъ денегъ (5 р.), до истеченія того года, на который сдѣлана подписка.

(Адресъ: С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 59).

*) Въ дни Рождества Христова равно на сырой, страстной и пасхальной недѣляхъ, а также въ два лѣтніе мѣсяца (съ 15 юня по 15 августа) газета выходитъ по одному разу въ недѣлю.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1903 г.

на литературную, политическую, обществ. и коммерческ. газету

„ВОЛЖСКИЙ ВѢСТНИКЪ“,

выходящую въ г. Казани ежедневно, кромѣ дней послѣпраздничныхъ.

ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Основная задача газеты—возможно полное изученіе мѣстнаго камско-волжскаго района и всестороннее представительство его нуждъ и интересовъ.

ПО Д П И С Н А Я Ц Ъ Н А .

Въ городѣ безъ дост.				Въ городѣ съ дост.			
На 12 мѣс. 6 р. 25 к.	На 6 мѣс. 3 р. 25 к.	На 12 мѣс. 7 р. — к.	На 6 мѣс. 4 р. — к.	„ 11 „ 6 „ 50 „	„ 5 „ 3 „ 50 „	„ 10 „ 6 „ — „	„ 4 „ 3 „ — „
„ 11 „ 5 „ 75 „	„ 5 „ 2 „ 75 „	„ 11 „ 6 „ — „	„ 5 „ 3 „ 50 „	„ 10 „ 6 „ — „	„ 4 „ 3 „ — „	„ 9 „ 5 „ 50 „	„ 3 „ 2 „ 25 „
„ 10 „ 5 „ 25 „	„ 4 „ 2 „ 25 „	„ 10 „ 6 „ — „	„ 4 „ 3 „ — „	„ 9 „ 5 „ 50 „	„ 3 „ 2 „ 25 „	„ 8 „ 4 „ 25 „	„ 2 „ 1 „ 20 „
„ 9 „ 4 „ 75 „	„ 3 „ 1 „ 75 „	„ 9 „ 5 „ 50 „	„ 3 „ 2 „ 25 „	„ 8 „ 4 „ 25 „	„ 2 „ 1 „ 20 „	„ 7 „ 3 „ 75 „	„ 1 „ — „ 60 „
„ 8 „ 4 „ 25 „	„ 2 „ 1 „ 20 „	„ 8 „ 5 „ — „	„ 2 „ 1 „ 50 „	„ 7 „ 4 „ 50 „	„ 1 „ — „ 65 „		
„ 7 „ 3 „ 75 „	„ 1 „ — „ 60 „	„ 7 „ 4 „ 50 „	„ 1 „ — „ 65 „				

Иногороднимъ съ пересылкой: на 12 м. 9 р., на 11—8 р. 50 к. на 10—8 р., на 9—7 р. 25 к., на 8—6 р. 50 к., на 7—5 р. 75 к., на 6—5 р., на 5—4 р. 25 к., на 4—3 р. 50 к., на 3—2 р. 75 к., на 2—2 р., на 1—75 к.

Для годовыхъ подписчиковъ допущается разсрочка: для иногороднихъ при подпискѣ 3 р., 1 апрѣля 3 р., 1 іюля 3 р., для городскихъ—2 р., 1 марта 2 р., 1 іюня 2 р. и 1 августа 1 р.

Всѣ новые годовые подписчики, подписавшіеся на 1903 г. безъ разсрочки годовой подписной платы, получаютъ газету бесплатно со дня подписки до 1-го января 1903 года.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1903 ГОДЪ

на политическо - общественную и литературную газету

ЕНИСЕЙ.

ВЫХОДИТЪ въ Красноярскѣ ТРИ РАЗА въ недѣлю.

Подписная цѣна: съ доставк. и перес. на годъ 7 р., на полг. 4 р., на четверть года 2 руб. 50 коп., на одинъ мѣсяць 1 руб.

Отдѣльный номеръ 5 коп. Перемѣна адреса 30 коп.

Городскіе подписчики, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, получаютъ бесплатно телеграммы Московскаго Телеграфнаго Агентства.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи „Енисей“, соб. домъ, Воскресенская ул.; въ Ачинскѣ въ отд. конторы при типографіи Е. Ф. Кудрявцева; въ Енисейскѣ въ аптекарскомъ магазинѣ Л. Ф. Флееръ; въ Томскѣ—въ отд. редакціи „Енисей“, Дворянская ул., и въ книжномъ магазинѣ Михайлова и Макушина; въ Петербургѣ и въ Москвѣ въ центральной конторѣ объявленной Торговаго Дома Л. и Э. Метцль и К°. Отдѣльная продажа №№ „Енисей“ производится во всѣхъ книжныхъ шкафахъ Самаро-Златоустовской и Сибирской желѣзныхъ дорогъ.

Редакторъ-издатель *Е. Кудрявцевъ.*

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

ЕЖЕГОДНИКЪ ПО ГЕОЛОГИИ И МИНЕРАЛОГИИ РОССИИ,

издаваемый под редакціей **Н. Криштафовича**

(6-й годъ изданія).

ПРОГРАММА. I. Оригинальныя статьи и замѣтки. II. Систематическіе указатели литературы. III. Систематическіе обзоры литературы. IV. Рефераты. V. Извѣстія объ экспедиціяхъ, экскурсіяхъ и пр. VI. Личныя извѣстія. VII. Разныя извѣстія. VIII. Музеи и коллекціи.

„Ежегодникъ“ печатается на русскомъ и параллельно на французскомъ или нѣмецкомъ языкахъ.

„Ежегодникъ“ выходитъ **ежемѣсячно**, исключая двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ (10 выпусковъ въ годъ, каждый выпускъ объемомъ въ 5 печатныхъ листовъ).

Подписная цѣна за годъ съ пересылкой—**6 рублей** въ Россіи, за границу—**15 марокъ** = 20 франкамъ.

Подписка принимается въ редакціи (п. Ново-Александрія, Люблинской губ.) и въ книжныхъ магазинахъ: Эггера, Суворина, Риккера, Карбасникова, Оглобина, Иогансона и во всѣхъ др.

Плата за объявленія—на всѣхъ европейскіхъ языкахъ—за одинъ разъ: за стран. (in 4⁰) 20 руб., за 1/2 стр. 10 руб., за 1/4 стр. 5 руб., за 1/8 стр. 3 руб.

Комплектъ „Ежегодника“ за предыдущіе года (44 выпуска, составляющихъ 5 томовъ) 35 руб. 50 коп., для новыхъ подписчиковъ 28 руб.

Редакторъ-Издатель **Н. І. Криштафовичъ**.

Открыта подписка на 1903 годъ . . .

на духовный ежемѣсячный журналъ

СТРАННИКЪ,

СЪ БЕСПЛАТНЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

Общедоступной Богословской Библіотеки.

Въ 1903 году подписчикамъ будутъ даны ТРИ капитальныхъ сочиненія:

а) „Православная богословская энциклопедія“ или Богословскій Энциклопедическій словарь, содержащій въ себѣ необходимыя для всякаго серьезно образованнаго человѣка свѣдѣнія по всѣмъ предметамъ богословскаго и философскаго знанія, т. IV, въ который войдутъ слова на Г, Д и Е (съ картами и иллюстраціями).

б) „Жизнь и труды свв. отцовъ и учителей церкви“, сочиненіе Фаррара (т. 2-й), въ перев. А. П. Лопухина, 2-е изд. съ иллюстраціями, и

в) „Воскресеніе Христово какъ величайшее и достовѣрнѣйшее изъ чудесъ“,—богословско-апологетическій трактатъ противъ новѣйшихъ воззрѣній на это событіе.

ЦѢНА: а) въ Россіи за журналъ „Странникъ“ съ приложеніемъ трехъ томовъ „Общедоступной Богословской Библіотеки“ **восемь (8) руб.** съ пересылкой; б) за границей **11 руб.** съ перес.

Адресоваться: въ редакцію журнала „Странникъ“ С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, д. № 182.

Городскіе Сиб. подписчики благоволятъ обращаться въ контору редакціи—Телѣжная ул., д. № 5.

Издатель проф. **А. Лопухинъ**.

Открыта подписка на 1903 г. на ежедневную газету общественной жизни, политики, литературы и торговли

ОРЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Условія подписки:

Съ доставкою на домъ въ Орлѣ и пересылкой въ другіе города: на годъ—7 руб., 11 мѣс.—6 руб. 50 коп., 10 мѣс.—6 руб., 9 мѣс.—5 руб. 50 к., 8 мѣс.—5 руб., 7 мѣс.—4 руб. 50 к., 6 мѣс.—4 руб., 5 мѣс.—3 р. 50 к., 4 мѣс.—3 р., 3 мѣс.—2 р. 40 к., 2 мѣс.—1 р. 70 к., 1 мѣс.—90 к., $\frac{1}{2}$ мѣс.—50 коп. За границу—14 руб.

Подписка съ переносомъ на слѣдующій годъ не принимается.

Для удобства подписчиковъ подписка принимается и съ разсрочкой, съ платою не менѣе какъ 1 рубль въ мѣсяцъ до выплаты всей суммы, *обязательно* при первомъ жезвностѣ дѣлать надписи въ письмѣ—въ *разсрочку*, иначе газета будетъ высылаться лишь до того срока, по который внесены деньги.

Для ознакомленія №№ газеты высылаются бесплатно.

Подписка принимается только съ 1-го и 16-го числа каждого мѣсяца.

За перемѣну адреса иногородніе уплачиваютъ 25 к., при чемъ необходимо сообщать прежній адресъ. Копейки могутъ быть высылаемы марками.

Пріемъ подписки, объявленій и розничная продажа газеты производится:

Въ Орлѣ — въ конторѣ „Орловскаго Вѣстника“, Зинovieвская улица, д. № 2, и въ отдѣленіи ея—Московская ул., аптека. магазинъ Полякъ.

ВЪ ОТДѢЛЕНІЯХЪ КОНТОРЫ:

Въ Ельцѣ—Успенская ул., д. бывшій Володина, Д. С. Подчицаевъ.

Въ Брянскѣ—Авиловская ул., домъ Сурнина, А. К. Федоровъ.

Редакторъ-издатель А. И. Аристовъ.

X-й годъ изданія.

Открыта подписка на 1903 годъ на ежедневную общедоступную газету

„СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ“,

издающуюся въ Томскѣ.

Въ видахъ расширенія въ газетѣ беллетристическаго отдѣла, редакція предполагаетъ предпринять по воскреснымъ днямъ выпускъ особыхъ литературныхъ прибавленій.

Кромѣ лицъ, принимавшихъ постоянное участіе въ газетѣ, въ числѣ другихъ лицъ, любезно обѣщали продолжить свое сотрудничество и въ будущемъ году нѣкоторые профессора томскаго университета.

П О Д П И С Н А Я Ц Ъ Н А :

	Годъ.	9 мѣс.	6 мѣс.	1 мѣс.
Съ доставкой въ Томскѣ.	4 р.	3 р. 30 к.	2 р. 30 к.	40 к.
Съ перес. въ другіе города	5 „	4 „ — „	3 „ — „	50 „
Съ пересылкой за границу	9 „	7 „ — „	5 „ — „	1 р.

За печатаніе въ „Сибирской Жизни“ объявленій взимается плата: впереди текста за строку петита—20 коп., позади текста—10 коп. За разсылку объявленій при газетѣ въсѣмъ не болѣе лота—7 руб. за 1000 экземпляровъ.

Подписка и объявленія принимаются: въ книжныхъ магазинахъ и типо-литографіяхъ П. И. Макушина въ Томскѣ и Иркутскѣ.

Иногородніе требованія свои адресуютъ: въ г. Томскѣ, въ контору редакціи газеты „Сибирская Жизнь“.

Издатель П. Макушинъ.

Редакторы: П. Макушинъ.
А. Макушинъ.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

Казанскаго Университета

на 1903 годъ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученые изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованныя факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библиографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертациі, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студенческія работы, представляемыя въ Россіи и за границей въ книгахъ и сочиненіяхъ по всемъ отраслямъ знанія; библиографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обзорнѣю коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обзорнѣя преподаванія, распределенія лекцій, актовъ отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всеми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 рублю. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ **Ө. Мищенко.**

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ

НА СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. И. КОСТОМАРОВА,

издаваемое Обществомъ для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ (Литературнымъ фондомъ).

Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ (Литературный фондъ), приступая, по соглашенію съ Ал. Л. Костомаровой, къ изданію **Собранія сочиненій Н. И. Костомарова**, объявляетъ, что въ предпринимаемое нынѣ изданіе войдутъ историческія монографіи и изслѣдованія покойнаго историка, въ числѣ 21 тома. Монографіи эти будутъ сгруппированы въ 8 книгъ, въ общемъ объемѣ около 375 печатныхъ листовъ. Цѣна на это изданіе по подпискѣ назначается, безъ пересылки 20 руб., уплачиваемыхъ въ такомъ порядкѣ: при подпискѣ вносится 4 рубля и подписчику выдается билетъ на получение всѣхъ 8 книгъ; затѣмъ уплачивается по 3 р. при выдачѣ I и II книгъ; по 2 рубля при выдачѣ III, IV, V, VI и VII книгъ, а VIII книга будетъ выдана бесплатно подписавшимся на изданіе лицамъ.

По выходѣ въ свѣтъ всего изданія, которое предположено окончить не позже, какъ черезъ два года (къ маю 1905 года), цѣна будетъ повышена, а именно: за всѣ восемь книгъ 25 руб. и при покупкѣ отдѣльными книгами: 1-я и 7-я книги по 3 руб. 50 к., 2-я, 4-я, 5-я и 6-я книги по 4 рубля, 3-я книга 2 р. 50 к. и 8-я 4 р. 50 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ книжномъ складѣ типографіи М. М. Стасюлевича, въ С.-Петербургѣ, В. О., 5 линія, домъ № 28. Плата за пересылку взимается, по почтовой стоимости, при доставкѣ книгъ.

Вышелъ VIII-й выпускъ

СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

Артура Шопенгауэра

ВЪ ПЕРЕВОДѢ

Ю. И. АЙХЕНВАЛЬДА.

Всѣхъ выпусковъ будетъ 16, и составятъ они 4 тома. II-й томъ будетъ законченъ 9-ымъ выпускомъ, который выйдетъ въ самомъ непродолжительномъ времени.

Подписная цѣна на всѣ четыре тома 8 руб. безъ доставки въ Москвѣ, съ доставкой и пересылкой 10 руб. Допускается разсрочка при подпискѣ въ складъ изданія: Москва, Большая Дмитровка, домъ Бахрушиныхъ, книжный складъ Д. П. Ефимова.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1903 годъ

на ежемѣсячный иллюстрированный журналъ для дѣтей старшаго возраста

ДѢТСКІЙ ОТДЫХЪ

(изданіе Е. В. Поповой и Н. А. Попова).

23-Й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Журналъ допущенъ въ ученическія бібліотеки всѣхъ низшихъ училищъ, въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки и въ библ. средн. учебн. завед.

Въ 1903 г., кромѣ 12 иллюстрированныхъ книжекъ журнала, всѣмъ годовымъ подписчикамъ будутъ разосланы:

1) Атласъ картинъ по русской исторіи,

выпускъ первый, заключающій въ себѣ слѣдующіе картины: *Торговля у восточныхъ славянъ, Волжвы, Судъ въ эпоху Русской Правды, Татары идутъ, Дворъ удѣльнаго князя, Вѣче, На сторожевой границѣ Московскаго государства, Въ приказной избѣ; Сеозъ крестьянъ; Боярская Дума.* Объяснительный текстъ къ картинамъ подъ заглавіемъ: „Изъ прошлаго Русской земли“, составляющій отдѣльный выпускъ изданія „**БИБЛОТЕНА НАШИХЪ ДѢТЕЙ**“, составленъ *С. Клязковымъ.*

2) „БИБЛОТЕКА НАШИХЪ ДѢТЕЙ“

иллюстрированное собраніе произведеній русскихъ и иностранныхъ писателей, доступныхъ для дѣтей и юношества. Въ 1903 г. будутъ даны четыре томика, заключающіе въ себѣ между прочимъ: 1) сочиненіе Боля „Происхожденіе земли“, лекціи, читанныя авторомъ дѣтямъ на Рождествѣ 1900 года въ Лондонскомъ Королевскомъ Институтѣ. 2) Повѣсть Альфонса Додэ „Малышъ“.

Цѣна на годъ съ доставкой и пересылкой 6 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и главной конторѣ журнала: С.-Петербургъ, Загородный проспектъ, 28.

Открыта подписка на 1903 годъ на

МОРЕ И ЕГО ЖИЗНЬ.

Ежемѣсячный научно-литературный журналъ, съ иллюстраціями.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ВТОРОЙ.

Подписная цѣна за годъ: внутри Имперіи 12 рублей, за границу 15 р. съ доставкой и пересылкой. Допускается разсрочка.

Подписна принимается у редактора-издателя журнала: С.-Петербургъ, 4-я линія, 17 и черезъ посредство книжныхъ магазиновъ.

Редакторъ-издатель капитанъ 2-го ранга Н. Н. Беклемишевъ.

Открыта подписка на 1903 годъ на
 XXVII. еженедѣльные иллюстрированные журналы XXVII.

ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО.

I. Для дѣтей младшаго возраста (5—9 лѣтъ). Въ 1903 году каждый подписчикъ журнала „Задушевное Слово для дѣтей младшаго возраста“ получить съ доставкой и пересылкой **52 №№** интереснаго, богато-иллюстрированнаго журнала, изъ которыхъ каждый будетъ состоять изъ 16 страницъ, что составитъ въ годъ болѣе **800** стр. текста крупнымъ, четкимъ шрифтомъ, съ рисунками. Кромѣ того, по примѣру прежнихъ лѣтъ, при журналѣ будетъ выдано бесплатно **7** премій, въ число которыхъ войдутъ: большая картина художника Александра Вагнера, „Съ днемъ ангела“, для украшенія дѣтской комнаты, великолѣпно исполненная въ 24 краски. **6** книжечекъ „Новой библиотечки Задушевнаго Слова“.

II. Для дѣтей старшаго возраста (9—14 лѣтъ). Въ 1903 году каждый подписчикъ журнала „Задушевное Слово для дѣтей старшаго возраста“ получить съ доставкой и пересылкой: **52 №№** интереснаго, богато иллюстрированнаго журнала, по 16 страницъ въ каждомъ номерѣ, или въ годъ болѣе **800** стр. Въ журналѣ будетъ помѣщенъ рядъ интересныхъ романовъ, повѣстей, рассказовъ, описаній путешествій, стихотвореній и т. д. для дѣтей 9—14-лѣтнаго возраста. Кромѣ того по примѣру прежнихъ лѣтъ, будетъ выдано бесплатно **7** премій.

Сверхъ всѣхъ перечисленныхъ изданій, подписчикамъ каждаго изданія будутъ высылаться бесплатно въ течение года два журнала для родителей и воспитателей: „Педагогическій Листокъ“ въ видѣ нѣсколькихъ отдѣльныхъ книжекъ и „Дѣтскія Моды“ съ рисунками новѣйшихъ дѣтскихъ платьевъ, работъ, практическими совѣтами и т. д.

✂ Подписной годъ считается съ 1-го ноября 1902 г. ✂

Подписная цѣна на каждый журналъ съ доставкой и пересылкой **6** рублей. Допускается разсрочка платежа по 2 рубля: при подпискѣ, къ 1 февраля и къ 1 мая. При подпискѣ, во избѣжаніе ошибокъ, покорнѣйше просить обозначать, для какого возраста слѣдуетъ высылать журналъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ книжв. магаз. Т-ва М. О. Вольфъ, С.-Петербургъ, Гостин. Дворъ, № 18, и Москва, Кузнецкій Мостъ, д. Джамгаровыхъ.

Принимается подписка на ежемѣсячный журналъ

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ЗДОРОВЬЕ.

(Вѣстникъ профессиональной гигиены, фабричнаго и санитарнаго законодательства).

Задача журнала—разработка вопросовъ по улучшенію условій труда въ санитарномъ, экономическомъ и техническомъ отношеніи. Журналъ будетъ выходить съ 1-го октября 1902 г. книгами отъ 8 печатн. листовъ и болѣе (съ чертежами и рисунками) ежемѣсячно, за исключеніемъ трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ (іюнь, іюль и августъ). Плата съ доставкой и пересылкою **6** руб. въ годъ, **3** руб. **50** коп. за полгода и **2** руб. на три мѣсяца.

Подписная цѣна на 15 мѣсяцевъ съ 1-го октября 1902 г. по 1-е января 1904 г. за 12 книгъ восемь рублей. Приемъ подписки и объявленій (за одну страницу 30 р., полстраницы 15 р. и т. д. въ томъ же расчетѣ) производится во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и въ главной конторѣ журнала
 Спб., Прачешный пер., д. № 6. Издательское дѣло Бронгаузъ-Ефронъ. Адресъ редакціи: Кузнечный пер., д. 22, кв. 5. Редакторъ-издатель А. В. Погосевъ.

Открыта подписка на 1903 годъ

на дѣтскій иллюстрированный журналъ

ИГРУШЕЧКА ДЛЯ МЛАДШАГО ВОЗРАСТА.

Журналъ „Игрушечка“ допущенъ Ученымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и Комитетомъ Собственной Е. И. В. Канцеларія по учрежденіямъ Императрицы МАРИИ къ приобрѣтенію въ библіотеки.

„Игрушечка“ вступая въ двадцать четвертый годъ изданія, будетъ выходить по прежней программѣ.

Въ „Игрушечкѣ“ помѣщаются статьи научнаго содержанія изъ жизни природы, историческіе очерки, біографіи, путешествія, повѣсти и рассказы оригинальные и переводные, стихотворенія, сказки, описаніе ремесль, рассказы на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ съ русскимъ переводомъ. Редакція журнала „Игрушечка“ съ 1897 года даетъ своимъ подписчикамъ въ видѣ бесплатнаго приложенія шесть иллюстрированныхъ томиковъ, подъ общимъ названіемъ „Библіотечка Игрушечка“.

При журналѣ „Игрушечка“ существуетъ ДВА особыхъ отдѣла:

1) Годъ XIV. **ДЛЯ МАЛЮТОКЪ.** (До 8-ми лѣтняго возраста).

Статьи этого отдѣла печатаются крупнымъ шрифтомъ, со многими рисунками. Особой подписки на отдѣлъ „Для малютокъ“ нѣтъ.

Подписчики „Игрушечки“ съ отдѣломъ „Для малютокъ“, кромѣ шести книжечекъ, получаютъ еще отдѣльную премию, приравленную къ этому возрасту.

2) **НА ПОМОЩЬ МАТЕРЯМЪ.**

(Годъ изданія X). (Выходитъ 9 разъ въ годъ). Цѣна отдѣльно 3 р.

Педагогическое изданіе, посвященное вопросамъ воспитанія дѣтей и самообразованія матерей.

Педагогическое изданіе „На помощь матерямъ“ допущено особымъ отдѣломъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки.

Вступая въ 10-й годъ изданія, редакція „НА ПОМОЩЬ МАТЕРЯМЪ“ будетъ пользоваться сотрудничествомъ тѣхъ же лицъ, которыя въ теченіе девяти лѣтъ, помогая редакціи своимъ участіемъ, способствовали успѣху этого изданія. Главная задача—помочь женщинамъ-матери, въ особенности непредътой, разобраться въ тѣхъ коренныхъ вопросахъ, которые ей ежедневно предъявляетъ жизнь.

Годовая подписная цѣна: съ дост. и перес. въ Россіи:

„Игрушечка“ съ шестью томиками „Библіотечка - Игрушечка“ — 3 р., „Игрушечка“ съ отдѣломъ „Для малютокъ“ и двумя преміями — 5 р., „Игрушечка“ съ педагогическимъ изданіемъ „На помощь матерямъ“ — 5 р., „Игрушечка“ съ отдѣломъ „Для малютокъ“, 2-мя преміями и педагогическимъ изданіемъ „На помощь матерямъ“ — 7 р., „На помощь матерямъ“ отдѣльно — 3 руб. За границу на 2 руб. дороже.

Адресъ: **С.-Петербургъ, Гончарная, д. 10.** Телефонъ № 5014.

Редакторъ-издательница *А. Н. Пышкова-Толмъцова.*

Открыта подписка на 1903 годъ

НА БОЛЬШУЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

СЪВЕРО-ЗАПАДНЫЙ КРАЙ,

выходящую въ губ. гор. Минскѣ подъ редакціей М. П. Мысавского.

Идя навстрѣчу нуждамъ и требованіямъ быстро возрастающаго населенія Съверо-Западнаго края. Редакція при увеличенномъ составѣ постоянныхъ сотрудниковъ и корреспондентовъ, значительно расширила всѣ отдѣлы газеты.

Подписная цѣна съ доставкою и пересылкою:

за 12 м.—5 р., 11 м.—4 р. 70 к., 10 м.—4 р. 30 к., 9 м.—4 р., 8 м.—3 р. 70 к., 7 м.—3 р. 40 к., 6 м.—3 р., 5 м.—2 р. 60 к., 4 м.—2 р. 20 к., 3 м.—1 р. 70 к., 2 м.—1 р. 20 к., 1 м.—75 к.

За пересылку за границу доплачивается по 60 к. за каждый мѣсяцъ. За перемѣну адреса 40 к. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка платежа.

Подписка и объявленія принимаются въ конторѣ редакціи: Минскъ губ. (Юрьевская, д. г-жи Гартингъ), во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и въ типо-литогр. „И. и В. Тасманъ“, въ Минскѣ (Телефонъ № 111).

Лица, подписавшіяся на 1903 годъ въ теченіе ноября и декабря, получаютъ газету со дня подписки до новаго года бесплатно.

Открыта подписка на 1903 г.

ВСѢМЪ кто хочетъ слѣдить за многообразными проявленіями русской жизни и желаетъ знать своевременно всѣ русскія новости, но, за недостаткомъ времени, не имѣетъ возможности читать ежедневныя газеты, можно рекомендовать подписаться на

ЖИВОПИСНУЮ РОССІЮ,

иллюстрированный еженедѣльный вѣстникъ отчизновѣдѣнія, исторіи, культуры, государственной, общественной и экономической жизни Россіи издаваемый Товариществомъ М. О. Вольфъ, подъ редакціей П. М. Ольхина, дѣйствительнаго члена Императорскаго Географическаго Общества.

Подписная цѣна „Живописной Россіи“ совмѣстно съ двухнедѣльнымъ иллюстрированнымъ журналомъ „Новый Миръ“, на велевеной бумагѣ, бесплатными къ нему приложеніями: 24 №№ „Мозаики“, 12 кн. „Литературныхъ Вечеровъ“, 24 №№ „Всемирной Лѣтописи“, двѣнадцать изящно перепл. книг. „Библиотеки Русскихъ и Иностранныхъ Писателей“, въ составъ которыхъ въ 1903 г. входятъ: 6 том. сочин. Д. И. Стахѣва и 6 том. сочин. С. Смайлса, и два рускошныя художественныя изданія-альбомами: „гр. Л. Н. Толстой“ и „Русскій музей Импер. Александра III“, съ дост. и перес.: въ Россіи 14 р., за границу 24 р. Желающіе получить „Новый Миръ“ на слоновой бумагѣ (вм. велевеной) уплачиваютъ за всѣ названныя изданія, съ дост. и перес.: въ Россіи, вм. 14 р.—18 р., за границу, вм. 24 р.—28 р. Разсрочка платежа допускается отъ 2 р. при подпискѣ и ежемѣс. не менѣе 1 р., съ тѣмъ, чтобы вся подсная сумма была уплачена полностью не позже 10 декабря 1903 г. Отдѣльные №№ „Живописной Россіи“ продаются по 15 к., съ перес. по 20 к. (можно почт. марк.).

Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ Товарищества М. О. Вольфъ: С.-Петербургъ, Гостиный Дворъ, 18, и Москва, Кузнецкій Мостъ, 12, а также во всѣхъ прочихъ столичныхъ и провинціальныхъ книжныхъ магазинахъ.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Вас. Остр., 16 л., д. 5—7.

Открыта подписка на 1903 годъ

на журналъ для педагогическаго и общедоступнаго самообразованія воспитателей и начальныхъ учителей

Педагогическій Листокъ.

Тридцать пятый годъ изданія.

Министерствомъ Нар. Просв. разрѣшенъ для учительскихъ библиотекъ и бесплатныхъ народныхъ читаленъ.

8 книжекъ въ годъ—2 рубля.

Журналъ выходитъ книжками около 6 листовъ.

Въ составъ книжекъ журнала входятъ статьи по домашнему воспитанію, элементарному обученію и народному образованію; періодическій указатель дѣтской и учебной литературы; разборъ новыхъ книгъ для дѣтей и педагогическихъ изданій.

Въ журналъ принимаютъ участіе:

Анофріевъ В. И., Вагнеръ Н. П., Вагнеръ В. А., Глинскій Б. Б., Гольцевъ В. А., Елпатъевскій, С. Я., Ельницкій К., Ермиловъ В. Е., Зенченко С. В., Ивановъ И. И., Коропчевскій Д. А., Лавровъ В. М., Ладыженскій В. Н., Николаева М. К., Оболенскій Л. Е., Приоровъ М. К., Рубакинъ Н. А., Скабичевскій А. М., Слѣпцова М. Н., Слѣпцовъ А. А., Святловскій Е. В., Тихомирова Е. Н., Тихомировъ Д. И., Эварницкій Д. И. и друг.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Безъ доставки на годъ	1 р. 75 к.
Съ доставкой и пересылкой на годъ	2 " — "
Съ доставкой и пересылкой на $\frac{1}{2}$ года	1 " — "

Плата за объявленія въ журналъ: за страницу 20 руб., за полстраницы 10 руб.

Подписка принимается въ редакціи: Москва, Большая Молчановка, домъ № 24 (телефонъ № 298), и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Книгопродавцы пользуются уступкой 5% съ подписной цѣны.

Издательница Е. Н. Тихомирова.

Редакторъ Д. И. Тихомировъ.

Тридцать первый годъ изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1903 годъ

на иллюстрированный журналъ

„ПРИРОДА и ОХОТА“

и

„ОХОТНИЧЬЯ ГАЗЕТА“.

ПРЕМІЯ
1903 года: **Новѣйшій законъ объ охотѣ.**

Къ книгѣ будутъ приложены: 1) Альбомъ охотничьихъ звѣрей и птицъ, съ раздѣленіемъ ихъ на вредныхъ, полезныхъ и безразличныхъ, какъ устанавливается это въ законѣ для всей Имперіи. 2) Альбомъ лѣвчихъ и насѣкомоядныхъ птицъ, безусловно охраняемыхъ. 3) Карты распространенія въ Европѣ и Азіатской Россіи главнѣйшихъ животныхъ. 4) Карта районовъ, признанныхъ закономъ промысловыми охотничьими районами. 5) Формы значковъ и таблицы сроковъ охоты въ краскахъ.

Премія: **„Звѣри Россіи“**—

обширный трудъ въ нѣсколько томовъ, со множествомъ фотографій съ дикихъ звѣрей и художественныхъ рисунковъ профессора звѣрописи А. С. Степанова и художника К. С. Высотскаго, п съ

„Альбомомъ звѣрей Россіи и охотъ на нихъ“,

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на журн. „Природа и Охота“ и „Охотничья Газ.“:

на годъ съ перес. . . **15 р.** | на полгода **7 р. 50 к.** | за границу **20 р.**
и доставк. . .

Адресъ: **Москва, Пречистенка, д. Станицкой.**

Редакторъ-издатель Н. В. Туркинъ.

Изданіе К. Л. РИККЕРА, въ С.-Петербургѣ, Невскій пр., 14.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1903 годъ.

(Восьмой годъ изданія).

ОБОЗРѢНІЕ ПСИХІАТРИИ, НЕВРОЛОГИИ

и

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ.

Ежемесячный журналъ, издаваемый подъ редакцію академика В. М. Бехтерева, директора клиники душевныхъ и нервныхъ болѣзней въ С.-Петербургѣ.

Подписка принимается въ Петербургѣ въ книжномъ магазинѣ РИККЕРА Невскій, 14, и въ другихъ городахъ у всѣхъ пзвѣстныхъ книгопродавцевъ. Цѣна за годовое изданіе, какъ съ пересылкой въ другіе города, такъ и съ доставкой въ Петербургъ—9 руб., на полгода—4 руб. 50 коп., на 3 мѣсяца—2 руб. 25 коп. Экземпляры „Обозрѣнія“ за 1896, 1897, 1898, 1899, 1900, 1901 и 1902 года можно приобрѣтать у издателя по 9 рублей за годъ.

Открыта подписка на 1903 г. (XXII годъ изданія)

на ежемѣсячный иллюстрированный литературный и научно-популярный журналъ для семьи и школы

РОДНИКЪ.

„Родникъ“ издается въ Петербургѣ съ 1882 года подъ одною и тою же редакціею. Годовое изданіе состоитъ изъ 12 книгъ разнообразнаго содержанія. „Родникъ“ одобренъ и допущенъ для всѣхъ учебныхъ заведеній. Обращено особенное вниманіе на внѣшность изданія. Помимо многочисленныхъ рисунковъ, иллюстрирующихъ текстъ, помѣщаются отдѣльныя картинки въ краскахъ и снимки съ произведеній извѣстныхъ художниковъ русскихъ и иностранныхъ. Вмѣстѣ съ „Родникомъ“ издается ежемѣсячный педагогическій листокъ:

Воспитаніе и Обученіе,

посвященный вопросамъ семейнаго воспитанія, домашняго обученія и дѣтскаго чтенія. „Воспитаніе и Обученіе“ выходитъ выпусками большого формата въ 32—64 столбца убористой печати.

Условія подписки прежнія: На годъ съ дост. и перес. за 12 книгъ „Родника“ **5 руб.** На годъ съ дост. и перес. за 12 книгъ „Родника“ и 12 №№ „Воспитаніе и Обученіе“ **6 руб.** За границу **8 руб.** Отдѣльно за 12 №№ педагогическаго листка „Воспитаніе и Обученіе“ — 2 рубля. Допускается еще подписка: на 1/2 года—3 р. и 2 р. 50 к. съ дост. и перес. и на 1/4 года — 1 р. 50 к. и 1 р. 25 коп.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ: С.-Петербургъ, Захарьевская, 1. **Адресъ конторы:** С.-Петербургъ, Невскій просп., 90—92.

Для желающихъ ознакомиться болѣе подробно съ программой „Родника“ и его внѣшнимъ видомъ высылаются по требованію: 1) бесплатно — подробное иллюстрированное объявленіе и 2) за три семикопеечныя марки—одна книжка журнала.

Редакторъ-издатель **Алексѣй Альмедингенъ.**

Дешевый русскій ежемѣсячный иллюстрированный журналъ

книжныхъ магазиновъ товарищества М. О. Вольфъ

Извѣстія по литературѣ, наукамъ и библіографіи,

который, кромѣ массы текущихъ свѣдѣній, справочнаго матеріала, списковъ и каталоговъ новыхъ книгъ, русскихъ и иностранныхъ и т. п., помѣщаетъ статьи и изслѣдованія по исторіи литературы, критикѣ, библіотекосвѣдѣнію и проч. и проч., съ многочисленными иллюстраціями.

Подписная цѣна на годъ 1 руб., на веленовой бумагѣ 2 руб.

Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ Товарищества М. О. Вольфъ: Спб., Гостиный Дворъ, 18, и Москва, Кузнецкій Мостъ, 12.

Комиссія по організації домашняго чтенія, состоящая при Учебномъ Отдѣлѣ Общества Распространенія Техническихъ Знаній.

Удостоена серебряной медали на Всемирной выставкѣ,
въ Парижѣ 1900 года.

Программы домашняго чтенія на 1-й годъ систематическаго курса. Изданіе шестое, исправленное и дополненное. М. 1903 г.

Содержаніе.

I. Математика: 1) курсъ общеобразовательный (аналитическая геометрія), 2) курсъ спеціальный (элементарная математика).

II. Науки физико-химическія: 1) физика (механическій отдѣлъ, ученіе о теплотѣ, звукѣ и свѣтѣ), 2) химія (введеніе и неорганическая химія).

III. Науки биологическія (введеніе).

IV. Науки философскія: Программа первая (психологія и логика). Программа вторая (логика).

V. Науки общественно-юридическія: политическая экономія.

VI. Исторія: 1) первобытная культура, 2) древній Востокъ, 3) Греція, 4) Римъ.

VII. Исторія литературы: 1) греческой, 2) римской.

Отдѣльныя темы.

Списокъ книжныхъ магазиновъ и библиотекъ, вошедшихъ въ соглашеніе съ Комиссіей относительно снабженія читателей Комиссіи книгами.

Цѣна 35 к., съ пересылкой—48 к., наложеннымъ платежомъ—65 к.

Программы домашняго чтенія на 2-й годъ систематическаго курса. Изданіе второе, исправленное и дополненное. М. 1899 г.

Содержаніе.

I. Математика: 1) курсъ общеобразовательный (дифференціальное и интегральное счисленіе), 2) курсъ спеціальный (аналитическая геометрія).

II. Науки физико-химическія: 1) физика (ученіе объ электричествѣ и магнетизмѣ), 2) химія органическая, химія теоретическая и физическая.

III. Науки биологическія: 1) анатомія растений, 2) споровыя растенія, 3) сравнительная анатомія животныхъ, 4) гистологія и эмбриологія животныхъ.

IV. Науки философскія: Программа первая (исторія философіи). Программа вторая (психологія съ педагогикой).

V. Науки общественно-юридическія: 1) общее ученіе о правѣ, 2) государственное право (общее западныхъ державъ и русское), 3) экономическая исторія Англій.

VI. Исторія: 1) всеобщая (средніе вѣка), 2) русская до Смутнаго времени.

VII. Исторія литературы: 1) всеобщая литература (средніе вѣка и эпоха Возрожденія), 2) русская литература (до XVII вѣка).

Программа чтенія по этнографіи (инородческое населеніе Россіи).

Отдѣльныя темы по биологическимъ наукамъ: 1) наблюденіе надъ птицами, 2) наблюденіе надъ крупными бабочками.

Цѣна 45 к., съ пересылкой—63 к., наложеннымъ платежомъ—80 к.

Программы домашнего чтения на 3-й год систематического курса, издание второе, исправленное и дополненное, М. 1901 г.

Содержание:

I. Математика: специальный курс (исчисление бесконечно малых).

II. Науки физико-химические: 1) астрономия, 2) метеорология и климатология.

III. Науки биологические: 1) общая философия, 2) физиология растений, 3) физиология животных.

IV. Науки философские: Программа первая (теория познания и метафизика). Программа вторая (история древней и средневековой философии).

V. Науки общественно-юридические: 1) экономическая история России, 2) экономика сельского хозяйства, 3) экономика промышленности, 4) экономика торговли, 5) гражданское право, 6) уголовное право.

VI. История: 1) всеобщая история XVI, XVII и XVIII вв. Программа А) более сложная. Программа В (элементарная). 2) русская ист. XVII и XVIII вв.

VII. История литературы: 1) всеобщая литература (испанская драма XVII и XVIII вв.; английская литература XVII и XVIII вв.; итальянская литература XVII и XVIII вв.; век ложного классицизма во Франции; французская литература XVII и XVIII в.); 2) русская литература XVIII в.

Программа чтения по этнографии.

Отдельные темы по общественно-юридическим наукам.

Список книжных магазинов и библиотек, вошедших в соглашение с Комиссией относительно снабжения читателей Комиссии книгами.

Цена 50 к., с пересылкой—68 к., наложенным платежом—85 к.

Программы домашнего чтения на 4-й год систематического курса. Издание первое. Москва, 1900 г.

Содержание:

I. Математика; курс специальный (механика).

II. Науки физико-химические: динамическая геология.

III. Науки биологические: 1) палеонтология, 2) биогеография, 3) теория эволюции.

IV. Науки философские: Программа первая (этика). Программа вторая (история философии).

V. Науки общественно-юридические: 1) международное право, 2) социальная политика: а) рабочий вопрос, б) призрение бедных; 3) финансовая наука.

VI. История: 1) всеобщая история XIX в. Программа А (более сложная). Программа В (элементарная); 2) русская история XIX в.

VII. История литературы: 1) всеобщая литература (германская литература XIX в., французская литература XIX в., английская литература XIX века); 2) русская литература XIX в.

Программа чтения по этнографии.

Цена 60 к., с пересылкой—87 к., наложенным платежом—97 к.

В начале программы на каждый год помещены: Предисловие, правила для сношений читателей с Комиссией, состав Комиссии и список пожертвованных в ее пользу, план систематического чтения на четыре года.

Склад изданий в канцелярии Комиссии по организации домашнего чтения: Москва, Никитская, д. Рихтера, кв. № 3.

Изданія годъ шестой.

О Т К Р Ы Т А П О Д П И С К А

НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫИ ЖУРНАЛЪ

ШАХМАТНОЕ ОБОЗРѢНІЕ,

посвященный играмъ въ шахматы и шашки,

1903 года.

—◆ При участіи М. И. Чигорина. ◆—

Годовые подписчики получаютъ бесплатно приложение:

СБОРНИКЪ ПАРТІЙ

**ТРЕХЪ ПЕРВЫХЪ ВСЕРОССИЙСКИХЪ
ШАХМАТНЫХЪ ТУРНИРОВЪ**

съ полными отчетами о турнирахъ, группами участниковъ, видами Москвы и Кіева и т. д. Партіи съ диаграммами и подробными примѣчаніями нашихъ лучшихъ аналитиковъ.

Подписная цѣна (съ пересылкой и доставкой): за годъ—7 руб. (за границу 8 руб.), за полгода—4 руб., отдѣльная книжка—75 коп. Роскошное издание на веленовой бумагѣ—12 руб.

Допускается **разсрочка платежа**: 2 руб. при подпискѣ, 2 руб. къ 1 марта и 3 руб. къ 15 іюля. По соглашенію (личному или письменному) съ редакціей допускаются и **болѣе льготныя** условія разсрочки.

Адресъ редакціи: Москва, 1-я Мѣщанская, д. Морозовой.

Подробная программа и пробный № высылаются бесплатно.

Редакторъ-издатель П. П. Бобровъ.

„СЛАВЯНСКІЙ ВѢКЪ“.

III-й г. изд. (Съ 1-го іюля 1902—1-е іюля 1903). III-й г. изд.

Всеславянскій органъ, выходящій два раза въ мѣсяцъ въ Вѣнѣ.

Редакторъ-издатель д-ръ философіи Д. Н. Вергунъ.

Редакція: Wien, VIII Bennogasse № 22. D-r Dmitri Wergun.

Въ Россіи подписка принимается: 1) у предсѣдателя Славянскаго Общества А. И. Черепъ-Спиридовича (Москва, Кузнецкій мостъ, пас. Дзамгаровыхъ). 2) Въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“: въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Одессѣ, Харьковѣ, Саратовѣ. 3) Въ книжныхъ магазинахъ Югансона въ Кіевѣ и Харьковѣ. 4) У Дубровина въ Казани. 5) У Юнка и Поліевскаго въ Ригѣ.

Цѣна 6 рублей.

Открыта подписка на 1903 г. (Третій годъ изданія) на ежедневную газету

ПЕРМСКІЙ КРАЙ.

Газета издается въ г. Перми и выходитъ ежедневно, за исключеніемъ дней послѣ-праздничныхъ: въ эти послѣдніе дни подписчикамъ рассылаются телеграммы „Россійскаго Телеграфнаго Агентства“.

Газета издается при прежнемъ составѣ сотрудниковъ. Постоянные корреспонденты имѣются во всѣхъ городахъ, многихъ селахъ и заводахъ Пермской и Вятской губ., въ гг. С.-Петербургѣ, Москвѣ, Казани, Нижнемъ-Новгородѣ, Оренбургѣ, Самарѣ, Тюмени, Уфѣ, Харбинѣ, Чистополѣ, Ярославлѣ, Яренскѣ и др., а также въ Парижѣ, Берлинѣ и Нью-Йоркѣ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ 6 руб., 11 мѣс.—5 р. 50 к., 10 м.—5 р., 9 м.—4 р. 50 к., 8 м.—4 р., 7 м.—3 р. 50 к., 6 м.—3 р., 5 м.—2 р. 50 к., 4 м.—2 р., 3 м.—1 р. 70 к., 2 м.—1 р. 20 к., 1 м.—60 к. Допускается разрѣзка на льготныхъ условіяхъ. Подписываться можно на всѣ сроки, но не иначе какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

Учителямъ народн. училищъ, церк.-приходск. школъ и законоучителямъ этихъ училищъ, при годовой подпискѣ на газету, предлагается скидка 20%.

Плата за объявленія и публикаціи: впереди текста—15 коп., послѣ текста—5 к. за строку. За годовыя, полугодовыя и многократныя объявленія значительная скидка по соглашенію.

Редакторъ-издатель *С. А. Басовъ.*

Лица, подписавшіяся на годъ и внесшія полностью годовую подписную плату, будутъ получать газету съ 1-го ноября БЕЗПЛАТНО.

Подписка на газету принимается въ Перми: въ конторѣ редакціи (Пермская ул., д. № 59), въ магазинахъ О. П. Петровской, А. В. Синакевичъ и А. И. Гашева („Букинистъ“) и въ книжномъ складѣ губернскаго земства.

Въ 1903 году будетъ продолжаться (27-й годъ) изданіе журнала

Извѣстія Московской Городской Думы.

Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ книжками отъ 10 до 15 печ. листовъ и раздѣляется на два отдѣла, по 12 номеровъ въ каждомъ: отдѣлъ общій, посвященный разработкѣ вопросовъ городской жизни въ Россіи и за границей и отдѣлъ официально-справочный. Цѣна журнала съ пересылкой во всѣ города Россіи:

	Отд. общій.	Отд. офшц.-справ.	Оба отдѣла.
За 12 мѣяцевъ	4 р. 40 к.	4 р. 40 к.	8 р. — к.
„ 6 „	2 „ 20	2 „ 20	4 „ —
„ 3 „	1 „ 20	1 „ 20	2 „ —
„ 1 „	— „ 40	— „ 40	— „ 80

Въ 1902 г. въ общемъ отдѣлѣ между прочими статьями были помѣщены: Участие квартирантателей въ городск. самоуправленіи. Новыя теченія въ благотворительности Бельгіи. Улучшеніе быта городскаго населенія на Западѣ. Жилищный вопросъ на Западѣ. Жилища бѣднѣйшаго населенія Москвы. Дешевыя жилища — въ Англіи, Франціи, Бельгіи, Италіи, Швейцаріи. Страхование рабочихъ. Заботы муницип. учреждений о своихъ служащихъ и рабочихъ въ Англіи, Франціи и Германіи. Народныя школы въ Америкѣ. Техническое образованіе въ Англіи. Городскія читальни въ Германіи. Библіотеки въ Москвѣ. Городская жизнь и хозяйство въ Англіи, Франціи и Германіи. Муниципализація общественныхъ службъ и предприятий. Семейное призрѣніе душевно больныхъ. Устраненіе и сжиганіе городскихъ отбросовъ. Газовая промышленность въ Россіи. Ежемѣсячныя хроники Московскаго и другихъ городскихъ управленій въ Россіи. Хроники иностранной городской жизни. Вопросы городской жизни въ текущей литературѣ и др.

Подписка принимается: Москва, Городская Управа, Воскресенская площадь, зданіе Думы.

Открыта подписка на 1903 годъ (годъ 3-й) на ежедневную газету

ЯЛТИНСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Подписная цѣна: съ доставкой и пересылкой на годъ—3 р., на полгода—2 р. и на 1 мѣсяцъ—50 коп. **За объявленія** взимается: за строку пята передъ текстомъ—10 коп. и позади текста—5 коп.

Кромѣ того, редакцію отведено въ газетѣ особое мѣсто для помѣщенія на льготныхъ условіяхъ въ специальныхъ отдѣлахъ ежедневныхъ объявленій о сдающихся въ наемъ квартирахъ и меблированныхъ комнатахъ въ Ялтѣ и окрестностяхъ, о торговыхъ и промышленныхъ заведеніяхъ г. Ялты, о лицахъ, ищущихъ мѣстъ и занятій, п. т. п. За объявленія такого рода взимается 7 р. въ годъ, 4 р. въ полугодіи, или за пятикратное объявленіе о сдающихся помѣщеніяхъ—60 к., отъ лицъ, ищущихъ занятій—50 к., и отъ лицъ, ищущихъ мѣстъ прислуги—30 к. Газета для ознакомленія разсылается **бесплатно**.

Открыта подписка на 1903 г. (2-й годъ изданія) на ежедневную политическую и литературную газету

ВѢСТНИКЪ ЮГА

выходятъ въ Екатеринославѣ по программѣ большихъ столичныхъ газетъ.

Подписная цѣна:	Городск.	Иногородн.	За границу.
На годъ	7 р. — к.	9 р. — к.	14 р. — к.
На 1/2 года	4 " — "	4 " 50 "	7 " — "
На 3 мѣсяца	2 " — "	2 " 50 "	4 " — "
На 1 мѣсяцъ	— " 75 "	1 " — "	1 " 50 "

Для годовыхъ подписчиковъ допускается **разсрочна** платежа, по соглашенію съ конторой, отъ 1 руб. въ мѣсяцъ, до полной уплаты подписной суммы.

Годовые подписчики на 1903 годъ. внесшіе при подпискѣ всю подписную сумму, получаютъ газету со дня подписки до 1-го января БЕЗПЛАТНО.

Въ розничной продажѣ № стоитъ 3 к. Подписка принимается только съ 1-го каждого мѣсяца. Редакція и главная контора помѣщаются на *Екатерининскомъ проспектѣ, въ д. Немировскаго (противъ Городского сада).*

Подписка на 1903 годъ на журналъ

„ДѢЯТЕЛЬ“.

СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Программа журнала слѣдующая: 1) Правительственныя распоряженія. 2) Статьи литературнаго, экономическаго, гигиеническаго, педагогическаго и медицинскаго содержанія. 3) Повѣсти, рассказы, стихотворенія и другія статьи бытового, нравственнаго и историческаго содержанія. 4) Письма изъ провинціи. 5) Свѣдѣнія, полезныя въ жизни. 6) Изъ жизни и печати. 7) Свѣдѣнія о дѣятельности благотворительныхъ учреждений. 8) Борьба съ пьянствомъ въ Россіи и другихъ странахъ. 9) Свѣдѣнія о дѣятельности Общества трезвости въ Россіи и за границую. 10) Протоколы Казанскаго Общества трезвости. 11) Критика и библиографія. 12) Объявленія.

Подписная цѣна только за полный годъ 2 рубля.

Журналъ за 1897 годъ допущенъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни.

Выписывающіе за 1897, 1898, 1899, 1900 и 1901, 1902 годы платятъ 12 руб.

Адресъ редакціи: Казань, типографія университета.

Редакторъ-издатель А. Т. Соловьевъ.

Годъ XIX. Открыта подписка на 1903 годъ Годъ XIX.
на издающуюся въ городѣ Ставрополѣ-Кавказскомъ обще-
ственно-литературную и политическую газету

СЪВЕРНЫЙ КАВКАЗЪ,

выходящую три раза въ недѣлю—по вторникамъ, четвергамъ и суббота-
тамъ и посвященную выясненію нуждъ края, названіе котораго она
носить. Въ промежуточные дни—среду, пятницу и воскресенье выхо-
дятъ телеграммы.

Съ 1903 года газета будетъ выходить при новомъ составѣ со-
трудниковъ. Во всѣхъ городахъ, селахъ и станицахъ Съвернаго
Кавказа приглашены постоянные корреспонденты.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкой и пересылкой: на годъ 5 р. 50 к., на полгода 3 р., на 3 мѣ-
сяца 1 руб. 75 к., на 1 мѣс. 60 к. Безъ доставки и пересылки: на годъ
4 р. 50 к., на полгода 2 р. 50 к., на 3 мѣс. 1 р. 50 к., на мѣсяць 50 к. Для
учителей сельскихъ школъ—5 руб. въ годъ. Допускается разсрочка платежа
по соглашенію съ редакціей. Годовые подписчики на 1903 годъ, внесшіе при
подпискѣ всю подписную сумму, получаютъ газету со дня подписки бесплатно.

Адресъ: Ставрополь-Кавказскій, редакція „Съвернаго Кавказа. Телеф. № 36.
Пріемъ объявленій: въ Ставроп.-Кавк., въ редакціи „Съв. Кавк.“; въ Москвѣ
и Петербургѣ въ конторѣ Торг. Дома Л. и Э. Метцль и К^о.
За издателя наследники В. В. Бергъ. Редакторъ Д. И. Евсѣевъ.

Подписка на 1903 годъ.

Годъ XXI. РЕБУСЪ, Годъ XXI.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

„Человѣкъ—ближайшій и труднѣйшій изъ ребусовъ“.

Вступивъ въ двадцать первый годъ своего существованія, журналъ сохра-
нить прежнее направленіе, хорошо извѣстное нашимъ читателямъ. Для же-
лающихъ же ознакомиться съ нимъ мы скажемъ нѣсколько словъ о нашей двад-
цатилѣтней дѣятельности. Въ дни основанія нашего журнала не только русская,
но и иностранная пресса, исключая спеціальной, не говорила почти ни
слова о самой важнѣйшей области человѣческаго знанія: о психическихъ,
сверхчувственныхъ явленіяхъ. Мы отвели обширное мѣсто въ журналѣ обзору
фактовъ и наблюденій въ этой области. Въ беллетристическомъ отдѣлѣ помѣ-
щаются романы, повѣсти и рассказы, а подъ рубрикою смѣсь—извѣстія о на-
вѣйшихъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ, а также выдающіяся событія ежеднев-
ной жизни.

Цѣна на годъ 5 р., на полгода 3 руб. съ дост., а безъ дост. 4 руб. и
2 р. 50 к. Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р., 1-го апрѣля, 1-го іюля
и 1-го октября по 1 р. Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ
редакціи (книжн. маг. Мартынова, Александринская площадь, 5), въ книжн.
маг. Вольфа, „Новаго Времени“ и др. Черезъ почту деньги высылаются по
адресу: Царское Село (Петербургской губ.), въ редакцію журнала „Ребусъ“.

Можно получить журналъ 1886, 87, 88, 92, 93, 94, 95, 96, 97 гг. по 3 р.
за годъ, 1898—4 руб., 1899, 1900 и 1901 г. по 5 руб. Выписывающіе одно-
временно всѣ года высылаютъ только 35 р.

Въ 1901 году выпущенъ 1000-й №, въ которомъ кромѣ очерка движенія во-
проса о спиритизмѣ за 50 лѣтъ помѣщены 42 портрета дѣятелей по этому
вопросу съ ихъ біографіями. Номеръ выпущенъ и отдѣльною брошюрою, съ
прибавленіемъ описанія празднованія этого юбилея въ Петербургѣ и въ Мос-
квѣ. Цѣна брошюры 1 руб.

Редакторъ-издатель В. Прибытковъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1903 годъ

(XIV-й годъ изданія)

НА ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ

РУССКАЯ ШКОЛА.

Въ теченіе 1902 года въ „Русской Школѣ“ напечатаны были, между прочимъ, слѣдующіе статьи: 1) Школьные воспоминанія. (Изъ воспоминаній о начальной школѣ.) Камоса. 2) Изъ воспоминаній сельской учительницы. Е. С. 3) Изъ недавняго прошлаго нашихъ классическихъ гимназій. Ю. Галабутскаго. 4) Сорокъ лѣтъ просвѣтительной работы (дѣятельности Х. Д. Алчевской). Я. Абрамова. 5) Средняя школа въ Германіи. П. Мижуева. 6) Народный учитель въ Венгріи. М. Страховой. 7) Вопросы школьной санитаріи въ деревнѣ. А. Амстердамскаго. 8) Умственное утомленіе учащихся въ нормальномъ и патологическомъ состояніи. А. Виреніуса. 9) Обь организаціи психологическихъ наблюденій. А. Нечаева. 10) Вниманіе и интересъ. Кл. Тихомірова. 11) Вниманіе и интересъ при обученіи. А. Анастасіева. 12) Педагогическіе парадоксы. П. Зарембы; 13) Кто виноватъ? (Психопатологическій этюдъ.) П. Сибирскаго. 14) Къ реформѣ среднихъ школъ. М. Романовскаго. 15) Нуженъ ли намъ восьмой классъ? Я. Гуревича. 16) Нужны ли древніе языки въ духовныхъ семинаріяхъ? А. Кремлевскаго. 17) Наши коммерческія училища. Е. Гаршина. 18) Замѣтка по сельскохозяйственному образованію. И. Мещерскаго. 19) Обь основныхъ вопросахъ народнаго просвѣщенія. Проф. Ир. Снворцова. 20) Народная школа, какъ образовательно-воспитательное учрежденіе. П. Кантерева. 21) Къ вопросу о реформѣ городскихъ по Положенію 1872 года училищъ. П. Богомолова. 22) Городскія по Положенію 1872 года училища. Н. Запонилова. 23) Нѣсколько словъ о высшей школѣ уѣзда. Кл. Тихомірова. 24) О сѣздахъ учителей городскихъ по Положенію 1872 года училищъ. В. Пашина. 25) О классной системѣ преподаванія въ начальныхъ народныхъ школахъ. П. Голинова. 26) Обзоръ дѣятельности земствъ по народному образованію за 1901 годъ. И. Бѣлонскаго; 27) О курсовыхъ занятіяхъ съ народомъ. И. Цвѣткова. 28) Народное образованіе въ Тверской губерніи. И. Красноперова. 29) О наглядности и наглядныхъ пособіяхъ, необходимыхъ въ каждой пачальной школѣ. Н. Ахутина. 30) Обученіе чтенію. М. Тростникова. 31) Обученіе письму (чистописанію и правописанію). Его же. 32) Обученіе грамматикѣ. Его же. 33) Русскій и церковно-славянскій языки и ихъ преподаватели въ духовныхъ училищахъ. А. С. 34) Что нужно географамъ? Н. Арепьева.

Въ каждой книжкѣ „Русской Школы“, кромѣ отдѣла критики и библиографіи, печатаются: Хроника народнаго образованія въ Западной Европѣ, Е. Р. Хроника народнаго образованія въ Россіи и хроника народныхъ библиотекъ, Я. В. Абрамова. Хроника воскресныхъ школъ подъ редакціей Х. Д. Алчевской и М. Н. Салтыковой. Хроника профессиональнаго образованія В. В. Бирюковича и пр.

„Русская Школа“ выходитъ ежемѣсячно книжками, не менѣе пятнадцати печатныхъ листовъ каждая. Подписная цѣна: въ Петербургѣ безъ доставки семь руб. съ доставкою 7 руб. 50 коп.; для иногороднихъ съ пересылкою — 8 руб.; за границу — 9 руб. въ годъ. Сельскіе учителя, выписывающіе журналъ за свой счетъ, могутъ получать журналъ за шесть руб. въ годъ, съ разсрочкою уплатъ въ два срока. Города и земства, выписывающіе не менѣе 10 экз., пользуются уступкою въ 150/0.

Журналъ „Русская Школа“ допущенъ Ученымъ Комит. Мин. Нар. Просв. къ выпискѣ для фундаментальныхъ библиотекъ средне-учебныхъ заведеній, и въ учительскія библиотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Лиговская ул., 7).

Редакторъ-издатель Я. Г. Гуревичъ.

XIV г. Вышла апрѣльская книжка журнала XIV г.

„ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ“.

I. Оригинальныя и переводныя статьи. Наблюдательный и экспериментальный методы въ искусствѣ (продолженіе). Проф. Д. Овсянко-Куликовскаго. — Къ психологіи школьнаго класса. Г. Рокова. — Ф. Шиллеръ. А. Е. Грузинскаго. — Даровитыя питомцы народной школы. Е. Зялинцева. — Что сулитъ научный и техническій прогрессъ будущаго? Евгения Лозинскаго. — О положеніи начальнаго народнаго образованія въ Россіи. — Какъ американская учащая молодежь зарабатываетъ средства къ жизни. Л. С. — II. Критика и библиографія. Естествознаніе и географія въ дѣтскихъ журналахъ за 1902 годъ. — Эразмъ Роттердамскій, Похвала глупости, перев. съ предисл., введеніемъ и примѣчаніями П. Н. Арлашева. Ю. Айзенвалда. — Е. Булгакова, Изъ жизни средневѣковаго ремесленника. Н. Никольскаго. — Д. Кудрявскій, Какъ жили люди въ старину. Н. Н. — Н. П. Дружининъ, Какая нужна намъ средняя школа. Г. П. — Смѣлые мореплаватели, пов. Рэдларда Киплинга, перев. съ англійскаго А. Каррикъ. Л. С. — Животный міръ, его бытъ и среда, д-ра Гаака, вып. XI и XII. Его же. — Сердце бѣдныхъ, разск. Э. Демольера, перев. съ франц. С. Орловскаго. — Въ плѣну у черкесовъ, былъ Е. Новиковой и проч. — III. Рефераты и мелкія сообщенія. Законы природы и сознательныя дѣла въ дѣятельности человека. Л. С. — Всеобщее обученіе. — Объ упрощеніи школьныхъ программъ. Л. С. — Школа для ненормальныхъ дѣтей въ Брюсселѣ. — Общество юридической самозащиты учителей. П. Перова. — Вечера для игръ въ англійскихъ школахъ. — IV. Хроника. Школа, литература и жизнь. Первый съѣздъ учителей городскихъ, по положенію 1872 года, училищъ московскаго учебнаго округа. — V. Приложенія. Годичный отчетъ (съ 1 февраля 1902 г. по 1 февраля 1903 г.) отдѣленія по вопросамъ семейнаго воспитанія педагогическаго общества, состоящаго при Императорскомъ московскомъ университетѣ. — Извлечение изъ протоколовъ застѣданій отдѣленія преподавателей исторіи педагогическаго общества, состоящаго при Императорскомъ московскомъ университетѣ. — VI. Объявленія.

Продолжается подписка на 1903 г.

Кромѣ педагогическихъ статей, въ журналѣ помѣщаются научно-популярныя статьи по естествознанію, психологіи, философіи, филологіи, обществовѣдѣнію, исторіи, исторіи литературы, а также по вопросамъ искусства.

Журналъ допущенъ Ученымъ Комитетомъ Минист. Нар. Просв. для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

Журналъ выходитъ 9 разъ въ годъ (въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ журналъ не выходитъ); въ каждой книжкѣ журнала не менѣе 20 печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна: въ годъ безъ доставки 5 р., съ доставкой и пересылкой 6 р., въ полгода 3 р.; съ пересылкой за границу 7 р. 50 к.; для студентовъ и недостаточныхъ людей цѣна уменьшается на 1 р.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи (Москва, Арбатъ, Старо-Конюшенный пер., д. Михайлова) и во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ обѣихъ столицъ. Гг. иногороднихъ просятъ обращаться прямо въ редакцію.

Редакторъ-издатель д-ръ Н. Ф. Михайловъ.

АГБЮРЪ.

Иллюстрированный, на армянскомъ языкѣ, журналъ АГБЮРЪ для дѣтей, родителей и наставниковъ, вступающій въ XXI годъ своего существованія, будетъ издаваться въ 1903 г. по той же программѣ, какъ и въ прошедшія XX лѣтъ. АГБЮРЪ—единственное периодическое изданіе на Кавказѣ, которое, вступающій въ XXI годъ своего возраста, никогда не мѣняло своего теченія. Задача журнала¹—АГБЮРЪ—правильное воспитаніе и обученіе подрастающаго поколѣнія, любовь къ природѣ, наукѣ и къ ближнему. Богатая программа журнала АГБЮРЪ даетъ полную возможность редакціи широко и многосторонне обхватывать вопросы, интересующіе подрастающее поколѣніе и ихъ родителей—наставниковъ. Годовая плата журнала АГБЮРЪ 3 р., за границу 5 р. Премію (изъ развалинъ **Ани**)—роскошную фотогравюру 70×50 с. величины, получаютъ лишь тѣ изъ подписчиковъ АГБЮРА, которые одновременно записутся и на художественный еженедѣльный нашъ журналъ ТАРАЗЪ.

Адресъ: Тифлисъ, редакция журнала АГБЮРЪ. *Tiflis—Caucase, Rédaction de la revue AGBUR.*

Редакторъ-издатель Т. Я. Назарьянъ.

ТАРАЗЪ.

Художественно-литературно-научно-критическій еженедѣльный иллюстрированный журналъ ТАРАЗЪ въ 1903 г. будетъ выходить по той же разнообразной и широкой программѣ, какъ и въ прошедшія XIII лѣтъ. Цѣль, направленіе и стремленіе ТАРАЗА—распространеніе среди армянъ правильныхъ взглядовъ на красивое, доброе и полезное. Литература, наука, искусство, воспитаніе, критика составляютъ основу журнала ТАРАЗЪ. Второстепенные газетные отдѣлы ТАРАЗА—корреспонденціи, новости, интересныя свѣдѣнія, путешествія, биографіи, смѣсь и пр. дѣлаютъ журналъ ТАРАЗЪ необходимымъ органомъ печати для всѣхъ слоевъ общества, а отдѣлы развлеченій, домашняго хозяйства, моды, музыки и т. д., популярнымъ изданіемъ во всѣхъ семействахъ. Годовая плата ТАРАЗА съ пересылкою и доставкой 6 р., за границу 10 руб. Отдѣльный № 20 к. Подписчикъ ТАРАЗА, который выпишетъ и ежемѣсячный журналъ АГБЮРЪ, доплативъ 1 р., получитъ роскошную премію изъ видовъ развалинъ АНИ—БИБЛИОТЕКА, изящную фотогравюру 70×50 с. величины.

Адресъ: Тифлисъ, редакция журнала ТАРАЗЪ. — *Tiflis, Caucase, Rédaction de la revue TARAZ.*

Редакторъ-издатель Т. Я. Назарьянъ.

Открыта подписка на 1903 годъ

НА ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНУЮ И ПОЛИТИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ

БАКУ,

съ обширнымъ нефтянымъ отдѣломъ.

Съ пересылкой: на годъ—8 р. 50 к., 11 м.—7 р. 50 к., 10 м.—7 р., 9 м.—6 р. 50 к., 8 м.—6 р., 7 м.—5 р. 50 к., 5 м.—4 р. 50 к., 4 м.—4 р., 3 м.—3 р., 2 м.—2 р. 50 к., 1 м.—1 р. 50 к. За границу: на годъ 15 р., на $\frac{1}{2}$ г. 8 р.

Подписываться можно на всѣ сроки, но не иначе какъ съ перваго числа каждаго мѣсяца. За перемѣну адреса просить выслать 5 семикопеечныхъ марокъ. Допускается разсрочка подписныхъ денегъ на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ вносится не менѣе 4 р. 50 к., а затѣмъ 15 февраля и 15 марта по 2 руб. Допускается разсрочка и на болѣе льготныхъ условіяхъ, но по соглашенію съ конторой редакціи. Годовые подписчики на 1903 годъ въ 1902 г. получаютъ газету безплатно со дня подписки. Подписка принимается въ г. Баку, въ конторѣ редакціи (Парапетъ, домъ Степановой).

Редакторъ-издатель А. Н. Лавровъ.

Въ текущемъ году въ Москвѣ издается

популярно-научный иллюстрированный журналъ

НАУЧНОЕ СЛОВО

по слѣдующей программѣ: I. Отдѣлъ естествознанія (статьи по вопросамъ астрономіи, физики, химіи, метеорологіи, геологіи, физиологіи, ботаники, зоологіи, антропологіи, этнографіи и географіи). II. Отдѣлъ историческій (статьи по вопросамъ исторіи русской и всеобщей, исторіи литературы и искусства, а также критическіе обзоры произведеній искусства и литературы). III. Отдѣлъ общественно-юридическій (статьи по вопросамъ социологіи, политической экономіи, статистики, философіи права и юриспруденціи). IV. Отдѣлъ философскій (статьи по вопросамъ философіи, психологіи, логики и педагогики). V. Научная хроника по всемъ отдѣламъ. VI. Извлеченія изъ протоколовъ научныхъ обществъ, состоящихъ при Московскомъ университетѣ. VII. Библиографія. VIII. Объявленія.

Въ текстѣ журнала будутъ помѣщаться чертежи, карты, рисунки, портреты и снимки съ различныхъ произведеній искусства.

Предполагаются статьи слѣдующихъ авторовъ: проф. Д. Н. Анучина, А. П. Басисова, прив.-доц. М. М. Богословскаго, проф. В. П. Вернадскаго, проф. А. Н. Веселовскаго, Д. В. Викторова, проф. П. Г. Виноградова, проф. Р. Ю. Вишера, проф. В. И. Герье, прив.-доц. М. И. Голенкина, проф. Д. А. Гольдгаммера, Ю. В. Готье, проф. И. М. Гревса, проф. В. Е. Дена, проф. Н. Д. Зелинскаго, прив.-доц. Н. П. Кастерина, прив.-доц. А. А. Кизеветтера, проф. А. И. Кирпичникова, проф. В. О. Ключевскаго, проф. Н. П. Кондакова, проф. Э. Е. Лейста, проф. Л. М. Лопатина, проф. М. Кн. Любавскаго, проф. А. А. Мануилова, проф. М. А. Мензбира, проф. В. А. Михельсона, С. П. Моравскаго, В. М. Нечаева, проф. П. И. Новгородцева, проф. А. П. Павлова, проф. Д. М. Петрушевскаго, М. Н. Покровскаго, прив.-доц. Г. К. Рахманова, прив.-доц. Н. А. Рожкова, прив.-доц. Н. И. Романова, А. Н. Савина, прив.-доц. Н. Н. Сакулина, прив.-доц. А. Ф. Самойлова, В. Д. Соколова, проф. Н. И. Стороженко, проф. П. М. Стѣнова, проф. К. А. Тимарязева, проф. кн. С. Н. Трубенко, проф. Н. А. Умова, прив.-доц. С. Ф. Фортунатова, прив.-доц. П. Д. Хрушова, проф. В. К. Цераскаго, проф. В. Я. Цингера, прив.-доц. А. В. Цингера, М. Н. Шатерникова, прив.-доц. П. К. Штернберга. Изъявили согласіе на участіе также многіе другіе профессора и приватъ-доценты Московскаго университета.

Журналъ будетъ выходить ежемѣсячно, за исключеніемъ іюня и іюля, книгами въ размѣрѣ отъ 7 до 10 печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна за десять книгъ:

безъ доставки въ Москвѣ на годъ 5 руб. 50 коп., на полгода 2 руб. 75 коп., съ доставкой и пересылкой во все города Россіи на годъ 6 руб., на полгода 3 руб.; за границу 8 руб. Для учащихся годовая цѣна уменьшается на 1 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ Москвѣ въ конторѣ редакціи (Воздвиженна, Ваганьковскій пер., д. Куманина) и въ конторѣ Н. Печковской (Петровскія линіи). Гг. иногороднихъ просятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи.

Издатель прив.-доц. Г. К. Рахмановъ.

Редакторъ проф. Н. А. Умовъ.

Открыта подписка на 1903 годъ

на большую ежедневную литературно-политическую и общественную газету

КІЕВСКАЯ ГАЗЕТА.

Адресъ редакціи: Кіевъ, Б.-Владимірская ул., № 34. Телефонъ редакціи: № 1276.
Адресъ главной конторы: Кіевъ, Б.-Владимірская ул., № 34. Телефонъ главной конторы: № 1276.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на 1903 годъ:

На годъ—7 р., 11 мѣс.—6 р. 80 к., 10 мѣс.—6 р. 60 к., 9 мѣс.—6 руб., 8 мѣс.—5 р. 40 к., 7 мѣс.—4 р. 70 к., 6 мѣс.—4 р., 5 мѣс.—3 руб. 40 к., 4 мѣс.—2 р. 70 к., 3 мѣс.—2 р., 2 мѣс.—1 р. 40 к., 1 мѣс.—75 к.

Подписка на 1903 годъ и объявленія принимаются: 1) въ главной конторѣ и 2) въ книжныхъ магазинахъ и кіоскахъ. Заграничные подписчики къ подписной цѣнѣ приплачиваютъ за каждый мѣсяцъ по 60 коп. За перемѣну адреса 40 коп., при чемъ необходимо сообщать заблаговременно прежній и новый адреса. О каждой перемѣнѣ адреса просятъ сообщать отдѣльно. Подписываться можно на всѣ сроки не иначе какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца и не далѣе какъ до конца года.

Плата за объявленія: впереди текста первый разъ по 40 коп. со строки, а послѣдующіе по 20 коп.; позади текста первый разъ по 20 коп. со строки, а послѣдующіе по 10 коп. съ печатной строки. Иногороднихъ просятъ адресоваться въ главную контору „Кіевской Газеты“, Б.-Владимірская ул., № 34.

Издатели: { С. Я. Богдановъ.
А. Ф. Френкель.

Редакторъ А. Ф. Френкель.

Открыта подписка на 1903 годъ

на ежедневную политическую, экономическую и литературную газету

Южное Обозрѣніе,

(седьмой годъ изданія)

выходящую въ г. Одессѣ въ форматѣ большихъ столичныхъ газетъ.

Составъ постоянныхъ сотрудниковъ прежній.

По воскресеньямъ газета выходитъ въ увеличенномъ объемѣ: прилагается иллюстрированный полулистъ, съ оригинальными и переводными рисунками. Юмористическими рисунками, статьями популярно-научнаго содержания. Въ дни выдающихся событій будутъ выпускаемы отдѣльныя вечернія телеграммы.

Подписная цѣна на газету „Южное Обозрѣніе“:

Въ Одессѣ съ доставкой на годъ—6 руб., 6 мѣс.—3 руб. 50 коп., 3 мѣс.—1 руб. 80 коп., 1 мѣс.—60 коп. На города (съ пересылкой) на годъ—8 руб., 6 мѣс.—4 руб., 3 мѣс.—2 руб., 1 мѣс.—70 коп.

При годовой подпискѣ допускается разсрочка платежа.

Подписка принимается въ Одессѣ въ главной конторѣ газеты «Южное Обозрѣніе». Типографія «Исаковичъ и Бейленсонъ», Гаванная, № 10. Телефонъ конторы 6/41. Телефонъ редакціи 15/12.

Редакторъ Н. П. Цакни.

Издатель Г. М. Бейленсонъ.

НАУЧНО-СПЕЦИАЛЬНЫЙ И БЫТОВОЙ ЖУРНАЛЪ

Годъ IV **ВѢСТНИКЪ** 3 руб.

ГОМЕОПАТИЧЕСКОЙ МЕДИЦИНЫ,

изд. Одесскаго Ганемановскаго Общества подъ редакціей д-ра медиц.
И. М. Луценко.

Журналъ имѣетъ задачею разработку вопросовъ, касающихся теоріи и практики гомеопатическаго лѣченія и общественно-бытовой стороны гомеопатіи въ Россіи и за границей.

ЖУРНАЛЪ ВЫХОДИТЪ ЕЖЕМЪСЯЧНО

книжками отъ 2-хъ до 3-хъ печатныхъ листовъ.

Цѣна ТРИ руб. въ г. съ пересылкой, на полгода 1 руб. 50 коп.

Подписка принимается въ редакціи: Одесса, Херсонская, 48.

Съ 1903 года начинается изданіемъ въ С.-Петербургѣ

НОВЫЙ ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

НОВЫЙ ПУТЬ.

ЗАДАЧА ЖУРНАЛА: Дать возможность выразиться, въ какой бы то ни было литературной формѣ—въ повѣствованіи, въ стихахъ въ философскомъ разсужденіи, въ научной статьѣ, или въ бѣглой замѣткѣ, — тѣмъ новымъ теченіямъ, которыя возникли въ нашемъ обществѣ, съ пробужденіемъ религіозно-философской мысли. Прѣжнее утилитарно-позитивное міросозерпаніе, не включавшее въ себя ни искусства, ни философіи, ни даже науки, во всей возможной ихъ сложности, уже безсилно отвѣтитъ на запросы современнаго сознанія и на нашихъ глазахъ смѣняется иными исканіями. Идти навстрѣчу духовной работѣ общества, вызываемой этимъ знаменательнымъ переломомъ, — такова дѣль новаго журнала. Журналъ держится принципа полной терпимости ко всякому серьезному убѣжденію.

Между прочимъ, къ помѣщенію въ журналъ предполагаются записки петербургскихъ Религіозно-Философскихъ Собраній, начавшихся съ осени 1901 года и привлекшихъ живое вниманіе общества.

Разрѣшенная программа журнала: 1) Беллетристика — оригинальная и переводная (романы, повѣсти, разсказы, драматическія произведенія, путевые очерки, стихотворенія и проч.). 2) Критика, публицистика и библиографія. 3) Статьи по вопросамъ религіозно-философскимъ и этическимъ. 4) Научный отдѣлъ. 5) Статьи по вопросамъ исторіи и культуры. 6) Обзоръ отечественной и иностранной жизни. 7) Художественная хроника. Театръ и музыка. Отчеты о выставкахъ. 8) Отчеты о дѣятельности общества: научныхъ, философскихъ, художественныхъ и друг. 9) Судебный отдѣлъ. 10) Общій отдѣлъ (корреспонденціи, письма, разныя извѣстія, мелкія литературныя замѣтки). 11) Портреты, иллюстраціи, планы и чертежи. 12) Объявленія.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, около 15 числа cadaго мѣсяца, книжками до 20 печатныхъ листовъ, въ форматѣ заграничныхъ ежемѣсячниковъ.

Редакція и контора: С.-Петербургъ, Невскій, 88. ♦ Цѣна: на годъ 7 р. съ доставкой и пересылкой; безъ дост. 6 р. 50 к. По полугодіямъ: первое 4 р., второе 3 р. За границу 10 р. Отдѣльныя книжки не продаются.

Редакторъ-издатель П. Перцовъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ИЗВѢСТІЯ Московского Сельскохозяйственного Института.

1903 г.

ГОДЪ IX.

1903 г.

Извѣстія выходятъ четырьмя книгами въ годъ, составляющими не менѣе 35 листовъ текста in 8°.

Программа ИЗВѢСТІЙ:

Официальный отдѣлъ. I. Правительственныя распоряженія, касающіяся М. С. Х. Института. II. Постановленія Совѣта Института и относящіяся къ нимъ приложения: а) программы и планы лекцій и практическихъ занятій въ Институтѣ; б) отчеты объ экскурсіяхъ, ежегодно совершаемыхъ студентами Института подъ руководствомъ профессоровъ, преподавателей и пр.; в) работы комиссій, назначаемыхъ Совѣтомъ Института для разслѣдованія различныхъ вопросовъ и г) отчеты о командировкахъ членовъ Совѣта и другихъ лицъ, служащихъ въ Институтѣ. III. Нѣкоторые изъ журналовъ засѣданій сельскохозяйственнаго комитета, состоящаго при Институтѣ, а именно тѣ, которые имѣютъ особенное значеніе для учебной и ученой дѣятельности Института. IV. Годичный отчетъ о состояніи Института. V. Каталоги и описанія библіотеки, разнообразныхъ коллекцій и учебныхъ пособій, находящихся при Институтѣ.

Неофициальный отдѣлъ. I. Труды профессоровъ, преподавателей, ассистентовъ, студентовъ Института и постороннихъ лицъ, а именно: а) естественно-историческіе и б) статистико-экономическіе (преимущественно касающіеся изученія русскаго народнаго хозяйства). Сюда входятъ какъ отдѣльныя самостоятельныя изслѣдованія, такъ и совмѣстныя работы, исполненныя въ лабораторіяхъ, кабинетахъ, на опытномъ полѣ, или на предполагаемой опытной стаціи, пасѣкѣ, въ лѣсной дачѣ, огородѣ, питомникѣ и пр. II. Критическія и библіографическія статьи о выдающихся произведеніяхъ народнохозяйственной и естественноисторической литературы. III. Метеорологическія наблюденія, произведенныя на обсерваторіи Института.

Подписка принимается въ канцеляріи Московскаго Сельскохозяйственнаго Института и въ книжныхъ магазинахъ Карбасникова (Москва, Варшава, Вильна, С.-Петербургъ) и „Трудъ“ (Москва, Тверская).

Подписная цѣна на годъ за четыре книги 5 р.; для студентовъ высшихъ учебныхъ заведеній 2 р. 50 к.; цѣна отдѣльной книги 1 р. 50 к.; отдѣльныя отписки статей естественноисторическихъ и статистикоэкономическихъ высылаются названными книжными магазинами наложеннымъ платежомъ по расчету 20 коп. за листъ.

Редакторы: С. И. Ростовцевъ и Д. Н. Прянишниковъ.

Открыта подписка на 1903 годъ.

ВѢСТНИКЪ СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА.

Еженедѣльное изданіе Императорскаго Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства по всѣмъ вопросамъ сельскаго хозяйства, земской, агрономической дѣятельности и мелкаго кредита.

Редакція: Москва, Смоленскій бульваръ, д. 55.

Подписная цѣна: въ годъ 5 р., $\frac{1}{2}$ года 2 р. 50 к., 3 мѣс. 1 р. 25 к. Плата за объявленія: за стр. 30 р., за $\frac{1}{2}$ стр. 15 р., за $\frac{1}{4}$ стр. 7 р. 50 к., за строку петита 15 к. Годовые экз. „Вѣстника“ за 1900 г. (полный) и 1901 г. (безъ №№ 1 и 2) можно получить за 2 рубля съ пересылкой.

Редакторъ проф. Д. Н. Прянишниковъ.

Открыта подписка на 1903 годъ

на медицинскую газету въ Сибири

Сибирскія Врачебныя Вѣдомости.

Газета будетъ издаваться въ г. Красноярскѣ, Енисейской губерніи, и выходитъ 2 раза въ мѣсяць (1 и 15 числа) въ размѣрѣ отъ 1 до 2-хъ печатныхъ листовъ, по слѣдующей программѣ:

1. Правительственныя распоряженія по врачебной части вообще и относительно Сибири особенно. 2. Статьи по общественной и частной гигиенѣ, анатоміи, физиологіи, патологіи и терапіи, хирургіи, акушерству и друг. частямъ врачебной науки. 3. Медицинская статистика. 4. Аптечное дѣло. 5. Статьи по врачебной казуистикѣ. 6. Отчеты больницъ. Сельская медицина. 7. Статьи по различнымъ отраслямъ естествознанія, имѣющимъ близкое отношеніе къ медицинѣ; медико- и этнографическія описанія Сибири. 8. Врачебно-бытовые вопросы. 9. Народная медицина; врачебныя замѣтки. 10. Отчеты о засѣданіяхъ ученыхъ обществъ. 11. Переводныя статьи и рефераты по медицинѣ изъ повременныхъ и иностранныхъ изданій. 12. Протоколы медицинскихъ больничныхъ совѣщаній. 13. Корреспонденціи; врачебная хроника. 14. Смѣсь; отвѣты редакціи (въ предѣлахъ программы). 15. Объявленія.

Срокъ выхода отъ 1-го до 4-хъ разъ въ мѣсяць. 1-й № выйдетъ 1-го декабря 1902 года.

Подписная цѣна за годъ съ доставкою и пересылкой 5 руб.

Подписка принимается въ г. Красноярскѣ, Енисейской губ. Адресъ редакціи: г. Красноярскъ, Енисейской губерніи, Гостинская ул., д. В. М. Крутовскаго.

Редакторъ-издатель А. Смирновъ.

Продолжается подписка на

ВѢСТНИКЪ ПРАВА.

ЖУРНАЛЬ ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА,

издаваемый подъ редакціей Г. Б. Сліозберга.

Въ приложеніи будетъ помѣщенъ переводъ курса вексельнаго права профессора Грюнгута.

Новые подписчики получаютъ книгу профессора I. Колера „Введеніе въ науку права“ (Краткій курсъ правовѣдѣнія), переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей сенатора С. Ф. Платонова, напечатанную въ приложеніи за 1902 г. Иногородніе благоволятъ прилагать за пересылку 14 копѣекъ.

Подписная цѣна: въ С.-Петербургѣ 8 руб. 50 коп., а въ другихъ городахъ 9 руб.

Желающіе получить журналъ съ приложеніемъ официальнаго изданія сборника рѣшеній Сенаата доплачиваютъ 4 руб.

Подписка принимается въ конторѣ журнала: С.-Петербургъ, Верейская, домъ 12 и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ имперіи.

Открыта подписка на 1903 годъ на
Казанскій Медицинскій Журналъ
 (Третій годъ изданія.)

Органъ Общества врачей при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ, издаваемый подъ редакціей предсѣдателя Общества профессора Л. О. Даркшевича.

Журналъ посвящается русскимъ работамъ по всемъ отраслямъ теоретической и практической медицины.

Программа журнала: I. Оригинальныя статьи. II. Рефераты текущей литературы. III. Годовые обзоры литературы по специальностямъ. IV. Отчеты о засѣданіяхъ ученыхъ обществъ, съѣздовъ и докторскихъ диспутахъ въ Казанскомъ университетѣ. V. Отчеты больничныхъ учреждений. VI. Корреспонденція. VII. Рецензіи. VIII. Библиографія. IX. Письма въ редакцію. X. Некрологъ. XI. Хроника и мелкія извѣстія. Срокъ выхода: ежемѣсячно, исключая іюня и іюля (двойныя книжки въ маѣ и августѣ).

Подписная цѣна для не членовъ Общества 5 руб. въ годъ.

Подписка принимается въ библиотекѣ Общества (Казань, университетъ) и въ книжномъ магазинѣ бр. Башмаковыхъ (Казань, Пассаажъ). Объявленія принимаются въ книжномъ магазинѣ братьевъ Башмаковыхъ.

Рукописи для помѣщенія въ журналъ направляются по адресу: Казань, университетъ. Общество врачей, въ редакцію „Казанскаго Медицинскаго Журнала“.

Открыта подписка на 1903 годъ на
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВѢСТНИКЪ.
 (Третій годъ изданія.)

Изданіе Русскаго Библиологическаго Общества.

Журналъ выходитъ безъ предварительной цензуры 8 разъ въ годъ.

Въ журналъ печатаются: научныя статьи и матеріалы, хроника ученой и литературной жизни, обзоры иностранной литературы о Россіи, отзывы и обзоры книгъ и статей преимущественно въ области исторіи русской литературы и русской исторіи; извѣстія, замѣтки и сообщенія по тѣмъ же вопросамъ, указатели и библиографическія работы, отчеты о дѣятельности Русскаго Библиологическаго Общества, объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: за годъ съ дост. и перес. въ Россіи 5 р., за границу 6 р.; за полгода въ Россіи 3 р., за границу 3 р. 50 к.

Цѣна за отдѣльную книжку 1 руб. (выписывающія отдѣльныя книжки изъ редакціи за пересылку не прибавляютъ).

Ученымъ комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія „Литературный Вѣстникъ“ за 1901 годъ одобренъ для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

О всѣхъ новыхъ книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются извѣщенія или помѣщаются рецензіи.

Подписка принимается: 1) для городскихъ подписчиковъ въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времена“, 2) для иногороднихъ въ редакціи „Литературнаго Вѣстника“, С.-Петербургъ, Подольская ул., д. 11, кв. 12, 3) въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи.

Редакторъ А. І. Лященко.

Открыта подписка на 1903 годъ на газету **БАКИНСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.**

Въ „Бак. Изв.“ примутъ участіе между прочимъ слѣдующія лица: К. И. Арабажинъ, В. В. Барятинскій, П. А. Берлинъ, Л. К. Бухъ, Ю. А. Веселовскій, В. А. Гольцевъ, С. О. Гулишамбаровъ, В. Е. Ермаковъ, З. Н. Журавская, А. С. Изгоевъ, М. В. Кечеджи-Шапаловъ, А. Н. Котельниковъ, Е. Д. Кускова, М. К. Лемке, Д. А. Линева (Далинъ), Е. С. Некрасова, А. И. Новиковъ, С. Н. Прокоповичъ, С. Д. Протопоповъ, Д. Д. Семеновъ, С. С. Семеновъ, В. О. Тотоміанецъ, М. М. Филипповъ, М. И. Фридманъ, А. Ю. Финя, Г. И. Шрейдеръ и др.

Подписная цѣна на годъ съ дост. 7 р., съ перес. иногороднимъ 8 р. 50 к.

Открыта подписка на 1903 годъ на новую ежедневную безцензурную газету **С Л О В О.**

Въ программу изданія входятъ всѣ обычные отдѣлы большихъ политическихъ, общественныхъ и литературныхъ газетъ. Редакція СЛОВА имѣетъ цѣлью идти на встрѣчу назрѣвшей въ обществѣ потребности въ серьезномъ и вмѣстѣ живомъ, отзывчивомъ на текушіе вопросы, ежедневномъ органѣ опредѣленнаго и устойчиваго прогрессивнаго направленія, равно чуждаго какъ узкой партійности, такъ и безоглядочаго служенія разнообразнымъ теченіямъ и вѣяніямъ, проникающимъ съ разныхъ сторонъ въ нашу общественную жизнь. Оставаясь на строго идейной почвѣ, воздерживаясь отъ личной полемики во всѣхъ ея видахъ, редакція желала бы по мѣрѣ силъ и возможности и въ предѣлахъ, доступныхъ вѣдѣнію печатнаго слова, содѣйствовать, на ряду съ другими изданіями серьезнаго характера, проведенію въ общественную жизнь началъ правды и добра, будить въ обществѣ добрыя христіански-гуманнныя чувства, энергію на служеніе общему дѣлу и сознаніе гражданскаго долга. Бережно относясь къ правамъ и интересамъ разнообразныхъ сословныхъ и общественныхъ группъ, соединенныхъ въ одно цѣлое въ великомъ русскомъ народѣ, и чуждаясь теоретическаго доктринерства во всѣхъ его формахъ, редакція, СЛОВА охотно дастъ въ газетѣ мѣсто честнымъ независимымъ голосамъ людей практики и опыта, сторонниковъ свѣта и гласности, убѣжденныхъ носителей живыхъ положительныхъ идеаловъ, къ какой бы общественной группѣ они не принадлежали. Особенное вниманіе обращено будетъ на дѣла и нужды провинціи, силами которой питаются наши центры, умственный и моральный ростъ которой составляетъ такое замѣтное явленіе въ наши дни.

Въ газетѣ принимаютъ участіе между прочимъ слѣдующія лица: М. Н. Алябовъ, К. С. Баранцевичъ, В. В. Бирюковичъ, А. М. Бобринцевъ-Пушкинъ, проф. А. И. Введенскій, акад. А. Н. Веселовскій, А. В. Кругловъ, А. Н. Карножицкій, Я. Н. Колубовскій, проф. В. А. Лебедевъ, И. С. Морозовъ, проф. В. И. Модестовъ, В. И. Москалева, проф. Л. А. Сакетти, В. В. Ставовъ, М. М. Филипповъ, А. Н. Шабанова, О. А. Шапиръ, проф. В. Г. Яроцкій.

Заграничные корреспонденты имѣются въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Римѣ, Парижѣ, Лондонѣ, Софіи и Бѣградѣ.

Условія подписки: на годъ съ доставкой и пересылкой—10 руб., на полгода—5 руб., на 3 мѣсяца—2 руб. 50 коп., на 1 мѣсяцъ—1 руб. 10 коп.

Адресъ редакціи: *С.-Петербургъ, Лафонская ул., д. 1.* Ред.-изд. В. И. Скворцову.

Черезъ редакцію можно выписывать слѣд. книги, составленныя И. В. Скворцовымъ: „Статьи и изслѣдованія“ по вопросамъ политики, обществ. жизни и литературы (1879—1892), ч. I, цѣна 1 руб., ч. II (1892—1900) готовится къ печати. „Въ области практической философіи“, ч. 60 к. „Русская исторія“, т. I (до Іоанна III), ч. 1 р. „Обзоръ исторіи крестьянъ на Руси“, ч. 40 к.

Редакторъ-издатель И. В. Скворцовъ.